

Ural-Altaiic Studies

Scientific Journal

№ 1 (2) 2010

Established in 2009
Published twice a year

Editor-in-Chief
A. V. Dybo
Institute of Linguistics
of the Russian Academy of Sciences

Deputy Editor-in-Chief
Yu. V. Normanskaja

Executive Editors
I. A. Gruntov, V. Yu. Gusev

Editorial Board
G. F. Blagova, P. P. Dambueva, A. I. Kuznecova, O. A. Mudrak, S. A. Myznikov, I. Nikolaeva (Great Britain), F. Sh. Nurieva,
G. C. Pyurbeev, M. Robbeets (Belgium / Germany), I. Ya. Selyutina, R. A. Tadinova, Z. N. Ekba

Advisory Board
V. M. Alpatov, A. E. Anikin, R. G. Ahmet'yanov, M. Bakró-Nagy (Hungary), V. Blažek (Czech Republic), N. I. Egorov,
M. Erdal (Germany), T. M. Garipov, F. G. Hisamitdinova, L. Honti (Hungary), I. V. Kormushin, I. L. Kyzlasov, J. Laakso (Austria),
K. M. Musaev, D. M. Nasilov, I. A. Nevskaya (Germany), T. Riese (Austria), K. Schönig (Germany), N. N. Shirobokova,
E. K. Skribnik (Germany), P. A. Slepcev, M. Stachowski (Poland)

Moscow

© Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, 2010

Урало-алтайские исследования

научный журнал

№ 1 (2) 2010

Основан в 2009 г.
Выходит два раза в год

Главный редактор

А. В. Дыбо

Институт языкознания РАН

Заместитель главного редактора

Ю. В. Норманская

Ответственные секретари

И. А. Грунтов, В. Ю. Гусев

Редакционная коллегия

Г. Ф. Благова, П. П. Дамбуева, А. И. Кузнецова, О. А. Мудрак, С. А. Мызников, И. Николаева (Великобритания),
Ф. Ш. Нуриева, Г. Ц. Пюрбеев, М. Роббеетс (Бельгия / Германия), И. Я. Селютина, Р. А. Тадинова, З. Н. Экба

Редакционный совет

В. М. Алпатов, А. Е. Аникин, Р. Г. Ахметьянов, М. Бакро-Надь (Венгрия), В. Блажек (Чехия), Т. М. Гарипов, Н. И. Егоров,
И. В. Кормушин, И. Л. Кызласов, Й. Лааксо (Австрия), К. М. Мусаев, Д. М. Насилов, И. А. Невская (Германия),
Т. Ризе (Австрия), Е. К. Скрибник (Германия), П. А. Слепцов, М. Стаховски (Польша), Ф. Г. Хисамитдинова,
Л. Хонти (Венгрия), К. Шониг (Германия), Н. Н. Широбокова, М. Эрдал (Германия)

Москва

© Институт языкознания Российской академии наук, 2010

CONTENTS

No 1 (2) 2010

N.V. Kondratyeva. Expressing spatial relations in Modern Udmurt	5
E.P. Matochkin, L.N. Tybykova, I.A. Nevskaya, M. Erdal. Petroglyphs and runic inscriptions on the stones from Kezek-Yelan	17
E.M. Napolnova. Spatial directionality in the worldview of the Turkey-Turks	23
V.I. Rassadin. Nomad cattle-breeding vocabulary in Mongolian languages in the light of Turko-Mongolian linguistic relationship	32
L. Hofirková. Saami loanwords in Finnish language	39

DISCUSSIONS

S.V. Onina. Lexico-semantic groups of reindeer-naming words (on the base of the material of Syn variant of Shuryshkar dialect of Khanty Language)	67
Yu.V. Normanskaja. Origin of reindeer breeding among Khanty: comments on the article by S.V. Onina «Lexico-semantic groups of reindeer-naming words»	79
L.M. Ivshin. J.E. Fischer's materials on Udmurt language: linguistic description	86
Yu.V. Normanskaja (with cooperation of A.V. Dybo). The place of stress and dialectological features of the Udmurt materials collected by G.F. Miller and J.E. Fisher in XVIII century: comments on the article by L.M. Ivshin «J.E. Fischer's materials on Udmurt language: linguistic description»	95

ARCHIVAL PUBLICATION

A.V. Dybo. About an article by E.D. Polivanov	105
E.D. Polivanov. Turko-Mongol correspondence <i>a: // i</i>	107

REVIEWS

O.E. Dobzhanskaya. Rev. of: Jarkko Niemi, Anastasia Lapsui. Network of songs. Individual songs of the Ob Gulf Nenets: Music and local history as sung by Maria Maksimovna Lapsui.	110
B. Kempf. Rev. of: (ed.) Tumurtogoo, D. with the collaboration of Cecegdari G.. Mongolian monuments in Uighur-Mongolian script (XIII–XIV centuries). Introduction, transcription and bibliography	113
G.Ts. Pyurbeev. A big achievement of Mongolian lexicography. Rev. of: The Academic dictionary of the Mongolian language	115

PERSONALIA

Grigoriy Tserenovich Pyurbeev's 70th anniversary	119
<u>Grigorij Ivanovich Ermushkin</u>	121
<u>Samuel Martin</u>	122
Style sheet	125
How to subscribe	128

СОДЕРЖАНИЕ

Номер 1 (2) 2010

Н.В. Кондратьева. Выражение пространственных отношений в современном удмуртском языке	5
Е.П. Маточкин, Л.Н. Тыбыкова, И.А. Невская, М. Эрдал. Петроглифы и рунические надписи на плитах из Кезек-Елани	17
Е.М. Напольнова. Пространственная направленность в турецкой языковой картине мира	23
В.И. Рассадин. Комплекс лексикиномадного скотоводства монгольских языков в свете тюркско-монгольских языковых связей	32
Л. Гофиркова. Саамские заимствования в финском языке	39

ДИСКУССИИ

С.В. Онина. Лексико-семантические группы названий оленя (на материале сынского говора шурышкарского диалекта хантыйского языка)	67
Ю.В. Норманская. Происхождение оленеводства у хантов: комментарии к статье С.В.Ониной «Лексико-семантические группы названий оленя»	79
Л.М. Ившин. Материалы И.Э. Фишера по удмуртскому языку: лингвистическая характеристика	86
Ю.В. Норманская (при участии А.В. Дыбо). Место ударения и диалектные особенности в удмуртских материалах, собранных в XVIII в. Г.Ф. Миллером и И.Э. Фишером: комментарии к статье Л.М. Ившина «Материалы И.Э. Фишера по удмуртскому языку: лингвистическая характеристика»	95

АРХИВНАЯ ПУБЛИКАЦИЯ

А.В. Дыбо. О статье Е.Д.Поливанова	105
Е.Д. Поливанов. Турецко-монгольское соответствие <i>a</i> // <i>i</i>	107

РЕЦЕНЗИИ

О.Э. Добжанская. Рец. на: <i>Я. Ниemi, А. Лапцуй. Сеть песен. Личные песни ненцев Обской Губы: Музыка и локальная история, спетая Марией Максимовной Лапцуй</i>	110
Б. Кэмпф. Рец. на: (изд.) <i>Тумуртоогоо, Д. (при участии Г. Цэцэгдари).</i> Монгольские памятники уйгурского письма (XIII—XIV вв.). Введение, транскрипция и библиография	113
Г.Ц.Пюрбеев. Крупное достижение монгольской лексикографии. Рец. на: Академический толковый словарь монгольского языка	115

PERSONALIA

Григорию Цереновичу Пюрбееву 70 лет	119
<u>Григорий Иванович Ермушкин</u>	121
<u>Сэмюэл Мартин</u>	122
Требования к оформлению статей	125
Как подписаться	128

Выражение пространственных отношений в современном удмуртском языке

1. Введение

Удмуртский язык относится к числу агглютинативных языков и для выражения пространственных отношений использует следующие лексико-грамматические средства: а) лексические классы слов с пространственной семантикой (глаголы движения и позиции, пространственные основы, пространственные существительные и прилагательные, указательные местоимения и наречия); б) грамматические показатели с пространственной семантикой, которые представлены послелогоми и падежными аффиксами. Целью данной работы является исследование роли послелогов и падежных суффиксов в современном удмуртском языке для выражения пространственных отношений.

2. Краткая характеристика падежной системы современного удмуртского языка

Падежная система современного удмуртского языка включает 15 членов парадигматического ряда, которые формально разграничиваются на субъектно-объектные и пространственные падежи (табл. 1). В рамках литературного языка к последним относятся инессив (местный), иллатив (входный), элатив (исходный), эгрессив (отдалительный), пролатив (переходный), терминатив (предельный) и аппроксиматив (направительный). Каждый из них имеет свои узуальные значения, с опорой на которые падежные формы способны передавать широкий спектр разнообразных смыслов, представляющих собой отражения многочисленных локальных и предметных связей.

Таблица 1. Падежная парадигма литературного удмуртского языка

Название падежа	Падежные маркеры
I. Субъектно-объектные падежи:	
Именительный (номинатив)	-∅
Винительный (аккузатив)	-ез / -эз, -е / -э, -∅, -ыз, -ты / -ды, -ес(-) / эс(-)
Родительный (адессив)	-лэн
Разделительный (аблатив)	-лэсь
Дательный (датив)	-лы
Творительный (инструменталь)	-ен(ы-) / -эн(ы-), -ын(ы-), -н
Лишительный (абессив)	-тэк
Соответственный (адвербиаль)	-я
II. Пространственные падежи:	
Местный (инессив)	-ын, -н, -а / -я-, -∅, -лан
Входный (иллатив)	-е / -э, -ы, -а / -я-, -∅, -ла
Исходный (элатив)	-ысь, -сь, -ысьты-, -лась
Отдалительный (эгрессив)	-ысен(ы-), -сен(ы-), -ласен
Переходный (пролатив)	-етй / этй, -тй
Предельный (терминатив)	-озь, -озя-
Направительный (аппроксиматив)	-лань

В удмуртских диалектах число пространственных падежей варьируется от пяти до тринадцати. В частности, во многих периферийно-южных и некоторых южных говорах количество падежей имеет тенденцию к сокращению за счет замещения аппроксимативных форм послеложными конструкциями (см. об этом [Кельмаков 1998: 117]): например, лит. *гуртлань* 'в сторону деревни, по направлению деревни' > кукморский говор: *гурт пала* с тем же значением. Минимальное количество пространственных падежей представлено в парадигме склонения имен красноуфимского говора, где помимо падежа аппроксиматива отсутствует и элативный падеж, функциональная нагрузка которого передается формами пролатива (см. об этом [Насибуллин 1978: 96—97]): *шо карти Ёктиж* 'Он вернулся из города Красноуфимска'.

Кондратьева Наталья Владимировна: Удмуртский государственный университет, Ижевск.

В отдельных северных говорах и бесермянском наречии удмуртского языка, напротив, количество пространственных падежей увеличилось за счет «возникновения новой серии приблизительно-местных форм с приметой *-н'* (< *дин'* — ‘у, около, при, возле’), препозитивно присоединяемой ко всем первичным пространственным падежным формантам, за исключением аппроксиматива» [Кельмаков 1998: 118]. Как отмечает Л.Л. Карпова, новые падежные форманты употребляются только с ограниченным количеством лексем: «В основном их используют применительно к одушевленным именам, выражающим человека, лицо: *нълъдн'э* ‘к твоей дочери’, *пийэзн'ьс* ‘от его сына’ и др.» [Карпова 2005: 61].

Имеются ареальные колебания и в плане частотности употребления пространственных падежей, в частности, в некоторых периферийно-южных говорах (в кукморском, буйско-таныпском и др.) значительно реже, чем в литературном языке, употребляется падеж терминатив, заменяясь эквивалентным сочетанием имени существительного с послелогом *дороз'*, *дыроз'* ‘до’ (см. подробнее [Кельмаков 1998: 118]): удм. лит. *бакчаозь* ‘до огорода’ — буйско-таныпский говор *бакча дыроз'* с тем же значением; удм. лит. *валозь* ‘до лошади’ — буйско-таныпский говор *вал дыроз'* с тем же значением. Таким образом, проблема функционирования пространственных падежей в удмуртских диалектах может стать предметом специального разговора, поэтому в рамках данной статьи мы ограничимся исследованием выражения пространственных отношений лишь с позиций современного литературного языка. В качестве материала исследования для последующих разделов данной статьи послужили художественные произведения современных удмуртских писателей.

3. Семантика пространственных падежей в литературном удмуртском языке

3.1. Ориентационные значения

С точки зрения современной лингвистики при описании пространственных отношений принято говорить о категории локализации, которая «указывает на определенную область пространства по отношению к некоторому ориентиру» [Плунгян 2000: 175], а также о категории ориентации, «элементы которой характеризуют направление развертывания данного события по отношению к данному объекту» [Великорецкий 2002: 13]. Принято выделять около десяти основных способов локализации и четыре основных типа ориентации, или, с точки зрения других исследователей, локативные роли (см. об этом подробнее [Плунгян 2002: 65]).

В удмуртском языке представлены следующие типы ориентации: а) эссив, указывающий на нахождение объекта в покое по отношению к ориентиру; б) латив, актуализирующий перемещение объекта к пространству, связанному с ориентиром; в) элатив, маркирующий перемещение объекта из пространства, связанного с ориентиром; г) пролатив, указывающий на перемещение объекта через пространство, связанное с ориентиром.

Каждый из указанных типов ориентации в исследуемом языке находит свое морфологическое выражение, в частности, статическое состояние маркируется посредством инессивных форм:

- (1) *Госпиталььын со арлэсь ятыр кыллиз* [Перевошиков 1997: 438]
‘В госпитале (In) он пролежал больше года’;
- (2) *Шулдыр нюлэскын сйзьыл* [Загребин 1997: 330]
‘Красиво в лесу (In) осенью’.

Перемещение объекта через / сквозь пространство, связанное с ориентиром, может быть выражено посредством падежа пролатива:

- (3) *Бусыетй бызьыса-бызьыса бертйз* [Самсонов 1993: 178]
‘Она прибежала домой через поле (Prol)’;
- (4) *Нош кыр интьостй нюж мыно* [Байтеряков 1995: 128]
‘А по просекам (Prol) они ползут по-пластунски’.

Указание на исходный и конечный пункт движения актуализируется посредством падежных пар *элатив* — *иллатив* или *эгрессив* — *терминатив* соответственно:

- (5) *Та малпанъёсын лавкае пыри* [Нянькина 1996: 134]
‘С такими мыслями я зашла в магазин (III)’;
- (6) *Собере потйм ми та магазиньсь* [Матвеев 2005: 64]
‘Потом мы вышли из этого магазина (E)’;
- (7) *Собере Костя сое трамвай дугдылонтийозь келяз* [Перевошиков 1997: 356]
‘Потом Костя проводил ее до трамвайной остановки (Term)’;
- (8) *Таня Осиповаез Москваьсен пумитай вал* [Самсонов 1996: 62]
‘Таню Осипову я встретил в Москве (Egr)’.

Следует заметить, что среди указанных форм падежи иллатив и элатив имеют более высокую дистрибутивную нагрузку, так как обладают более высоким уровнем абстракции. В отличие от них падежи эгрессив и терминатив характеризуются низкой частотностью употребления, что, по-видимому, объясняется интралингвистическими факторами: «Указание на начальный и конечный пункты траектории предполагает более полное знание о движущемся объекте; кроме того, оно более уместно в тех случаях, когда предметом обсуждения являются цели, намерения и в целом состояние сознания (активных) участников ситуации» [Плунгян 1999: 219].

Удмуртский терминатив, в отличие от иллатива, может выражать различные семантические оттенки в зависимости от семантических характеристик вербальной единицы:

а) в сочетании с глаголами движения содержится указание на достигнутый предел:

(10) *Нош маин райцентрoзь мынид?* [Нянькина 1996: 74]

‘А на чем доехал до райцентра (Term)?’

б) в других случаях актуализируется некоторый ориентир, по отношению к которому исчисляется расстояние:

(11) *Пужмо гуртозь oг 40 километр сяна oз кыльы ни* [Грязев 1996: 129]

‘До деревни Пужмо (Term) осталось всего около 40 километров’.

В рамках литературного удмуртского языка семантическая структура латива может включать еще и значение приближения к ориентиру, выражаемое падежом аппроксимативом. Этот падеж используется исключительно для обозначения эксклюзивных значений, т.е. для обозначения движения к пункту без захода в него:

(12) *Озыы ке но, гуртлань сeтiйськыны oз дырты — центре вуыса, тымет дуре васькыз но нуназе палoзь ярдуртiй калгиз* [Перевощиков 1997: 373]

‘Несмотря на это, он не спешил домой: добравшись до центра, он спустился к пруду и до обеда бродил по берегу’ (букв. ‘в сторону дома (Appr)’).

Учитывая, что в лингвистической литературе принято выделять четыре больших класса абсолютных ориентиров — предметные, гравитационные, антропоцентричные и дейктические (см. об этом подробнее [Плунгян 1999: 212—223]), можно заметить, что падежный маркер *-лань* в плане выражения пространственных отношений может употребляться только с именами существительными первого класса, или с предметными ориентирами, под которыми понимаются «любые фрагменты окружающей действительности, важные для человеческой деятельности. Это могут быть элементы ландшафта, выделенные артефакты и др.» [ук. соч.: 213]. При обозначении гравитационных, антропоцентричных и дейктических ориентиров в исследуемом языке чаще всего употребляются наречия, наречные слова и дейктические элементы.

Как уже отмечалось выше, перемещение объекта из пространства, связанного с ориентиром, в системе современного удмуртского языка можно выражать с помощью элативных и эгрессивных форм. Так, в случае дистрибуции падежа эгрессива, в отличие от элатива, внимание сфокусировано на:

а) месте нахождения участника действия до начала / к началу движения:

(13) *Райцентрысен сое милиционер пуктiйз, — сьoразы пукись Чапай мыйыко пиосмурт мырдэм кылымон пеляз сипыртiйз* [Грязев 1996: 131]

‘«В райцентре (Egr) его посадил [в автобус] милиционер», — тихо прошептал сидящий за ними мужчина, у которого были Чапаевские усы’;

б) месте нахождения участника действия в один из моментов пути его следования:

(14) *Нюра вокзал площадысен сумкаысьтыз плацсe дiйсяно кариськыз* [Самсонов 1996: 291]

‘На вокзальной площади (Egr) Нюра решила надеть свой плащ из сумки’;

в) конкретном объекте, который является ориентиром при определении расстояния:

(15) *Бальза гуртысен Агбайeз oг сизьым иськем луоз* [Самсонов 1996: 406]

‘От деревни Бальза (Egr) до деревни Агбай примерно семь километров’.

При абсолютной локализации в структуре предложения могут присутствовать как эгрессивные, так и элативные морфологические маркеры. В этом случае выражение более широких пространственных характеристик осуществляется посредством элативных маркеров, а конкретные пространственные координаты маркируются с помощью суффиксов эгрессива:

(16) *Вадогурт бусыысь Шуба вoльы нюкысен пушкаос гудыртэм бере, быдeс дунне зурказ кадь* [Лямин 1976: 98]

‘Когда ударили пушки, расположенные в овраге под названием Шуба вeльы (Egr), находящемся на территории Вадогуртского поля (Ei), словно весь мир вздрогнул’.

3.2. Локализационные значения инессива: нахождение внутри и на поверхности

В системе литературного удмуртского языка среди пространственных падежей максимальной дистрибутивной нагрузкой (45,12 % от общего количества употребления локативных форм¹) обладает падеж инессив, который в самом общем значении указывает на место пребывания, совершения действия или на место, где выявляются состояние или признаки субъекта действия:

(17) *Глафира Степановна кухняын йӧл шунтӧз* [Самсонов 1996: 105]

‘Глафира Степановна вскипятила на кухне (In) молоко’.

Локальное значение, передаваемое данной падежной формой, может быть как конкретным, так и абстрактным:

(18) *Сюанзы ресторанын вал* [Нянькина 1996: 77]

‘Свадьбу они справили в ресторане (In)’;

(19) *Уйвӧтын жадьытэк лобамы* [ук. соч.: 128]

‘Мы летали во сне (In) без усталости’.

В отличие от языков, где при выражении внешне-местных и внутренне-местных пространственных координат участвуют различные падежные формы (подобное функциональное распределение падежных маркеров характерно, в частности, для прибалтийско-финских языков), удмуртский инессив может актуализировать любые локальные характеристики:

а) указание на нахождение на поверхности вертикального пространства (локализация АД):

(20) *Борддораз ипалер-мар ӧвӧл* [Нянькина 1996: 33]

‘На стенах (In) нет обоев’;

б) указание на пространство, внутри которого находится другой предмет или внутри которого совершается действие (локализация ИН):

(21) *Кафе-барын дискотекаос ортчыло* [Матвеев 2005: 143]

‘В кафе-баре (In) проводятся дискотеки’.

в) указание на место со сплошной средой (локализация ИНТЕР):

(22) *Малы улӧп адыми тузон-дэриын ортчытэ улон даурзэ* [ук. соч.: 164]

‘Почему живой человек проводит свой век в пыли и грязи’ (букв. ‘в пыли-грязи (In)’).

3.3. Локализационные значения иллатива, элатива, пролатива

Высокая дистрибутивная нагрузка характерна для входного и исходного падежей. В этом случае форма иллатива (16,83 % от общего количества локативных форм) в самом общем значении указывает на ориентир, в сторону которого направлено действие:

(23) *Та малпанъёсын лавкае пыри* [Нянькина 1996: 134]

‘С такими мыслями я зашла в магазин (III)’.

Форма элатива (30,24 % от общего количества локативных форм) указывает на ориентир, от которого, с поверхности которого или из внутренних пределов которого начинается, исходит движение:

(24) *Собере потӧм ми та магазиньысь* [Матвеев 2005: 64]

‘Потом мы вышли из этого магазина (EI)’.

Данная падежная пара участвует в выражении как инклюзивных, так и эксклюзивных локальных отношений. Следует, однако, заметить, что использование элативных форм почти вдвое превышает частотную дистрибуцию иллатива, что связано с более широкими семантическими возможностями удмуртского элатива: в частности, помимо локальных и темпоральных значений исходный падеж может выражать причинно-следственные и атрибутивные отношения, а также указывать на источник получения информации или источник / материал изготовления предмета, вещи. Рассмотрим подробнее семантику падежей иллатива, элатива и пролатива.

3.3.1. Иллатив

В зависимости от семантической характеристики вербальной единицы и наличия дейктических эле-

¹ Для определения частотности употребления каждой из падежных форм в современном удмуртском языке были проанализированы произведения Л. Нянькиной, Г. Перевощикова и С. Самсонова. С использованием метода сплошной выборки были отобраны лексические единицы, маркированные суффиксами пространственных падежей. Общий объем картотеки составил 6984 единицы.

ментов в тексте иллативные формы в системе современного удмуртского языка могут актуализировать как значение приближения к дейктическому центру (движение по направлению к кому / чему-либо, например: *доре бертыны* 'возвратиться домой') или удаления от дейктического центра (движение от кого / чего-либо, например: *нюлэскы кошкыны* 'уйти в лес'), так и значение движения как такового (к примеру: *магазинэ ветлыны* 'сходить в магазин').

С точки зрения включенности в актуализируемое пространство иллативные формы могут участвовать в разных контекстах: они могут выражать как инклюзивное значение, т.е. обозначение направления к пространственному пункту с заходом в него, так и эксклюзивное, т.е. обозначение движение к пункту без захода в него. Как показывает анализ примеров из художественной литературы, в абсолютном большинстве преобладает дистрибуция в инклюзивном значении, поскольку эксклюзивное значение находит свое выражение также посредством аппроксимативных и послеложных форм.

Используя базовые понятия по типологии пространственных значений, можно выделить следующие значения удмуртского иллатива:

а) движение в сторону / на вертикальную поверхность ориентира (локализация АД):

(25) *Петыр корка ёсэ йыгаз* [Лямин 1976: 22]

'Петр постучал в дверь (Ш) дома';

б) движение во внутреннее пространство (локализация ИН):

(26) *Бодызэ басьтыса, мунчое вামыштїз пересь* [Загребин 1997: 334]

'Взяв свою трость, старик направился в баню (Ш)';

в) движение в однородное пространство (локализация ИНТЕР):

(27) *Нокинэ кылэм ик уг поты — коть огшаплы кӧс кыралысь луое ватїськы* [Нянькина 1996: 128]

'Никого не хочется слушать; хоть иди и зарывайся в песок (Ш) в пустыне на некоторое время'.

В целях выражения абсолютной локализации в структуре предложения могут присутствовать две и более лексемы, оформленные иллативными показателями. Выражение локализации в этом случае чаще всего происходит от более широких пространственных координат к более конкретным:

(28) *Киеве (Ш) госпитале ваизы монэ* [Лямин 1976: 37]

'Меня привезли в Киев (Ш), в госпиталь (Ш)'.

Использование в структуре предложения более одной лексемы, маркированной иллативным показателем, характерно также в случае выражения иллативными маркерами различных семантических функций:

(29) *Беков, Сибирьысь вуэм бераз, селось вукое мельнике медьяськыз* [Лямин 1976: 436]

'Когда Беков вернулся из Сибири, он вскоре устроился мельником (Ш) на мельницу (Ш)'.

3.3.2. Элатив

Аналогично формам иллатива удмуртский элатив может актуализировать как значение приближения (движение откуда-либо по направлению к ориентиру, к примеру: *театрысь вуыны* 'возвращаться из театра), так и удаления (движение от дейктического центра, например: *гуртысь кошкыны* 'уходить из дома').

Можно выделить следующие значения удмуртского элатива:

а) движение с вертикальной поверхности ориентира (локализация АД):

(30) *Петыр борддорысь суредэз ишкалїз* [Лямин 1976: 22]

'Петр сорвал со стены (Е1) картину';

б) движение из внутреннего пространства (локализация ИН):

(31) *Но... со вын корказысь пьд куара кылїськыз* [Перевощиков 1997: 686]

'Но вдруг с крыльца (Е1) донесли шаги';

в) движение из однородного пространства (локализация ИНТЕР):

(32) *Портсигарзэ Илья луоысь потїз* [Самсонов 1996: 131]

'Свой портсигар Илья вытащил из песка (Е1)';

г) актуализация движения с поверхности ориентира (локализация СУПЕР):

(33) *Петыр корка липетысь васькыз* [Лямин 1976: 79]

'Пётр спустился с крыши (Е1) дома';

д) выражение «геометрико-событийного» пространства:

(34) *Ачим но юри ужысь курыськи* [Перевощиков 1997: 110]

'Я специально отпросился с работы (Е1)'.

При выражении абсолютной локализации в структуре предложения могут присутствовать две и более лексемы, оформленные элативными формантами; выражение локализации в этом случае также чаще

всего происходит от более широких пространственных координат к более конкретным:

(35) *Районысьтымь ик Юбергуртысь нылаш выльэм* [Лямин 1976: 15]

‘Оказалось, что она девушка из нашего же района (El), из деревни Юбергурт (El)’.

Следует заметить, что, в отличие от других пространственных падежей, элативные формы в удмуртском языке широко распространены в приименной позиции. В этом случае имена существительные в форме элатива содержат указание на характеристики субъекта / объекта действия с точки зрения локативности:

(36) *Вадогуртысь Микол тулыслы быдэ тэлен вузкарьсь дорын пур келя* [Лямин 1976: 7]

‘Микол из Вадогурта (El) каждую весну батрачит у торговца лесом, сплавливая лес’.

3.3.3. Пролатив

Семантическая нагрузка переходного падежа может включать в себя центральные и периферийные значения. Как отмечает Д.С. Ганенков, «типологически следует различать четыре пространственных значения, образующих центр семантической зоны пролатива: ‘маршрут’, ‘проход’, ‘сцена’ и ‘обочина’» [Ганенков 2002: 42]. В системе удмуртского языка из представленных значений посредством переходного падежа могут выражаться первые три. Выражение пространственного значения ‘обочина’, как правило, осуществляется с помощью послеложных конструкций:

(37) *Нюк кузя лулу будэ, сьёд сутэр, эмезь* [Байтеряков 1995: 53]

‘Вдоль оврага растет ольха, смородина, малина’;

(38) *Сюрес дуртмй дыртыса немецкой пехота вавышья* [ук. соч.: 55]

‘По обочине дороги спешит немецкая пехота’.

Следует заметить, что в случае выражения других значений удмуртского пролатива послеложные конструкции могут также выступать в качестве синонимичных форм, например:

(39) *Мотоциклзэ школа капка азе дугдытмйз, бызьыса кадь тубиз школа тубатэмтмй* [Самсонов 1996: 63]

‘Мотоцикл он оставил перед школьной калиткой, а сам поднялся в школу по лестницам (Prol)’;

(40) *Корепанов тубат кузя васькыку, кин ке но пыдзэ пуктмйсь луиз* [ук. соч.: 83]

‘Когда Корепанов спускался по лестницам, кто-то поставил подножку’.

Из представленных выше значений основной семантической ролью переходного падежа в литературном удмуртском языке является выражение значения ‘маршрута’:

(41) *Одйг пол гужем, бакчаемтмймы мыныкум, чабей пöлысьтымь пичиесь гинэ комокъёс, кечпиос, потмйзы* [Загребин 1997: 345]

‘Однажды летом, когда я шел по нашему огороду (Prol), из пшеницы выскочили маленькие комочки — зайчата’.

Как и в случае с другими пространственными падежами, здесь также характерно указание на конкретное место / способ передвижения, которое может происходить на разных типах поверхности / пространства:

а) движение по вертикальной поверхности ориентира (локализация АД):

(42) *Нылашлэн ымныртмйз синкылиосыз васькыны öдъязы* [Нянькина 1996: 68]

‘Слезы покатались по лицу (Prol) девушки’;

б) движение по внутреннему пространству (локализация ИН):

(43) *Люда, пырем берамы ик, нырысь квартиразэ возматмйз, вань комнатаостмйз нуллмйз* [Самсонов 1993: 219]

‘Как только мы вошли, Люда показала свою квартиру и провела нас по всем комнатам (Prol)’;

в) движение по однородному пространству (локализация ИНТЕР):

(44) *Куазь зоре ке, со горд сюетмй пыдын но ветлыны уг луы ни* [Загребин 1997: 314]

‘После дождя по этой глине (Prol) невозможно пройти даже пешком’.

г) движение по внешней поверхности ориентира (локализация СУПЕР):

(45) *Нош та сюрестмй уг яра мыныны* [Байтеряков 1995: 129]

‘А по этой дороге (Prol) идти нельзя’.

Пространственное значение ‘проход’, как правило, актуализирует движение через / сквозь внутреннее пространство ориентира. В отличие от предыдущего значения, в данном случае «акцент делается не на том, что ориентир задает траекторию движения (хотя в ряде употреблений этот компонент также присутствует), а на том, что ориентир является промежуточным этапом, в результате движения объект выходит из границ ориентира» [Ганенков 2002: 40], например:

(46) *Горький урамьсы Советскоетӱ мыныса, Пушкинское потӱм* [Самсонов 1993: 326]
 ‘Пройдя по улице Советская (Prol), с улицы Горького мы перешли на Пушкинскую’.

Невысокая дистрибутивная нагрузка удмуртского пролатива в указанном значении обусловлена более частотным функционированием конструкций с послелогом *пыр, пыртӱ* ‘сквозь, через’, *вискытӱ* ‘между, сквозь, через’ и др.

Пространственное значение ‘сцена’ связано с обозначением ориентира — «участка пространства, который не задает строго траекторию движения, а только включает ее в себя, т.е. дает указание на то, где происходит движение» [Ганенков 2002: 40]. В отличие от предыдущих семантических ролей, данное значение носит менее конкретный характер и чаще всего реализуется при актуализации «геометрико-событийного пространства», указывающего, с одной стороны, на участие субъекта действия в каком-либо событийном фрейме (типа ‘репетиция’, ‘состязание’, ‘испытание’, ‘собрание’, ‘проводы’ и др.), а с другой стороны, на его нахождение в определенном месте пространства или конкретном социальном учреждении (см. об этом [Селивёрстова 2000: 201]):

(47) *Мар карыны тодытэк, Осьын магазинъестӱ ветлоно кариськиз* [Нянькина 1996: 15]
 ‘Не зная чем себя занять, Осип решил пройтись по магазинам (Prol)’.

Периферийные значения семантической зоны пролатива, как правило, образуются путем грамматикализации. Динамика их семантического развития в системе удмуртского языка, как и в большинстве других языков, определяется результатом метафоризации пространственного компонента — функциональной идеей соответствия, способствующей актуализации посредством пролативных показателей значения ‘точка приложения’ (см. подробнее [Ганенков 2002: 47]), в частности, в сочетании с глаголами, обозначающими касание, соприкосновение, контакт. Формы переходного падежа в удмуртском языке, как правило, указывают на предмет касания:

(48) *Со монэ суйтӱм кырмиз* [Нянькина 1996: 162]

‘Она схватила меня за руку (Prol)’;

(49) *Соку кин ке саестӱм кыскиз* [Загребин 1997: 310]

‘Тогда меня кто-то потянул за рукав (Prol)’.

В ряде случаев точка приложения может иметь и пространственную протяженность:

(50) *Лызалэс плащез кускытӱиз керттэмын* [Самсонов 1996: 294]

‘Ее синеватый плащ перетянут по талии (Prol) поясом’;

(51) *Сояз бакчаын чорк-чорк сыйӱсь кубиста йырӱсыз кочон выжыетӱзы ик чога* [ук. соч.: 68]

‘Растущую в другом огороде капусту рубят под корень (Prol)’.

В другом случае формирование периферийного значения удмуртского пролатива связано с актуализацией значения координатива, или значения следования чему-либо. В частности, в контексте с глаголами движения формы пролатива могут актуализировать значение движения по следу:

(52) *Мынӱз пытыетӱиз, нош кечез тӱпак ышиз* [Загребин 1997: 344]

‘Он шел по следу (Prol), а заяц куда-то пропал’.

Таким образом, семантическая зона переходного падежа в системе современного удмуртского языка представлена набором пространственных значений, образующих ее центр, а также рядом производных значений, являющихся результатом развития пространственных значений.

3.4. Пространственные значения некоторых субъектно-объектных падежей

При выражении локальных значений помимо пространственных падежей могут использоваться и некоторые субъектно-объектные падежи. В частности, имена существительные, маркированные формами родительного падежа, могут выступать в роли ориентира, по отношению к которому констатируется местонахождение лица или другого предмета:

(53) *Тани сюресэлэн паллян палаз юрт сьлэ* [Матвеев 2005: 113]

‘Вот слева от дороги находится какой-то дом’ (букв. ‘от моей дороги (Gen)’);

(54) *Коркалэн паллян урдэсаз капка вадьсын шырчик уморто шуккемын* [Грязев 1996: 113]

‘С левой стороны дома (Gen) над воротами прикреплен скворечник’.

Семантическое представление, составляющее содержание денотативного слоя значения дательного падежа с точки зрения выражения пространственных отношений, чаще всего представляет собой указание на ориентир движения или нахождения в пространстве:

(55) *Зарубин аслаз штабеныз Уфалы дас ыськемын сыйӱсь Чесноковкае дугдӱз* [Коновалов 1958: 104]

‘Штаб Зарубина остановился в Чесноковке, расположенной в десяти километрах от Уфы (Dat)’;

(56) *Та гуртлы матэктэмъязы, Иван нош ик списоксэ поттiз* [Первошиков 1997: 448]
 ‘Приближаясь к этой деревне (Dat), Иван снова достал свой список’.

Также при выражении ориентационных значений формы дательного падежа широко используются в контексте с адвербиальными формами:

(57) *Õслы мышкин пукыса, Ондi жõк сьõрын гожъяське* [Лямин 1976: 35]

‘Расположившись спиной к двери (Dat), Онди пишет за столом’;

(58) *Черклы матэгес кариськыса, ожо вылэ пуксиз* [Грязев 1996: 278]

‘Приблизившись к церкви (Dat), он расположился на траве’.

Таким образом, в подобных локативных конструкциях в выражении пространственных отношений важное место занимают адвербиальные формы и / или вербальные единицы, а имена существительные, маркированные формами субъектно-объектных падежей, чаще всего выступают в роли ориентира.

4. Инвентарь и семантика послелогов

Параллельно с падежными формами для выражения пространственных отношений используются послеложные конструкции. В одних случаях они представляют собой синонимичные формы: *бусыетi ортчыны* ~ *бусы пыртi ортчыны* ‘пройти полем’; *гуртлань вамыштыны* ~ *гурт пала вамыштыны* ‘направиться в сторону деревни / по направлению к деревне’.

В других случаях падежные маркеры выражают грамматические значения более высокого уровня абстракции, а семантика послелогов довольно конкретна: они передают частные топологические значения (табл. 2): *азбарын* (In) *будыны* ‘во дворе (In) расти’ ~ *азбар шорын* *будыны* ‘посреди двора расти’.

Рассмотренная выше система типов ориентаций *латив* ~ *эссив* ~ *элатив* ~ *пролатив* довольно последовательно представлена и в структуре серийных послелогов: *корка доры* ‘к дому’ (~ *корка дорозь* ‘до дома’) ~ *корка дорын* ‘у дома’ ~ *корка дорысь* ‘от дома’ (~ *корка дорысен* ‘от дома’) ~ *корка дортi* ‘через пространство перед домом’ (табл. 2) и др. Таким образом, большинство серийных послелогов удмуртского языка являются смешанными локализационно-ролевыми формами, так как они выражают не только определенную локализацию (в данном случае ‘участок пространства в непосредственной близости от объекта’), но и определенную ориентацию.

В зависимости от участия послеложных форм и падежных аффиксов в выражении пространственных отношений модели локализации в современном удмуртском языке можно подразделить на два типа:

а) локализации, выражаемые послеложными конструкциями;

б) локализации, представленные падежными ~ послеложными формами.

К первой группе локализаций можно отнести локализации нахождения / движения перед лицевой стороной ориентира, в пространстве перед ориентиром (АНТЕ); нахождения / движения рядом с ориентиром (АПУД); нахождения / движения в пространстве за ориентиром (ПОСТ); нахождения / движения под ориентиром (СУБ); нахождения / движения над ориентиром при отсутствии контакта (СУПРА); нахождения / движения вокруг ориентира (ЦИРКУМ); нахождения / движения в пространстве вне ориентира (ЭКСТРА).

Каждая из данных моделей локализации выражает частные топологические значения и, соответственно, находит грамматическое выражение через послеложные конструкции, например:

(59) *Машина юрт азе дугдiз*

‘Машина остановилась перед домом’;

(60) *Машина юрт сьõры дугдiз*

‘Машина остановилась за домом’;

(61) *Машина юрт вõзы дугдiз*

‘Машина остановилась у дома’.

В ряде случаев при выражении отдельных типов локализаций встречается довольно большое количество близких по значению послелогов. Их употребление может быть обусловлено: а) характеристиками объекта по признаку одушевленности / неодушевленности (*адями мышкын* ‘за человеком’ ~ *корка берын* ‘за домом’); б) наличием различительного признака ‘контактность / неконтактность’ (*корка йылын* ‘на крыше дома’ (букв. ‘на доме’) ~ *корка вадьсын* ‘над домом’); в) диалектными особенностями (*корка берын* ~ *корка сьõрын* ‘за домом’) и др.

Вторая группа локализаций может быть выражена либо посредством падежных форм, либо с помощью послеложных конструкций. Выбор говорящим того или иного способа выражения локализации связан с определенным различием ситуаций, описываемых этими предложениями, а в некоторых случаях также идиолектом говорящего.

В частности, при указании на местонахождение объекта по отношению к вертикальной поверхности ориентира (локализация АД) могут использоваться как падежные формы, так и послеложные конструкции:

(62) *Борддоре суред оши*

‘На стену (III) я повесил(а) картину’;

(63) *Борддор борды суред оши*

‘На стену я повесил(а) картину’.

Подобное варьирование грамматических способов выражения локализации характерно для базовых моделей локализации: моделей, указывающих на нахождение / движение в контакте с вертикальной поверхностью ориентира (АД); нахождение / движение внутри ориентира (ИН); нахождения / движения в пространстве между ориентирами (ИНТЕР); нахождение / движение в контакте с верхней стороной ориентира (СУПЕР). Данное явление, по-видимому, можно объяснить отсутствием в системе удмуртского языка противопоставления внешне-местных и внутренне-местных падежей:

(64) *Усьтон сумкаын кылле*

‘Ключи лежат в сумке (In)’;

(65) *Усьтон сумка пушкын кылле*

‘Ключи лежат в сумке’;

(66) *Тылобурдо липетын пуке*

‘Птица сидит на крыше (In)’;

(67) *Тылобурдо липет вылын / йылын пуке.*

‘Птица сидит на крыше’.

Однако замена послеложных конструкций падежными аффиксами допускается не во всех случаях. В этом отношении значимыми являются наличие / отсутствие актуализации типа пространства, в котором происходит движение, а также в ряде случаев физические и геометрические характеристики ориентира.

5. Заключение

Таким образом, одной из типологических черт удмуртского языка является наличие богатой именной словоизменительной системы, которая возникает за счет большого количества пространственных форм имени.

В зависимости от участия послеложных форм и падежных аффиксов в выражении пространственных отношений модели локализации в современном удмуртском языке можно подразделить на два типа:

а) локализации, выражаемые послеложными конструкциями;

б) локализации, представленные падежными ~ послеложными формами.

Как показывают примеры из художественной литературы, лишь четыре типа базовых моделей локализации допускают варьирование падежных и послеложных форм (АД, ИН, ИНТЕР и СУПЕР). В остальных случаях строго используются послеложные формы.

В системе ориентаций современного удмуртского языка последовательно представлены все базовые типы ориентаций: а) эссив, указывающий на нахождение объекта в покое по отношению к ориентиру; б) латив, актуализирующий перемещение объекта к пространству, связанному с ориентиром; в) элатив, маркирующий перемещение объекта из пространства, связанного с ориентиром; г) пролатив, указывающий на перемещение объекта через пространство, связанное с ориентиром. Каждый из указанных типов ориентации находит свое морфологическое выражение через конкретные падежные формы: инессив, иллатив / терминатив / аппроксиматив, элатив / эгрессив, пролатив соответственно.

Таблица 2. Способы выражения локализаций в удмуртском языке

Локализация	Ориентация	Семантика модели	Примеры
АД	ЭСС	нахождение в контакте с вертикальной поверхностью ориентира (вплотную к ориентиру)	<i>борддорын</i> ‘стена-In’ <i>борддор бордын / вылын</i> ‘на стене’
	ЛАТ	движение к вертикальной поверхности ориентира (приближение вплотную к ориентиру)	<i>борддоре</i> ‘стена-III’ <i>борддорозь</i> ‘стена-Term’ <i>борддор борды / вылэ</i> ‘на стену’

	ЭЛ	движение от вертикальной поверхности ориентира (удаление)	<i>борддорысь</i> 'стена-El' <i>борддорысен</i> 'стена-Egr' <i>борддор бордысь / вылысь</i> 'со стены'
	ПРОЛ	движение по вертикальной поверхности ориентира	<i>борддоретй</i> 'стена-ProI' <i>борддор бордытй / вылтй</i> 'по стене' <i>борддор кузя</i> 'по стене'
АНТЕ	ЭСС	нахождение перед лицевой стороной ориентира, в пространстве перед ним	<i>корка азын</i> 'перед домом' <i>корка вадьсын</i> 'напротив дома' <i>шур дурын</i> 'у реки'
	ЛАТ	движение к пространству перед ориентиром (навстречу ориентиру)	<i>корка азе</i> 'до дома' <i>корка вадьсы</i> 'напротив дома' <i>корка азёзь</i> 'до дома' <i>корка вадьсозь</i> 'напротив дома' <i>шур дуре</i> 'к реке' <i>шур дурозь</i> 'до реки'
	ЭЛ	движение от пространства перед ориентиром	<i>корка азысь</i> 'от дома' <i>корка вадьсысь</i> 'от дома' <i>корка азысен</i> 'от дома' <i>корка вадьсысен</i> 'напротив дома' <i>шур дурысь</i> 'от реки' <i>шур дурысен</i> 'от реки'
	ПРОЛ	движение через пространство перед ориентиром	<i>корка азытй</i> 'перед домом' <i>корка вадьсытй</i> 'напротив дома' <i>шур дуртй</i> 'вдоль реки'
АПУД	ЭСС	нахождение рядом с ориентиром (вблизи ориентира)	<i>корка дорын / палан / вёзын</i> 'у дома' <i>нюлэс дурын</i> 'у леса' <i>коркаен артэ</i> 'рядом с домом' <i>коркалы матын</i> 'близко к дому'
	ЛАТ	движение по направлению к ориентиру (приближение)	<i>коркалань</i> 'дом-Аррг' <i>корка пала / доры / вёзы</i> 'к дому' <i>корка палозь / дорозь</i> 'до дома' <i>нюлэс дуре</i> 'к лесу' <i>нюлэс дурозь</i> 'до леса' <i>коркалы матэ</i> 'близко к дому'
	ЭЛ	движение от ориентира, удаление	<i>корка дорысь / палась / вёзысь</i> 'от дома' <i>корка дорысен / паласен / вёзысен</i> 'от дома' <i>нюлэс дурысь</i> 'от леса' <i>нюлэс дурысен</i> 'от леса' <i>коркалы матысь</i> 'недалеко от дома'
	ПРОЛ	движение через пространство, расположенное недалеко от ориентира	<i>корка дортй / палтй / вёзтй</i> 'около дома' <i>нюлэс дуртй</i> 'около леса'
ИН	ЭСС	нахождение внутри ориентира	<i>школаын</i> 'школа-In' <i>школа пушкын</i> 'школа-In'
	ЛАТ	движение внутрь ориентира	<i>школае</i> 'школа-III' <i>школаозь</i> 'школа-Term' <i>школа пушкы</i> 'внутри школы'
	ЭЛ	движение изнутри ориентира наружу	<i>школаысь</i> 'школа-El' <i>школаысен</i> 'школа-Egr' <i>школа пушкысь</i> 'изнутри школы'
	ПРОЛ	движение внутри ориентира	<i>школаетй</i> 'школа-ProI' <i>школа пушкытй</i> 'внутри школы'
ИНТЕР	ЭСС	нахождение между ориентирами	<i>коркаос вискын</i> 'между домами' <i>эшьёс кусын</i> 'между друзьями'
	ЛАТ	движение в пространство между ориентирами	<i>коркаос вискы</i> 'между домов' <i>эшьёс кусы</i> 'между друзей'
	ЭЛ	движение из пространства между ориентирами	<i>коркаос вискысь</i> 'между домов' <i>эшьёс кусысь</i> 'между друзей'
	ПРОЛ	движение через пространство между ориентирами	<i>коркаос вискытй</i> 'между домами' <i>эшьёс кусытй</i> 'между друзьями'

ПОСТ	ЭСС	нахождение за ориентиром	<i>корка берын / събрьн</i> 'за домом' <i>адями мышкын</i> 'за человеком'
	ЛАТ	движение за ориентир	<i>корка беры / събрь</i> 'за дом' <i>адями мышкы</i> 'за человека'
	ЭЛ	движение из-за ориентира	<i>корка берысь / събрьсь</i> 'из-за дома' <i>адями мышкысь</i> 'из-за человека' <i>корка берысен / събрьен</i> 'из-за дома' <i>адями мышкысен</i> 'из-за человека'
	ПРОЛ	движение через пространство, находящееся позади ориентира	<i>корка бертй / събрьтй</i> 'за домом' <i>адями мышкытй</i> 'за человеком'
СУБ	ЭСС	нахождение под ориентиром	<i>пукон улын</i> 'под стулом'
	ЛАТ	движение под ориентир	<i>пукон улэ</i> 'под стул'
	ЭЛ	движение из-под ориентира	<i>пукон улысь</i> 'из-под стула' <i>пукон улысен</i> 'из-под стула'
	ПРОЛ	движение через пространство под ориентиром	<i>пукон улэтй</i> 'под стулом'
СУПЕР	ЭСС	нахождение в контакте с верхней стороной ориентира	<i>липетын</i> 'крыша-Iп' <i>выж вылын</i> 'на полу' <i>липет йылын</i> 'на крыше'
	ЛАТ	движение на верхнюю сторону ориентира	<i>липетэ</i> 'крыша-III' <i>выж вылэ</i> 'на пол' <i>липет йылэ</i> 'на крышу' <i>выж вылозь</i> 'до пола' <i>липет йылозь</i> 'до крыши'
	ЭЛ	движение с поверхности ориентира, отделение (прерывание контакта)	<i>липетысь</i> 'крыша-EI' <i>выж вылысь</i> 'с пола' <i>липет йылысь</i> 'с крыши' <i>выж вылысен</i> 'с пола' <i>липет йылысен</i> 'с крыши'
	ПРОЛ	движение по верхней стороне ориентира (в контакте с поверхностью)	<i>липетэтй</i> 'крыша-ProI' <i>выж вылтй</i> 'по полу' <i>липет йылтй</i> 'по крыше'
СУПРА	ЭСС	нахождение над ориентиром (отсутствие контакта)	<i>йыр йылын / вадьсын</i> 'над головой'
	ЛАТ	движение в пространство над ориентиром	<i>йыр йылэ / вадьсы</i> 'над головой'
	ЭЛ	движение из пространства над ориентиром	<i>йыр йылысь / вадьсысь</i> 'над головой' <i>йыр йылысен / вадьсысен</i> 'над головой'
	ПРОЛ	движение через пространство над ориентиром	<i>йыр йылтй / вадьсытй</i> 'над головой'
ЦИРКУМ	ЭСС	нахождение вокруг ориентира	<i>корка котырын</i> 'вокруг дома'
	ЛАТ	движение в пространство вокруг ориентира	<i>корка котыре</i> 'вокруг дома'
	ЭЛ	движение из пространства вокруг ориентира	<i>корка котырысь</i> 'вокруг дома'
	ПРОЛ	движение через пространство вокруг ориентира	<i>корка котыртй</i> 'вокруг дома'
ЭКСТРА	ЭСС	нахождение вне ориентира	<i>коркалэсь палэнын</i> 'вне дома'
	ЛАТ	движение в пространстве вне ориентира	<i>коркалэсь палэнэ</i> 'вне дома'
	ЭЛ	движение из пространства вне ориентира	<i>гуртлэсь палэнысь</i> 'вне дома'
	ПРОЛ	движение в пространстве вне ориентира, минуя ориентир	<i>гуртлэсь палэнэтй</i> 'вне дома'

Сокращения

лит. — литературный язык
Abl — аблатив
Appr — аппроксиматив
Dat — датив
Egr — эгрессив
El — элатив

удм. — удмуртский язык
Gen — генитив
III — иллатив
In — инессив
Prol — пролатив
Term — терминатив

Литература

Байтеряков 1995 — Байтеряков Н.С. Съёд вальёс: Повесть, веросьёс, жоштэтъёс. Ижевск, 1995.
Великорецкий 2002 — Великорецкий А.Д. Пространство в современных западногерманских и русском языках: Опыт построения метаязыка // Исследования по теории грамматики. Вып. 2: Грамматика-

- лизация пространственных значений в языках мира / Ред. Плу́нган В.А. М., 2002. С. 8—34.
- Ганенков 2002 — *Ганенков Д.С.* Типология падежных значений: семантическая зона пролатива // Исследования по теории грамматики. Вып. 2: Грамматикализация пространственных значений в языках мира / Ред. Плу́нган В.А. М., 2002. С. 35—56.
- Грязев 1996 — *Грязев Г.Г.* Кирень куректон: Очеркъёс, повестьёс. Ижевск, 1996.
- Загребин 1997 — *Загребин Е.Е.* Тулыс зор: Пьесаос, веросьёс. Ижевск, 1997.
- Карпова 2005 — *Карпова Л.Л.* Среднечепецкий диалект удмуртского языка: Образцы речи. Ижевск, 2005.
- Кельмаков 1998 — *Кельмаков В.К.* Краткий курс удмуртской диалектологии: Введение. Фонетика. Морфология. Диалектные тексты. Библиография. Ижевск, 1998.
- Коновалов 1958 — *Коновалов М.А.* Гаян: Роман. Ижевск, 1958.
- Лямин 1976 — *Лямин М.А.* Шудбур понна: Повесть. Ижевск, 1976.
- Матвеев 2005 — *Матвеев С.В.* Чорыглэсь лушкам кылбуранъёс: Роман-уйбытрон. Ижевск, 2005.
- Насибуллин 1978 — *Насибуллин Р.Ш.* Наблюдения над языком красноуфимских удмуртов // О диалектах и говорах южноудмуртского наречия: Сб. статей и материалов. Ижевск, 1978. С. 86—151.
- Нянькина 1996 — *Нянькина Л.С.* Ваёбыж кар: Веросьёс, повесть. Ижевск, 1996.
- Перевощиков 1997 — *Перевощиков Г.К.* Сюлэмтэм дунне: Романъёс, повестьёс. Ижевск, 1997.
- Плу́нган 1999 — *Плу́нган В.А.* К типологии глагольной ориентации // Логический анализ языка. Языки динамического мира / Отв. ред. *Арутюнова Н.Д., Шатуновский И.Б.* Дубна, 1999. С. 205—223.
- Плу́нган 2000 — *Плу́нган В.А.* Общая морфология: Введение в проблематику. М., 2000.
- Плу́нган 2002 — *Плу́нган В.А.* О специфике выражения именных пространственных характеристик в глаголе: категория глагольной ориентации // Исследования по теории грамматики. Вып. 2: Грамматикализация пространственных значений в языках мира / Ред. Плу́нган В.А. М., 2002. С. 57—98.
- Самсонов 1996 — *Самсонов Н.* Агбай: Веросьёс, повестьёс, роман. Ижевск, 1996.
- Самсонов 1993 — *Самсонов С.А.* Гожтйсько тынды — сопал дуннее: Повесть, веросьёс, очерк, тодэ ваёнъёс. Ижевск, 1993.
- Селивёрстова 2000 — *Селивёрстова О.Н.* Семантическая структура предлога *на* // Исследования по семантике предлогов: Сб. статей. М., 2000. С. 189—242.

SUMMARY

The article deals with the orientation and spatial localization meanings of spatial cases in the standard variant of Udmurt. The system of orientation used in modern Udmurt is represented by essive, lative, elative and prolativ cases. According to the use of postpositions and case affixes, localization models of Udmurt may be divided into two types: localizations expressed by postpositive constructions and localizations expressed by case ~ postposition forms. Examples from literary texts prove that four types of basic localization models are characterized by the use of both case affixes and postpositions, while other types are limited to the use of postposition forms.

Петроглифы и рунические надписи на плитах из Кезек-Елани

Вводные замечания

За последние десятилетия на территории Горного Алтая происходят важные открытия все новых и новых письменных памятников рунического письма [Тыбыкова, Невская 2009]. Общее количество всех найденных на Алтае надписей приближается к 90. Создан электронный корпус, который доступен в Интернете по адресу www.altay.uni-frankfurt.de. Часто рунические надписи находятся на камнях, содержащих выбитые петроглифы или резные рисунки. Изображения и текст нередко связаны между собой в композиционном и / или содержательном планах, что, видимо, является одной из особенностей алтайской рунической традиции.

Недавно уже сообщалось, что в Онгудайском районе Республики Алтай в долине левого притока Катуня — небольшой речки Нижнего Инегеня, — богатой памятниками древности, зафиксированы наскальные рисунки древнетюркского и скифского времени [Чевалков 2004: 175]. Осенью 2005 г. Е.П. Маточкиным там же были обнаружены две плиты с петроглифами. Они лежали возле тропы, поднимающейся от стоянки в урочище Кезек-Елань к вершине горы, которая с востока замыкает долину реки. Координаты этого места по GPS-приемнику: N — 50°21'24", E — 086°37'96". Высота — 1120 м над уровнем моря (по балтийской системе высот). Высота над уровнем реки — около 100 м.

Плиты сложены из хлоритсерицитового сланца и имеют ровную и удобную поверхность для выбивки. По форме они приближаются к прямоугольнику. Левая имеет размер 100 × 50 см, правая — 70 × 50 см. Ранее плиты составляли один массив: левая и правая половины лежат почти вплотную друг к другу, а соответствующие края у них по линии раздела совпадают.

Левая плита заметно пострадала от времени: часть ее поверхности с рисунками отслоилась. Правая же плита находилась почти полностью под слоем земли, за исключением небольшого участка, на котором виднелось несколько знаков рунической письменности. Остальные знаки, бывшие под слоем земли, просматриваются с трудом. Для их опознавания плита была привезена в Национальный музей, где они изучались Л.Н. Тыбыковой, И.А. Невской и М. Эрдалом.

Петроглифы на инегенских плитах

Рисунки на левой и правой плитах кардинально отличаются как по своей стилистике, так и по технике исполнения. На левой плите мелкоточечной техникой выбиты по контуру марал и козел. Силуэт еще какого-то животного, значительно меньшего по размерам, сохранился фрагментарно из-за утрат поверхности. Несколько линий в противоположном углу плиты не поддаются смысловому прочтению (рис. 1).

Изображению марала присущи несколько стилистических особенностей. Прежде всего, это характерный зазор при обрисовке задних ног отдельными линиями, одна из которых продолжает абрис спины, другая — брюха. Подобный прием, например, свойствен изображению лошади петроглифов Арал-Толгоя [Цэвэндорж, Кубарев, Якобсон 2005: рис. 97]. Сближает с арал-толгойским аналогом еще одна деталь — идущая через все туловище извилистая линия, заканчивающаяся овалом. Основная часть петроглифов комплекса Арал-Толгоя датирована эпохой бронзы или даже энеолитическим временем [ук. соч.: 92].

Еще одна стилистическая особенность проявилась в изображении передних ног двумя параллельными линиями, оканчивающимися закруглением у спины. Такая манера встречается среди рисунков животных из Калбак-Таша [Kubarev, Jacobson 1996: fig. 184].

Большие, высокие рога с развилками близки вертикально поставленным огромным рогам булан-кобинских маралов, находящихся совсем неподалеку и датированных нами раннескифским временем [Маточкин 2004: 402].

Для изображения козла в качестве аналога можно привести контурный рисунок животного из Калбак-Таша. У него такие же необычайно длинные дуги рогов, намеченный глаз, удлиненное туловище и короткие ноги [Кубарев, Со Гилсу, Со Джинсу 2003: рис. 2—7]. Этот недавно обнаруженный петроглиф несет в себе некоторые черты скифского стиля, что, впрочем, отчасти присуще и кезек-еланскому изобра-

Маточкин Евгений Палладиевич: Национальный музей Республики Алтай им. А.В. Анохина, Горно-Алтайск.

Тыбыкова Лариса Николаевна: Горно-Алтайский государственный университет, Горно-Алтайск.

Невская Ирина Анатольевна: Институт филологии СО РАН, Новосибирск; Франкфуртский университет, Франкфурт, Германия.

Эрдал Марсель: Франкфуртский университет, Франкфурт, Германия.

жению козла с поджатыми ногами. Его поза — это шаг на пути к сложению характерной для искусства ранних кочевников иконографии.

Суммируя все датирующие признаки, можно сделать вывод, что петроглифы левой плиты были созданы в переходное время между эпохой бронзы и эпохой раннего железа, т.е. в начале первого тысячелетия до новой эры.

Петроглифы правой плиты совершенно отличны по своей стилистике и технике выбивки, исполненной в силуэтно-контурной манере с широким и глубоким желобком (рис. 2, 3).

Здесь представлена группа из четырех животных с прямым или изогнутым туловищем, только у одного из них имеются дугообразные рога. Самое левое — фрагментарное, поврежденное сколом плиты. Вокруг выбиты четыре маленькие фигурки зверей, стилистика которых приближается к геометризованному знаку. Самое нижнее из них, возможно, змея. Под ней, на самом краю, — неопознанный фрагментарный рисунок. В левой верхней части плиты — солнце, образованное естественным углублением и рядом небрежно выбитых лучей. В противоположном конце находится изображение некоего непонятного существа с головой на длинной шее, туловище которого более всего напоминает панцирь черепахи. Через всю плиту по диагонали и верхнему краю идет процарапанная руническая надпись (рис. 4).

Бросающаяся в глаза специфика рисунков — изображение копыт животных в виде крупных развилок. Подобный прием встречается в эпоху бронзы среди петроглифов Калбак-Таша [Kubarev, Jacobson 1996: № 112, 195, 473], а также Цаган Салаа IV в Монгольском Алтае [Jacobson, Kubarev, Tseveendorj 2001: № 655]. Характерен он, хотя и в меньшей степени, также для скифского времени [Kubarev, Jacobson 1996: № 568, 658].

Копыта в виде развилок и поза животных с поджатыми ногами — эти характерные особенности кезек-еланских плит присутствуют и в изображениях Бертекской писаницы [Черемисин, Слюсаренко 1994: рис. 43, 48]. Исследователи датируют их раннескифским временем [ук. соч.: 60]. Однако позы козлов из Кезек-Елани с поджатыми ногами — это только некоторое напоминание об иконографическом каноне ранних кочевников. Некая угловатость, геометризованная схематичность свидетельствуют о том, что образы плиты далеки от декоративизма скифо-сибирского звериного стиля.

Бытование выбивки копыт в виде развилок в течение довольно длительного времени наводит на мысль, что этот стилистический прием мог существовать и в более позднюю эпоху. В силу этого нельзя исключить датировку правой плиты достаточно широким хронологическим диапазоном — от того же раннескифского периода вплоть до древнетюркского времени.

Рунические надписи на инегенской плите

Обе надписи на правой плите с выбитой на ней группой из четырех животных сохранились довольно плохо (рис. 3 и 4). Поверх выбитых петроглифов крупными руническими знаками идет надпись, которая сохранилась лучше, чем вторая надпись. Она состоит из 10 знаков. Длина этой надписи — 35 см, высота букв — 5,2—8,8 см. У нас нет уверенности, что эта надпись сохранилась вся, так как это осколок плиты. Вторая надпись, которая сохранилась хуже, идет по краю плиты — видимо, писавший не хотел выбивать надпись поверх рисунка. Так как надпись полустертая, хорошо просматриваются первые девять знаков, затем полустертые руны видны плохо, а на конце надписи более или менее просматриваются три-четыре руны. Длина надписи — 50,3 см. Высота букв — 2,8—6,4 см. Поскольку надписи отличаются и по размерам знаков, и по своему содержанию, мы считаем их отдельными надписями Инегень I и II. Попыток прочтения этих надписей еще не было. Мы представляем первую попытку прочитать их.

Надпись Инегень I

Транслитерация: ...] s² š¹ g¹ A k²/ŋ² š¹ l¹ č/k¹ l b² [

Транскрипция: ... (a) s(i) ga (a) ŋ (a) šl(i) kī...

Перевод: ... Это преимущество (прибыль) — (иметь) дичь для пищи...

Комментарии

1. В транслитерации и транскрипции древнетюркских текстов мы в основном следуем принципам, разработанным в проекте VATEC (описание наших подходов см. на сайте <http://vatec2.fkidg1.uni-frankfurt.de>, о проекте см. [Невская, Герке 2007]). Строчные буквы в транслитерации употребляются для однозначно читаемых букв. Заглавные буквы обозначают многозначные графемы. Буквы с верхним индексом «¹» обозначают велярные согласные, буквы с верхним индексом «²» — палатальные согласные. Квадратные скобки и многоточие указывают на утраченные фрагменты, знак вопроса — на разрушенный знак, не поддающийся прочтению. Графемы, отделенные косой чертой, обозначают возможные

прочтения знака или сегмента. В транскрипции мы берем «восстановленные» гласные, которые не пишутся в соответствии с рунической орфографией, в круглые скобки.

2. Первый сохранившийся согласный, по-видимому, «s²». Поскольку ранее имеется скол плиты, мы предполагаем, что этот согласный мог принадлежать предыдущему слову. Первый сегмент надписи, поддающийся интерпретации, — это «š¹ g¹ A». Мы его читаем как (a)s(i)ga, т.е. (a)s(i)g-a ‘к прибыли, для прибыли’ (букв. ‘прибыль, прирост-DAT’). Начальный согласный a не написан в соответствии с правилами рунической орфографии. В этом сегменте особый интерес представляет согласный «š¹», имеющий форму крышечки. Такая форма этой буквы не встречается в рунике Орхона, зато характерна для енисейских надписей [Кызласов 1994: 69—73; Кормушин 1997: 24—31]. Как правило, согласные, передающие звук š, могут передавать и звук s. В нашем случае согласный «š¹» передает звук s. Узкая гласная i пропущена в неначальном слоге, что также является закономерной особенностью рунической орфографии. Форма согласной «g¹» также более характерна для енисейского варианта рунического письма.

3. Пятая руна не вполне ясна. Это может быть и «k²», и «ŋ²». Для алтайского варианта рунического письма характерна оппозиция двух рун ŋ [Nevskaya (in print)]. Руна, обозначающая и в орхонском, и в енисейском вариантах письма ŋ в сочетании и с велярными, и с палатальными согласными, является здесь «ŋ²», т.е. употребляется преимущественно с гласными переднего ряда и передает палатальный согласный. Вторая руна ŋ в виде кружка или ромба, которая не характерна для орхонского варианта рунического письма, специализируется на Алтае как велярная. Соответственно, имея руны «ŋ²», мы должны читать слово как (ä)ŋ, а не (a)ŋ ‘дичь, дикое животное, пища’. Мы транскрибируем это слово как (a)ŋ, хотя в [Ырк Битиг: 31] мы встречаем переднерядную огласовку (ä)ŋ. Согласно Клозону, не вполне понятно соотношение этого слова с монгольским aŋ, имеющим то же значение. Современное слово aŋ, встречающееся во всех северо-восточных тюркских языках, — это монгольское заимствование [Clauson 1972: 166].

4. Сегмент «š¹ l¹ k¹ I» мы читаем как (a)šl(i)ki, т.е. (a)šl(i)k-i — букв. ‘еда, провизия-POSS3’, (a)ŋ (a)šl(i)ki — это притяжательное атрибутивное сочетание ‘еда (провизия) из дичи, дичь в качестве провизии’. Слово (a)šl(i)k образовано от основы (a)š ‘еда’ с помощью суффикса абстрактных существительных -l(i)k, т.е. это слово обозначает собирательное понятие ‘еда, пища’. Слово твердорядное, в нем согласно правилам рунической орфографии употреблены велярные согласные буквы. Первая гласная a также в соответствии с этими правилами не пишется, как и узкая непервая и непоследняя в слове гласная i. В этом сегменте также присутствует согласный «š¹», имеющий форму крышечки. В данном случае согласный «š¹» передает звук š.

Таким образом, эта надпись написана алтайским вариантом рунического письма в классической рунической орфографии. Непонятно, есть ли связь надписи с присутствующими на плите, очевидно, более ранними рисунками. Возможно, что создатель надписи был вдохновлен этими изображениями и сделал свой комментарий.

Надпись Инегень II

Транслитерация: b² r² t² b²/z/m A y² l² b² l² ? t¹ s²? r²? s²? ? ? ? s² g¹ y²? z

Транскрипция: b(i)r t(ä)bä y(ä)l(ä)... / (ä)v(i)rt(i)m — a y(e)lv(i)l(i)[g...]

Перевод: один верблюд скача... / я окружил, магический...

Комментарии

Содержание надписи не вполне ясно. Она сильно разрушена, более или менее сохранилось только начало, но и в нем не все буквы ясны. Особенно проблематична четвертая буква, которую можно прочесть как «b²», «z» или «m». Сегмент «b² r² t² b²/z/m A y² l²» дает два различных прочтения: 1) b(i)r t(ä)bä y(ä)l(ä) ‘один верблюд скача’ — это возможная, хотя и маловероятная интерпретация начала надписи; 2) (ä)v(i)rt(i)m — a y(e)lv(i)l(i)[g... ‘я окружил, магический...’. Первые четыре буквы могли бы читаться и как b(i)rt(ä)m ‘полностью’ и как b(e)rt(i)m ‘я дал’. Далее надпись «нечитабельна».

Судя по сохранившемуся началу надписи, она написана алтайским вариантом рунического письма. На это указывает форма буквы «b²», характерная и для енисейского варианта, а также использование буквы «A» в качестве знака препинания.

Сокращения

DAT – дательный падеж

POSS3 – притяжательный аффикс 3 лица

Литература

- Кормушин 1997 — *Кормушин И.В.* Тюркские енисейские эпитафии. Тексты и исследования. М., 1997.
- Кубарев, Со Гилсу, Со Джинсу 2003 — *Кубарев В.Д., Со Гилсу, Со Джинсу.* Обследование петроглифов Алтая // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. IX, ч. I. Новосибирск, 2003. С. 377—380.
- Кызласов 1994 — *Кызласов И.Л.* Рунические письменности евразийских степей. М., 1994.
- Маточкин 2004 — *Маточкин Е.П.* Петроглифы Булан-Кобы // Комплексные исследования древних и традиционных сообществ Евразии: Сб. науч. тр. Барнаул, 2004. С. 399—402.
- Невская, Герке 2007 — *Невская, И.А., Герке Р.* Электронный корпус древнетюркских текстов доисламского периода: VATES // Тюркологический сборник — 2006 / Ред. *Кляшторный С.Г.* и др. М., 2007. С. 246—260.
- Тыбыкова, Невская 2009 — *Тыбыкова Л.Н., Невская И.А.* Проект «Документация, каталогизация, дешифровка и публикация древнетюркских рунических письменных памятников Республики Алтай (Российская Федерация)» // Российская тюркология. 2009, 1. С. 84—88.
- Цэвэндорж, Кубарев, Якобсон 2005 — *Цэвэндорж Д., Кубарев В.Д., Якобсон Э.* Петроглифы Арал-Толгой (Монголия). Улан-Батор, 2005.
- Чевалков 2004 — *Чевалков Л.М.* Результаты научных исследований по проектам: «Памятники историко-культурного наследия Алтая» и «Палеоэкология и культура древнего человека эпохи камня в Горном Алтае» // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. X, ч. 1. Новосибирск, 2004. С. 174—178.
- Черемисин, Слюсаренко 1994 — *Черемисин Д.В., Слюсаренко И.Ю.* Бертекская писаница // Древние культуры Бертекской долины (Горный Алтай, плоскогорье Укок). Новосибирск, 1994. С. 49—60.
- Ырк Битиг — см. Clauson 1972.
- Clauson 1972 — *Clauson G.* An etymological dictionary of pre-Thirteenth-Century Turkish. Oxford, 1972.
- Jacobson, Kubarev, Tseveendorj 2001 — *Jacobson E., Kubarev V., Tseveendorj D.* Mongolie du Nord-Ouest: Tsagaan Salaa // *Baga Oigor. Répertoire des pétroglyphes d'Asie Centrale.* Т. V, 6. P., 2001.
- Kubarev, Jacobson 1996 — *Kubarev V.D., Jacobson E.* Répertoire des pétroglyphes d'Asie Centrale. Fascicule № 3: Sibérie du Sud 3: Kalbak-Tach I (République de l'Altaï). P., 1996.
- Nevskaya (in print) — *Nevskaya I.A.* Some orthographic and paleographic features of Altai Runic inscriptions // Proceedings of the 3rd Runic symposium. Ankara, 2010.

Иллюстрации

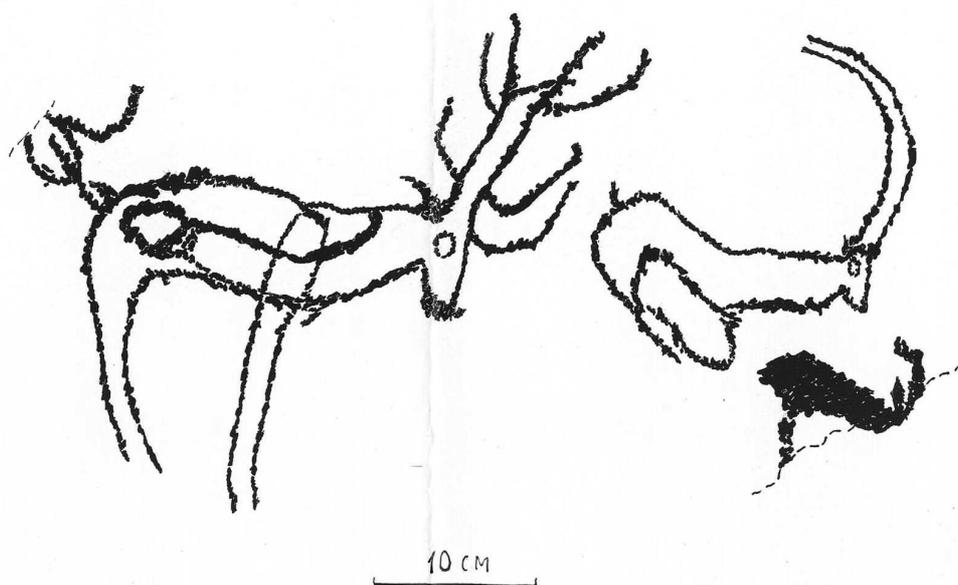

Рис. 1. Петроглифы левой плиты

Рис. 2. Петроглифы правой плиты

Рис. 3. Фотография правой плиты с надписями

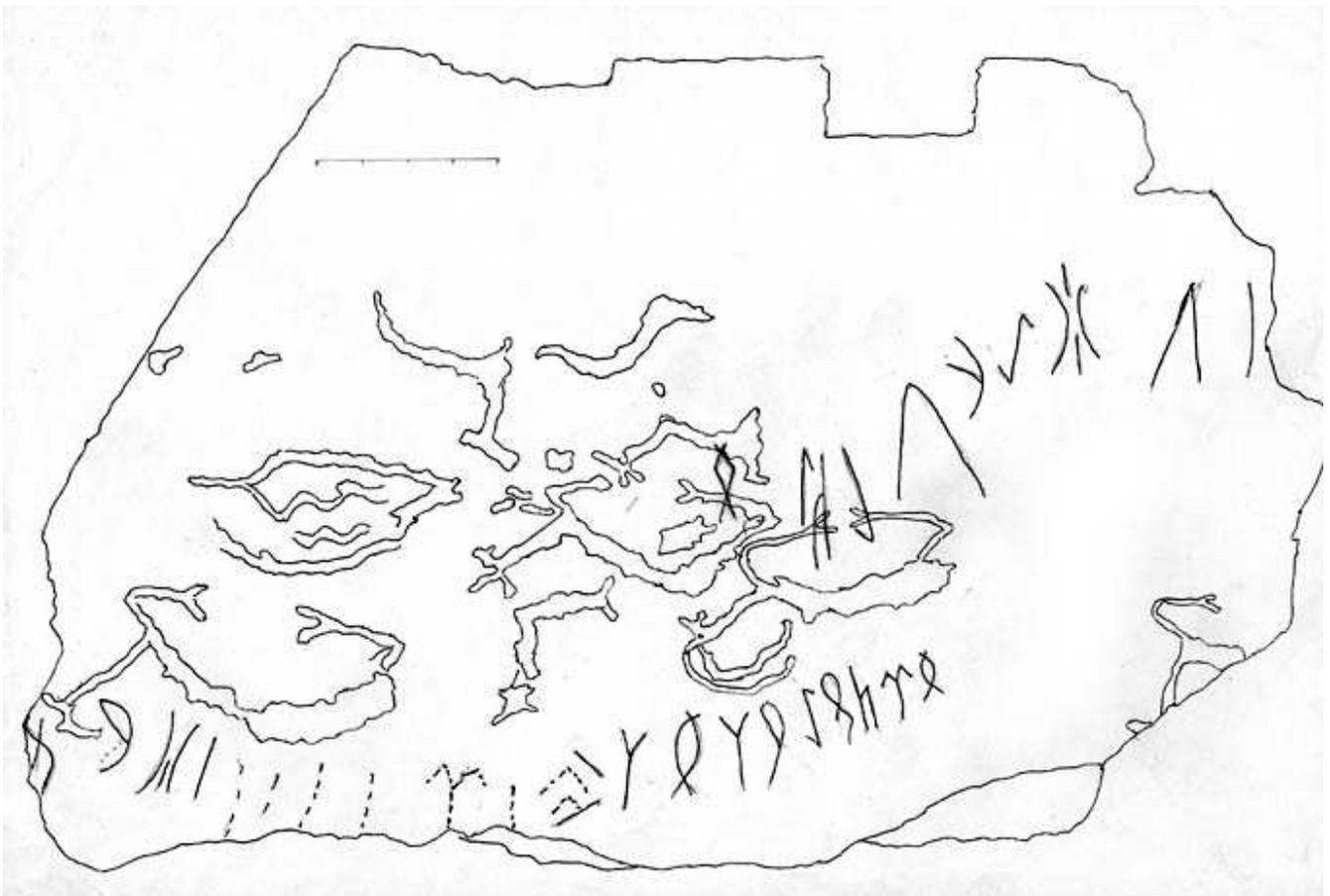

Рис. 4. Прорисовка надписей

SUMMARY

Quite a number of Old Turkic runeiform inscriptions were found in Mountainous Altai during the last decades. They are mostly written in a Runic variety in some respects very different from the one found in Mongolia or in the basin of the Yenisey river in the Turkic Republics of Khakassia and Tyva. Recent research conducted by the authors of the article has shown that there are about ninety Old Turkic runeiform inscriptions that have been discovered in the Altai Mountains. Our Internet website www.altay.uni-frankfurt.de documents these inscriptions.

The article presents two stones with petroglyphs and two Runic inscriptions recently discovered in the valley of the river Nižnij Inegen by Evgenij Matočkin. We publish a comparative analysis of the petroglyphs on these stones as well as our readings of the Runic inscriptions: their transliterations, transcriptions and translations.

Пространственная направленность в турецкой языковой картине мира

Разнообразие и многоплановость пространственных параметров, структурирующих бытие человека, обуславливает выделение разных видов пространства с точки зрения взаимосвязи его с человеком: реальное, перцептуальное, концептуальное, семантическое, семиотическое и др. [Прохоров 2008: 101—102]. Из всех перечисленных видов пространства для изучения языковой картины мира (далее — ЯКМ) более всего подходит понятие «концептуальное пространство» как «совокупность исторически сложившихся базовых структурных элементов организации человеческого бытия, закрепленных в наборе семиотических сфер, именованных в наборе семантических сфер и обеспечивающих существование человека в реальном пространстве» [там же]. Однако в целях настоящей работы нам удобнее оперировать понятием «жизненное пространство», имея в виду часть пространства, осваиваемую человеком в процессе его хозяйственной деятельности. Конкретный способ освоения жизненного пространства накладывает отпечаток на мировосприятие человека и определяет границы самого жизненного пространства, которые раздвигаются с развитием технических средств, что находит отражение в языке как появление новых лексических и грамматических средств, расширение спектра значений, лексической и грамматической сочетаемости старых лексем. Важнейшим качеством жизненного пространства является его ограниченность и конечность, в основе которой лежит ограниченность возможностей наших органов чувств.

Существенным отличием жизненного пространства от физического является и разная степень его концентрации, во-первых, в разных направлениях и, во-вторых, в разных «зонах удаления» от говорящего. Преимущественно горизонтальное распределение объектов по поверхности земли и преимущественно горизонтальная направленность передвижений, осуществляемых традиционными способами, неизбежно приводит к тому, что в ближайшей окружающей человека зоне наиболее детально должно быть разработано горизонтальное направление. В вертикальном направлении более детализированным должно быть верхнее пространство, менее детализированным — нижнее, так как видимых объектов, расположенных выше человека, гораздо больше, чем расположенных ниже него (ср. русск. *под*, с одной стороны, и *на ~ над* — с другой), и выше расположенные объекты занимают в жизни человека более важное место.

В рамках системы средств языкового выражения местоположения объекта по отношению к ориентир в современном турецком языке (ТЯ) мы рассмотрим следующие лексемы — пространственные слова: *yan* ‘бок’, *sol* ‘лево’, *sağ* ‘право’, *ön* ‘перёд’, *arka* ‘зад’, *üst* ‘верх’, *üzeri* ‘верх’, *yukarı* ‘верх’, *alt* ‘низ’, *aşağı* ‘низ’, *ileri* ‘перёд’, *geri* ‘зад’, *doğru* ‘прямо’ в основной форме, оформленные только показателями категории принадлежности или показателями категории принадлежности и падежа одновременно.

Горизонтальное направление

Лексемы *yan*, *sol*, *sağ*, *ön*, *arka* используются в адъективной функции. В субстантивной функции с показателем категории принадлежности могут означать как соответствующую часть тела человека или другого ориентира, так и объекты, сопряженные с ним с соответствующей стороны. Благодаря этому приему определенная, непосредственно связываемая сознанием с ориентиром часть пространства вокруг него как бы «присваивается» (термин Т.В. Цивьян) этим ориентиром, становится его неотъемлемой частью, в основе чего должна лежать способность человека познавать ближайшие к нему объекты тактильно:

Bir yan+ı (sol+u, sağ+ı) tutmuyor ‘У него парализована одна (левая, правая) сторона’ (букв. ‘Одна сторона+его (лево+его, право+его) не держит’), *Ön+ün (arka+n) kirlendi* ‘Ты испачкался спереди (сзади)’ (букв. ‘Испачкался перед+твой (зад+твой)’), *Arka+sı açık* ‘У него голая (открыта) спина’ (букв. ‘Зад+его открыт’);

Evin yan+ı (sağ+ı, sol+u) pastane ‘Непосредственно рядом (слева, справа) с домом находится кондитерская’ (букв. ‘Дома бок+его (лево+его, право+его) кондитерская’), *Sol+um boş* ‘Слева от меня свободное место’ (букв. ‘Лево+мое пустое’), *Evimizin ön+ü (arka+sı) açıklık* ‘Перед (за) нашим домом открытое пространство’ (букв. ‘Нашего дома перед+его (зад+его) открытое место’), *Bu dağların arka+sı deniz* ‘Позади этих гор — море’ (букв. ‘Этих гор зад+их море’).

Напольнова Елена Марковна: Университет Озиегин, Стамбул, Турция.

Как видно из приведенных примеров, дифференциация собственно части ориентира и сопряженных с ним объектов частично происходит синтаксически. В первом случае предикат может выражаться глаголом и прилагательным, а во втором — существительным или прилагательным.

За счет метонимического переноса объекты, сопряженные с ориентиром, характеризуются так же, как находящиеся на той или другой его стороне, что оказывается возможным благодаря универсальности значения локатива: *Kardeşim babamın yan+ı+nda (sağ+ı+nda, sol+u+nda) duruyor* ‘Мой брат стоит рядом (справа, слева) с моим отцом’ (букв. ‘Брат+мой отца+моего бок+его+на (право+его+на, лево+его+на) стоит’), *Bankanın yan+ı+nda (sol+u+nda, sağ+ı+nda) bir eczane var* ‘Рядом (слева, справа) с банком есть аптека’ (букв. ‘Банка бок+его+на (право+его+на, лево+его+на) аптека есть’), *Ön+üm+de (arka+m+da) bir masa vardı* ‘Передо (за) мной стоял стол’ (букв. ‘Перед+мой+на (зад+мой+на) стол был’), *Okulun ön+ü+nde (arka+sı+nda) bahçe var* ‘Перед (позади) школой находится сад’ (букв. ‘Школы перед+ее+на (зад+ее+на) сад есть’).

Тюркские лексемы *ön*, *arka*, *sağ*, *sol* соотносятся только с определенной стороной ориентира: так, для ТЯ, в отличие от русского, не характерно высказывание **köprüünün önünde* ‘перед мостом’ (например, *остановиться перед мостом*), так как конструкция моста не имеет определенной ориентации (не автоориентирована), а при необходимости конкретизации точки принято исходить из направления перемещения: *köprü girişinde* ‘на въезде на мост’, *köprü çıkışında* ‘на съезде с моста’, т.е. в целом способ дейксиса в ТЯ должен рассматриваться в совокупности с отношением к пространственному перемещению.

Лексема *yan* имеет более обобщенное значение ‘одна из двух боковых сторон’, вследствие чего невозможно **ön yan+ı* ‘его передняя сторона’, **arka yan+ı* ‘его задняя сторона’, и не используется без показателя принадлежности в функции существительного. Определения *sol* ‘левый’ и *sağ* ‘правый’ сочетаемы с определяемым *yan* главным образом в значении части тела или другого объекта: *kalbin sol yan+ı* ‘левая сторона сердца’ (букв. ‘сердца левая сторона+его’), *Sol yan+ım ağrıyor* ‘У меня болит левая сторона тела’ (букв. ‘Левая сторона+моя болит’), *beynin sol yan+ı* ‘левое полушарие мозга’ (букв. ‘мозга левая сторона+его’), *sağ yan+ı üzerine yatmak* ‘лежать на правом боку’ (букв. ‘правая сторона+его на лежать’), *Arabanın sağ yan+ı gitti* ‘Правая сторона машины разбита’ (букв. ‘Машины правая сторона+ее ушла’). В значении сопряженной части окружающего объект пространства определения *sol* ‘левый’ и *sağ* ‘правый’ с определяемым *yan* практически не сочетаемы.

Для современного языка не характерно использование *yan* с показателем множественного числа в прямом значении (обнаруженные нами отдельные примеры не репрезентативны), а при необходимости одновременного указания двух противоположных сторон используется числительное ‘два’: *iki yan+ı* ‘две его стороны’ (букв. ‘две сторона+его’). В рамках идиоматических выражений, используемых для описания, как правило, крупных и не ориентированных географических объектов, *yan* в значении ‘сторона света’ сочетается и с числительными ‘четыре’ (‘весь’), реже — ‘три’ (‘почти весь’): *İstanbul’un dört yan+ı müzik* ‘В Стамбуле со всех сторон слышится музыка’ (букв. ‘Стамбула четыре сторона+его — музыка’), *Dört yan+ı dağlar bağlar* ‘Окружен горами со всех сторон’ (букв. ‘Четыре сторона+его горы связывают’), *Dört yan+ı sularla çevrili* ‘Со всех сторон окружен водой’ (букв. ‘Четыре сторона+его водами окружены’), *dünyanın dört bir yan+ı+ndan yaklaşık 100 milyon kişi* ‘приблизительно 100 миллионов человек со всего света’ (букв. ‘мира четыре (и) одна сторона+его+с приблизительно 100 миллионов человек’), *Okul sadece dört yan+ı duvarla çevrili, tepesinde dam olan yer değildir. Okul her yerde* ‘Школа — это не только четыре стены и крыша. Школа — повсюду’ (букв. ‘Школа — только четыре сторона+его стенами окружены место нет...’) (речь идет не о конкретной школе, а об институте школы), *Türkiye’nin üç yan+ı deniz* ‘Турция окружена морями с трех сторон’ (букв. ‘Турции три сторона+ее — море’), *Türkiye’nin üç yan+ı lodos* ‘Почти на всей территории Турции господствует теплый юго-восточный ветер’ (букв. ‘Турции три сторона+ее — теплый юго-восточный ветер’).

Лексемы *sağ*, *sol*, *arka*, *ön*, оформленные показателями категории принадлежности и локатива, характеризуют местоположение не только сопряженных с ориентиром, но и отстоящих от него в соответствующем направлении объектов. В отличие от них лексема *yan* соотносится исключительно с боковой частью тела человека (у Махмуда Кашгарского *jan* ‘бедро’ [ДТС]) или другого ориентира и непосредственно сопряженными с ними объектами. «Неотторжимость» *yan* от объекта позволила этой лексеме использоваться для выражения значения «актуального обладания»: *Yan+ın+da mendil var mı?* ‘У тебя с собой есть носовой платок?’ (букв. ‘Бок+твой+на носовой платок есть ли?’), *Yan+ın+a para al* ‘Возьми с собой денег’ (букв. ‘Бок+твой+на деньги возьми’), *Kızım şu an yan+ım+da* ‘Моя дочь сейчас рядом со мной’ (букв. ‘Дочь+моя сейчас бок+мой+на’). Эту особенность лексемы *yan* представляется правильным связать со способом транспортировки личных вещей в боковой сумке на плече или на боку лошади.

Для выражения еще более обобщенного представления 'любая из сторон' используется заимствованное из арабского существительное *taraf*. В отличие от перечисленных тюркских лексем *taraf* не имеет адъективного значения и активно используется как самостоятельное имя, в том числе и без аффиксов принадлежности (*bu taraf* 'эта сторона', *o tarafa* 'на (в) той стороне' и т.д.). При оформлении только показателем принадлежности она означает ту или иную часть ориентира, а при оформлении одновременно показателями принадлежности и локатива характеризует местоположение предметов без учета степени их удаленности от ориентира: *yan taraf* 'боковая сторона', *sol taraf+ta* 'слева' (букв. 'левая сторона+на'), *arka taraf* 'задняя сторона', *ön taraf+ta* 'перед' (букв. 'передняя сторона+на'), *üst taraf* 'верхняя сторона', *alt taraf+ta* 'снизу, под' (букв. 'нижняя сторона+на'); *Bir taraf+ı tutmuyor* 'Он парализован на одну сторону' (букв. 'Одна сторона+его не держит'), *Binanın bu taraf+ı hiç güneş almıyor* 'Эта сторона дома всегда находится в тени' (букв. 'Дома эта сторона+его совсем солнце не берет'), *Elmanın çürük taraf+ı+ını kes* 'Срежь гнилую часть яблока' (букв. 'Яблока гнилую сторону+его отрежь'), *Evimizin sokağın bu taraf+ı+ında+dır* 'Наш дом находится на этой стороне улицы' (букв. 'Дом+наш улицы эта сторона+ее+на есть').

Облигаторности признака сопряженности у *yan* противопоставляется не только отсутствие такового у *taraf*, но зачастую и представление о противопоставленности объектов, расположенных по разные стороны воображаемой границы: *karşı taraf* 'противоположная сторона', 'противник', *taraf tutmak* 'быть на стороне, поддерживать кого-л.' (букв. 'сторону держать'), *taraf+lı olmak* 'быть необъективным' (букв. 'сторона+с быть'). Это обуславливает ограниченность взаимозаменяемости лексем теми случаями, когда описывается та или иная часть самого объекта; при этом возможно использование определений 'левый' и 'правый': *Bir tarafı tutmuyor = Bir yanı tutmuyor* 'Он парализован с одной стороны', *Sol yanı tutmuyor = Sol tarafı tutmuyor* 'Он парализован с левой стороны'. В отдельных выражениях замена лексемы приводит к значительному смысловому различию: *Her zaman senin taraf+ın+da olacağım* 'Я всегда буду на твоей стороне' (букв. 'Всегда твоя сторона+твоя+на буду'), *Her zaman senin yan+ın+da olacağım* 'Я всегда буду рядом' (букв. 'Всегда твоя сторона+твоя+на буду').

Еще более абстрактное значение 'стороны; со всех сторон, вокруг' имеет лексема *etraf* (pl от *taraf*): *Sis yüzünden etrafta hiçbir şey görünmüyordu* 'Из-за тумана вокруг ничего не было видно'.

Лексемы *taraf* и *etraf* не зафиксированы в ДТС, а близкая по значению к *etraf* лексема *çevre* 'всё вокруг, среда, окружение' является неологизмом (от *çevirmek* 'поворачивать, переворачивать'). Их более позднее заимствование в ТЯ, возможно, свидетельствует о постепенном формировании абстрактного языкового представления о 'стороне' вне связи с положением ориентира.

Обычная горизонтальная ориентированность тела животных определяет некоторые особенности использования лексем, обозначающих отдельные части их тела: вместо *arka* и *ön* в отношении животных используются лексемы *sirt* 'спина', *göğüs* 'грудь', *baş* 'голова'. Лексемы *ön* и *arka*, оформленные показателем категории принадлежности и падежным показателем, используются, как правило, для определения местоположения объектов впереди и позади животного: *Kedinin önünde bir kase duruyor* 'Перед кошкой стоит миска', *Atın arkasına bir torba bağlanmıştı* 'Позади лошади был привязан мешок' (речь идет о мешке, привязываемом позади лошади, запрягаемой в повозку, для предотвращения загрязнения улиц пометом), — хотя возможно и соотнесение их с частями тела животного, очевидно выступающими за пределы его корпуса, т.е. представляемыми как обособленные объекты: *O hayvanın ismini bilmiyorum. Arkasından kocaman bir kuyruğu vardı* 'Я не знаю, как называется то животное. Сзади у него был огромный хвост'.

Лексемы *sağ* и *sol* не могут использоваться с показателем множественного числа. В отличие от них *arka* и *ön* могут использоваться с этим показателем в отношении не только множества объектов (*Uçaklar arkalarında neden beyaz iz bırakıyorlar?* 'Почему самолеты оставляют за собой белый след?'), но и единичного объекта, за счет чего выражается неопределенность (неточечность, распределенность, «веерность») расположения впереди- или позадилежащих объектов по отношению к оси направления действительного или умозрительного перемещения. Например, название романа А. Бека «Волоколамское шоссе» переведено как «Moskova önlerinde» 'На подступах к Москве'; *Aqua Park arkalarında düz tarla* 'ровное поле за аквапарком'.

Такая объективная физиологическая реальность, как особенности функционирования правых и левых конечностей человека, отмечена в ЯКМ разных народов и нашла отражение в различных мифологических и религиозных картинах мира. В частности, русский язык соотносит правильность и ошибочность совершаемых поступков с точностью действий, совершаемых правой рукой, и неточностью движений левой руки. В отличие от них в турецкой ЯКМ определения *sağ* 'правый' и *sol* 'левый' не приобрели оценочного переносного значения. Причина этого заключена в превалирующем значении целенаправленности и прямолинейности перемещения — лексема *doğru* в функции прилагательного и наречия имеет значения 'прямой, правильный; прямо, правильно': *doğru yol* 'правильный / прямой путь', *Doğru*

göt 'Иди прямо', *Doğru söylüyorsun* 'Ты говоришь правильно', — а в функции послелого означает 'к, по направлению к': *güneye doğru* 'на юг, в южном направлении'.

В свою очередь лексема *eğri* наряду с конкретным значением 'кривой, криво' приобрела и отрицательное оценочное значение 'неправильный, неправильно', чаще реализующееся в рамках фразеологизмов в оппозиции с *doğru*: *Gazetecilik bu oğlum, eğri, doğru yazılıp çıkmalı* (M.Ş. Esendal) 'Это и есть журналистика, сынок. Правда ли написанное или вранье (букв. 'криво, прямо'), но газета должна выйти' [TDK], *eğriyle doğrusuyla* 'всесторонне, во всех подробностях' [TDK] (букв. 'кривое / неправильное+его+с прямое / правильное+его+с'), *eğri gemi doğru sefer* 'с помощью недостаточных средств прийти к необходимому результату' [TDK] (букв. 'кривой / неправильный корабль прямой / правильный рейс'), *eğrisi doğrusuna gelmek* 'дело, представлявшееся невозможным, волей случая удалось' [TDK] (букв. 'кривое / неправильное+его прямое / правильное+его+к прийти'); а также *eğri söz* 'плохое слово' [TDK], 'клевета, наговор' [TS] (букв. 'кривое / неправильное слово').

Вертикальное направление

Среди лексем, используемых для обозначения выше- и нижерасположенных объектов в ТЯ, не существует четкой градации по степени удаленности от ориентира.

Лексема *üst* 'верх' может использоваться в адъективной функции: *üst komşu+muz* 'наш сосед сверху' (букв. 'верхний сосед+наш'). В самостоятельной субстантивной функции обозначает:

1) верхнюю часть самого объекта: *eşofman üst+ü* 'верхняя часть спортивного костюма, спортивная куртка' (букв. 'спортивного костюма верх+его');

2) верхнюю поверхность объекта: *masanın üst+ü ıslak* 'на столе мокро, поверхность стола мокрая' (букв. 'стола верх+его мокрый');

3) объекты, расположенные на поверхности ориентира (сопряженность): *masanın üstündeki kitaplar* 'книги (лежащие) на столе' (букв. 'стола верх+его+на книги'), *Üst+üm+de palto vardı* 'На мне было пальто' (букв. 'Верх+мой+на пальто было');

4) объекты, расположенные над ориентиром (несопряженность): *masanın üst+ü+nde+ki tablo* 'картина, лежащая на столе' или 'картина, висящая над столом' (букв. 'стола верх+его+на / над+который картина'), *ikinci üst+ümüz* 'квартира двумя этажами выше нашей' (букв. 'второй верх+наш').

Лексема *üzeri* не используется в адъективной функции и не имеет значения 'верхняя часть объекта'. Она имеет субстантивное значение 'верхняя поверхность объекта': *Onun üzer+i kuru ydu* 'Сверху он был сухим' (букв. 'Его верх+его сухой был'), *Cami kare planlı olup, üzer+i düz toprak damla örtülüdür* 'Здание мечети квадратное, плоская крыша покрыта землей' (букв. 'Мечеть квадратный план+с, верх+ее плоской земляной крышей покрыт'). Эта лексема полностью синонимична *üst*; в функции послелого-имени выражает как сопряженность, так и близость объектов: *masanın üzerindeki (= üstündeki) kitaplar*, *masanın üzerindeki (= üstündeki) tablo*, *Üstümde (= Üzerimde) palto vardı*.

Обозначение с помощью обеих лексем выше расположенной части пространства привело к широкому использованию их во вторичном сравнительном значении 'превышающий': *500 TL ve üzer+i* 'от 500 лир' (букв. '500 лир и верх+его'), *3 metre ve üzer+i (üst+ü)* 'от трех метров' (букв. 'на 3 метра и верх+его'), *50 adet ve üst+ü* 'от 50 штук' (букв. '50 штук и верх+его'), *18 yaş üst+ü oyunlar* 'игры для людей старше 18 лет' (букв. '18 лет верх+его игры'), *12 yaş üzer+i çocuklar* 'дети от 12 лет' (букв. '12 лет верх+его дети'). В перечисленных примерах лексемы *üst* и *üzeri* в принципе взаимозаменяемы, а выбор одного из вариантов, как правило, связан со стилистическими факторами, хотя в отдельных лексикализовавшихся выражениях носители однозначно указывают на возможность использования лишь одного варианта: *üst+ü kapalı havuz* (невозможно **üzeri kapalı*) 'крытый бассейн' (букв. 'верх+его закрыт бассейн'), *para üst+ü* 'сдача' (букв. 'деньги верх+его').

Положение лексемы *yukarı* достаточно специфично. В адъективной функции *yukarı* часто синонимична *üst* (*yukarı kat = üst kat* 'верхний этаж'), а в функции существительного, с одной стороны, может указывать на неопределенное местоположение 'где-то наверху': *O bizi yukarıdan görüyor* 'Он видит нас сверху' (про Бога; невозможно с *üst* и *üzeri*). С другой стороны, *yukarı* может называть верхнюю часть объекта, отделенную от нижней четкой границей: *bel+den yukarı+sı çıplaktır* 'обнаженный по пояс' (букв. 'пояс+от верх+его голый есть'), *bel+den yukarı vuruşlar* 'удары выше пояса' (в боксе) (букв. 'пояс+от верх удары'), *bıçakla bel+den yukarı yaralama* 'нанесение ножом ран на верхней части туловища' (букв. 'ножом пояс+от верх ранение'), *çizgi+den yukarı+sı* (букв. 'линия+от верх+ее') = *çizgi+nin yukarı+sı* (букв. 'линии верх+ее') 'область выше линии', *binanın her ana cephesinde toprak seviye+si+nden 2 m yukarı+sı* 'часть всех главных фасадов здания, находящаяся выше двух метров от поверхности земли'

(букв. ‘земля поверхность+ее+от 2 м верх+ее’). Как видно из приведенных примеров, в значениях *yukarı* содержится представление о наличии некой границы, отделяющей объект от вышерасположенного пространства или нижнюю часть объекта от верхней. Такая граница выражается существительным в форме аблатива, при этом *yukarı* может присоединять показатель принадлежности 3-го лица, хотя не образует изафетной конструкции, что, в принципе, противоречит грамматическим устоям ТЯ. Другой аномалией лексемы *yukarı* является то, что ее основная форма синонимична форме латива: *yukarı bakmak = yukarıya bakmak* ‘смотреть наверх’, *yukarı fırlatmak = yukarıya fırlatmak* ‘подбрасывать вверх’, *yokuş yukarı yürümek* ‘подниматься вверх по улице’. Такую специфику следует связать с тем, что *yukarı* в современном языке не полностью утратила свое древнетюркское значение — направительное ‘вверх’ [ДТС], не сохранившееся в *üzeri*.

Yukarı, подобно *üst* и *üzeri*, хотя и реже, чем две эти лексемы, может использоваться в сравнительном значении: *14 yaş ve yukarısı* ‘от 14 лет и старше’, *kızların kilosunun 50'den yukarı çıkmaması* ‘то, что вес девушек не превышает 50 кг’.

В отношении ниже расположенных объектов используется две лексемы — *alt* и *aşağı*. *Alt* используется в функции прилагательного: *alt komşumuz* ‘наш сосед снизу’ (букв. ‘нижний сосед+наш’). В именной функции обозначает как нижнюю часть и нижнюю поверхность объектов: *eşofman altı* ‘нижняя часть спортивного костюма, спортивные брюки’, *kalın altlı tencere* ‘кастрюля с толстым дном’, *tavanın altı* ‘дно, нижняя поверхность сковороды’, — так (метонимически) и то, на что опирается объект: *Binanın alt+ı sağlam olmalı* ‘Основание под домом должно быть прочным’ (букв. ‘Дома низ+его крепко должен быть’), *altımız* ‘этаж под нами’ (букв. ‘наш низ’), *Bebeğin altı ıslak* ‘Ребенок описался’ (букв. ‘Ребенка низ+его мокрый’).

Alt аналогично *üst* и *üzeri* не маркировано по сопряженности / несопряженности при описании ниже расположенных объектов: *Altımızda bir genç çift oturuyor* ‘Под нами живет молодая пара’ (букв. ‘Низ+наш+на одна молодая пара живет’), *Ayağımın altında bir şey çatladı* ‘У меня под ногой что-то треснуло’ (букв. ‘Ноги+моей низ+ее+на одна вещь треснула’), *Masanın altında çanta duruyor* ‘Под столом стоит сумка’ (букв. ‘Стола низ+его+на сумка стоит’).

Особенности употребления *aşağı* очень близки к *yukarı*. В адъективной форме *aşağı* может быть синонимичным *alt*: *aşağı kat = alt kat* ‘нижний этаж’. У *aşağı*, как и у *yukarı*, прослеживаются остатки направительности, что проявляется в сочетаемости с существительным в лативе: *diz+den aşağı+sı* (букв. ‘колени+от низ+его’) ‘ниже колена’ — и в синонимичности формы, воспринимаемой в современном ТЯ как основная, и формы в направительном падеже: *aşağı düşmek = aşağıya düşmek* ‘падать вниз’, *bayır aşağı gitmek* ‘спускаться вниз по склону’. Причина та же: первоначальным значением лексемы *aşağı* в основной форме было направительное ‘вниз’ [ДТС]. Таким образом, в значениях *aşağı* (аналогично *yukarı*) содержится представление о наличии некой границы, отделяющей объект от ниже расположенного пространства или нижнюю часть объекта от верхней.

Лексемы *alt* и *aşağı* также получили антонимичное *üst*, *üzeri* и *yukarı* сравнительное значение ‘не превышающий’: *Avrupa 21 yaş alt+ı futbol şampiyonası* ‘чемпионат Европы по футболу среди юношей’ (букв. ‘Европа 21 год низ+его чемпионат’), *Mehmet Topuz'dan daha aşağısı olmaz* ‘(Я не согласен получать) меньше, чем Мехмет Топуз’ (букв. ‘Мехмет Топуз+от еще низ+его не может быть’).

Указанные лексемы образуют устойчивые антонимические пары — *aşağı* противопоставляется *yukarı*: *Aşağı tükürsem sakal, yukarı tükürsem bıyık* ‘Куда ни кинь, все клин’ (букв. ‘Вниз плюну если — борода, вверх плюну если — усы’), *aşağı yukarı* ‘примерно’ (букв. ‘низ верх’), — а *alt* противопоставляется *üst*: *alt üst kızartmak* ‘обжарить сверху и снизу’ (букв. ‘низ верх жарить’).

Лексемы *alt* и *üst* могут использоваться с показателем множественного числа, как правило, в переносном смысле, при сравнении позиции, занимаемой соответствующим объектом, с позициями схожих объектов, когда речь идет о «повышении или понижении рейтинга»: *Daha üstlerde olmalıydık* ‘Мы должны были занимать более высокую позицию’, *en üstlerde yer almak* ‘занимать одну из верхних позиций’, *IQ listesinde altlarda kaldık* ‘Мы отстали по коэффициенту интеллекта’. Возможность использования здесь показателя множественного числа диктуется, как это указывалось выше в отношении *arka* и *ön*, представлением о наличии перемещения, в данном случае умозрительного. Впрочем, такие словоупотребления характерны скорее для пиар-текстов и заголовков, требующих лаконичности и выразительности, а в нейтральных текстах более употребительны конструкции с показателем множественности у определяемого существительного: *üst katlar* ‘верхние этажи’, *alt tabakalar* ‘нижние слои’, *üst pozisyonlar* ‘верхние позиции’.

Aşağı и *yukarı* с показателем множественного числа демонстрируют отличную от *alt* и *üst* картину — они ассоциируются не с высоким или низким рейтингом, а с фактическим высотным уровнем (реальным или воображаемым): *yukarılarda gündoğumu* ‘восход за облаками’ (подпись к фотографии, на которой

восход солнца заснят с точки, расположенной выше облаков), *Ara sıra, aşağılarda, iyice aşağılarda denizin köpürüşünü görür gibi oluyordu* 'Иногда ему казалось, что где-то внизу, далеко внизу, было видно, как пенится море', *Biliyorum tekrar oraya, şehre ve aşağılara ineceğim* 'Я знаю, что однажды вернусь туда, вниз, в город', *O şimdi yukarılarda bir yerden bizi izliyor* 'Он сейчас следит за нами откуда-то сверху' (о душе умершего), *Sayın Halim Mete'nin konuşmasından ve anlamlı fikrasından anladığımıza göre yukarılarda hava sisli* 'Из выступления уважаемого Халима Мете и рассказанного им многозначительного анекдота ясно, что в верхах «погода туманная»' (имеется в виду политическая обстановка). Необходимо отметить, что в *yukarıda* «рейтинговое» значение в некоторой степени также присутствует, что следует связывать с наличием высокоупотребительного фразеологизма *göz+ü yukarıda* 'у него большие амбиции' (букв. 'глаз+его наверху'); *Gaziantep Büyükşehir'in gözü «yukarılarda»!* 'У команды центрального муниципалитета Газиантепа большие амбиции' (о предстоящем футбольном матче).

Основные особенности значений лексем — пространственных слов можно суммировать в виде следующей таблицы.

Таблица 1. Основные особенности значений лексем — пространственных слов в ТЯ

	Маркированность по сопряженности	Значение 'часть объекта'	Значение 'поверхность объекта'	Значение 'сопряженные объекты'	Значение 'отстоящие объекты'	Обозначаемые направления	Значение разграниченности	Направительность в значении основной формы
<i>yan</i>	+	+	+	+		2		
<i>sol</i>		+	+	+	+	1		
<i>sağ</i>		+	+	+	+	1		
<i>ön</i>		+	+	+	+	1		
<i>arka</i>		+	+	+	+	1		
<i>üst</i>		+	+	+	+	1		
<i>üzeri</i>			+	+	+	1		
<i>yukarı</i>		+			+	1	+	+
<i>alt</i>		+	+	+	+	1		
<i>aşağı</i>		+			+	1	+	+
<i>taraf</i>		+	+	+	+	6	+	

Удаленность объектов

Лексемы *uzak* 'далеко; далекий; даль' и *yakın* 'близко; близкий; ближайшая округа' характеризуют относительную взаимную удаленность объектов в зависимости от «параметров текущей ситуации» [Апресян 1986: 16], например, по сравнению с другими небесными телами как *yakın* может быть охарактеризована Луна, а как *uzak* — предмет в комнате, расположенный на таком удалении от человека, что тот не в состоянии достать до него рукой. Несмотря на кажущуюся полную антонимичность этих понятий, представления о «близости» и «дальности» в турецкой ЯКМ обнаруживают значительные отличия от русской.

Е.С. Яковлева, изучая особенности использования наречий с семантикой 'далеко' / 'близко', приходит к выводу, что для русской ЯКМ характерно «плоскостное» или «равнинное» мышление, так как ««категория дистанции» в русском языке тесно связана с горизонтальной ориентацией пространства» [Яковлева 1994: 31]. Похожая ситуация зафиксирована Тань Аошуан в китайском языке, причину чего, по ее мнению, следует искать в том, что «очаг китайской цивилизации — бассейн Жёлтой реки», лишь «на периферии которого находились гористые местности со свойственной им вертикальной ориентацией» [Тань Аошуан 2004: 28]. Таким образом, в русском и китайском языках отразилась необходимость освоения «горизонтально расположенного» жизненного пространства, в противоположность чему в понимании горных народов, осваивавших «вертикально расположенное» жизненное пространство, дистанционная удаленность может иметь как горизонтальную, так и вертикальную направленность [там же].

Как показало проведенное нами исследование, ситуация в ТЯ аналогична русской и китайской, т.е. для тюрков, видимо, было свойственно «плоскостное» или «равнинное мышление»: носители современного ТЯ языка прямо указывают на возможность использования наречий *uzak* 'далеко' и *yakın* 'близко' только в отношении объектов, расположенных на одном уровне с говорящим, т.е. на уровне земли. Для проверки этого утверждения мы предлагали носителям ТЯ следующий сценарий: человек поднимается в гору и ищет определенный дом. Он спрашивает у прохожего, сколько ему еще идти. Каким может быть ответ прохожего, если он хочет сказать, что до дома придется идти еще достаточно долго? Ответы были

следующими: *Daha çok çıkacaksın* 'Еще много подниматься будешь', *Daha çok yürüyeceksin* 'Еще много идти будешь', *Daha var* 'Еще есть', *Daha yukarı+da* 'Выше' (букв. 'Еще верх+на'). Использование в этой ситуации наречия *uzak* исключалось. Если искомый дом находится близко, то возможны следующие варианты ответа: *Çok az kaldı* 'Очень мало осталось', *Hemen şurada* 'Сразу здесь', но не *yakın*.

Даже в случае, если речь идет об объектах, находящихся в воздухе, наречие *uzak* означает удаленность от них не по вертикали, а по горизонтали: *Büyük ve altı kararmış bulutlardan uzak durun* 'Держитесь подальше от больших и темных снизу облаков' (предполагается, что полет происходит на определенной высоте и воздухоплателям рекомендуется облетать облака такого рода, уходя от них в горизонтальной плоскости). Естественно, что развитие технических средств и связанное с этим общее изменение картины мира сделали возможным фактическое или умозрительное достижение целей не только в горизонтальном, но и в вертикальном направлении, что привело к появлению таких выражений, как *Dünyadan uzak bir dünya* 'Земля, далекая от Земли', *Gök kubbe bize hem yakın hem çok uzak* 'Небесный купол и близок к нам, и очень далек от нас'.

Если в русском языке наречие *далеко* может быть использовано в отношении «физического и умозрительного пространства», в том числе и «пространства инобытия» [Яковлева 1994: 62], в связи с тем, что «полюс *далеко* ирреален, так как теряет связь с самой идеей пространственной локализации» [ук. соч.: 47], то в ТЯ подобному употреблению лексемы *uzak* препятствует сема направленности, а для выражения понятия «неопределенно-направленной удаленности» используется множественное число в значении «распределенного множества» — *uzaklarda* (букв. 'в даях'). Такой вывод нам позволил сделать проведенный с носителями ТЯ тест, в ходе которого выяснялась возможность замены формы без показателя множественного числа на форму с показателем множественного числа и наоборот без изменения смысла высказывания. Тестирование показало, что в следующих фразах замена невозможна, так как речь идет об определенном объекте, находящемся вдали, т.е. о конкретном направлении в физическом пространстве: *12,5 milyar ışık yılı uzakta eşi görülmemiş patlama* 'невиданный взрыв на расстоянии в 12,5 миллиардов световых лет'; *Orada bir köy var uzakta. O köy bizim köyümüz* (Ahmet Kutsi Tecer, стих.) 'Там вдали есть деревня. Это наша деревня'; *Bu makineler+le hiçbir şey uzak+ta değil* (о фотоаппарате) 'С этими фотоаппаратами все далекое кажется близким' (букв. 'Эти аппараты+с ничто даль+в нет'); *vatanından çok uzakta, sürgünde ölen sinemacı* 'кинематографист, умерший вдалеке от родины, в ссылке'.

В следующих фразах замена невозможна, так как речь идет об умозрительном пространстве: *Uzaklarda ne var insanı çeken? Med mi var uzaklarda, cezir mi var? Herkes uzaklara gidi gidiveriyor, neden?* (стих.) 'Что вдали влечет человека? Что там — прилив или отлив? Каждый вдруг уходит вдали — почему?'; *Nasil da zordur uzaklarda sevmek birini* 'Как же трудно любить кого-то издалека'; *yüreğimden uzaklarda* 'вдалеке от моего сердца'; *mutluluğu uzaklarda aramak* 'искать счастье где-то вдалеке'; *uzaklarda bir yerlerde* 'где-то далеко'.

По этой же причине лексема *uzak* только в форме множественного числа может использоваться в отношении «пространства инобытия»: *O şimdi uzaklarda* 'Он сейчас далеко' (об умершем). Необходимо отметить, что некоторые из респондентов соотносили указанную фразу не с пространством инобытия, а с неопределенно-направленной удаленностью.

Нам не удалось обнаружить примеров, в которых формы *uzakta* и *uzaklarda* были бы взаимозаменяемы.

Лексема *yakın* соотносится с относительно (опять-таки в зависимости от «параметров текущей ситуации») близкой к говорящему сферой. В отличие от *uzak*, указанная лексема не содержит семы «определенное направление» (в горизонтальной плоскости), а значительная концентрация объектов в непосредственном окружении говорящего, большая обжитость им ближайшего пространства приводит к тому, что значения лексемы *yakın*, оформленной и не оформленной показателем множественного числа, обнаруживают различий: *size en yakın müzik market* 'ближайший к вам музыкальный магазин' (горизонтальность, однонаправленность) и *Poposu yere yakın olandan korkacaksın* (посл.) 'Опасайся людей маленького роста' (букв. 'Попа+его земле близко являющиеся+от бояться будешь') (вертикальность); *Yakın+da bir market var mı?* 'Поблизости есть рынок?' (горизонтальность, однонаправленность) и *Yakın+lar+da laptop tamir ettirecek bir yer var mı?* 'Поблизости есть где починить ноутбук?' (горизонтальность, неоднонаправленность). С этой точки зрения восприятие ближайшего к говорящему пространства, зафиксированное в турецкой ЯКМ, полностью совпадает с русским: «В отличие от остальных дистанционных поясов, ближайший не обязательно предполагает горизонтальную ориентацию объектов. По мере сокращения расстояния между объектом и говорящим признак горизонтальности утрачивается...» [Яковлева 1994: 33]. Как и в русском языке [Апресян 1986: 28], концентрированность ближайшего пространства, включение в него всего, что близко человеку физически и мысленно, дает возможность распро-

странить значение лексемы *yakın* не только на артефакты и природные объекты, но и на окружающих людей: *ailem ve yakınlarım* ‘моя семья и мои близкие’.

Еще в большей степени, чем *uzak*, с идеей направленного перемещения связаны лексемы *ileri* ‘перед; передний’ и *geri* ‘зад; задний’: — *Durak nerede? — Biraz ileri+de* ‘— Где остановка? — Немного дальше (по ходу перемещения)’ (букв. ‘— Остановка где? — Немного перед+в’). Определения *uzak* и *yakın* оценивают расстояние между двумя объектами, а производные от них глаголы *uzaklaşmak* ‘удаляться’ и *yaklaşmak* ‘приблизиться’ оценивают изменение расстояния между двумя объектами, как минимум один из которых является подвижным, а второй — начальной или конечной точкой перемещения, т.е. его целью. Определения *ileri* и *geri*, как и производные от тех же корней глаголы *ilerlemek* ‘продвигаться вперед’ и *gerilemek* ‘отодвигаться, отступить назад’, берут за точку отсчета не статический объект, а степень продвижения (соответственно положительную при движении вперед и отрицательную при движении назад) находящегося в движении объекта по сравнению с точкой его же предыдущего местопребывания, т.е. характеризуют проделанный им путь в направлении к намеченной цели или удалению от нее. «Целестремительность» восприятия направленного перемещения привела к тому, что значения глаголов *ilerlemek* и *gerilemek*, развиваясь от конкретного к абстрактному, в настоящее время активнее используются в абстрактных значениях: *yeni başlayan, ilerlemek isteyen ve profesyoneller için* ‘для начинающих, стремящихся совершенствовать себя и профессионалов’ (букв. ‘вновь начинающих, продвинуться вперед желающих и профессионалов для’), *nüfus artış hız+ın+da+ki gerileme* ‘замедление роста населения’ (букв. ‘населения повышения скорость+его+в+который отступление’).

Соответственно, лексемы *uzak*, *yakın*, *uzaklaşmak*, *yaklaşmak* сочетаются с лативом и аблативом, а «целестремительные» лексемы *ilerlemek* и *gerilemek* не сочетаются непосредственно с указанными падежами, а требуют дополнительных послелогов. Для глагола *ilerlemek* наиболее характерен послелог *doğru* ‘по направлению к’: *çıkışa doğru ilerlemek* ‘продвигаться к выходу’, — а для глагола *gerilemek*, выражающего удаление от намеченной цели, характерно использование послелогов, соотносящих первоначальное и последующее положения объекта, — *nazarın, göre* ‘по сравнению с’: *Hayvancılıkta geçmiş yıllara nazaran (= göre) bir gerileme söz konusudur* ‘По сравнению с прошлыми годами наблюдается уменьшение поголовья скота’ (букв. ‘В животноводстве по сравнению с прошлыми годами речь идет об отступлении назад’).

Лексемы *ileri* и *geri*, так же как *uzak* и *yakın*, соотносятся с фактическим передвижением только в горизонтальной плоскости, а не при подъеме в гору.

İleri и *geri*, подобно *uzak* и *yakın*, могут использоваться с показателем множественного числа, однако в данном случае, вследствие подчеркнутой направленности фактического или умозрительного продвижения, множественное число не имеет значения «веерной» распределенности в умозрительном или фактическом пространстве или пространстве инобытия, а выражает неопределенность расположения на оси перемещения или распределенность по этой оси впереди или позади перемещающегося объекта: *Niğde de Nevşehir de gerilerde kaldı* ‘Нигдэ и Невшехир остались где-то позади’ (траектория движения прошла через указанные города), *Daha ilerileri boş meralar düzlükler, çayır alanlar* ‘Еще дальше впереди — пустые луга, равнины, пастбища’ (в направлении движения), *İlerilerde bir yerde kalabalık vardı* ‘Где-то впереди была толпа’ (по пути следования). При конкретизации расстояния между актуальным местоположением объекта и его прошлым / будущим местоположением при направленном перемещении использование показателя множественного числа невозможно: *PTT iki durak iler+de+dir* ‘Почта через две остановки’ (букв. ‘Почтовое отделение две остановки перед+в’), *Aradığınız ev iki yüz metre geri+de kaldı* ‘Вы прошли дом, который ищите, метров на 200’ (букв. ‘Который вы ищите дом 200 метров зад+на остался’).

Восприятие развития как направленного вперед перемещения позволило лексемам *geri* и *ileri* приобрести вторичное значение, выражающее «степень совершенства» объекта: *geri kalmış ülkeler* ‘развивающиеся страны’ (букв. ‘сзади оставшиеся страны’), *ileri teknoloji ürünleri* ‘высокотехнологичная продукция’ (букв. ‘передовой технологии продукты’). Возможность использования названных лексем с аффиксами категории принадлежности позволяет указывать на взаиморасположение объектов, сопоставляемых по степени совершенства: *ilerilerin ileri+si+ne koşmak* ‘стремиться стать лучше лучших’ (букв. ‘передних перед+их+в бежать’), — а в случае, когда речь идет об относительном совершенствовании или деградации без привязки к положению конкретных соперников, указанные лексемы должны оформляться аффиксом множественного числа вследствие неизвестности точного местоположения на «оси развития»: *Dünyada Ar-Ge yarış hızlanıyor, Türkiye geri+ler+de* ‘Турция отстает от других стран по объемам проектно-конструкторских работ’ (букв. ‘В мире в проектно-конструкторских работах соревнование ускоряется, а Турция зад+pl+в’), *İlerilerde miyiz, yoksa gerilerde mi?* ‘Занимаем ли мы одну из ведущих по-

зиций или отстаем?» (букв. ‘Перед+pl+в мы ли или зад+pl+в ли?’). Таким образом, в данном случае развитие в турецкой ЯКМ трактуется не как подъем на более высокий уровень (ср. русск. *совершенствоваться*) или расширение возможностей (ср. русск. *развивать*, нем. *entwickeln*), а как продвижение вперед в пределах жизненного пространства. С идеей направленного перемещения связан и другой глагол, регулярно используемый в значении ‘развиваться’, — *gelişmek* (от *gel-* ‘приходить, приезжать, прибывать’), однако понять его внутреннюю логику нам пока не удалось.

Первостепенное значение для турецкой ЯКМ ориентации объекта и направления движения находит подтверждение и в языке памятников. Если правильна точка зрения, высказанная в ДТС на основании примеров из надписи, посвященной Кюль-Тегину, и легенды об Огуз-хане (XIII в.), то лексема *ileri* имела ориентированное по сторонам света значение: *ilgäri* ‘вперед (~ на восток)’ [ДТС].

Определяющее значение направленного перемещения, преимущественно в горизонтальной плоскости, нашедшее отражение в описанных выше и других языковых элементах и турецкой ЯКМ в целом, является естественным следствием кочевого способа освоения жизненного пространства, присущего древним тюркам, при котором благополучие сообщества в значительной степени определялось мобильностью коллектива и его способностью ориентироваться на местности. Важной особенностью пространственного перемещения в турецкой ЯКМ является его прямолинейность, возможная благодаря отсутствию естественных преград, в отличие, например, от балканской ЯКМ, в рамках которой вследствие особенностей рельефа «путь как бы уходит от прямизны» [Цивьян 2006: 72].

Возможность сопоставления современного и древнего языкового материала, а также знание истории народа и истории формирования национального языка позволяют получить ценный лингвистический материал, что заставляет нас не согласиться с мнением о том, что исследование ЯКМ возможно главным образом в отношении оседлых народов, на протяжении продолжительного времени не менявших среды своего обитания [Корнилов 2003: 125]. Выявление общих характеристик восприятия жизненного пространства у народов с близкими языками и / или культурами позволит выявить особенности их ЯКМ в древний период развития.

Сокращение

pl — множественное число

Литература

- Апресян 1986 — *Апресян Ю.Д.* Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира // Семиотика и информатика. Вып. 28. М., 1986.
- Корнилов 2003 — *Корнилов О.А.* Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. М., 2003
- Прохоров 2008 — *Прохоров Ю.Е.* В поисках концепта. М., 2008.
- Тань Аошуан 2004 — *Тань Аошуан.* Китайская картина мира. Язык, культура, ментальность. М., 2004.
- Цивьян 2006 — *Цивьян Т.В.* Модель мира и ее лингвистические основы. М., 2006.
- Яковлева 1994 — *Яковлева Е.С.* Фрагменты языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия). М., 1994.
- TS — *Türkçe Sözlük.* Ankara, 1988.
- TDK — Материалы официального сайта Турецкого лингвистического общества (Türk Dil Kurumu) www.tdk.gov.tr.

SUMMARY

In the article we examine the use of certain modern Turkish lexemes (*alt, üst, sağ, sol, yan, taraf, ön, arka, aşağı, yukarı, üzeri, ileri, geri, doğru, uzak, yakın*) employed to characterize relative positions of objects and directions of motion. On the basis of this analysis conclusions are made that the ways of describing the above mentioned parameters are directly connected with the specific features of the Turk's living space, their nomadic lifestyle which involves directed movement on flat terrain.

Комплекс лексики номадного скотоводства монгольских языков в свете тюркско-монгольских языковых связей

Основные современные монголоязычные народы: монголы (живущие в Монголии и Китае), ойраты (вместе с калмыками) и буряты (вместе с баргутами), — издавна обитающие на территории обширного степного пояса Евразии, традиционно считаются классическими кочевыми скотоводами, разводящими пять основных видов скота — верблюдов, лошадей, коров, овец и коз. В монгольских языках с этими животными связан целый комплекс хорошо разработанной лексики, куда входят как разнообразие половозрастные названия скота и его мастей, так и названия форм и приемов содержания и выпаса скота, характеристик пастбищ, термины хозяйственного использования скота и т.п.

Еще в XVIII в. европейские ученые заметили наличие большого количества сходных терминов в области степного скотоводства в монгольских и тюркских языках. Выявленные ими общие тюркско-монгольские скотоводческие термины были отнесены к алтайскому праязыку. В дальнейшем алтаистам удалось установить заимствованный характер многих из этих терминов, взятых монгольскими языками из тюркских, а тунгусо-маньчжурскими языками — из монгольских [Номинханов 1959; Щербак 1961; Новикова 1972, 1979; Рона-Таш 1974]. Дж. Клосон, исследовавший тюркско-монгольскую языковую проблему, тоже считает, что монгольские языки испытали сильное тюркское влияние [Clauson 1961].

Опираясь на тезис А. Рона-Таша [Рона-Таш 1974: 37] о том, что монгольские языки многие животноводческие термины заимствовали из протобулгарского языка, мы попытались провести комплексное сравнительное исследование тюркских и монгольских терминов, составляющих целый пласт номадной лексики. При этом основными критериями тюркского происхождения рассматриваемого термина для нас послужили а) наличие этого термина в пратюркском и древнетюркском языках и распространение по современным тюркским языкам и б) невозможность этимологизации на основе монгольских языков. Кроме того, специалистами по этимологии тюркских языков убедительно показано, что все эти видовые и половозрастные названия пяти видов скота, традиционно разводимых тюрками, «представлены как в древнетюркском языке, так и в современных тюркских языках, будучи унаследованы языками-потомками от общетюркского праязыка» [СИГТЯ 2000: 425] вместе с самим степным скотоводством номадного типа, пришедшим из глубины тысячелетий. Пратюркские реконструкции мы берем из [СИГТЯ 2000]¹. Источником древнетюркских форм послужил [ДТС]. Материал по современным тюркским языкам взят из имеющихся опубликованных словарей. Данные по старописьменному монгольскому языку почерпнуты из [Lessing 1960], по современным монгольским языкам — из [БАМРС; БРС; Муниев 1977].

Проведенное сравнение дало следующие результаты.

Удалось установить, что в области верблюдоводства вся основная терминология современных монгольских языков, как и старописьменного, имеет тюркское происхождение. Так, общее название верблюда, х.-монг. *тэмээ* ‘верблюд, верблюжий’, калм. *темэн* ‘верблюд, шахм. слон’, бур. *тэмээн* ‘верблюд, верблюжий’, староп.-монг. *temegen*, имеет прототипом др.-тюрк. *tebä* ‘верблюд’ [ДТС 546] < пратюрк. **tey^we* id. [СИГТЯ 2000: 438]. Др.-тюрк. *buɣra* ‘верблюд-производитель’ [ДТС 120] (< пратюрк. **buɣra* // **buɣur* id. [СИГТЯ 2000: 440]) представлено в монгольских языках в виде староп.-монг. *буура-а*, х.-монг. *буур* ‘верблюд-производитель’, калм. *буур* [бууръ] ‘верблюд-производитель’, бур. *буура* id. Староп.-монг. *inggen*, х.-монг. *ингэ* ‘верблюдица’, калм. *иңгн* ‘верблюдица’, бур. *энгин* id. заимствовано из др.-тюрк. *iñän* ‘верблюдица’ [ДТС: 211] (< пратюрк. **iñän* id. [СИГТЯ 2000: 441]). Староп.-монг. *botuɣun*, х.-монг. *ботго* ‘верблюжонок’, калм. *ботхн* ‘верблюжонок (годовалый)’, бур. *ботогон* id. заимствовано из др.-тюрк. *botu*, *botuq* ‘годовалый верблюжонок’ [ДТС: 115] (< пратюрк. **botu* id. [СИГТЯ 2000: 441]). Др.-тюрк. *taj* ‘жеребенок; молодой конь’ [ДТС: 527] дало староп.-монг. *tayilay* ‘самец верблюда до кастрации (от трех до четырех или пяти лет)’, х.-монг. *тайлаг* id., калм. *tāliG* [KW: 388], бур. *тайлаг* id. Др.-тюрк. *atan* ‘голощенный (рабочий) верблюд’ [ДТС: 66] дало староп.-монг. *atan*, х.-монг. *ат* ‘верблюд-кастрат’, калм. *атн* ‘кастрированный верблюд’, бур. *атан* id.

Тюркскими по происхождению являются и некоторые названия частей тела верблюда. Например,

¹ В тех случаях, когда слово имеет общетюркский характер, т.е. прослеживается во многих тюркских языках, но его реконструкция отсутствует в [СИГТЯ], мы даем ссылку на [ЭСТЯ], где можно ознакомиться с этимологией слова.

др.-тюрк. *joγdu* ‘длинная шерсть под шеей у верблюда’ [ДТС: 270], давшее староп.-монг. *žoydur* ‘грива; длинная шерсть на шее (у верблюда или льва)’, х.-монг. *зогдор* ‘грива; длинная шерсть на шее (у верблюда или льва)’, калм. *зогдр* ‘грива у верблюда или льва’, бур. *зогдор* id. Др.-тюрк. *taban* ‘ступня, подошва’ [ДТС: 525] дало староп.-монг. *tabaqai* ‘ступня, лапа (например, верблюда)’, х.-монг. *тавхай* ‘ступня, лапа’, калм. *тавг* ‘стопа, ступня’, бур. *табгай* ‘ступня, стопа верблюда’. Др.-тюрк. *bük-* ‘пригибаться, сгибаться’, *bükri* ‘кривой, изогнутый, горбатый’ [ДТС: 132] послужило источником староп.-монг. *bökü* ‘горб верблюда’, х.-монг. *бөх* ‘горб у верблюда’, калм. *бөкн* ‘горб у верблюда’, бур. *бүхэн* id.

Если обратиться к терминам, относящимся к верблюжьей сбруе, седланию, перевозке выюков и т.п., то увидим, что староп.-монг. *burantaγ*, х.-монг., бур. *бурантаг* ‘веревочка-повод, идущая от носовой затычки верблюда’, калм. *бурнтг* ‘повод (у верблюда)’ восходят к др.-тюрк. *burunduq* ‘повод, прикрепляемый к продетому в нос верблюда стерженьку, бурундук’ [ДТС: 126], образованному от др.-тюрк. *burun* ‘нос’. Староп.-монг. *qom*, х.-монг. *хом* ‘потник (войлок, подкладываемый под верблюжий выюк), верблюжье седло, хомут’, бур. *хом* ‘седло, войлок, потник, сальник; хомут для верблюда’, калм. *хом* ‘верблюжье выючное седло (состоящее из куска войлока и двух жердей)’ являются адаптацией др.-тюрк. *qom* id. [ДТС: 455] < пратюрк. **qom* id. [СИГТЯ 2000: 541]. Староп.-монг. *tengnegen* ‘поклажа, разделенная на две части, сбалансированная на спине животного’, х.-монг. *тэгнээ* ‘выюк, поклажа (разделенная на две части равного веса), балансир’, бур. *тэгнээ*, калм. *теңнэ* ‘груз, выюк, поклажа (верблюда), навьюченный’, образованные от староп.-монг. *teng-ne-*, х.-монг. *тэгнэ-* ‘навьючить поклажу (разделенную на две части равного веса), уравнивать, выравнивать, делать равным, приближаться к середине (пути, работы, дела)’, бур. *тэгнэ-*, калм. *теңн-* ‘нагружать выюк’, восходят к др.-тюрк. *teγ-lä-* ‘сравнивать, приравнивать; отмерять, взвешивать; примериваться, приноравливаться, уравнивать’ [ДТС: 552], образованному от др.-тюрк. *teγ* ‘одинаковый, равный, соответствующий; количество, мера’ [ДТС: 551]. Староп.-монг. *tergen*, х.-монг. *тэрэг* ‘телега, воз, ладья, тележный’, калм. *тергн* ‘телега, повозка, экипаж, воз, шахм. тура, ладья’, бур. *тэргэн* ‘телега’ происходит от др.-тюрк. *tergän* id. [ДТС: 554]. Тюркским же по происхождению следует считать и сам возглас ‘*Cəz! Cəz!*’ (староп.-монг. *sökü*), при помощи которого монголы заставляют верблюда опуститься на колени, восходящий к древнетюркскому глаголу *sök-* ‘преклонять колени, опускаться на колени’ [ДТС: 510], ср. калм. *сөг-д-* ‘вставать на колени, подчиняться’, бур. *һүгэ-дэ-*, х.-монг. *сөг-дө-* ‘становиться на колени, преклонить колени, уставать, утомляться, класть земной поклон, трусить, подчиняться’. Можно предположить, что древнетюркское *qatγaq* ‘перекати-поле; солянка (?)’ [ДТС: 415] — название одного из самых распространенных кормовых растений верблюдов — лежит в основе староп.-монг. *qatqayul*, х.-монг. *хамхуул*, бур. *хамхул*, калм. *хамхул* ‘перекати-поле’.

Сравнение тюркских и монгольских терминов, относящихся к крупному рогатому скоту, показало следующую картину: др.-тюрк. термин *öküz* ‘бык, вол’ [ДТС: 383] (< пратюрк. **(h)ökez* [СИГТЯ 2000: 439], ср. тат. *үгез*, чув. *вӑкӑр* id.) в монгольских языках представлен в виде староп.-монг. *üker*, х.-монг., бур. *үхэр* ‘крупный рогатый скот; бык; корова’, калм. *үкр* ‘корова, бычий’. Староп.-монг. *buqa*, х.-монг. *бух* ‘бык-производитель’, калм. *бух* (*бүхъ*) id., бур. *буха* id. заимствовано из др.-тюрк. *buqa* ‘бык-производитель’ [ДТС: 125] (< пратюрк. **buqa* id. [СИГТЯ 2000: 437]). Староп.-монг. *ünien* ‘дойная корова’ (< **ünigen* < ***ünü-en* id.), х.-монг. *үнээ* ‘корова’, бур. *үнеэн* id., калм. *үнē*, *үнēн* id. [KW: 458], (?) *үнгн* ‘самка диких животных, птиц; уст. корова-первотелка’ [Муниев 1977: 551] восходит к др.-тюрк. *ijäk* ‘корова’ [ДТС: 211] (< пратюрк. **in(i)gäk* id. [СИГТЯ 2000: 436]). Старописьменное монгольское *туγул*, х.-монг. *тугал* ‘теленка (до одного года)’, бур. *тугал* ‘теленка, молодняк-сосунок (о некоторых парнокопытных)’, калм. *туһл* ‘теленка (до одного года)’ не удается этимологизировать, опираясь на монгольские языки, но оно хорошо расшифровывается, исходя из тюркских языков: в нем явственно прослеживается тюркский глагольный корень ‘рождаться’; ср. др.-тюрк. *toy-* ‘рождаться; возникать, появляться; восходить — о светилах’ [ДТС: 570] (< пратюрк. **toy-* ‘рождать’, ‘рождаться’ [СИГТЯ 2000: 430]), при этом *-ul* является ничем иным, как ламбдаирующим вариантом тюркского отглагольного имяобразующего аффикса *-iļ*. Именно эту тюркскую словообразующую модель можно проследить в слове *тогуш* у барабинских тюрков, означая ‘детеныш козули’ [РСл III: 1165]. Староп.-монг. *birayū* (< **birayū*), х.-монг. *бярүү* ‘двухгодовалый теленок’, бур. *буруун*, калм. *бүрү* ‘бычок (в возрасте от года до двух)’ < др.-тюрк. *buzaγū* ‘теленка’ [ДТС: 130] (< пратюрк. **buzayū* // **buzayū* [СИГТЯ 2000: 438], ср. тат. *бызау*, чув. *пӑру* id.).

Староп.-монг. *deleng*, х.-монг. *дэлэн(г)* ‘вымя, грудь, болезнь вымени’, бур. *дэлэн(г)*, калм. *делң* ‘вымя’ восходит к пратюрк. **jelin* ‘вымя’ [СИГТЯ 2000: 148], см. также [ЭСТЯ 1989: 180—181]; староп.-монг. *širke* ‘красная вошь’, х.-монг. *ширх* ‘вошь скота, власоед’, бур. *шэрхэ* ‘вошь скота’ восходят к пратюркскому слову **sirkä* ‘гнида’ [СИГТЯ 2000: 182; ЭСТЯ 2003: 268—270].

Др.-тюрк. *say-* ‘дойть’ [ДТС: 480], ср. [ЭСТЯ 2003: 137—140, туркм. *саг-*], прослеживается в староп.-монг. *saya-*, х.-монг. *саа-*, бур. *haa-*, калм. *саа-* id. Др.-тюрк. *sayim* ‘удой, надой молока’ [ДТС: 480] дало староп.-монг. *sayam*, х.-монг. *саам* ‘кобылье молоко; удой, надой’, бур. *haam*, калм. *саам* ‘удой, надой’. Тюркское слово, ср. башк. *беш-* ‘пахтать, сбивать кумыс, масло’, кирг. *быш-* ‘доводить до готовности; взбивать, взбалтывать, сбивать, пахтать’, др.-тюрк. *bış-* ‘доводить до готовности’ (*er qimiz bışdi* ‘мужчина [встряхиванием] довел кумыс до готовности’) [ДТС: 105; ЭСТЯ 1978: 309—310], представлено в ламбдаирующей форме в монгольских языках: староп.-монг. *büli-*, х.-монг., калм. *бүл-*, бур. *бүлэ-* ‘пахтать, взбивать кумыс, масло’.

Многие монгольские названия молочных продуктов хорошо этимологизируются на материале тюркских языков. Так, например, староп.-монг. *ayarča*, х.-монг. *аарц* ‘род творога; творожистая масса, остающаяся после перегонки молочной водки, кипяченый тарак, кумыс, выжатый лимон’, калм. *аарц* ‘творог из только что заквашенного молока’, бур. *аарса* ‘род творога; творожистая масса, остающаяся после перегонки молочной водки’, староп.-монг. *ayaruul*, х.-монг. *ааруул* ‘арул (род сушеного творога, изготовленного из простокваши)’, бур. (диал.) *аарюул* ‘сушеные изделия из аарсы’, по всей вероятности, являются производными от тюркского глагола, ‘белеть’ [ЭСТЯ 1974: 117, туркм. *а:гар-*], образованного от ‘белый’ [ЭСТЯ 1974: 116, туркм. *а:к*]. Староп.-монг. *ayiray*, х.-монг., *айраг* ‘айрак, айран, кумыс, кислое коровье молоко’, бур. *айраг*, калм. *ээрг* ‘айран (квашеное молоко)’, вероятно, являются адаптацией распространенного в тюркских языках названия кисломолочного продукта, ср. туркм. *ajran* ‘род кислого молока’ < пратюрк. **ad̄ir-* ‘разделять’ [ЭСТЯ 1974: 111, 115, туркм. *айыр-*]. Староп.-монг. *basilaq* ~ *bišlaq* ‘род сыра’, х.-монг. *бяслаг* ‘сыр, брынза’, *бяшлаг*, бур. (диал.) *биһалаг* / *бяһалаг*, ойрат. *башилаг* ~ *башилиг* ‘сыр домашнего приготовления’ также имеют тюркское происхождение, ср. алт., тув., тоф. *быш-так* ‘род домашнего сыра’ (от *быш-* ‘зреть, поспевать; вариться’), хак. *пызлах* ‘род прессованного творога’ (от *пыс-* ‘зреть, поспевать’), кирг. *быштук* ‘творог из кипяченого молока’ (от *быш-* ‘созревать, доходить до готовности’), уйг. *пишлак* ‘творог’ (от *пиш-* ‘поспевать, зреть’), ср. также саг. *пыслак* ‘сыр из творога’ [РСл IV: 1320], шор. *пышлак* ‘сыр из творога’ [РСл IV: 1323], ср. [ЭСТЯ 1978: 161—162, туркм. *биш-* ‘поспевать; вариться’]. Староп.-монг. *qurud*, х.-монг. *хурууд* ‘сушеный, прессованный творог’, бур. *хурууд* ‘спрессованный творог; самодельный сырок’ восходят к др.-тюрк. *qurut* ‘курут, высушенный творог’ [ДТС: 470] (< пратюрк. **quru-t* ‘сушеный творог, сыр’ [СИГТЯ 2000: 471]) от др.-тюрк. *quru-* ‘сохнуть’. Калм. *хурсн* ‘сушеный творог (в виде круглых лепешек)’, ойрат. Синьцз. *хурсан* ‘сушеные лепешки из бозо’ (*бозо* — гуща, остающаяся после перегонки молочной водки) [Тодаева 2001], бур. *хурһан* ‘самодельные пряники (изготовленные из квашеного молока и ягод черемухи)’ тоже содержат тюркский глагол ‘сохнуть’, ср. [ЭСТЯ 2000: 153—154]. Др.-тюрк. *tar* ‘пахта’ [ДТС: 536], якут. *таp* ‘замерзшая простокваша (приготовленная из снятого кипяченого молока)’ прослеживаются в староп.-монг. *taraγ*, х.-монг., бур. *тараг*, калм. *таpг* ‘род простокваши (из снятого молока)’. Староп.-монг. *tosun*, х.-монг. *тос* ‘масло, масляный’, бур. *тоһон* ‘масло, топленый жир’, калм. *тосн* ‘масло, жир, керосин’ не имеют этимологии на материале монгольских языков, в то время как корневой компонент **to-*, остающийся после вычленения именного суффикса *-sun*, находит возможное соответствие в пратюркской глагольно-именной синкретической основе **to-* с семантикой ‘насыщаться’, которая прослеживается в древнетюркских словоформах *toq* ‘сытый’ [ДТС: 576], *toj* ‘пир, пиршество’ [ДТС: 572], *tod-*, *toz-*, *toj-* ‘насыщаться’ [ДТС: 569, 572, 579] < **to-* ‘насыщаться’ [VEWT: 484]. Староп.-монг. *kiram*, х.-монг. *хярам* ‘кипяченая вода с молоком’, калм. *кирп* ‘смесь молока с водой’, бур. (диал.) *хямар сай* ‘очень слабый чай, забеленный молоком’ восходят к др.-тюрк. *qimiz* ‘кумыс’ [ДТС: 444] (< пратюрк. **qumuz* id. [СИГТЯ 2000: 450]), являясь его ротацирующим вариантом. Староп.-монг. *уураγ*, х.-монг. ‘молозиво, первое молоко после родов, отела, белок, зародыш, белочный’, бур. *уураг*, калм. *уург* ‘молозиво, желток яйца’ являются ротацирующей формой др.-тюрк. *ouuz* ‘первое молоко, молозиво’ [ДТС: 365], об общетюркском характере которого см. [ЭСТЯ 1974: 405—407].

Сравнение монгольских и тюркских терминов по мелкому рогатому скоту показало, что староп.-монг. *qopin*, х.-монг. *хонь*, бур. *хонин*, калм. *хөн*, ойрат. Монг. *хөй* ~ *хоин* ~ *хөөн* [Цолоо 1988], ойрат. Синьцз. *хөөн* ~ *хоин* ‘овца’ являются адаптацией др.-тюрк. *qojin* ~ *qojun* ~ *qoj* ~ *qon* id. [ДТС: 453, 455] (< пратюрк. **qoni* > **qoi* id. [СИГТЯ 2000: 431]); староп.-монг. *qiča*, х.-монг. *хуц*, калм. *хуц*, бур. *хуса* ‘баран-производитель’ восходят к тюркскому названию ‘барана’, ср. др.-тюрк. *qoçnar* ‘баран-производитель’, *qoçnar*, *qoçqar* ‘баран’ [ДТС: 451] (< пратюрк. **qoçnar* // **qoç* ‘баран-производитель’ [СИГТЯ 2000: 432]). Староп.-монг. *qurayan*, х.-монг. *хурга* ‘ягненок, барашек, похожий на ягненка, ягнячий’, бур. *хурьган*, калм. *хурһн* ‘ягненок’ восходят к ротацирующей форме др.-тюрк. *qozī* ‘ягненок’ [ДТС: 462] (< пратюрк. **qozy* id. [СИГТЯ 2000: 433]). Староп.-монг. *kenže*, х.-монг. *хэнз* ‘вторая трава, отава, родившийся поздно (о молодняке скота), поздно родившийся (о детях от престарелых родителей), слабый, хилый, нежный, малорослый’, бур. *хэнзэ*, калм. *кенз* ‘отава, вторая трава, родившийся осенью, поздно (о

молодняке скота)» восходят к др.-тюрк. *kenč* ‘детеныш животных; ребенок’ [ДТС: 298]; подробнее о тюркском характере этого слова см. [ЭСТЯ 1997: 44; ЭСТЯ 1980: 20—21]. Староп.-монг. *итауан*, х.-монг. *ямаа*, бур. *ямаан*, калм. *яман* ‘коза’ восходят к др.-тюрк. *имүа* ‘коза (дикая)’ [ДТС: 218], ср. др.-тюрк. *јимүа* ‘самка дикого горного козла’ [ДТС: 267] (< пратюрк. **јимүа* id. [СИГТЯ 2000: 154]). Староп.-монг. *теке*, х.-монг. *тэх* ‘дикий горный козел’, бур. *тэхэ*, калм. *тек* [*тэке*] ‘козел некастрированный’ восходят к др.-тюрк. *tekä* ‘козел’ [ДТС: 550] (< пратюрк. **täkä* ‘козел; дикий козел’ [СИГТЯ 2000: 154, 428]). Староп.-монг. *төл*, х.-монг., калм. *төл*, бур. *тул* ‘приплод; молодняк’ восходят к др.-тюрк. *töl* ‘детеныш; момент родов’ [ДТС: 579].

Тюркскими по происхождению оказываются, по нашему мнению, и монгольские названия некоторых самых распространенных у монгольских народов мясных кушаний, изготавливаемых как из мяса, так и из внутренностей домашних животных. К таким кушаньям прежде всего следует отнести домашнюю колбасу, которая в старомонгольском языке называется *kim-a* (*kim-a* ‘сырое мясо оленя или рыбы’ [Lessing 1960], *kim-a* ‘мясо или рыба, нарезанные пластинками’ [Kowalewski: 2537]). Ср. бур. диал. *хиима* / *ишима* ‘вареная колбаса из рубленого мяса’, отмечается в эхирит-булагатском говоре как слово, отсутствующее в литературном бурятском языке [Матхеев 1968: 32]. По устному сообщению исследователя говора ононских хамниган Д.Г. Дамдинова, у них тоже бытует слово *хиима* ‘домашняя колбаса из рубленого мяса, жира, мозгов’. У К.М. Черемисова слово *хиимэ* приводится как синоним к слову *эреэлжэ* ‘самодельная колбаса из крови, печени и жира’, к сожалению, без указания на говор [БРС]. Сюда же относятся калм. *киим* [*кииме*] ‘толстая кишка у коровы’, х.-монг. *хим* ‘род колбасы; кушанье из сырого мяса оленя или рыбы’. Эти монгольские слова имеют прототипом др.-тюрк. *qijma* ‘нарезанный на мелкие кусочки’ в сочетании *qijma ügre* ‘тесто, нарезанное мелкими кусочками’ [ДТС: 442], уйг. *кийма* ‘фарш (измельченное мясо)’, узб. *кийма*, тур. *кыйма* ‘рубленое мясо, фарш’, аз. *гиймэ* ‘фарш (молотое мясо)’, ног. *кыйма* ‘домашняя колбаса’, кум. *кыйма* ‘кусочек’, кирг. *кыйма* ‘срезанный наискось’; кирг. южн. ‘мясо, мелко нарезанное на фарш’, алт. *кыйма* ‘кушанье из кишок, начиненных потрохами’, хак. *хыйма* ‘прямая кишка у лошади; кушанье из кишок, начиненных мелко рубленным мясом и жиром’, якут. *кыйма* ‘икра; кишки’ [Пекарский II: 1369]. Тюркологи считают это слово производным от тюркского глагола ‘резать на мелкие кусочки, крошить, рубить’ [ЭСТЯ 2000: 200, 202, туркм. *гий-*; РСл II: 702—703].

Из внутренностей забитых животных в пищу употребляют обычно вареными желудок и его части — сычуг, книжку, сетку, названия которых пришли в монгольские языки из древнетюркского языка. Так, например, др.-тюрк. *kerǵük* ‘сетка желудка овцы’ [ДТС: 301], образованное от тюркского глагола ‘распяливать, растягивать, натягивать’ [ЭСТЯ 1980: 23—24, туркм. *гер-*] прослеживается в староп.-монг. *kerkineg*, х.-монг. *хэрхнэг*, бур. *хэрхинсэг* ‘сетка (один из отделов желудка жвачных животных)’; др.-тюрк. *sarqaniq* ~ *sarqaiq* ‘требуха’ [ДТС: 489] (о тюркском характере слова, имеющего в основном значения ‘книжка — часть желудка жвачных; сычуг; требуха’, см. [ЭСТЯ 2003: 205—206]), отражается в староп.-монг. *sarkinay*, х.-монг. *сархинаг*, бур. *хархинсаг*, калм. *сэңриг*, ойрат. Синьцз. *сэңгерцег* ~ *саңгирцаг* ‘сычуг, часть желудка жвачных’.

Обычно принято считать, что термины коневодства, свиноводства и собаководства, представленные в монгольских языках, не имеют тюркских соответствий. Действительно, лошадь имеет общее монгольское название, ср. староп.-монг. *morin*, соответствующее тунгусо-маньчжурским формам типа эвенк. *мурин*, маньчж. *морин* ‘лошадь’ [ССТМЯ 1: 558-559]; в тюркских языках это рефлекс пратюрк. **at* [СИГТЯ 2000: 441]; свинья имеет общемонгольское название, соответствующее староп.-монг. *yaqai*, при ПТМ **ulgi-n* [ССТМЯ 2: 259]; др.-тюрк. *toñuz* ‘дикая свинья’ [ДТС: 575], *layzin* ‘свинья’ [ДТС: 332]; собака имеет общемонгольское название, соответствующее письм.-монг. *noqai*, при ПТМ **ñinda*, пратюрк. **yjt* [СИГТЯ 2000: 188]. Половозрастные названия этих животных тоже своеобразны в монгольских языках и не совпадают с тюркскими. Ср., например, староп.-монг. *gegün*, х.-монг. *гүү*, бур. *гүүн*, калм. *гүн* ‘кобылица’ — пратюрк. **begü* id. [СИГТЯ 2000: 443; ЭСТЯ 1978: 106]; староп.-монг. *ипауан*, х.-монг. *унага*, бур. *унаган*, калм. *унһн* ‘жеребенок до года’ — др.-тюрк. *qulun* ‘жеребенок’ (по контекстам — новорожденный) [ДТС: 465; Щербак 1961: 91]; староп.-монг. *dayaуан*, х.-монг. *даага* ‘годовалый жеребенок, стригунок, жеребчик по второму году’, бур. *дааган*, калм. *даahn* ‘двухлетний жеребенок’ — др.-тюрк. *taj* ‘жеребенок’ [ДТС: 527].

Хотя коневодческая терминология в монгольских языках в основном специфична, все же и здесь встречаются несколько терминов явно тюркского происхождения. Например, в языке западных бурят имеется слово *адаһан*, означающее не только ‘скотина, домашнее животное; скот’, но и ‘лошади, кони, табун’ [БРС]; в составе этого слова прослеживается тюркское слово, восходящее к пратюрк. **at* ‘лошадь, конь’ [СИГТЯ 2000: 441; ЭСТЯ 1974: 197—198]. Староп.-монг. *ažirya* (< **adirya* < ***adirya*), х.-монг. *азарга(н)*, бур. *азарга*, калм. *ажрһ* ‘жеребец, большой, могучий’ является вероятной адаптацией др.-

тюрк. *adyir* (~ *ajyir*, *adyir* id.) [ДТС: 10], образованного, по мнению Э.В. Севортыяна [ЭСТЯ 1974: 108], от тюркского глагола **ay-*, **ad-*, **ad-*, **az-* ‘возбуждаться (похотью)’, ‘покрывать (о животных)’ (ср. пратюрк. **adyur* ‘жеребец’ [СИГТЯ 2000: 442]). Староп.-монг. *otorigu*, х.-монг. *omруу* ‘ключица, грудная кость, грудина, грудь (лошади, мула, птицы), отвислая кожа на груди (у рогатой скотины), белая шерсть на груди у зверей’, бур. *оморюун*, калм. *омрун* ‘грудь, выступ горы’ является адаптацией ротацирующей формы тюркского названия ‘плеча; спины, холки коня; груди коня’ [ЭСТЯ 1974: 454—455, туркм. *омуз*]. Староп.-монг. *kilyasun* (< **qilyasun*), х.-монг. *хялгас* ‘волос, волосы (например, конский), щетина’, бур. *хилгаахан*, калм. *килхен* ‘волос, волосы, узкий’ являются адаптацией тюркского названия ‘волоса’ [ЭСТЯ 2000: 204—205, туркм. *гыл*] (< пратюрк. **kylk* ‘волос; конский волос’ [СИГТЯ 2000: 196]). Староп.-монг. *del*, х.-монг. *дэл* ‘грива, орнамент в виде конской гривы, гребень, каменистая грива (хребта), острая вершина, горный хребет’, бур. *дэлхэн*, калм. *дел* ‘грива лошади, шея’ имеют прототипом тюркское название ‘гривы лошади’, восходящее к пратюрк. **je:l(e)* id. [СИГТЯ 2000: 147] (об общетюркском характере слова см. [ЭСТЯ 1989: 178]). Староп.-монг. *dalang*, х.-монг. *далан(г)* ‘загривок, задняя часть шеи у лошади, жир в загривке лошади’, бур. *далан(г)* ‘жир в загривке лошади’, калм. *далң* ‘подгривный жир лошади’ имеют прототипом тюркское слово, восходящее к пратюрк. **ja:l* ‘загривок, подгривный жир лошади’ [СИГТЯ 2000: 146] (об общетюркском характере слова см. [ЭСТЯ 1989: 85—87]).

Тюркское происхождение имеют также некоторые части конской сбруи. Например, староп.-монг. *qudarγa*, х.-монг. *хударга* ‘шляя’, бур. *хударга*, калм. *хурһ* ‘подхвостник’ восходят к древнетюркскому слову *qudirγun* ‘подхвостник’, этимологически связанному с др.-тюрк. *qudruc* ~ *qudiruc* ~ *quδruc* ‘хвост’ [ДТС: 463] < пратюрк. **quδruk* id. [СИГТЯ 2000: 145]; ср. пратюрк. **qudirγun*, **qudirγan* ‘подхвостник’ [СИГТЯ 2000: 553]. Староп.-монг. *kömlüdirge*, х.-монг. *хөмөлдөрөг* ‘нагрудный ремень у лошади’, бур. *хүмэлдэргэ*, ойрат. Синьцз. *көмөлдөргө* ~ *көмөлдүргө* ‘нагрудная шляя конского седла’ восходят к др.-тюрк. *kömlüdirük* ‘нагрудный ремень лошади’ [ДТС: 314] (< пратюрк. **köñüldürük* id. [СИГТЯ 2000: 552]) < др.-тюрк. *köñül* ‘душа; грудь’ [ДТС: 315; ЭСТЯ 1980: 72]. Староп.-монг. *olung* ‘нагрудная шляя конского седла’, х.-монг. *олон(г)*, *олом* ‘подпруга’, бур. *олом*, калм. *олң*, ойрат. Синьцз. *олоң* ‘подпруга конского седла’ соответствуют тюркским формам типа кирг. *олоң*, уйг. *улаң* id. (по мнению Э.В. Севортыяна, образовано от *ула-* ‘связывать’, см. [ЭСТЯ 1974: 447]). Староп.-монг. *tušiya* ~ *tuša*, х.-монг. *туша* ‘пути на передние ноги лошади, оковы, кандалы’, бур. *туша*, калм. *туша* ‘пути на передние ноги лошади, помеха, препятствие’ (< староп.-монг. *tuši-*, х.-монг. *туши-*, бур. *туша-*, калм. *туш-* ‘надевать пути на передние ноги лошади’) — др.-тюрк. *tušay* ‘пути, надеваемые на передние ноги лошади’ < др.-тюрк. *tuša-* ‘спутывать передние ноги лошади’ [ДТС: 590].

Если обратимся к монгольским терминам, относящимся к особенностям выпаса скота, характеру пастбищ, включая водные источники, кормовые травы, особенности ландшафта и т.п., и сравним их с соответствующими тюркскими, то увидим, что монгольские языки во многом сохраняют эти тюркские термины. Так, например, староп.-монг. *otur*, х.-монг. *отор* ‘выпас скота на отгонных пастбищах; свежая трава весною; пастбище’, бур. *отор* ‘летник, заимка; летняя ферма; дальше пастбище’, калм. *отр* ‘отгонный (о пастбище)’, староп.-монг. *otur-la-*, х.-монг. *оторло-* ‘выгонять скот на отгонные пастбища, пасти скот, выгонять на подножный корм’, бур. *оторло-* ‘перекочевывать со скотом на летние пастбища, на альпийские луга’, калм. *отрч* ‘охотник, пастух (на отгонных пастбищах)’ восходят к тюркскому названию ‘пастбища’, образованному, по мнению Э.В. Севортыяна [ЭСТЯ 1974: 488, туркм. *отар*], от незафиксированного тюркского глагола *ота-* ‘пасть (на отгонном пастбище)’, производному от пратюрк. **ot* ‘трава’ [СИГТЯ 2000: 119]. Староп.-монг. *öliing ebesiin*, х.-монг. *өлөн өвс*, бур. *үлэн үбһэн*, ойрат. Синьцз. *өлең* ~ *өлөң*, ойрат. Монг. *өлөң* ‘осока’ не означают ‘голодная трава’, а восходят к пратюрк. **ölej*, значения которого Э.В. Севортыяна [ЭСТЯ 1974: 528] определяет как ‘трава; свежая трава; мягкая трава; ковыль, потничная трава, пырей; малопитательная трава; осока; вид травы, растущей в местах, где нет проточной воды; сочное растение; сено; лужайка; зеленый; пастбище; насаждения; топь; мокрый, влажный; степь; пустыня’, ср. др.-тюрк. *ölän* ‘лужайка’ < др.-тюрк. *öl* ‘мокрый, влажный’ [СИГТЯ 2000: 119]. Староп.-монг. *qilayana-a*, х.-монг. *хялгана* ‘ковыль, полевица’, бур. *хилгана* ‘мятлик; ковыль сибирский’, калм. *килһ өвсн* ‘острец’ сохраняют пратюрк. **qulyan* ‘ковыль’, в основе которого лежит тюркское название ‘конского волоса, щетины’ [ЭСТЯ 2000: 204—205, 208—209, кирг. *кылкан*]. Староп.-монг. *qarγana*, х.-монг. *харгана* ‘карагана’, бур. *харгана* ~ *харганаан* ‘караганник, степная акация’ восходят к тюркскому названию акации [ЭСТЯ 1997: 293—294, туркм. *гареган*]. Староп.-монг. *baldaryana* ~ *balčiryana*, х.-монг. *балдаргана* ~ *балчиргана*, бур. *балишаргана*, калм. *балчирһн* ‘борщевик’ восходят к пратюрк. **baltyryan* id., в основе которого прослеживается пратюрк. **baltyr* ‘икра ноги’ (стебель борщевика имеет вздутие, похожее на икру ноги) [СИГТЯ 2000: 122]. К названиям кормовых пастбищных

трав, имеющих тюркское происхождение, следует отнести также староп.-монг. *kiyaγ*, х.-монг. *хиаг* ‘вострец’, бур. *хяаг* ‘пырей’, ср. тюркское название осоки, пырея, травы с режущими острыми листьями в [ЭСТЯ 2000: 203, туркм. *гыяк*], образованное от глагола ‘резать наискось’, широко представленного в тюркских языках [ЭСТЯ 2000: 201—202, туркм. *гый*].

К словам, характеризующим местность, на которой расположены пастбища, следует отнести староп.-монг. *тау*, х.-монг. *таг* ‘плато, плоская вершина горы’ < пратюрк. **ta:γ* ‘гора’ [СИГТЯ 2000: 94]; староп.-монг. *quduγ*, х.-монг. *худаг* ‘колодец, яма’, бур. *худаг*, калм. *худг* ‘колодец’, сохраняющее древнетюркскую форму *quduγ* id. [ДТС: 463], образованную, по всей вероятности, от др.-тюрк. *qud-* ‘лить’ [ЭСТЯ 2000: 119—120]; староп.-монг. *bulaγ*, х.-монг., бур. *булаг*, калм. *булг*, ойрат. Синьцз. *булаг* ‘родник; источник; ключ’, восходящее к др.-тюрк. *bulaq* id. [ДТС: 121], данное слово является общетюркским, значение — ‘родник; ручей; канал, арык; водоем’, тюркскую этимологию см. в [ЭСТЯ 1978: 257—258]; староп.-монг. *γoul* ‘река; русло реки; долина; большое озеро’, х.-монг., бур. *гол* ‘река; долина реки’, калм., ойрат. *хол* ‘река’ связаны своим происхождением с пратюрк. **qo:l ~ *go:l* ‘долина, маленькая речка’ [СИГТЯ 2000: 90; ЭСТЯ 2000: 43], ср. др.-тюрк. *qol* ‘долина’ [ДТС: 453]. Староп.-монг. *žilya*, х.-монг., бур. *жалга* ‘овраг, лощина, ложбина, впадина, ров, балка, узкий лог’, калм. *жалл* ‘балка, ложбина’, ойрат. Монг. *жилл* ‘овраг; балка’ восходят к тюркскому названию реки; ущелья, долины [ЭСТЯ 1989: 36, туркм. *жүлге*, ср. тат. *йылга*], образованному от тюркского глагола ‘извиваться’ [ЭСТЯ 1989: 275, туркм. *йыл*]. Староп.-монг. *qašiyān* (< **qasiyan* < ***qasiyan*) ‘изгородь, ограда; дамба, плотина’, х.-монг. *хашаа* ‘забор, изгородь, ограда, частокол’, бур. *хашаа* ‘ограда, забор, изгородь; загон (для скота); столб, стойка (в ограде)’, калм. *хаша* ‘забор, ограда, двор’ восходят к др.-тюрк. *qasī* ‘загон для скота, связанный из прутьев’ [ДТС: 430].

Кроме того, к тюркским по происхождению словам относятся и староп.-монг. *alčay*, х.-монг. *алцаг*, означающие ‘шалаш, хижина, лачуга, балаган’, а также слово *alačuk* ‘палатка, шатер, шалаш’, зафиксированное в «Сокровенном сказании монголов» 1240 г. (...*aduučin bidan-o alačuk-a yurtuyai!* ‘...для табунщиков наших шалаш готов!’ [Козин 1941: § 118]), т.е. жилище пастухов и табунщиков; ср. др.-тюрк. *alaču* ‘шатер’ [ДТС: 33] (< пратюрк. **alaču* ‘временное жилище’ [СИГТЯ 2000: 497]), широко представленное в современных тюркских языках в виде *алачық, алажық, алачу* со значениями ‘шалаш, шатер; лачуга, домишко, хижина’, о чем подробнее см. у Э.В. Севортыяна [ЭСТЯ 1974: 130—132]. Также заимствованием из тюркских языков следует считать староп.-монг. *očuγ*, х.-монг. *оцог* — своеобразный таган, состоящий из трех камней, устанавливаемых в костре, на которые ставится котел для приготовления пищи. Слово представляет собой адаптацию др.-тюрк. *očuγ* ‘очаг, печь’ [ДТС: 362] (пратюрк. **hōt* ‘огонь; костер’ [СИГТЯ 2000: 356, 358]), см. подробнее [ЭСТЯ 1974: 422—425].

Как можно видеть из приведенного здесь материала, лексиканомадного скотоводства монгольских языков достаточно хорошо демонстрирует заимствование соответствующих тюркских терминов. Появление тюркизмов этого комплекса можно объяснить следующим образом. Часть протобулгарских племен (с самоназванием *огур*, с признаками ламбдаизма и ротацизма в языке и, следовательно, в рассматриваемых тюркизмах) кочевали в глубокой древности в степях Центральной Азии и занимались молочным скотоводством. Будучи завоеваны монголами и включены в их этнический состав, огурские племена образовали среди них особую этническую группу, получившую смешанное название **огур монгол* (ср. современное х.-монг. *оор монгол* ‘настоящий монгол’). Со временем они перешли на монгольский язык (по сути дела, на язык адстрата). При этом омонголенные огуры сохранили очень много элементов своего протобулгарского языка-субстрата, в том числе и свою номадную скотоводческую терминологию, и внесли их в усвоенный ими древний монгольский язык, который вследствие этого получил смешанный характер.

Сокращения

аз. — азербайджанский	ПТМ — пратунгусоманьчжурский
алт. — алтайский	саг. — сагайский диалект хакасского языка
башк. — башкирский	староп.-монг. — старописьменный
бур. — бурятский	монгольский
диал. — диалектный	тат. — татарский
др.-тюрк. — древнетюркский	тоф. — тофаларский
калм. — калмыцкий	тув. — тувинский
кирг. — киргизский	тур. — турецкий
кирг. (южн.) — южные говоры киргизского языка	туркм. — туркменский

кум. — кумыкский	узб. — узбекский
ног. — ногайский	уйг. — уйгурский
маньч. — маньчжурский	пратюрк. — пратюркский
общетюрк. — общетюркский	х.-монг. — халха-монгольский
ойрат. — ойратский	хак. — хакасский
ойрат. Монг. — язык ойратов Монголии	чув. — чувашский
ойрат. Синьцз. — язык ойратов Синьцзяна КНР	шор. — шорский
якут. — якутский	эвенк. — эвенкийский

Л и т е р а т у р а

- БАМРС — Большой академический монгольско-русский словарь. Т. I—IV. М., 2001.
- БРС — Черемисов К.М. Бурятско-русский словарь. М., 1973.
- Козин 1941 — Козин С.А. Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г. под названием *Mongyol-un niyuča tobčiyan. Юань чао би ши*. Монгольский обыденный изборник. Т. I. Введение в изучение памятника. Перевод, тексты, глоссарии. М.; Л., 1941.
- Матхеев 1968 — Матхеев Б.В. Очерки эхирит-булагатского говора // Исследование бурятских говоров. Вып. 2. Улан-Удэ, 1968.
- Муниев 1977 — Муниев Б.Д. Калмыцко-русский словарь. М., 1977.
- Новикова 1972 — Новикова К.А. Иноязычные элементы в тунгусо-маньчжурской лексике, относящейся к животноводству // Очерки сравнительной лексикологии алтайских языков. Л., 1972.
- Новикова 1979 — Новикова К.А. Названия домашних животных в тунгусо-маньчжурских языках // Исследования в области этимологии алтайских языков. Л., 1979.
- Номинханов 1959 — Номинханов Ц.Д. Термины животноводства в тюркских и монгольских языках // Труды сектора востоковедения. Т. I. Алма-Ата, 1959.
- Пекарский — Пекарский Э.К. Словарь якутского языка. Т. I—III. М., 1958—1959.
- Рона-Таш 1974 — Рона-Таш А. Общее наследие или заимствования? (К проблеме родства алтайских языков) // ВЯ. 1974, 2.
- РСл (I, II, III, IV) — Радлов В.В. Опыт словаря тюркских наречий: В 4-х томах. СПб., 1899—1911.
- Тодаева 2001 — Тодаева Б.Х. Словарь языка ойратов Синьцзяна. Элиста, 2001.
- Щербак 1961 — Щербак А.М. Названия домашних и диких животных в тюркских языках // Историческое развитие лексики тюркских языков. М., 1961.
- Цолоо 1988 — Цолоо Ж. БНМАУ дахь монгол хэлний нутгийн аялгууны толь бичиг. II. Ойрд аялгуу. Улаанбаатар, 1988.
- Clauson 1961 — Clauson G. Turkish and Mongolian Studies. L., 1961.
- Kowalewski — Kowalewski J.E. Dictionnaire mongol-russe-français. I—III. Kasan, 1844—1849.
- Lessing 1960 — Lessing F. D. Mongolian-English Dictionary. Berkeley; Los Angeles, 1960.

SUMMARY

In the article the author reveals a great number of lexical correspondences between the Mongolian and the Turkic languages, which were noticed by scientists as early as in the 18th century and referred to common Altaic word stock. These correspondences are especially numerous in nomadic cattle-breeding vocabulary, which includes age and gender related nominations of 5 kinds of cattle bred by Mongols - camels, horses, cows, sheep and goats - and also appropriate Turkic-Mongolian vocabulary, reflecting the nominations of body parts of these animals, their household use, including harness, dairy products, nominations of forage herbs, types of pastures, territory features, on which the pastures are situated, nominations of cattlemen houses and their construction on distant pastures. In the article it is suggested and proved that such great similarity of Turkic-Mongolian vocabulary concerning the whole complex of nomadic cattle-breeding is non-random and can be explained by borrowing of this vocabulary from the Turkic languages of Bulgar group in the process of mongolization of Ogurs, Bulgar-Khazar Turks, during their conquest by Mongols. As a result of mixing of these two nations modern Khalkha-Mongols were formed, who call themselves Oor Mongol, it can be interpreted as "real Mongols", but their language seems to be full of Turkic elements inherited from the substrate.

Saami loanwords in Finnish language¹

Review of previous research

The first scientific study of Saami loanwords in Finnish is Frans Äimä's list «Lappalaisia lainasanoja Suomen murteissa» [Äimä 1908] that includes 101 words analyzed as Saami loanwords. The bulk of these words are late borrowings, which occur in the northernmost dialects of Finnish, their spread is restricted to the areas of Inari, Enontekiö, Kittilä, Sodankylä, Kuolajärvi and Kemijärvi. And there are also a couple of older borrowings attested in southern dialects. However, just a few words from this list have found their way to contemporary Finnish (e.g. *kelo*, *kenttä*, *kiiruna*, *laavu*, *piekana*, *suopunki*).

Another list of Saami loanwords we can find in Toivo Immanuel Itkonen's two-volume handbook «Suomen lappalaiset vuoteen 1945» [Itkonen 1948].

In his dissertation thesis, Jaakko Sarvela presented the words of Saami origin that he found in fiction by Saami authors [Sarvela 1958]. Sarvela collected the words from 33 books of several authors and found 121 words. About half of these words occur only in the books of a single author, so we cannot consider them as common. There are just fifteen words (*aapa*, *jänkä*, *kaltio*, *kiveliö*, *kopara*, *lanta*, *niva*, *palkia*, *peski*, *raitto*, *roukua*, *suopunki*, *tokka*, *tolva* and *tunturi*) that occur with most authors.

In his study of Finnish skiing terminology, Terho Itkonen analyzed the Finnish words *olas*, *päläs* and *sivakka* as Saami loanwords [Itkonen 1957]. Further, he presented the words *vaara*, *vaaru* and *vuolanne*.

Olavi Korhonen studied Saami loanwords in the Finnish dialects of central and southern Finland and in 1979 published a paper on this topic «Lappische Lehnwörter im ältesten Einödegebiet Finnlands» [Korhonen 1979]. He did not try to find new etymologies, but focused on explaining the meaning and distribution of these words in Häme, Satakunta and southern Ostrobothnia dialect areas.

Eino Koponen dealt with Saami loanwords in three of his works. In a short paper [Koponen 1988] he presented Saami loan etymologies for the Finnish words *longota* and *lonsota*. In «Lappische Lehnwörter im Finnischen und Karelischen» he analysed the Finnish words *luoska* and *luosto* [Koponen 1996]. In 2002 he corroborated the Saami loan etymology of Finnish word *kuukkeli*, *kuusanka* [Koponen 2002].

Niilo Valonen dealt with oral tradition pertaining to the earlier Saami inhabitation of the parishes of Parkano and Kihniö in southern Ostrobothnia, and in this connection mentioned the Saami etymology for the words *palas* and *kaitua* which have been attested in these parishes [Valonen 1948].

In his study, Erkki Itkonen presented convincing arguments for the Saami origin of words *kultaa* and *kulle*, which have been attested in the northernmost dialects of Finnish [Itkonen 1970].

Eira Söderholm analysed several Finnish topographic terms as borrowings from Saami. These mainly occur in northern dialects [Söderholm 1991].

Kaisa Häkkinen dealt with the history of Saami loanwords in the Finnish literary language [Häkkinen 2007]. She does not present new loan etymologies, but provides a detailed review of how and when the Saami loanwords had been adopted into literary usage. Most of the Saami loanwords that can be classified as part of standard Finnish lexicon have been adopted during 18th and 19th centuries.

Saami loanwords in Finnish have been the subject of several studies and research has been continuing for a hundred years already. In general, it is assumed that the Saami loanwords occur only in the northernmost Finnish dialects and suggestions of earlier Saami influence on the Finnish language have often been treated with doubt. The Saami settlement of Finland had previously stretched much further south than today. Historical documents from 14th to 17th century contain references to Saami settlements in Central and Southern Finland. Toponyms of Saami origin are attested almost everywhere in Finland and Eastern Karelia, but loanwords from Saami languages in southern Finnish dialects have not been a popular object of research. However, there is no reason why the southern Finnish dialect could not adopt Saami loanwords. As the speakers of Finnish have borrowed place names from the original Saami inhabitants, it is expected that they have also borrowed some words. However, the Saami loanwords are attested only in several Finnish dialects and occur rarely [Aikio 2001]. About forty Saami loanwords have penetrated into standard Finnish lexicon.

¹ I am deeply indebted to Ju. Normanskaja, who had proposed the main idea of this article: to separate the types of Saami words on the basis of regular vs. irregular phonetic correspondences in Finnish and Saami languages, and helped me realize this idea.

In 2009 Ante Aikio has defended his PhD «The Saami loanwords in Finnish and Karelian». The purpose of his study was to provide a detailed account of loanwords that Saami has contributed to the Finnish-Karelian lexicon, especially to the more southern dialects which have not been in recent contact with Saami. One of the objectives was to examine what the lexical influence of Saami in central and southern Finland and Karelia is like, and, in particular, to scrutinize in what way it differs from the more extensive Saami influence in the Far-Northern dialects of Finnish-Karelian. The second aim was to use etymological research as a tool for reconstructing the prehistoric sociolinguistic conditions: it will be discussed later, what do Saami loanwords in Finnish-Karelian dialects reveal about the social nature of the contact setting, as well as the former distribution of Saami languages in Finland and Karelia.

There are a huge number of textbooks discussing the theory and methods of comparative linguistics in general, with particular emphasis on the comparative method (e.g. [Bynon 1977; Hock 1986; Anttila 1989; Fox 1995; Trask 1996; Campbell 1998], to mention just a few). Since etymology has always been recognized as an inherent part of historical linguistics, textbooks have often devoted a chapter or two to certain subfields of etymological research.

When we analyze the phonetic correspondences of Saami loanwords in Finnish it soon becomes clear that every Saami vowel has a huge number of correspondences in Finnish, for example, Saa N æ > Finn. ä (Finn. *jänkä*), *e* (Finn. *kerni*), *a* (Finn. *kapro*), *ie* (Finn. *sieka*), ö (Finn. *köngäs*), *ee* (Finn. *reeska*). The Saami separate consonants and clusters in the Finnish loanwords can also correspond to different phonemes, for example, Saa N *č > Finn. *s-* (*salmas*), *j-* (*jarho*), *k-* (*kelo*).

A. Aikio analyzed some of these correspondences and suggested a hypothesis of etymological nativization in borrowings between Saami and Finnish [Aikio 2009: 15]. He suggested that the receiving idiom tends to adapt a loanword to its system: foreign sounds or sound sequences are nativized so that the resulting form either partially or entirely conforms to the recipient language's phonological rules. A detailed case study of the etymological nativization of vowels in Saami and Finnish is presented in [Aikio 2007b]; below is a brief summary with a few selected examples.

An illustrative example of the phenomenon is the treatment of the Finnish high vowels *i* and *u* in loans into Saami. In Proto-Saami the original Uralic high vowels *i and *u were lowered, producing the regular correspondences Finn. *i* ~ PS *e and Finn. *u* ~ PS *o . In North Saami, PS *e was further lowered to \hat{a} . The resulting correspondences (Finn. *i* ~ Saa N \hat{a} , Finn. *u* ~ Saa N *o*) can be observed in numerous basic vocabulary items, such as Finn. *nimi* 'name', *pilvi* 'cloud', *silmä* 'eye' ~ Saa N *nâmmâ*, *bâlvâ*, *čâlbmi* id. and Finn. *muna* 'egg', *suku* 'family, kin', *tuli* 'fire' ~ Saa N *mõnne*, *sohka*, *dõllâ* id. Such cognate pairs have provided a motivation to mimic the correspondence in loanwords, and, hence, there are a notable number of borrowings in which Finn. *i* and *u* have been converted into their regular diachronic correspondences in Saami, as follows:

Finn. *u* > Saa N *o*: *hupa* 'short-lasting' > *hõppe* id.;

Finn. *i* > Saa N *a*: *hinta* 'price' > *hâd'de* id.

As might be expected, etymological nativization occurs also in loans in the opposite direction. In the Saami loanwords adopted into the Far-Northern dialects of Finnish, the substitution patterns exemplified above are reversed:

Saa N *a* > Finn. *i*: *fâste* 'ugly, repulsive' > *visto* id.;

Saa N *o* > Finn. *u*: *moršâ* 'walrus' > *mursu* id.

Even though these kinds of nativization patterns are widespread in loanwords between Saami and Finnish, there are numerous exceptions. It appears that 'etymological nativization' can compete with the 'principle of phonetic closeness', resulting in a dual pattern of sound substitutions in loanwords. In some words an etymological sound correspondence has served as a model, whereas in others the phonetically closest vowel has been applied as a substitute, as follows:

1) etymological nativization:

Finn. *i* > Saa N *a*: *ilman* 'without' > *âlmma* id.;

Finn. *u* > Saa N *o*: *muta* 'mud' > *mõtte* id.;

2) phonetic nativization:

Finn. *i* > Saa N *i*: *ilma* 'air, weather' > Saa N *il'bme* 'weather, world';

Finn. *u* > Saa N *u*: *mutta* 'but' > Saa N *mutto* id.

But we do not agree with Aikio's method of interpretation of sound correspondences of Saami loanwords in Finnish as etymological and phonetic nativization. We follow the traditional method of describing such different correspondences as different levels of loan.

In this article we have collected all Saami loanwords in Finnish, which were found in dictionaries [SSA; SKES] and in PhD of A. Aikio [Aikio 2009]. We have analyzed these examples from etymological point of view and have divided these words into three parts:

I) the words, which are, according to [SSA; SKES; Aikio 2009], loanwords from Saami into Finnish, but have regular correspondences between Saami and Finnish and from phonetic point of view can be cognates²;

II) the words, which were borrowed into Saami and Finnish from Germanic and other Indo-European languages;

III) the words, which do not have regular correspondences between Saami and Finnish, and from phonetic point of view could not be cognates.

I. Words, which could be cognate in Saami and Finnish (from phonological point of view)

It is necessary to say in which cases we can suggest, that Saami and Finnish forms can be cognate from phonetic point of view.

1) If the phonetic correspondences between Saami and Finnish words are identical to the ones in cognate words from [UEW] (see below the tables of regular vowel and consonant correspondences in Finnish and Saami).

If these Finnish and Saami forms have further PU, FU, or FP etymon (cf. [UEW; SSA; SKES; Aikio 2009]), the Finnish form should correspond regularly to the protoform. For example Finn. *jauri* 'lake' can be cognate from phonological point of view to Saa N *jaw're*, L *jau'rē*, Sk *jaavrie*, I *jävri*, Sk *jäu'rr* < PS **jävrē* [YSS: 34, 258], but these Saami words have a deeper etymology: FV **järwä* [UEW: 633] and the Finn. form can not be derived from this protoform, so it is rather borrowed from Saami.

2) If the phonetic correspondence is not supported by other lexical pairs, and we propose it as an addition to already established correspondences, we have to make sure, that there is no other Finnish regular cognate to the Saami word. For example, Finn. *kurra* 'a narrow passage in a reindeer corral' can not be cognate to Saa N *gurrâ* 'narrow gorge, ravine', L *kurra* < PS **kure* 'chink, slot, gorge, ravine' [YSS: 58], since this word has another cognate with regular correspondences: Finn. *kuru* [SKES: 246].

Table 1. Regular correspondences of vowels in Saami and Finnish languages³

FS	Saa N < PS	Finn.
FS <i>*ä</i>	<u>*ä-stem</u> - FV accent on the 1 st syllable: Saa N <i>a</i> < PS <i>*ā</i> - FV accent on the 2 nd syllable: Saa N <i>æ</i> < PS <i>*ε</i> <u>*e-stem</u> Saa N <i>ie</i> < PS <i>*ē</i>	<i>ä</i>
FS <i>*e</i>	<u>*ä-stem</u> Saa N <i>æ</i> < PS <i>*ε</i> , Saa N <i>ie</i> < PS <i>*ē</i> (when in Mord. <i>i</i>) <u>*e-stem</u> Saa N <i>â</i> < PS <i>*ε</i> (when in Mord. <i>e/a</i>) Saa N <i>æ</i> < PS <i>*ε</i> , Saa N <i>ie</i> < PS <i>*ē</i> (when in Mord. <i>i</i>)	<i>e</i>
FS <i>*o</i>	Saa N <i>oa</i> < PS <i>*ōā-ē / ō</i> Saa N <i>uo</i> < PS <i>*ōō-ē</i>	<i>o</i>
FS <i>*oo</i>	Saa N <i>uo</i> < PS <i>*ō</i>	<i>uo</i>
FS <i>*a</i>	Saa N <i>a, aa</i> < PS <i>*a</i> Saa N <i>uo</i> < PS <i>*ō</i>	<i>a, aa</i> ⁴
FS <i>*i</i>	Saa N <i>â</i> < PS <i>*ε</i>	<i>i</i>
FS <i>*ii</i>	Saa N <i>i</i> < PS <i>*i</i>	<i>ii</i>
FS <i>*u</i>	Saa N <i>o</i> < PS <i>*o</i>	<i>u</i>
FS <i>*uu</i>	Saa N <i>u</i> < PS <i>*u</i>	<i>uu</i>
FS <i>*ü</i>	Saa N <i>â</i> < PS <i>*ε</i>	<i>ü</i>

² In this article we don't discuss the reasons upon which the authors of [SSA; SKES; Aikio 2009] have decided that these words are loanwords from Saami into Finnish. These hypotheses are based on the analysis of the semantic reflexes, occurrence of the words in southern dialects, and other characteristics. In this article we have analyzed the whole corpus of the loanwords from [SSA; SKES; Aikio 2009].

³ The table is taken from [Normanskaja 2008].

⁴ According to UEW Finn. *aa* is an irregular reflex of FS **a*, but it can occur not only in borrowings from Saami.

Table 2. Regular correspondences of consonants in Saami and Finnish language

FS	Saa N < PS	Finn.
<i>At the word-beginning</i>		
*p	b < *p	p, v
*t	d < *t	t / si
*δ, *δ'	d, f (before V rounded) < *δ	t
*k	g < *k	k
*č	c < *c	t
*ś, *ć	č < *ć	s
*s	s < *s	s
*š	s < *s	h
*w	v / o < *v / 0	v / uC
*j	j < *j	j / i / 0
*r	r < *r	r
*l	l < *l	l
*m	m < *m	m
*n	n < *n	*n
*ń	ń < *ń	*n
<i>In the middle of the words</i>		
*p	b, pp < *p	p, v
*p	pp < *pp	p
*pp	pp < *pp	pp
*pt	kt < *pt	ht
*t	ht:đ < *t	t
*ti	ht:đ < *t	si
*tt	tt < *tt	t
*tt	tt < *tt	tt
*tk	tk < *tk	tk
*δ, *δ'	đđ:đ < *δ	t
*k	hk:g < *k	k
*k	k:kk:gg < *kk	k
*kk	k:kk:gg < *kk	kk
*kt	kt:vtt < *kt	ht
*ks	ks < *ks	ks
*kć	kč < *kć	ks
*kś	kč < *kć	ks
*č	hc:z:cc < *c	t
*čk	sk, cc < *ck	tk
*ś, *ć	hč:ž:čč < *ć, šš:š < *š	s
*ćk	šk < *ćk	sk
*ćm	šm < *ćm	sm
*s	ss:s < *s	s
*st	st < *st	st
*sk	sk < *sk	sk
*sm	sp < *sm	sp
*š	ss:s < *s	h
*w	vv:v < *v	v / uC
*wt	wd < *vt	u / yt
*wk	wg < *vk	uk
*wč	wž < *vc	uh
*wŋ	wŋ < *vŋ	uv
*j	dj:j, ggj:j < *j	j / i / 0
*r	r < *r	r
*rt	rd < *rt	rt
*rp	rb < *rp	rp
*rk	rgg:rg < *rk	rk
*rć, *rś	rž < *rć	rs
*rs	rš < *rs	rs

*rw	rv < *rv	rv
*rj	rj < *rj	rj
*rm	rbm < *rm	rm
*rn	rdn < *rn	rn
*l	l < *l	l
*lp	lb < *lp	lp
*lt	lt < *lt	lt
*lt	lt < *l ^{tt}	lt
*lk	lg < *lk	lk
*lkk	lk < *lkk	lkk
*ls	ls < *ls	ls
*lm	lbm < *lm	lm
*m	mm:m < *m	m
*mp	b'b < *mp	mp / mm
*mt	vd:vdd:bd < *mt	nt
*n	nn:n < *n	n
*ń	tń:ń < *ń	n
*nt	dd:d:tt < *nt	nn / nt / ntt
*nč	ʒʒ:cc < *nč	nt / ns
*ńć	ʒʒ < *ńć	ns / s
*ŋ	kŋ:ŋ < *ŋ	v / 0
*ŋk	gg:kk < *ŋk	nk

Aaje ‘spring, boghole, hole with water in it’ < Saa N *ājâ*⁵ < PS **ājek* ‘spring’ [SSA, 1: 45; Aikio 2009: 53];
aappa ‘power, force’ < Saa N *ap'pe*, pl *appek*, I **āppi*, pl *āpih* < PS **āppē* [SSA, 1: 47; Aikio 2009: 244];
aitilas ‘peaceful, calm’ < Saa S *aajdeles* ‘calm, quiet (of a child)’, N *ai'dâlâs*, *ai'dilâs* ‘peaceful, undisturbed
(of a grazing grand)’ < PS **ājteļes* [SSA, 1: 60; Aikio 2009: 245];

aito ‘way trodden by a reindeer herd in snow’ < Saa L *ai'tō* < PS **ājđō* [SSA, 1: 61; Aikio 2009: 245];

ajo ‘glade’ < Saa N *aggjo āj-* ‘forested plateau’ [SKES: 13];

alkkia dial. ‘easy; open, wide’ < Saa N *álki* < PS **ālkkejē* ‘easy’. The word is attested only with the meaning ‘easy’ in modern Saami languages. We can claim on the basis of semantics of the Finnish word, that the word had had also another meaning: ‘open, wide’ in the Saami, today already extinct, languages, which had been spoken in the area of Satakunta and Central Ostrobothnia. We can find this word already at Frans Äimä in 1908 [Aikio 2007a: 188];

anastaa ‘to seize, take hold of (without permission, unlawfully), to rob, dispossess, usurp’ < Saa I *ānistāđ*, Saa Sk *ā'nsted* < PS **ānēstē-* id. (I—T), a derivative of PS **ānēs* (western Saami) **hānēs* ‘miserly, niggardly; greedy’ (S—K) > Saa S *haenies*, N *hánis*, Sk *ää'nes* etc. [Aikio 2009: 245];

askel ‘arctic skua’ < Saa N *has'kel*, I *āskel* ‘stercorarius parasiticus’ < PS *(h)*āskēl* [SKES: 27; Aikio 2009: 245];

eno ‘major river, main canal’ < Saa N *ædno*, Sk *jäänn* < PS **ēnō* < PU **enü* [SKES: 39; YSS: 32, 233];

iltti, *jiltti*, *kiltti*, *tiltti* ‘part of shoe, flap’ < Saa N *âl'dâs*, I *ooldas* < PS **ēltes* [SKES: 106; YSS: 10, 15];

jiekiö, *jiekiä*, *iekiö*, *iekki* ‘an iron implement used for preparing hides’ < Saa N *jiek'ko*, I *jiehhee* < PS **jēkējō* [SSA, 1: 238; Aikio 2009: 246];

joikata, *joikua* ‘to yoik (to sing in Saami way)’ < Saa N *juoi'gât*, I *juojgađ*, Sk *juōiggâđ* < PS **jōjke* [SSA, 1: 239; YSS: 38, 288];

judata, *jutat*, *jut(t)aa* ‘to wander, to move with reindeers from place to place’ < Saa N *jottet*, I *jotteed*, Sk *jää'tted* < PS **jotē* ‘to walk, to go’ < PU **juta-* [SSA, 1: 244; YSS: 38, 281];

juomu ‘sorrel, Rumex acetosa’ < Saa N *juobmo* < PS **jōmō* [SSA, 1: 250; Aikio 2009: 247];

jurmu ‘deep place in a river or lake’ < Saa N *jur'bme* < PS **jormē* ~ **jormō* < PU **jurma* [UEW: 105; SSA,

⁵ In this article, Saami examples are taken from [SKES; SSA] and [Aikio 2009]. These two types of sources use different orthographies. For example, in case of North Saami the Nielsen's orthography is used in [SSA], whereas modern orthography is used in [Aikio 2009]. The following table shows the correspondence between the vowels used in Nielsen's orthography and in the modern orthography approved in 1979.

Nielsen's orthography	a	â	e	i	o	u	æ
1979 – odd syllables	á	a	e	i	o	u	ea
1979 – even syllables	a	â	i	e	u	o	ea

1: 252; Aikio 2009: 247];

kaaristaa ‘to bind things in a sledge’, *kaariste* ‘rope by which things are bound in a sledge’ < Saa N *gārrât*, I *kaarrađ*, Sk *kaarrâđ* < PS **kāre* ‘to bind a load’ [SSA, 1: 265; YSS: 46, 363];

kaasu ‘(cold) mist, haze; steam; smoke, coal gas’ < Saa Sk *gaasoe* ‘damp frosty mist rising from a lake or a river’ < PS **kāsō* [Aikio 2009: 248];

kaisa ‘wooded range, chine, sandbank’ < Saa N *gai'sa*, L *kai'sē* ‘high mountain’ [SKES: 141];

kaitua, *kaituta* ‘to get away, to get lost’ < Saa N *gai'dât*, L *kai'tat* ‘to leave, to set out’ < PS **kājte*- [SKES: 144];

kenes (*kenekse-*) ‘young rascal’ (a pejorative term used of boys; rarely also a pejorative word for sheep) < Saa N *gāneš*, U *gidnehij*, L *ganiij*, I *kooniš* ‘lights (e.g. of a reindeer)’ < PS **keniš* ‘gnome (a small, human-like creature thought to live under the earth)’ [SSA, 1: 344; YSS: 48, 385];

kieri ‘dwarf-birch’ < Saa N *skier're*, I *skierri*, Sk *skierrie*, L *skierre* < PS **kērrē* [SSA, 1: 354; YSS: 52, 430];

kiesiä ‘to fold up, to wrap up (fishing-net)’ < Saa N *giessât*, I *kiessad*, Sk *giessedh*, L *kiessat* < PS **kēsē* ‘to wrap, to fold’ [SSA, 1: 355; YSS: 52, 432];

kietka ‘Saami cradle’ < Saa N *gietkâ*, L *kierkav* [SKES: 264, *kätkyt*], I *kietka(m)* < PS **kētķem* [YSS: 52, 434];

kieva ‘desire, enthusiasm, zeal’, *kievoa*, *kievotella* ‘to entice, tempt’, *kievata* ‘to have sex; to pester’, *kievaantua* ‘to get angry’; comp. *kievakallo* ‘stubborn person’ (*kallo* ‘skull’), *kievehtiä* ‘to lust for; to make advances at someone; to fawn on someone (of cats); (? if not a different word) to augur, foretold’, ? *kievahtaa* ‘to turn suddenly’, ? *kievahdella* (frequentative) ‘to bustle about or around someone, to move restlessly about; to glance around, give stealthy looks around one’ < Saa N *gievvut* ‘to be ecstatic’, Sk *geavodh* ‘to behave ecstatically; to mate (of a reindeer bull)’, Sk *keâvvad* ‘to get a fright, go mad (e.g. of hysterical women)’ < PS **kēvō-* ‘to behave in an agitated, ecstatic, hysterical manner’ [YSS: 396; Aikio 2009: 185];

kojama, *kojamo* ‘large male salmon, large fish’ < Saa N *goaggjem* < PS **kōjēmē* [SSA, 1: 386; Aikio 2009: 253];

kolo ‘gloomy, horrible, ugly’ < Saa N *goalup* [Paulaharju 1934, 1935, 1937, 1939];

kolsa ‘merganser, Mergus merganser’ < Saa N *goal'se*, I *koalssi*, Sk *kuä'Iss*, S *goålsie*, L *kål'sē* < PS **kōlsē* [SSA, 1: 409, *koskelo*; YSS: 56, 471];

konelo ‘deep river bend’ < Saa N *goatnil*, I *kuännil* ‘deep river bend with smooth backward current’ < PS **kōnēlē* [Paulaharju 1939; Aikio 2009: 253];

korju, *korjuu*, *korjus*, *korjut* ‘bear’s den (usually overground, not of a lair)’, comp. *korjuspesä*, *korjupesä* id. (*pesä* ‘nest, den’) < Saa N *goarjut*, S der. *göörjedh*, Sk *kuärijjad* < PS **koarjō(s)-* ‘an animal’s (bear’s?) den’, a hypothetical derivative of PS **koarjō-* ‘to lie down curled up (of canines, bear, or even other animals)’ [YSS: 478; Aikio 2009: 95];

kortata ‘to bake, to grill, to heat up’ < Saa N *goar'det*, S *goård'edh*, L *kår'tēt*, I *koardiđ* < PS **kōrtē* < PU **korta-* [UEW: 186; YSS: 58, 481];

kosotus, *kosatus*, *kosutus* ‘five-year-old reindeer’ < Saa N *goasōhâs*, I *kojstas*, Sk *koiskōs*, S *guös'etes*, L *kāsētis* < PS **kōsētēs* ‘five-year-old male reindeer’ [SSA, 1: 410; YSS: 58, 483];

kulas-hauki ‘large pike’ (*hauki* ‘pike’) < Saa N *golis* < PS **kolēs* [Paulaharju 1937; Aikio 2009: 255];

kulkuus, *kulkus* ‘freely nasant drift-net’ < Saa N *gol'gât*, Sk *kolgēs* < verb *kolggâd* < PS **kolķē* ‘to float’ [SSA, 1: 430; YSS: 54, 442];

kunteus, *kuntus*, *kuntuus* ‘three-year-old male reindeer’ < Saa N *god'de*, I *kode*, Sk *kå'dd*, S *güddie*, L *kåddē* < PS **kontē* ‘wild reindeer’ < FU **kunta* [UEW: 206; SSA, 1: 438; YSS: 54, 450];

kuntura ‘the four-leg skins of a reindeer’ < Saa N *goddor*, L *kåddâr'vē* ‘the four-leg skins, legs or marrow bones in the legs of slaughtered reindeer’. The Saami word is an obscured compound consisting of PS **kontē-n* ‘wild reindeer’ (gen. Sg) [YSS: 450] and **toarvē* ‘sufficient amount; full amount’ [YSS: 1285; SSA, 1: 438; Aikio 2009: 256];

kuoksa ‘one-year-old beaver’ < Saa N *guoksi* < PS *kōksē* [SSA, 1: 439; Aikio 2009: 256];

kuolmus ‘inner bark of a pine (used for making a flour substitute)’ < Saa N *guolmâs*, I *kuolmas*, Sk *kuōlmâs*, S *goålmese*, L *kuolmas* < PS **kōlmes* [SSA, 1: 440; YSS: 60, 513];

kuolpana, *kuolpuna* ‘heath’ < Saa N *guolbâ*, I *kuolba*, Sk *kuōlbân*, S *guolbene* < PS **kōlpen* [SSA, 1: 440; YSS: 60, 515];

kuopa, *kuova* ‘short sock (not extending above the ankle)’ < Saa N *guoppa*, S *guäbaa*, L *kuohpā* — some scholars derive these nouns from the verb Saa N *guoppât*, S *guobeke*, L *kuohpat* < PS **kōpē* ‘to gather (while sewing)’ [SSA, 1: 441; YSS: 62, 525];

kupsoa ‘to take too much (of food or drink) so that others are left without their proper share’ < Saa N

- gok'set*, L *kåpsēt* < PU **kupsa* / **kuksa* [UEW: 214; SSA, 1: 446];
kuorinki 'cave of boulder field which an animal can hide in' < Saa L *guorásj* 'bear's sleeping place', Sk *kuōdāšm* 'cave, den' < PS **kōrā-ńe* [Paulaharju 1939; Aikio 2009: 257];
kuoste 'cloudy damp weather, drizzle' < Saa N *guostâ*, I *kuosta*, Sk *kuōst*, S *guosteh*, L *kuosta* < PS **kōstēk* 'cold spring weather' [SSA, 1: 443; YSS: 62, 539];
kuosto 'half-dried pine-tree' < Saa N *goas'te* 'sour' < PS **kōstē* [SKES: 241];
kuosuttaa, *kuossuttaa* 'to treat a guest' < Saa N *guossohit*, I *kuásuttiđ* < Saa N *guos'se*, I *kyessi* < PS **kōssē* 'guest' [SSA, 1: 443; YSS: 62, 538];
kuotko 'boggy depression, low terrain between two lakes' < Saa N *guot'ko* < PS **kōtkō(j)* [SSA, 1: 443; Aikio 2009: 257];
kurento 'carrion' < Saa N *gorod* < PS **korōntē* < PU **kurV* [UEW: 216—217; SSA, 1: 447; Aikio 2009: 258];
kurso 'boggy terrain, boggy depression, thicket', der. *kursikko*, *kurseikko* 'boggy place in a forest, bog', *kursu* 'creek with steep slopes, ravine' < Saa N *gorsa* 'cleft, gorge, ravine', S *garse* 'rapids in a river; cleft in a mountain side' < PS **korse* 'cleft, gorge, ravine' [Aikio 2009: 105];
laavu 'Saami tent, half-tent, which is open on one side' < Saa N *lavvo*, I *läävyvu*, Sk *lääv*, L *lävvō* < PS **lāvō* 'Saami tent, branch of a spruce; to cover' [SSA, 2: 34; YSS: 66, 579];
lahtea 'damp, humid, rainy' < Saa N *lak'tât* 'to damp, to get wet', S *laakt'edh*, L *laktat*, I *lahtađ* < PS **lakte* [YSS: 66, 562];
liesu 'lair (of a fox)' < Saa N *liesso* < PS **lēsō* [SSA, 2: 71; Aikio 2009: 260];
livikko, *livikkä*, *liivikko* 'lean and exhausted reindeer' < Saa N *livâk* 'exhausted draught reindeer' < *livvâ* 'to lie down, rest (of reindeer)' < PS **live* [SSA, 2: 85; YSS: 68, 591];
loito 'sleeping place in a tent' < Saa N *loi'do*, I *loajdu*, Sk *lâidd*, S *loâjduo*, L *luoi'tō* < PS **lōjtō* [SSA, 2: 88; YSS: 70, 608];
longota 'to break free, to break off, to split, to fly apart' < Saa N *log'got*, I *loggedđ* < PS **loŋkē*. [YSS: 70, 602; Aikio 2009: 114];
loude 'tent cloth' < Saa N *loawdâ* 'tent cloth' < *loaw'det* 'to cover the tent with a tent cloth' < PS **lōvtēk* [SSA, 2: 96; Aikio 2009: 261];
luoska 'worn, used, out of repair, out of condition' < Saa N *luos'ko* < PS **luoske-* 'ramshackle, old and worn' [SSA, 2: 109; Aikio 2009: 116];
maala: *maalaleipä* 'blood-bred', *maalakakku* 'clot of blood' < Saa N *malle*, I *määli*, Sk *mää'll*, S *maalie*, L *mällē* < PS **mālē* 'lymph, blood' [SSA, 2: 137; YSS: 74, 645];
mainas 'story, tale' < Saa N *máinnas*, Sk *maainâp* < PS **mājnō* [YSS: 74, 642; Paulaharju 1934, 1935];
mainoa 'to praise, to thank' < Saa N *mai'dnot*, L *mai'nōt*, I *mainastiđ*, Sk *maainâs* < PS **mājnō* [YSS: 74, 642; Paulaharju 1928];
menentelijä 'timid reindeer which tends to run away' < Saa N *menodahkes* < *menodit* 'to try to evade of lasso (of reindeer)' < PS **mēnu-ntē* [Paulaharju 1927; Aikio 2009: 264];
mesto 'food prepared by mixing fish or roe with berries' < Saa N *mæsto* 'mixture of fishes and berries' < *mæs'tet* 'to prepare food by mixing of various ingredients' < PS **mēstō* [SSA, 2: 162; Aikio 2009: 264];
mieto 'mild (of taste, scent, weather), gentle, mild (of character)' < Saa N *miehte-*, S *mietie-*, I *mieti-* < PS **mietē-* (mainly in compounds) 'favorable, following' [YSS: 671; Aikio 2009: 119];
mora 'brittle snow-crust' < Saa N *moarre* < PS **mōrē* [SSA, 2: 172; Aikio 2009: 264];
muju 'smile', *mujuta* 'to smile' < Saa N *moggje*, S *müjjies* < PS **mojē* 'smile, to smile' < PU **muja-* [SSA, 2: 175; YSS: 76, 672; Aikio 2009: 264];
mursu 'walrus' < Saa N *mor'sâ* < PS **morse* [SSA, 2: 181; Aikio 2009: 265];
naala 'manner, means; shape, form' < Saa N *nalle*, L *nällē*, I *nääli* < PS **nālē* [YSS: 80, 711; Aikio 2009: 120];
naali 'Arctic fox, *Alopex lagopus* < Saa N *njällâ* < PS **nālē* [SSA, 2: 199; Aikio 2009: 265];
naama 'furry skin on the antlers of reindeer' < Saa N *namme* 'skin on the antlers', S *naamie*, L *nāmmē*, I *näämi* < PS **nāmē* [YSS: 80, 712];
naari 'shaky (of a boat), too small (of a shoe)' < Saa N *njarre* < PS **nārē* 'shallow, not deep enough (of boats and vessels)' [SSA, 2: 201; Aikio 2009: 265];
naatua, *naantua* 'to lie down and refuse to get up (e.g. of a draught reindeer)' < Saa N *nađđot*, L *nātōt*, I *naáđđudđ* < PS **nāđō* 'pig-headed, insubordinate, moody (reindeer)' [YSS: 80, 708; SSA, 2: 201];
naiti 'reindeer with antlers sloping backwards' < Saa N *njai'di* < PS **nājtv* [SSA, 2: 202; Aikio 2009: 265];
nili 'small storehouse built on one pillar' < Saa N *njällâ* < PS **ńe* < PU **ńile* [SSA, 2: 221; Aikio 2009: 266];

- niva* ‘place with a swift current in a river’ < Saa N *njâvve*, S *njivvie*, U *njüvvee*, L *njavvê*, I *njauve* < PS **nevē* ‘rapids’ [YSS: 84, 759; SSA, 2: 226];
- nivoa*, *nivottaa* ‘to unhair a skin (by soaking it)’ < Saa N *nâvvet*, S *njyvvedh*, L *navvêt*, I *nauvalid̄* < PS **nevē* < FU **niwa* [UEW: 356; YSS: 80, 706; SSA, 2: 227];
- nota* ‘burden, load’ < Saa N *noaddē*, L *nâtē*, I *noadi* < PS **nōdē* [YSS: 82, 738; SSA, 2: 233];
- nulkka* ‘trot (of a reindeer)’, *nulkata*, *nulkastaa* ‘to trot’ < Saa N *njol'ge*; *njol'gatit*, *njolgastit* < PS **nökē* [SSA, 2: 237; Aikio 2009: 266];
- nurus* ‘uppermost marrowbone in the hind leg, marrowbone in the shoulder’ < Saa N *norâs*, S *nurse*, U *nârras*, L *nârâs*, I *nuuras* < PS **noreš* [YSS: 82, 736; SSA, 2: 243];
- närä* ‘low rapid, water stream (in a river)’ < Saa N *njärre*, I *njeeri* (*ñēri*), Sk *njiä'rr* (*ñierr^o*) < PS **ñērē* [SKES: 416; YSS: 86, 771];
- närpeä* ‘short and fine (of an animal’s hair)’ < Saa N *njar'bâd*, S *njäarb'es*, U *njärbee*, L *njar'pē*, I *njarbad* < PS **ñärpē* ‘thin’ [YSS: 86, 767; SSA, 2: 254];
- näskätä* ‘to scrape the membrane off (when preparing skins)’ < Saa N *næs'ket*, S *niesk'edh*, U *nässkeet*, L *nieskēt*, I *neskiđ* < PS **nēsķē* [YSS: 82, 722; SSA, 2: 255];
- ohto* ‘sudden shower of rain, snow or hail, rain cloud’ < Saa N *oak'te*, U *âktee*, I *oahti* < PS **ōktē* [YSS: 92, 825; SSA, 2: 260];
- oiva* — the word has got into Finnish as a part of mountains names, e.g. *Suoltioiva*, *Jungoiva* < Saa N *oai'vai*, I *oaiváá*, L *âi'vâ(s)* ‘pig-headed, insubordinate (reindeer)’ < PS **ōjvē* < PU **ojwa* [YSS: 92, 822; SKES: 422—423];
- olas*, *olaš* ‘bottom part of ski protected by hairs’ < Saa N *oales* < PS **ōlē* [SSA, 2: 263];
- paartaa* ‘to fringe, to border’, *paarre* ‘edge, border’ < Saa N *bar'det* < PS **pärtē* [SSA, 2: 282; YSS: 98, 897];
- paaski* ‘small sea-boat’ < Saa N *bas'kâ* < PS **pāsķē* [SSA, 2: 283];
- pahta* ‘cliff, rock’ < Saa N *bak'te*, S *baaktie*, U *bâktee*, L *paktē*, I *pähti* < PS **pāktē* [YSS: 98, 884; SSA, 2: 288];
- pallas*, Gen. *paltaan* ‘halibut, Hippoglossus’ < Saa N *baldes*, L *pal'tēs*, I *päaldis* < PS **pältēs* [YSS: 98, 890; SSA, 2: 302];
- panka* ‘headstall of a reindeer’ < Saa N *bag'ge*, S *baaggie*, U *bâg'gee*, L *paggē*, I *päggi* < PS **pāņķē* < PU **paņka* [YSS: 98, 892; SSA, 2: 307];
- piiksi* ‘breastbone of a bird’ < Saa N *bik'sâ*, L, I *piksa* < PS **pikšē* [YSS: 102, 922; SSA, 2: 354];
- pillastua* ‘to bolt (of horses); to become furious, fly into a rage (of a person)’; rare dialectal variants also *pillaantua*, *piltaantua*, *piltauda*, *piltautua* < Saa N *bâlddâskit* < PS **peltāsķē* ‘to be frightened by something, to flee in fright’; a derivative of PS **peltē* ‘to scare, to frighten’ [YSS: 857];
- pirjanne* ‘storm, gust of wind, chilly wind, scurry of snow’, *pirjanki* ~ *pirjant(i)* ‘scurry of snow’, comp. *tuulenpirjo* ‘strong wind’ (*tuulen* ‘wind’ gen. Sg); *pirjastaa* ‘to make a noise, make a racket, rage’ < PS **perjēntek* — an unattested illabialized variant of **porjēntek* ‘following wind’ > Saa N *borjjadat* [Aikio 2009: 133];
- ponka*, *pönkä* ‘shanty of spruce-bark and branches’ < Saa L *puoggē* [SSA, 2: 394];
- posio* ‘rear part of Saami tent’ < Saa N *boas'šo*, I *poaššu*, Sk *puâšš*, S *boâssjuo*, U *bâssjoo*, L *pâssjō* < PS **pōššō* [YSS: 106, 978; SSA, 2: 403];
- pounu* ‘hump in a bog’ < Saa N *bow'dnâ*, I *puvna*, Sk *pounn*, S *bâvne*, L *pâu'nâ* < PS **povņē* [YSS: 106, 965; SSA, 2: 408];
- purka* ‘shedding hair (of reindeer)’ < Saa N *bor'ge*, I *porge*, U *bâr'gè*, L *pâr'kē* < PS **porkē* [YSS: 104, 957; SSA, 2: 436];
- raajata*, *raajia* ‘to prepare for a journey, to busy oneself’ < Saa N *râggjât* ‘to care for something, to portion’, I *raaijad̄*, Sk *raaijâd*, S *raajedh*, L *râdjat* < PS **râjē* ‘to prepare for’ [YSS: 110, 1017; SSA, 3: 32];
- riesin* ‘band of a reindeer bell’ < Saa N *riessâm*, L *riessa*, I *riessam*, *riessain* < PS **rēsēmē* [SKES: 779; Aikio 2009: 273];
- riika* ‘small, old or wormy whitefish’ < Saa N *rii'ga*, *rii'go* ‘old, thin freshwater fish (whitefish)’, I *rijgâ* < PS **rijkâ* [SKES: 783; Aikio 2009: 273];
- rokastaa* ‘to draw a fish in the boat or ashore with a hook’ < Saa N *roakkâstit*, I *rohastiđ* < PS **rōkķē-stē* [SKES: 827; Aikio 2009: 273];
- roukua* ‘to grunt (of reindeer)’ < Saa N *ruow'gât*, S *roâvgedh*, L *ruou'kat*, I *ruovgađ* < PS **rōvķē* ‘to crow, to grunt’ [YSS: 116, 1077; SSA, 3: 56, *raukua*];
- rova* ‘high wooded ridge, rocky, elevated terrain; a place which has suffered a forest fire and started to grow new woods’ < Saa N *roavve*, I *roayvi*, Sk *ruä'vv*, S *roâvie*, L *râvvē* < PS **rōvē* [YSS: 114, 1054; SSA, 3: 98—99];

- rukattaa* ‘to rush, to try to reach’ < Saa N *rok'katit* < PS **rokājettē*- [SSA, 3: 101; Aikio 2009: 274];
runka ‘track of a sled in snow; deep-trodden reindeer path; path trodden between snowdrifts’ < Saa N *rog'ge* < PS **rōŋkē* ‘hole in the ground’ [SSA, 3: 103; Aikio 2009: 274];
ruotko ~ *ruotku* ‘long and thin rod, twig, high slim being (man, horse, fish)’ < Saa N *ruot'ko*, U *ruotko*, L *ruor'kōi* (*luor'kōi*) ‘dead spruce’ < PS **rōtkō(j)* ‘uprooted tree or bush’ [SKES: 874; Aikio 2009: 275];
saame, *saamelainen* ‘Saami man; Saami’ < Saa N *sabmēláš* < PS **sāmē* [SSA, 3: 138];
saasta ‘collar where a reindeer’s bell is attached’, *saasto* ‘collar with the owner’s mark’ < Saa N *sāstāk*, L *sāsta* < PS **sāstē* [SKES: 940—941; Aikio 2009: 276];
sappanen, pl. *sappaset* ‘small intestine (of a reindeer)’ < Saa N *sap'pāsāk*, L *sahppasah*, I *saparazah* < PS **sāppes-* [SKES: 971; Aikio 2009: 275];
saulakka ‘larva of reindeer botfly’ < Saa L *sāu'la*, *sāwllā*, I *staavla* < PS **sāvlēk* [YSS: 120, 1116; SKES: 982];
sevikko, *sevikkö* ‘the lower part of the neck (where a draught reindeer’s collar is put)’ < Saa N *sēppig*, *sēppik*, *sæppe*, L *siehpē*, I *seve* < PS **sēpē* [YSS: 122, 1126; SKES: 1007];
sietki ‘small birch’ < Saa N *sied'gâ*, L *sier'ka*, I *siedga* < PS **sēkkē* ‘willow’ [SKES: 1011; Aikio 2009: 276];
siila ‘easily tired, weak, thin (especially of reindeer)’ < Saa N *sille*, I *sile*, Sk *see'll*, U *silloo*, L *sillē* < PS **silē* [YSS: 122, 1132; SKES: 1014];
sivakka ‘right-foot ski’⁶ < Saa N *sâbek*, L *sapēk*, I *saaveeh* < PS **sēpēkkē* [YSS: 118, 1089; Aikio 2009: 151; SSA, 3: 190];
sonotus ‘stop-reindeer tied behind the sled (to slow the speed hen going downhill)’, *sonottaa* ‘to keep, to keep back’ < Saa N *čoanōtâs*, *čoanōtus*, dial. *čoanos*, S *tjoânie*, K *čue'nn* < PS **čōnē* ‘weight, load (of reindeer), sledge’ [SKES: 1071; YSS: 26, 176];
suopunki ‘lasso (for catching reindeer)’ < Saa N *suoppân*, S *suoçpâŋje*, U *suahpanja*, L *sjuohpan*, I *suoppain* < PS **sōppō* [SKES: 1117];
suotaa ‘to leak, be leaky (of shoes and wooden containers)’ < Saa N *suođđat* ‘to leak, let air through or out’, Saa S *soeredh* ~ southern dialect *soededh* ‘to seep (e.g. in the ground or through clothes; of rain water)’ < PS **sōđē-* ‘to be leaky, to leak, to let air through or out’ [YSS: 1168; Aikio 2009: 156];
suosto ‘dead pine-tree’ < Saa N *suosto*, Sk *suōstt*, S *soâstuoh*, U *suasstōi*, L *suosnō* < PS **sōstō-* [YSS: 128, 1193];
teiko ‘two joint parallel bones (especially in a bird’s wing)’ < Saa N *diei'go*, L *tei'kō*, I *tiäigu* < PS **tējkō* ‘antebrachium’ [SKES: 1256; YSS: 134, 1257];
teno ‘major river’ < Saa N *dædno* [SSA, 3: 284; Aikio 2009: 282];
tieskari ‘inside of mittens made of reindeer skin’ < Saa N *dieskâr*, S *tiäskara*, L *tiesnar* [SKES: 1285];
tohtaja ‘black-throated diver’ < Saa N *dovtâ* < PS **toktēk* < FU **tokta* [SSA, 3: 303; Aikio 2009: 283];
tokka ‘herd (especially of reindeer)’ < Saa N *doak'ke*, S *doâkkie*, U *dâhkee*, L *tâhkkē*, I *toakki* < PS **tōkkē* [YSS: 136, 1274; SSA, 3: 306];
tolva ‘trot of reindeer’, *tolvata* ‘to trot (of reindeer)’ < Saa N *doal've*, *doalvastit* < PS **tōlvē* [SSA, 3: 308; Aikio 2009: 283];
tomera ~ rarely *tomero* ‘bustling, energetic, quick (at work)’, *tomakka* ‘id.; (occasionally also) strong, stout; noisy, boisterous; self-asserting, selfish’ < Saa L *dâbmar* ‘quick, nimble’ < PS **tōmē-rē* or Saa N *doabmir* ~ *doabmil*, I *tuám'mir* ‘quick, vigorous, energetic’ < PS **tōmē-jē-rē* (~ **-lē*), derivatives of PS **toame-* ‘to hurry’ [YSS: 1277; Aikio 2009: 168];
tunka, *tunku* ‘rennet-bag, abomasum (especially of reindeer)’ < Saa N *dog'ge*, I *togge*, U *dâggee*, L *tâggē* < PS **toŋkē* [SKES: 1397—1398; YSS: 136, 1269];
täivätä ‘to dive into the water (of an osprey); to wander, to roam; to know one’s way’ < Saa N *dæi'vât*, L *tei'vat*, *täi'vat* ‘to hit; to meet; to find one’s way’ < PS **tējvę* ‘to meet’ [YSS: 132, 1239; SKES: 1474];
ulku ‘long pole, beam (e.g. for drying nets on it)’ < Saa N *hol'gâ*, I *ulga*, Sk *olgg*, S *alge*, U *âl'ga*, L *hâl'kâ* < PS **olķē* < FU **ulke* [UEW: 543; YSS: 90, 803; SSA, 3: 370];
umakka ‘fog, mist; cloudy, foggy, misty (of weather)’, *ume* ‘fog, mist’, *umea* ‘foggy, misty, murky’, *umetto* ‘foggy weather; shade, shady place’ < PS **umV-* ~ **omV-* (~ western Saami **humV-* ~ **homV-*) ‘misty, cloudy, murky’; cf. Saa S *hovme* ‘snowfall, snowstorm’ < **hume*, *humhkie* ~ *umhkie* ‘dark, snowy weather in daytime, in which the terrain looks level’ < *(*h*)*umkkē*, *amhkes* ~ *âmhkes* ‘cloudy and dark (of weather)’ < **omkkēs* (the last two forms show irregular syncope), Saa P *umakis* ‘mist, fog’ < **umēkkēs*, L *hâmâkis* ~ *âmâkis* ‘misty’ < *(*h*)*omēkkēs*, I *omo* ‘mist, fog’ < **omō* [Aikio 2009: 173; YSS: 808];
umo ‘wet, boggy place’, *umo-oja* ‘a brook that partially runs underground’ (*oja* ‘brook’) < Saa N *obmo* ‘boghole’ the word may derive via semantic shift from PS *(*h*)*umV-* ~ *(*h*)*omV-* ‘misty, cloudy, murky’ [SKES:

⁶ The word has the general meaning ‘ski’ in Northern Ostrobothnia (Finnish *suksi*, pl *sukset* ‘ski’ is not used).

1534; Aikio 2009: 284];

uomeva ‘broad, wide (e.g. of a coat or a reindeer corral)’ < Saa N *vuobmâd* < PS **vōmę* [SKES: 1540; Aikio 2009: 284];

vaalo ‘deep (in water)’ < Saa S *väll^a* ‘deep part (of a lake or river)’ < PS **vālō* [SKES: 1575—1576; Aikio 2009: 285];

vaara ‘hilly area, hill’ < Saa N *varre*, I *vääri*, Sk *vää’rr*, S *vaarie*, L *vārrē* < PS **vārē* ‘hill, hillock’ < PU **wara* [YSS: 144, 1357];

vaaru ‘small cloud; rain or thunder cloud’ < Saa N *varre*, I *vääri*, Sk *vää’rr*, S *vaarie*, L *vārrē* < PS **vārē* [YSS: 144, 1357];

vaimala ‘quarrelsome, scheming, devious’ < Saa N *vai’bmel* ‘desirous, covetous of something’, I *väimil* < Saa N *vai’bmo*, I *väimu* < PS **vājmō* ‘heart’ < FV **wajmV* [UEW: 809; YSS: 144, 1345; SKES: 1599];

vaipukka ‘tired (especially a reindeer, rarely also a man)’ < Saa N *vāibāk* [SKES: 1603];

valju ‘excellent, handsome, strong, big’ < Saa N *vällju* < PS **vālĵō* ‘excellent’ [Aikio 2009: 286];

valkka ‘the joint between the neck and the shoulder, fat on the neck (of a reindeer)’ < Saa N *val’ka*, L *val’hkā*, *fal’hkā*, *fal’ka*, I *vālkā* < PS **vālkā* [YSS: 144, 1350; SKES: 1621];

valma ‘the part on the either side of the neck into which the hame of a draught animal fits’ < Saa N *fal’bme*, I *vālmi*, Sk *vā’lmm*, S *vaalmie*, U *vālbmoo*, L *val’mē* < PS **vālmā* [YSS: 144, 1351; SKES: 1623];

veiki ‘dusk, twilight’ < Saa N *vai’ge*, L *vei’kē*, *vāi’kē*, I *veigi* < PS **vējkē* [SKES: 1684; YSS: 146, 1369];

veitallaan, *veitalleen* < **veitta*, *veikka* ‘loose, untended (of a reindeer)’ < Saa N *vaitālas-*, *vāidālis-*, U *vāihtoo*, L *vei’htō*, *vāi’htō* ‘loose, run-in (of a reindeer)’, L *vāitalis*, I *vaitalas* < PS **vējtte* ‘unattend reindeer’ [YSS: 146, 1370; SKES: 1687];

ventää ‘to keep tied (a reindeer bull)’ < Saa N *væd’det*, I *veddiä*, Sk *veä’dded*, S *viedd’edh* < PS **vēntē* [SKES: 1699; YSS: 146, 1375];

vieska, *vieski*, *viesko* ‘place where a reindeer has dug lichen under the snow’ < Saa N *fies’ke* ‘place where reindeer herd pastures’ < PS **vēske* [SKES: 1730; Aikio 2009: 287];

visto ‘ugly, unpleasant, frightening’ < Saa N *fās’te* < PS **vestē* [SSA, 3: 463; Aikio 2009: 288];

vorva ‘shy, timid’ < Saa L *vuor’vē*, *ār’vē* < PS **vōrvē* [SKES: 1810—1811; Aikio 2009: 108];

vuokko ‘fit, whim’ < Saa N *vuok’ko* < PS **vōkkō* [SSA, 3: 473; Aikio 2009: 108];

vuoma ‘wide river valley; wide, open bog’ < Saa N *vuobme*, I *vyemi*, Sk *vue’mm*, S *vuōmie*, U *vüeb’mee*, L *vuopmē* < PS **vōmē* ‘forested river valley’ [SSA, 3: 373; YSS: 152, 1437];

vuonelo, *vuonilo*, *vuongeli*, *vuonnilo*, (*v*)*uonnelo* ‘two year old reindeer cow’ < Saa N *vuonjâl*, I *vuonjal*, Sk *vuōnjâl*, S *vuonjele*, U *vuaŋal* < PS **vōñel* < PU **oñV* [UEW: 340; SSA, 3: 474; YSS: 154, 1445];

vuono ‘fjord; large, narrow bay in a lake’ < Saa N *vuodnâ*, I *vuona*, Sk *vuōnn*, S *vuone*, L *vuotna* < PS **vōņę* ‘fjord; a Norwegian peasant; an area inhabited by Norwegian peasants’ [SSA, 3: 474; YSS: 154, 1441];

väylä ‘passage, channel (e.g. in a sea); deep part (of a river or lake); large river’ < Saa N *fävli*, S *vaevlie*, Sk *väu’ll* < PS **vāvlē*. SKES and SSA treat the Saami and Finnish words as cognates, but the Saami origin of Finn. *väylä* has been convincingly argued for by [Söderholm 1991]. In modern Finnish *väylä* is widely known in the meaning ‘way, route, passage’, but this is due to recent spread via literary language; reliable dialect attestations of the words are concentrated in Far North and Northern Ostrobothnia. Also a Germanic loan etymology has been proposed for Finn. *väylä*: the word would go back to earlier **vāklä*, which would have been adopted from Scandinavian, cf. Old Norse *va’all* ~ *va’ill* ‘shallow place in a river where one can wade across’ (a derivative of *va’a* ‘to wade’). This etymology is not convincing, especially, due to opposite meanings (‘shallow water’ vs. ‘deep water’) [Aikio 2009: 290];

äimä ‘fool’, *äimäke*, *äimelys*, *äimäpää* (*pää* ‘head’), *äimiskö*, *äimiö* id.; *olla äimänä*, *äimeessään*, *äimeissään*, *äimeennyksissä*, *äimeksissä*, *äimeissään*, *äimelönä*, *äimetyksissä*, *äimeyksissä*, *äimissä*, *äimäyksissä* ‘to be surprised, frightened, mixed up, dazed, stunned, unconscious’; *äimistellä*, *äimäillä* ‘to stare in astonishment, to be stunned’, *äimistyä*, *äimäntyä* ‘to be stupefied, dazed, stunned, to be dazed, stunned (by a blow or the like)’ < PS **ējmV* ‘fool; a person who likes to be by himself, an animal that likes to be by itself’, **ējmVske(s)* ‘foolish; one who likes to be alone’; cf. Saa S *eajma* ‘a reindeer cow which wants to go its own way’ < PS **ējmēs* or **ējmā*, *eajmeske* ‘one who keeps to himself (also of reindeer)’ < **ējmāske*, Saa N *äibmi* ‘fool’ < PS **ējmē*, N *äimmaskas* ‘foolish’, Saa I *eimāskâs* ‘stupid, silly; mischevious, unruly; scoundrel’ < PS **ējmškes* [Aikio 2009: 183].

II. Loanwords from Germanic languages

Aapa, *aava* ‘wide, open bog; open sea’ [SSA, 1: 46] < Saa N *appe*, I *ääpi*, Sk *ää’pp* < PS **āpē* ‘sea, wide bog’ < Proto-Scand. **haba* > Old Norse *haf* ‘sea’ [Aikio: 2006, 14; YSS: 14, 54];

- aihki, aikki* ‘very big pine-tree’ [SSA, 1: 56] < Saa N (h)ai’kâ, I *hajkka*, Sk *aikk* < PS **ājkkę* [YSS: 12, 34] < Proto-Scand. **aik-* ‘oak’ [Aikio 2009: 245];
- anikka* ‘leather loop on a reindeer skin shoe in which the shoelace is fastened’ < Saa N *hānâk, hānak* < PS **hāņękē* [Aikio 2009: 245] < Norw. *hanke* < Old Norse *hanki* ‘leather loop’ [SSA, 1: 75];
- henka* ‘mountainside’ < Saa N *hængga, heņņgu* < Norw. *hengje-berg* [SKES: 82];
- hierua* ‘ebb tide; beach revealed during ebb tide’ < Saa N *fier’va* < PS **vērvā / *vērvę* [Aikio 2009: 246] < Old Norse **fjǫrva, fjara* [SSA, 1: 161];
- huornainen* ‘a hill which is connected to a larger mountain or fell on one side’ [Paulaharju 1937] < Saa L *huornásj* < Old Norse *horn* ‘horn; corner’ [Aikio 2009: 246];
- juuso* ‘haddock, Melanogrammus aeglefinus’ < Saa N *juk’so, jufsō* < Norw. *hysa* < Old Norse *ýsa* [SSA, 1: 253];
- jälli* ‘frame for drying fish’ < Saa N *jiel’le* < PS **jēllē* [Aikio 2009: 247] < Norw. *hjell* [SSA, 1: 257];
- kaala* ‘rope (in a lasso)’ < Saa N *källâ* ‘rope’ < Norw. *kale, kal* ‘rope, line used for ships’ [SSA, 1: 263];
- kaalo* ‘dull, glum, chilly (of weather)’ < Saa N *gallo* < PS **kālō* [Aikio 2009: 2482] < Old Norse **kala* [Álgu; SSA, 1: 263];
- kaamos* ‘polar night’ < Saa N *skab’mâ, skabmo, skābmâ-ai’ge* < PS **skāmę* [Aikio 2009: 248] < Norw. *skamtid* ‘time of polar night’, *skam* ‘short’ [SSA, 1: 263];
- kaara* ‘wooden vessel’ < Saa N *garre, I kääri, Sk kää’rr* < PS **kārē* ‘tub, vat’ < Scand., Norw. *kar* ‘vessel, tub, vat’ [SSA, 1: 264; YSS: 46, 366];
- kaarre, kaare* ‘reindeer corral; a kind of bird trap’ < Saa N *gar’de, I kārđi, Sk kâ’rdd* < PS **kārtē* ‘fence, enclosure’ < Scand., Swed. *gård*, Norw. *gard* < Old Norse *garðr* ‘fence, enclosure’ [SSA, 1: 266; YSS: 46, 371];
- kaimo* ‘shimmer, dawn of the day; feeling, presentiment’ < Saa N dial. *gai’mo* ‘twilight, dawning’ < PS **kājmV* [Aikio 2009: 249] < Scand., Swed. dial. *skäim* < **skaim* ‘twilight’ [SSA, 1: 276];
- kaiska, kaiski, kaisko, kaiskanlehti* ‘fern’ < Saa N *gaiskeg, gai’ske; S gaajsege(h)* < Scand., Norw. *gjeske* [SSA, 1, 278];
- kaita, kaiti, kaira* ‘area between two joining rivers’ < Saa N *skai’de* < PS **skājđē* < Proto-Scand. **skaiða* or **skaiþa* > Old Norse *skeið* ‘race, course; piece of way’ [SSA, 1: 279]. Finn. *kaira* is apparently a loan from a Saami language that had preserved the spirant *-ð-, and shows the sound substitution *-ð- > -r-; the spirant can be reconstructed on the basis of the Saa U and Saa I forms [Aikio 2009: 249];
- kaitsa* ‘goat’ < Saa N *gai’câ* < PS **kājccę* [Aikio 2009: 250] < Old Norse *geit* [SKES: 144];
- kallas* ‘old man; dead man; carrion’ < Saa N *galles, I käälis, Sk kää’lles* < PS **källēs* ‘old man’ < Scand. **karlaz* > Swed. *karl*, dial. *kall* ‘man, husband’, Norw. *kar* ‘man’, *kall* ‘old man’ [SSA, 1: 287; YSS: 44, 350];
- kalsu* ‘seashell’ [Paulaharju 1935] < Saa L *sjkaltjō* [Aikio 2009: 250], N *skal’žo, I skālžu, Sk kälžž* < PS **kālčō* [YSS: 44, 346] < Proto-Scand. **skaljō-* > Old Norse *skel* ‘seashell’ [Aikio 2009: 250];
- kaltio* ‘spring, well’ < Saa N *gal’do, I käldee, Sk ka’lddi* < PS **kältijā* ‘spring, well; water hole’ < Proto-Scand. **kaldīōn* > Old Norse *kelda* > Norw. *källa* ‘spring, well’ [SSA, 1: 291; YSS: 44, 355];
- karppa* ‘great cormorant’ < Saa N *skar’fâ* < PS **skārfe* [Aikio 2009: 250] < Old Norse *skarfr* [SKES: 164];
- kenttä* ‘grassfield, pasture’ < Saa L *kieddē, S gied’de, I kieddi* (< PS **kēntē* ‘pasture, meadow’) [YSS: 52, 424]. According to Koivulehto this word is an earlier Saami loanword. This word came into Saami language from Teutonic (< Germ. **skenþa-* ‘leather, hair’);
- kielinen* ‘narrow and long ridge’ [Paulaharju 1937] < Saa S *gieles, N gielas, I kielâs* < PS **kēlē* ‘long and narrow mountain ridge’ < Proto-Scand. **keluz* > Old Norse *kjǫlr* ‘keel; keel-shaped mountain range’ [Aikio 2009: 252];
- kinni-: kinni-peski* ‘old and worn parka (of reindeer skin)’ [Paulaharju: 1934; 1937; 1939] < Saa N *skitná-muoddá* < PS **ski(n)nV-* < Old Norse *skinn* ‘skin, fur’ [Qvigstad 1893: 294; Aikio 2009: 253];
- kitsi* ‘kid, young goat’ < Saa N *gic’ce* < PS **kiccē* [Aikio 2009: 253] < Scand, Old Norse *kið* > Norw. *kid* [SSA, 1: 376];
- kolla* ‘reindeer without antlers; old weak person’ < Saa N *goal’la* < PS **köllā* [Aikio 2009: 253] < Scand., Norw. dial. *kolla* ‘female, cow without antlers’ < Old Norse *kolrr* ‘bald, hairless’ [SSA, 1: 391];
- konto* ‘mist’ < Saa N *skoad’do* < Scand., Norw. *skodd(a), skadda*, Swed. dial. *skadd, skådd* [SSA, 1: 398; Aikio 2009: 254];
- kopara* ‘reindeer hoof’ < Saa N *guober, I kyeppir, Sk kue’pper, S guöpp’ere, L kuopēr* < PS **kōpēr(ē)* [SSA, 1: 399; YSS: 62, 526] < Proto-Germanic **xōfa-* ‘hoof’ > English *hoof*, German *Huf*, etc. [SSA, 1: 399; YSS: 62, 526];
- kurtta* ‘meat on the neck of a reindeer’ < Saa N *gur’te, I kurtte, Sk ku’rtt, S gürtie, L kur’htē* < PS **kurttē* [SSA, 1: 451; YSS: 58, 498] < Proto-Germanic **kūþra-* > Germ. dial. *koder* ‘meat under the chin’ [Koivulehto 1988: 32—34; Aikio 2009: 259];
- laikko* ‘rent’ < Saa N *lai’go* < PS **lajkō* [Aikio 2009: 260] < Scand. **laigōn-* > Old Norse *leiga* > Norw.

lega [SSA, 2: 37];

laitis, *laidis*, *laitikas* ‘easy to lead (of reindeer) [SSA, 2: 38], *laitistaa* ‘to lead a reindeer herd’ < Saa I *l̥aiððist̥j̥ð*, N *lai'distit*, L *lai'tistit*, N *lāidās* ‘easy to lead (of reindeer)’, L *lāitas* < Proto-Scand. **laiðō* > Old Norse *leiða*, Norw. *leida* ‘to lead’ [SKES: 271];

lanta ‘Finland (as opposed to Lapland)’ < Saa N *lad'de*, I *lāddi*, Sk *lää'dd*, S *laaddie*, L *laddē* < PS **lāntē* ‘farmer, person with a fixed residence; foreigner’ < Scand., Old Norse *land* ‘land’ [SSA, 2: 45–46; YSS: 66, 567];

lauko-: *laukovesi* ‘water for washing’ < Saa N *law'go*, L *lau'kō*, I *lāvgu* ‘bath’; verb Saa N *law'got*, L *lau'kōt*, I *lāvguđ* ‘to bath (e.g. a child)’ < PS **lāvko* ‘to bath’ < Scand., cf. Old Norse *laug* ‘water for washing’; *lauga* ‘to bath’; Old Swed. *lōga* ‘to bath, to wash down’ [SSA, 2: 54; YSS: 66, 577];

liekko ‘back board (part) of sledge’ < Saa N *liek'ko*, S *leäkkuo*, U *leähkoo*, L (*s*)*liehkkō*, I *liäkku* [SSA, 2: 69] < PS **lēkkō* < Old Norse *lág* [Álgu; YSS: 68, 592];

lieksi ‘train oil lamp’ < Saa N *liek'se*, *lik'se*. The North Saami word is perhaps a contamination of two originally distinct words: Saa S *lievsie* ‘lamp’ (< Proto-Scand. **leuhsa-* > Old Norse *ljós* ‘light’) and *liksie* ~ *livsie* ‘train oil’ [Aikio 2009: 260];

lokka ‘ramekin, sieve with wooden bottom’ < Saa N *vuos'tä-lok'ke* (*lok'ke* < Scand., Norw. *lokk*) [SSA, 2: 89];

luppo, *luppa* ‘reindeer disease which causes swelling of the hoofs’ < Saa N *šlub'bo-*: *šlub'bo-juol'ge* ‘swollen hoof’ < Scand., Old Swed. *klubba*, *klump* ‘lump, swelling’ [SSA, 2: 112];

lyömänä ‘cloudberry’ < Saa N *luome*, I *luomē* < PS **luomēn* [SKES: 319]. The word may derive from Proto-Scand. **blōmōn-* > Old Norse *blómi* ‘blossom, bloom’ [Aikio 2009: 262];

mella ‘high and steep river bank; sand-bank’ < Saa N *miel'le*, I *mielli*, Sk *mie'll*, L *miellē* < PS **mēllē* < Scand., Old Norse *melr* ‘sand-bank, gravel-bank’ > Norw. *mel* [SSA, 2: 158; YSS: 76, 668];

murkku, *murku*, *murkko* ‘fog’ < Saa N *mur'ko* < PS **murkkō* [SSA, 2: 181]. The Saami word is a Scandinavian loan, cf. Old Norse *myrkvi* ‘darkness; dense fog’ [Aikio 2009: 265];

muti, *muttu* ‘parka (made of reindeer skin)’ < Saa N *muod'da* ‘used, worn-out coat’. The word could get to Finnish through Swedish [SKES: 354];

niesta ‘journey provisions’ [Paulaharju 1937] < PS **nēstē* (S—U, L—I), cf. Saa S *niestie* ‘reindeer for slaughtering; journey provisions’, N, I *niesti* ‘journey provisions’. The Saami word derives from Scandinavian, cf. Old Norse *nest* ‘journey provisions’ [Qvigstad 1893: 246; Aikio 2009: 265];

nokko ‘enough’ < Saa N *nok'kā*, I *nokko* < Scand., Norw. *nok* [Álgu; SSA, 2: 228–229];

nuora ‘long, narrow strait’ < Saa N *nuorre* < PS **nōrē* [Aikio 2009: 266] < Scand., Norw., Swed. *nor* ‘strait’ [SSA, 2: 239];

paaru ‘wave’ [Paulaharju 1934, 1935] < Saa S *baaruo*, L *pārrō*, N *barro*, I *pāaru* < PS **pārō* [YSS: 98, 896] < Proto-Scand. **bārōn-* > Old Norse *bára* [Aikio 2009: 268];

pakaturket, *pakat*, *paakat* ‘pack-saddle of a reindeer’ < Saa N *spākka* < PS *(*s*)*vekā* [SSA, 2: 294]. The Saami word may be a Scandinavian borrowing, cf. Old Norse *svig* ‘bend, curve, circuit’ [Aikio 2009: 268];

palkku ‘hank of cord of a certain length’ < Saa N *bal'ko* < PS **pālkkō* [Aikio 2009: 268] < Scand., Norw. *bol* ‘division, partion, section’ [SSA, 2: 302];

pentta ‘full, real’ < Saa N *bæn'tâ*, I *pæntta* ‘quite, fully’ < Norw. *bent* [SKES: 520];

puura ‘simple storehouse; shelter where sheep are kept’, *kamari-puura* ‘small, poor chamber’ [Paulaharju 1928: 1939] < Saa N *buw're* ‘storehouse’, I *puvre* ‘shelter for sheep’ [SKES: 665], Sk *pu'vrr* < PS **puvrē* [YSS: 108, 985] < Old Norse *búr* > Norw. *bur* ‘storehouse’ [SKES: 665];

raamo ‘to boast’ < Saa N *rab'mut*, *rābmut*, I *rammuđ* < PS **rām(m)ujē-* [Aikio 2009: 271] < Scand., Norw. *bramme* ‘to boast’ [SKES: 704];

raanakka, *raanis* ‘grayish reindeer’ < Saa N *rānat*, *rānis*, L *rānak* ‘grey(ish)’ < PS **rānēs* < Scand., cf. Old Norse *grána* ‘to become grey’ < *grár* ‘grey’ [Aikio 2009: 271];

raanu ‘serape’ < Saa N *radno* [SSA, 3: 33–34], S *graanuo*, L *ratnō*, I *rāanu* < PS **rānō* < Scand., Swed. *ran* [Álgu; YSS: 112, 1021];

raatia ‘to be able to help; to rule; to preserve; to prepare’ < Saa L *raddit*, N *rađ'dit*, I *raddiđ* [SKES: 733] < PS **rāđeje-* < Scand., Old Norse *ráða* ‘to advice; to discuss; to arrange; to rule’ [Aikio 2009: 271];

raitio ‘hired reindeer herder’ < Saa N *rai'de* < PS **rājđējē* [Aikio 2009: 272] < Proto-Scand. **raidia-* ‘riding’ [SSA, 3: 41];

raitio ‘reindeer caravan’ < Saa N *rai'do* [SSA, 3: 41], S *raajruo*, L *rai'tō*, I *rājđu* < PS **rājto* [YSS: 110, 1020] < PS **rājđō* < Proto-Scand. **raidō* > Old Norse *reið* ‘riding; chariot’ [Aikio 2009: 272];

rannio ‘tracks of a hare or a reindeer in snow’ < Saa N *rad'no* ‘track sof a hare’, I *rānnee* ‘tracks of some animal in snow’ < PS **rannējō* [Aikio 2009: 272] < Scand., Old Norse *renna* ‘running’ < Germ. **ranniōn-*

[SKES: 733];

raukka, meriraukka 'sea ghost, haunting ghost of a drowned person' < Saa N *raw'gâ* < PS **rāvke* [Aikio 2009: 272] < Old Norse *draugr* > Norw. *draug* 'ghost' [SSA, 3: 56];

raurata 'to attach a shaft to a scythe (by wrapping a bindage around it)' < Saa N *raw'rât* < PS **rāvve* [Aikio 2009: 272] < Scand., Norw. *røre, røyra* 'to bind by wrapping around something' [SKES: 749];

rauta, rautu 'either of the two parts forming the noose of a halter' < Saa L *rau'tē*, N *raw'de*, I *rävdi* [SKES: 751] < PS **rāvtē* 'noose' < Proto-Germ. **raudān-* [Álgu; YSS: 112, 1032];

rautso 'gruel made of milk and roe' < Saa N *rakca*, I *rahca*, S *krauce*, *krauhce*, U *kraùhtsoo*, L *raktsa* < PS **(k)rāvcce* [Aikio 2009: 272] < Scand., Old Norse *grautr* > Norw. *graut*, *grøt*, Old Swed. *gröter* > Swed. *gröt* 'gruel' [SKES: 751];

rautu 'arctic char (*Salvelinus alpinus*)' < Saa N *raw'do*, I *rävdu*, Sk *räudd*, S *raavre*, L *rau'tō* [YSS: 112, 1033] < PS **rāvtō* [Aikio 2009: 272] < Proto-Scand. **raudiō* > Old Norse *reyðr* > Norw. *røie, røp, røyder*, Swed. *röding* [SSA, 3: 57];

rito 'avalanche, landslide' [Paulaharju 1928] < Saa N *riđđu ~ rihtu* (< PS **riðō*). The Saami words appear to be a conflation of two originally distinct Scandinavian borrowings, cf. Old Norse *hríð* 'storm' and *skriða* 'step, walk; landslide', cf. [Qvigstad 1893: 263; Aikio 2009: 273];

riuku 'non-Saami woman' < Saa N *riw'go* < PS **rivkōjē* [Aikio 2009: 274] < Old Norse *rygl* 'woman, housewife' [SSA, 3: 84];

riutua 'to drift somewhere (e.g. to the shore)' [Paulaharju 1935] < Saa N *rievdat* 'to drift, to change' < PS **rēvtē* < Old Norse *bregða* 'to change, to cause to move quickly' [Aikio 2009: 273];

rokka, rokkarauta, rokkirauta 'fish spear, harpoon' < Saa L *ruohkkē*, N *roak'ke* 'hook', I *roakki* < PS **rōkkē* [Aikio 2009: 274] < Scand., Old Norse *krókr* 'hook' [SKES: 828];

rossa, tuulen-rossa 'sudden strong gust of wind' < Saa N *roassâ*, I *rossa* < PS **rōse / rōsō* [Aikio 2009: 274] < Scand. Norw. *rossa, ros(s)e* 'gust of wind' [SKES: 842];

rouko 'skin rug' [SSA, 3: 97] < Saa N *roaw'go*, S *roāvguo*, L *râu'kō*, I *roavvu* < PS **rōhvō* 'rug, blanket' [YSS: 114, 1052; Aikio 2009: 146] < Scand., Old Norse *rōgg* 'woven woollen blanket';

runo 'reindeer cow which has not calved' < Saa N *rodno* [SSA, 3: 104], S *râdnuo*, L *râtnō*, I *ronno* < PS **ronō* 'reindeer cow' [YSS: 114, 1047] < ? Scand. **runō*, a hypothetical feminine form corresponding to **runan-* > Old Norse *runi* 'wild boar' [Aikio 2009: 274];

ruokki 'sea-bird, auk' < Saa N dial. *ruokke* < Old Norse *hrókr* 'rook, cormorant' [SSA, 3: 106];

ruto 'thicket, grove'; *roto-maa* 'terrain with thick willow bushes' (*maa* 'earth') < Saa N *rotto* [SSA, 3: 112], S *râttuo*, L *râhtō*, I *roto* < PS **rotō* [YSS: 114, 1050] < Proto-Scand. **brutan-* > Old Norse *broti* 'heap of trees felled in a wood' [Aikio 2009: 275];

saita 'pollock, saithe, *Pollachius virens*' < Saa N *sai'de* [SSA, 3: 165, *seiti*], S *saajdie*, L *sai'tē*, I *säjdi*, Sk *säi'dd* < PS **sājðē* < Proto-Scand. **saidā-* > Old Norse *seiðr* [YSS: 120, 1101];

saivo 'clear water in a lake; a lake thought to have two bottoms' < Saa N *sai'vâ* [SSA, 3: 144], I *savja*, Sk *saujj*, S *saajve*, L *sai'va-* < PS **sāvje* 'freshwater' [YSS: 120, 1115] < Proto-Scand. **saiw-*, Got. *saiws* 'lake', Old Norse *sær, sjár, sjór* 'water, sea, lake' > Norw. *sjo*, Swed. *sjö* [SSA, 3: 144];

seimi 'rope by which a boat is drawn from rapids' < Saa S, U *sieima* < Scand., Old Norse *sími* > Norw. *sime* [Álgu; SKES: 990];

seita, seitakivi 'Saami rock idol' < Saa N *siei'de* 'venerated stone, rock or object' [SSA, 3: 165], L *sei'tē*, I *siejdi*, Sk *seidd* < PS **sējte* 'sacrificial stone' [YSS: 122, 1140] < Old Norse *seið* 'sorcery, magic' [Aikio 2009: 277];

siikanne 'high wave allusive to a coast, breaker' < Saa N *siigad* < PS **sijke* [Aikio 2009: 277] < Norw. *sig* 'sinking or sliding movement; trickle of water in the ground' [SKES: 1014];

silpa-raha 'silver coin' (*raha* 'money') [Paulaharju 1927, 1934] < Saa L *sil'pa*, N *sil'bâ*, I *silba*, S *s'ılbe* < PS **silpe* 'silver' [YSS: 122, 1133] < Scand., Old Norse *silfr* 'silver' [Aikio 2009: 278];

sunta 'mild weather in spring' < Saa N *suddi* < PS **suntē* 'unfrozen; opening in ice' < Proto-Scand. **sunda-* 'sound' [Aikio 2009: 153; 2007: 183];

suohkana 1 'parish, congregation' < Saa P *súhkan*, N *suokkân*, L *suohkan* < Old Norse *sókn* 'parish' [SKES: 1110];

suohkana 2 'drag, grapnel (for drawing a fishnet from a sea)' < Saa N *suokkân* (etymologically the same as *suohkana 1*) [SKES: 1110];

taalo, staalo 'evil giant (in Saami folklore)' < Saa N *stallo* [SSA, 3: 206, *staalo*], I *stáálu*, Sk (s)*tääll*, S *staaluo*, U *stálloo*, L *stállō* < PS **tālō* < Scand., Norw. *ståle* 'big, strong man' [YSS: 132, 1222];

taamoä 'to tame (especially a reindeer bull for a draught animal)' < Saa N *dābmât* [SSA, 3: 248], I *taam-mađ*, Sk *taammâd*, S *dääm'edh*, U *däbmat*, L *täpmat* < PS **tāmē* [YSS: 132, 1224] < Proto-Scand. **tamja-* >

Old Norse, Norw. *temja*, Swed. *tämja* ‘to tame’ [SSA, 3: 248];

taara ~ *taari* ‘brown alga’ < Saa N *stárrá* ~ *dárrá* < PS *(s)tārā < Old Norse *þari* ‘seaweed’ [Aikio 2009: 281];

tainari ‘seawolf’ < Saa N *stainer*, *stai'dnar*, I *stáinár* < Scand., Norw. *steinbit*, Icelandic *steinbítur* ‘stone-biter’ [SKES: 1198];

tauni ‘a lithe part of upper keel’ < Saa U *stàb'dnee*, *stàm'na*, L *stab'nē*, N *staw'dne*, I *stämmi* [SKES: 1247]. The word can be a direct loanword from Norwegian *stavn*, *stamm*;

tiura, *tiuri* ‘a kind of small insect; mosquito larva’ < Saa N *diw're*, I *tivre*, Sk *tjw'r* < PS *tivrē [Aikio 2009: 282] < Old Norse *dýr* ‘animal’ [SKES: 1318, *tiuru*];

torko ‘twigs spread on the floor of a Saami tent’ < Saa N *duor'gâ*, I *tuorga*, L *tuor'ka* < PS *törkē [Aikio 2009: 283]. This word is probably of Scandinavian origin — Swed. dial. *dårg* ‘twigs on a porch; litter’, *dörje*, *dorje* < Proto-Scand. *dorgō- < Proto-Germ. *durgō- [SKES: 1353—1354];

ume ‘mist’ < PS *ome ‘mist, misty, cloudy’ (> Saa S *humkie*, L (h)āmākis, I *omo*) [YSS: 90, 808]. According to Ante Aikio, Finn. *ume* can be derived only from Saami, because the Saami word actually seems to be a Proto-Scandinavian borrowing (< Proto-Scan. *hūma-* > Old Norse *húm* ‘dusky, murky, half-dark’ and *húmr* ‘twilight, murk’) [Aikio 2001: 40];

utamukka, *utaminki*, *utami* ‘untamed reindeer bull’ < Saa S *ov-daemies*, L *udámik* ~ *udámuk*, N *udámat* ~ *uđámat*, I *uđamâg*, Sk, K *udam* id. (< Old Norse *ú-tamdr* ‘untamed’). The sound correspondences between the Saami words are irregular, so, probably, there have been multiple borrowings [Aikio 2009: 284];

uuju ‘down, fine hair or wool’ < Saa N *uw'já*, I *uvja*, Sk *uūj* < PS *uvje [SKES: 1560; YSS: 140, 1318] < Proto-Scand. *hiuja- > Old Norse *hy* ‘down’ [Aikio 2009: 284];

uurto ‘hunt for wild reindeer in the fall’ < Saa N *or'dâ*, I *ordo*, Sk *ordd*, L *âr'tâ* (< PS *ortē ‘tree line in mountains’) [SKES: 1566; YSS: 90, 813]. Aikio suggests that Saami word might be a loan from Proto-Scand. *urdV- (> Old Norse *urđ* ‘heap of stones or pebble; stone floor’); in Saami there could have been a semantic shift ‘rocky terrain’ > ‘tundra’ > ‘edge of tundra, tree line’ [Aikio 2009: 285]. This etymology does not seem to be reliable;

vaakana, *vaakina* ‘killer whale, Orca gladiator’ < Saa N *fākkân*, I *vaahan*, Sk *vā'kañ* < PS *vākkenje < Scand., Old Norse *vāgn* > Norw. *vagn* ‘a kind of whale’ [Aikio 2009: 285; SKES: 1573];

vaakkara ‘last-born child’ < Saa N *vāhkar* < Old Norse *vākr* ‘child, weakling’ [Aikio 2009: 285];

vaana ‘scanty, scarce; lack’ < Saa L *vādne*, N *vátmi* < PS *vānē(-s) < Proto-Scand. *vana-z > Old Norse *vānr* ‘lacking, wanting’ [Aikio 2009: 285; SSA, 3: 385];

valas, *valaskala* ‘whale’ < Saa N *fāles*, I *vālis*, Sk *vää'les*, S *faalaa*, U *vaalès*, L *svālēs* < PS *vālās [YSS: 144, 1349] < Proto-Scand. *hwalaz > Old Norse *hvalr* > Norw. *val(fisk)* [SSA, 3: 397]. The Finnish word has also been considered a direct borrowing from Germanic, but reliable dialect attestations are confined to the far-northern dialects, which rather suggests Saami origin; the word, apparently, has later spread via literary usage to the standard Finnish lexicon [Aikio 2009: 286];

vankka ‘valley (in uplands)’ < Saa Sk *vaegkie*, N *vággi* < PS *vānjkē < Proto-Scand. *wanga- > Old Norse *vāngr* ‘field, meadow’ [Aikio 2009: 286];

vartata, *vaartata*, *vaartoa*, *vaarrata*, *vaarrota*, *vartaa* ‘to lie in wait, to prowl’ < Saa N *var'dat*, I *vårdää* [SKES: 1661] < PS *vārtā [YSS: 144, 1360] < Proto-Scand. *wardō > Old Norse *varða* ‘to guard, to defend, to watch’ [Aikio 2009: 287];

vieko, *viekko* ‘an old Norwegian measure of weight (36 kg)’ < Saa L *viehkō*, N *viekko*, I *viähu* [SKES: 1723] < PS *vĕkō < Germ. *wĕgō- > Proto-Scand. *wāgō- > Old Norse *vág* ‘balance, scales; weight (of 10 kg)’ [Aikio 2009: 287];

vuomen, *vuomeno*, *uomen(o)* ‘a structure consisting of hunting fences and a corral, used for trapping wild reindeer’ < Saa N *vuobmân* [SSA, 3: 474] < PS *vōmenV < Proto-Germanic *hamen- > Old High German *hamo* ‘hunting net; net in a weir’ [Koivulehto 2002: 589; Aikio 2009: 288];

vuopio, *vuopaja*, *uopaja* ‘narrow bay in a river’ < Saa N *vuop'pe* [SSA, 3: 474—475], S *vuobeje*, L *vuohppē*, I *vyeppee* (< PS *vōpĕjē ‘narrow bay’) [YSS: 154, 1449]. The Saami word is cognate with Finn. *apaja* ‘fishing place’ and ultimately a loan from Proto-Germanic *abjōn- (> Old Norse *effja* ‘backward current in a river; bay in a river’) [Koivulehto 2002: 587];

vuotso, *vuotsu*, *uotso* ‘long and narrow bog’ < Saa N *vuoč'čo*, I *vuáčču* < PS *vōcō [Aikio 2009: 289; SKES: 1825] < Northwest Germanic *wātjō- > Swedish dial. *vät* ‘boggy place which gathers water in the spring and autumn’ [Koivulehto 2002: 589];

vuotto-, *vuotta-*, *vuotturaippa* ‘trace of a draught reindeer’ < Saa N *vuottâ-rai'pe* (< PS *vōtē-rājppē) [SSA, 3: 476—477]. The word is a compound. The first part is not attested as an independent word, but the latter part is identical with Saa N *rāipi* ‘rope’s end’ < Proto-Scand. *raipa- > Old Norse *reip* ‘rope’ [Aikio 2009: 290].

III. Loanwords from other IE languages

Kosio ‘large birch-bark basket’ < Saa N *guoš’še* < PS **kōšē* [Aikio 2009: 255] < PIE **k^wasjo-* > Russian *kou* ‘basket’ [Sammallahti 2001: 403];

luova ‘storage platform’ [Paulaharju 1937] < Saa L *luovvē* [Aikio 2009: 262], N *luovve*, I *lyevvi*, Sk *lue’vv* < PS **lōvē* < Baltic, Lithuanian *lóva*, Latvian *lāva* [Álgu; YSS: 72, 632];

portta ‘birch-bark container’ < Saa N *boar’te* [SSA, 2: 401], S *boártie*, L *pår’htē*, I *poartti* < PS **pōrttē* < PIE **pōtro* [Álgu; YSS: 106, 977];

sompa ‘ring on a ski pole’ < PS **soampē* [Aikio 2009: 152] < PIE **stomb(h)o-s* ‘post, pillar; trunk, stub’ [Aikio 2009: 153; Sammallahti 1999: 81];

sopuli ‘Norway lemming, Lemmus lemmus’ < Saa I *säplig* ‘mouse’ [SSA, 3: 201] < Russian *соболь* ‘sable’; *vietka* ‘adze’ < Saa N *viet’ká*, I *vietka* < PS **vētkē* [SKES: 1731; YSS: 150, 1415] < Baltic, Lithuanian *vedegà* ‘a kind of ax’, Latvian *vēdga* ‘crowbar with a wooden handle; chisel’ [Itkonen 1958: 751; Aikio 2009: 288].

IV. Words of Saamic origin, which could not be cognates from phonological point of view

In the words we have marked the irregular correspondences with bold script. There are four types of irregular correspondences, which were marked in the following way:

1. There is a reflex of the word in Saa N, and the correspondence between the Finnish form and Saa N is irregular. We have marked the correspondence.

2. There is no reflex in Saa N or the phonetic correspondences between the Finnish form and Saa N are regular, but the PS form can be reconstructed, and the correspondence between the Finnish form and PS is irregular. We have marked the correspondence.

3. The correspondences between Saami and Finnish are regular, but there is a PU, FU, FP or FV form (cf. [UEW; SSA; SKES; Aikio 2009]), and the Finnish form has irregular correspondence with this protoform. The correspondence has been marked.

4. The correspondences between Saami and Finnish are regular, and there is another regular cognate of Saami word in Finnish, but Finnish word has a typical Saami suffix. We have marked the suffix.

Aisti ‘sense, feeling’ < Saa N *ai’cât*, S *aajtsedh*, L *ai’htsat*, I *ajccad* < PS **ājccē* [YSS: 12, 30];

ahku ‘grandmother, old (Saami) woman’ (SSA, 1: 53) < Saa N *ak’ko*, I *akku*, Sk *äkk* < PS **akkō* [YSS: 14, 41];

alma ‘real, proper’ < Saa N *âl’bmâ*, I *olma*, Sk *ōlmm-* < PS **ēlme* ‘distinguishable; to appear’ [YSS: 10, 11; SSA, 1: 70];

auhto, *autto* ‘grove along a river, damp depression’ < Saa N dial. *ávžu* ‘damp grove’ < PS **āvčō* [SSA, 1: 89; Aikio 2009: 248];

autsi ‘gorge, ravine’ < Saa N *ávži* ‘narrow and deep valley’ < PS **āvčē* [SKES: 30; Aikio 2009: 152];

hankelas, *hankelo*, *hankilas*, *hankilo* ‘mallard’ < Saa N dial. *âηηalagges*, *hâηηalikka*, I *âηalah* < PS *(h) *eη(η)āl-* [SSA, 1: 138; Aikio 2009: 246];

hapro, *apro* ‘mountain sorrel, wood sorrel’ < Saa N *æw’ro*, L (h) *äb’rō* [SSA, 1: 140];

jarho, *jarhu* ‘mountain glacier, ice peak’ < Saa L *tjar’fō*, K *čārṽ* < PS **čātṽō* [SSA, 1: 236; YSS: 22, 124];

jauri ‘lake’ < Saa N *jaw’re*, L *jau’rē*, Sk *jaavrie*, I *jävri*, Sk *jäu’rr* < PS **jāvṛē* < FV **järwä* [UEW: 633; Paulaharju 1934, 1937; YSS: 34, 258];

jokos ‘tracks of reindeer or a sledge in the snow; herd of reindeer’ < Saa Sk *čueγγas*, K *čuegas* ‘winter way, way in snow’ < PS **čōkōs*. Similar word is also *jolos* ‘way trodden by a reindeer herd in snow’ < Saa L *jälās* ‘way trodden in snow’, *jällät* ‘to whirl, to go around’ [SSA, 1: 240; Aikio 2009: 246]⁷;

jolma ‘strait’ < Saa N *čōal’bme*, I *čōalmi*, Sk *čuä’lmm* < PS **čōlmē*. The Saami word is the cognate of Finn. *salmi* ‘strait’ [SSA, 1: 241; YSS: 26, 174; Aikio 2009: 246];

jorva ‘a thigh (of a reindeer)’ < Saa N *čoar(ve)-balle* ‘rump steak of a reindeer’. The Saami word looks like a compound consisting of PS **čōrvē-n* ‘antler, horn’ (Sg gen.) [YSS: 179] and **pēlē* ‘side; half’ [YSS: 907], but the semantic motivation is obscure. One cannot even exclude the possibility that the apparent connection with **čōrvē* ‘antler, horn’ results from folk-etymology, because in Saa T the word has an unexplained cluster *-rm-*: *čierm-pielle* ‘rump steak’ (also, the vocalism is irregular) [SSA, 1: 242; Aikio 2009: 247];

joukahtaa, rarely also *jovahtaa*, *juokahtaa* ‘to cross one’s mind, to occur to someone; (rarely) to flash’ < Saa N *čuovggihit* < PS **čōkv-ētē-* or **čōηv-ētē-* ‘to shine, flash (suddenly); to cross one’s mind’. A derivative of PS **čōkvē(-)* or **čōηvē(-)* ‘light; to shine’ [YSS: 202];

⁷ The later analogy of the word is *jotos*, which began to be used in military slang in 1940ies. It acquired a meaning ‘military exercises, march’.

julku ‘pole rod, stick’ < Saa N *čuolggu* < PS **čōlkōj* ‘pole rod or stick used e.g. as elevator or for putting nets under the ice’ [Aikio 2009: 70];

juomus ‘net for fishing under the ice’ < Saa N *juoŋás* < PS **jōŋes* [SSA, 1: 250; Aikio 2009: 247];

juovoa, juovua ‘to follow’ < Saa N *čuovvot*, I *čuávyuđ*, Sk *čuávvad* < PS **čōvō* [SSA, 1: 251; YSS: 30, 216];

jänkä, jänkkä ‘bog’ < Saa N *jæg'ge*, I *j(i)eggi*, Sk *jeä'gǵ* < PS **jēŋkē* < FU **jāŋkä* [SSA, 1: 257; YSS: 36, 262];

järämä ‘small rapids, deep and calm place between rapids’ < Saa N *jârem* ‘widening in a river’, Sk *jēr'm* ‘depth, hole (in water)’. The vowel correspondences between these Saami words are irregular; apparently all variants are separate loans from Finn. *jyrämä* ~ *jyrhämä* ‘small rapids; smooth waters’ [SKES: 132; Aikio 2009: 248];

kaarko, kaarkko, karkko ‘higher place in a bog, solid ground in the middle of a bog’ < Saa N *gargo*, *gar'go* ‘higher place between two bogs’ < PS **kārko* [SSA, 1: 265; Aikio 2009: 247];

kahlata ‘wade, ford’ < Saa N *gallet*, S *gaal'edh*, L *källēt*, I *källiđ* < PS **kālē* < FU **kälä* [UEW: 133; YSS: 44, 347];

*kallokas*⁸ ‘shoes made of reindeer head skin’ < Saa N *gal'lo*, I *källu*, Sk *käll* < PS **källō* ‘forehead, forehead skin, skull’ [SSA, 1: 288; YSS: 44, 352];

kappa ‘albino reindeer’ < Saa N *gâb'bâ* < PS **kēmpē* [SSA, 1: 307; Aikio 2009: 250];

kappira ‘Saami hat’ < Saa N *gâpper*, I *kappeer*, Sk *keä'pper*, L *kahpēr* < PS **kēpērē*. The Saami word is cognate with Finn. *kypärä* ‘helmet’, and ultimately a Baltic loan (cf. Lithuanian *kepūrė* ‘cap, hat’) [Aikio 2009: 250; SKES: 256, *kypäri*, *kypärä*; YSS: 40, 317];

karistaa ‘to attack’ < Saa N *gâristit* ‘to push oneself forward, to rush after’ < PS **kērēstē-* [Paulaharju 1937, 1939; Aikio 2009: 250];

karroa ‘to scratch the hair loose from the neck (of a reindeer)’ < Saa N *gârrat* ‘to shed the hair on the neck (of reindeer)’, *gârram* ‘a reindeer which has lost the long hair on its neck in spring’ < PS **kērē-* [SKES: 165; Aikio 2009: 251];

kaskata ‘to geld, to castrate (of a reindeer)’ < Saa N *gas'ket*, I *käskiđ*, S *gaatsk'edh*, L *kaskēt* < PS **käckē* ‘to bite’ < FP **kačka-* [UEW: 641; SSA, 1: 323, YSS: 42, 335];

kelo, dial. *keloi* ‘dead (pine) tree; to rub the antlers against something (of reindeer, in order to get the skin loose); to drop its bark (a pine tree)’ < *kelo*, *kelota*, *kilata*, *kiloa* ‘to rub the antlers against something (of reindeer, in order to get the skin loose)’, in Kittilä the verb *kelo* has also meaning ‘to drop its bark (a pine tree)’ < Saa N *čállât*, S *tjalledh*, L *tjallat*, I *čoollađ*; adj. *čállâs* ‘hard and smooth’ < PS **čēle* [SSA, 1: 341; YSS: 20, 106];

kelo, *kelota*, *kilata*, *kiloa* ‘to rub the antlers against something (of reindeer, in order to get the skin loose)’, Kittilä *kelo* ‘to drop its bark (a pine tree)’ < Saa N *čállât*, I *čoollađ*, Sk *čōöllâd*, S *tjalledh*, L *tjallat* < PS **čēle* [SSA, 1: 341; YSS: 20, 106];

kelteke-suoni (*suoni* ‘vein, sinew’) ~ *kieltakainen* ‘sinew on the inside of reindeer’s front leg’ < Saa N *gieldagas* ‘thick sinew on the hind leg of a reindeer’ < PS **kēltek* [Paulaharju 1939; Aikio 2009: 251; YSS: 52, 421];

kermikkä, kiermikka, siermukka ‘one-year-old reindeer’ < Saa N *čēr̄bmâk*, I *čiermih* < PS **čērmVkkē* [SSA, 1: 346; Aikio 2009: 251];

kerni ‘frozen flake of snow’ < Saa N *gær'dne*, L *kier'nē*, *kär'nē*, I *ke-ŋñ* < PS **kēr̄nē* < FU **kär̄nä* [SKES: 262, *kär̄nä*];

kero ‘round, treeless fell, mountain top’ < Saa N *čærro*, Sk *čëärr*, L *tjārrō* < PS **čērō* [SSA, 1: 347, YSS: 22, 133];

kesas, kesäs, käsäs, kesäte, kesätti, kesätin, käsitin ‘leather collar (for a reindeer)’ < Saa N *gäses* < *gasset* ‘to harness’ < PS **kēsē* ‘to draw’ [SSA, 1: 348; YSS: 48, 392];

kiekerö ‘winter pasture of reindeer; a large reindeer herd’ < Saa N *čiegâr*, I *čieuvar*, S *tjiëgere*, L *tjiekar* < PS **čēker* [SSA, 1: 353; YSS: 24, 147];

kiekki, kiekäinen, kiekkinen ‘osprey’ < Saa N *čiek'ča*, I *čiehča*, Sk *čiōhčč*, L *tjektja* < PS **čēkčē* < FU **sākčē* [UEW: 469; SSA, 1: 353; YSS: 24, 148];

kielain ‘blood clot’ < Saa N *gielu*, S *gyōleme* < Saa S *gealodh*, N *giellut* ‘to clot’ < PS **kēlōm* < PU **kälz* [UEW: 134; Paulaharju 1939; Aikio 2009: 252];

kieppi, kieppä ‘heath-cock or hare hole in snow’ < Saa N *čieppa*, L *tjiehppa*, I *čieppađ* < PS **čēppe* [YSS: 24, 155; SKES: 188];

⁸ We think, that correspondence Finn. *ll* vs. Saami *ll* is irregular, because there is any other example with this correspondence in [UEW].

kiihtyä ~ (rare variants) *kihtyä* ~ *kiihtua* ~ *kihtua* ‘to get excited, become agitated; to rise (wind); to flare up (live coals); to accelerate’; *kiihtää* ‘to excite, rouse’ (only attested in Lönnrot 1874—1880) < Saa N *giktit*, S *giktedh*, Sk *ke’htted* < PS **kiktē*- ‘to excite, incite, instigate (N—K); to rut (S)’ [YSS: 404; Aikio 2009: 253];

kääruna ‘snow bunting’ < Saa N *g̃run*, I *kiärun*, S *giërene*, L *kierun* < PS **kērō* [SSA, 1: 359; YSS: 52, 429];

käisa ‘wooden chest’ < Saa N *g̃i’sa*, I *kijssä*, S *g’äjsaa*, L *kii’sā* < PS **kijšā* [SSA, 1: 359; YSS: 48, 400];

kiiski ‘beetle’ < Saa N *gik’sā*, I *kiksa*, L *kiksa* < PS **kikšē* ‘larva, caterpillar’ [SSA, 1: 359; YSS: 403];

kika ‘lump of frozen snow’ < Saa N *čâkke* < PS **čēkē* [SSA, 1: 361; Aikio 2009: 252];

kilkula, *kilkura*, *kilkuri* ‘wooden label with the owner’s mark (e.g. on animals)’ < Saa N *gil’kur* < PS ?**ki(e)lk(k)ōrē* [SSA, 1: 362—363];

kinkeä ‘narrow, tight, taut’, *kingistää*, *kingittää* ‘to tighten’, *kingistää*, *kingottaa* ~ *kinkottaa* ‘to be tight (e.g. of clothes)’, *kingata*, *kingota* ‘to pry, prize; to haggle, bargain; to demand a high price’, *kingottaa* ‘to pry, pry loose; to try to get up, raise one’s head, bend one’s body’ < Saa N *čâvgat*, S *tjamke*, U *tjavgies*, Malå *tjamgga* (adv.), Sk *čougğād* < PS **čēmkē(-tē)* ‘tight’ [YSS: 111; Aikio 2009: 91];

kirro ‘small salmon’, *kärry* ‘kind of small salmon’ < Saa Sk *kīerr^a*, K *kierax* [SKES: 200];

kisura ‘small, lean reindeer’ < Saa N *gīs’sur*, *gissur*, *gisur*, *gisor* [SSA, 1: 374];

kivalo, *kiveliä*, *kiveliö* ‘wild tract, mountain ridge’ < Saa N *čâvël(k)* ‘mountain ridge, spine’ < PS **čēvëlkē* [SSA, 1: 377; Aikio 2009: 252];

kollos ‘caravan of reindeers’ < Saa N *goallos*, I *koalus*, S *kuállas*, S *goollese* < PS **köllōs* [SSA, 1: 391; YSS: 56, 469];

korppu, *korpu* ‘joke, trick, revenga, trouble’ < Saa N *skuor’po* ‘trouble, trick, cheat’ [SSA, 1: 405];

korri, *korra* ‘velvet scoter, *Melanitta fusca*’ < Saa N *skoarrā* < PS **skōrē* [SSA, 1: 406; Aikio 2009: 254];

kortsi ‘steep waterfall’ < Saa N *gorže* < PS **korčē* [SSA, 1: 407; Aikio 2009, 254];

kortto ‘devil, evil spirit’ < Saa N *guoržo* ‘one who has the evil eye’ < PS **kōrcō(j)*, verb *korttaa* ‘to curse with the evil eye’ < Saa N *gur’žit* [SSA, 1: 407]. The Saami word is apparently cognate with Finn. *karsas* ‘squint-eyed’ < FV **karšV-* [Sammallahti 1999: 78; Aikio 2009: 254];

koutua ‘to float’ < Saa N *gow’dot*, I *kobđod*, L *kåb’tōt* < PS **kopđō* [SSA, 1: 415; YSS, 54, 455];

kuksa ‘wooden drinking-cup or ladle’ < Saa N *guk’sē*, I *kukse*, Sk *ku’hss*, S *guksie*, L *kuk’sē* < PS **kuksē* ‘ladle’ [SSA, 1: 428; YSS: 58, 491];

kulju, *kuljo* ‘cover (against the cold in a sled)’ < Saa N *gud’jo*, *gul’jo* < PS **kuđjō* < PU **kuđjV* [UEW: 193; SSA, 1: 429; Aikio 2009: 255];

kulmakko, *kulmakka* ‘Euroasian minnow or other small fish’ < Saa N *gulumek*: *ruow’dē-g* ‘three-spined stickleback’ < PS **kulmēkkV / kolmēkkV* [SSA, 1: 431; Aikio 2009: 256];

kulppo, *kulppu* ‘clog (attached on the neck of an animal to impede its motion and prevent it from running away; purse net)’ < Saa N *gul’po*, S *gālpaa* ‘block of wood’ < PS **kulppō* [SSA, 1: 432; Aikio 2009: 256];

kultaa ‘to fish with a drift-net’, *kulle* ‘drift-net’ < Saa N *gol’det* ‘to fish with a drift-net’, *goldda* ‘drift-net’, S *gāld’edh*, L *kāltēt*, I *koldeđ* < PS **koltē* ‘to draw; drift-net’ < FU **kulta* [UEW: 198; YSS: 54, 445], contra: [SKES; SSA; Itkonen 1970; Aikio 2009: 256];

kuntsa, *koutsa* ‘bear’ < Saa N *guovža*, I *kuobžâ* < PS **kōmčē* [Paulaharju 1939; Aikio 2009: 256];

kupinas, *kupina* ‘swim bladder of a fish’ < Saa N dial. *gāppân*, I *kooppanj* < PS **keppenje*. SKES and SSA treat the Finnish-Karelian and Saami words as cognates, but this is not likely, due to the northern distribution of the former. The Mansi word mentioned in this connection (South Mansi *kāpən*, East Mansi *χūl-χōpən*, West Mansi *kul-kōpən*, North Mansi *χul-χōpna* ‘swim bladder’ < Proto-Mansi *(*kūl-*)*kāpən*); **kūl* ‘fish’) is phonologically irregular: its first-syllable vowel does not match either the Finnish or the Saami form [SSA, 1: 444; Aikio 2009: 258];

kurkkio, *kurkio* ‘rapids in a canyon, waterfall’ < Saa N *gor’že* ‘steep waterfall’ < PS **korčē* [SSA, 1: 448; Aikio 2009: 258];

kurmu ‘larva of ox warble fly in reindeer skin’ < Saa N *gur’bma*, L *kur’mā* [SSA, 1: 449; Aikio 2009: 102];

kurppa ‘pack, knapsack’ < Saa N *gur’pe* < PS **kurppē* [SSA, 1: 450; Aikio 2009: 258];

kurra ‘a narrow passage in a reindeer corral’ < Saa N *gurrā* ‘narrow gorge, ravine’, SaaL *kurra* < PS **kure* ‘chink, slot, gorge, ravine’ < Finn. *kuru* [YSS: 58, 497; SKES: 246];

kuorrata, *kuorata* ‘to follow tracks’ < Saa N *guorrât*, I *kuorrađ*, Sk *kuōrrâd*, S *guoredh*, L *kuorrat* < PS **kōrē* ‘to follow, to keep track of’ [SSA, 1: 442; YSS: 62, 530];

kuuja ‘fresh-water salmon, female trout’ < Saa N *guvžá*, S *kuv’žž* ‘trout’ < PS **kuvčā / kuvčē*. In SSA *kuuja* is considered possibly cognate with Saa N *gudjor* ‘sea trout which has wintered in a river’, but the idea of cognation is impossible both due to the sound correspondences and to the northern distribution of the Finnish item. As the ending *-r* in Saa N *gudjor* has no match in Finn. *kuuja*, it is more probable that Finn. *kuuja* is a borrow-

ing from Saa N *guvžá* instead. On the other hand, as Saa N *gudjor* has a very narrow distribution, it might be a borrowing from Finn. *kujeri, kuveri* 'trout', which in turn could be a loan from a different Saami word: PS **kuovcōrē*, cf. Saa N *guovžur*, I *kuávžur* 'trout' [SSA, 1: 456; Aikio 2009: 259];

kuukkeli, kuusanka 'Siberian jay, *Perisoreus infaustus*' < Saa N *guovsâk*, S *guokseh*, L *kuouhsak*, I *kuávská* < PS **kōksejġkē* [YSS: 60, 507; Aikio 2009: 107];

kuupia 'to gather while sewing (i.e. to draw a piece of cloth or leather in fine folds in order to make it equal in size with the shorter piece it is sewn together with, in particular when making shoes)', *kuuvittaa* 'id.; to take in the seams (of a shoe or a garment); to make too small' < Saa N *guohpat*, U *guohpat*, K *kūbbeđ* < PS **kōpē-* 'to gather (especially when sewing leather boots)' [YSS: 525; Aikio 2009: 110];

kärkäs 'ready, eager, anxious, greedy', *kärkkä* 'to wait for, be after, be out for' < Saa N *gærggus*, L *gärgos, gergas*, I *kiärgus* < PS **kerkōs* (~ **kerkēs*) 'ready, prepared, willing (to do something)', cf. a derivative of PS **kerkē-* 'to finish, get finished, be done with' [YSS: 388; Aikio 2009: 112];

köngäs 'big rapids, waterfall' < Saa N *gæwŋes* < PS **kēvŋēs* [SSA, 1: 485; Aikio 2009: 259];

lantto 'pond' < Saa N *lad(')do*, L *sladdō*, I *läddu* < PS **lāntō*. The Saami word is a loan from Proto-Finnic **lanto* (> Finn. dial. *lanto* 'low, damp place in terrain', South Estonian *land* 'pond'). Contrary to SSA, Finn. *lantto* is most probably a borrowing back from Saami due to its cluster *-ntt-* and its northern distribution [YSS: 66, 568; SSA, 2: 45, *lansi*];

liutsa 'a reindeer disease which causes paralysis of the hind legs' < Saa N *liw'za* < PS **livcā* [SSA, 2: 85; Aikio 2009: 261];

lompalo, loppolo 'widening in a river, small lake along a river' < Saa N *luobbâl*, I *luobal*, Sk *luubbâl*, S *luobbele*, L *luoppal* < PS **lōmpel* < PU **lampe* [UEW: 235; SSA, 2: 91; YSS: 70, 620];

lompero 'small pond' < Saa S *luobbele*, L *luoppal*, N *luobbâl*, I *luobal* < PS **lōmpel* < PU **lampe* [UEW: 235; Paulaharju 1939; YSS: 70, 620];

lonsota 'to unfasten, to separate out, to fall apart, to fall in' < Saa N *loaž'žot* < PS **lōhčē-* 'to unfasten' [Aikio 2009: 115];

loppa-: *loppaltansa, loppasiltaan, loppakengässä* 'without laces or socks (of shoes)' < Saa N *loabatâs'tet*, *loabatit* 'to put on a shoe without shoelaces' < PS **lōpē* [SSA, 2: 93; YSS: 70, 612];

lukka, luhka 'a men's garment that resembled a short coat without sleeves' < Saa N *luhkka*, I *lukkâ*, S *lukk* id. < PS **lukke*. The Saami word, in turn, is a loan from Old Finnish *luukko* id.; this word is not attested in modern Finnish [Paulaharju 1935; Aikio 2009: 265];

luokka 'long hill' [Paulaharju 1935] < Saa N *luohkkâ*, I *luákká* 'slope, hillside' < PS **lōkke / lōkkā* [Aikio 2009: 261];

luostakka 'a reindeer with a streak of light hair on its sides', *luosto* 'streak of lighter hair on side of a reindeer' < Saa N *luos'te*, I *lyesti*, Sk *lue'stt-*, S *luöstie*, L *luostē* < PS **lōstē*. The Saami words are apparently cognates of Finn. *lasta* 'splint, spatula' [SSA, 2: 109; YSS: 72, 628; Aikio 2009: 262];

luusua, luspa 'river head' < Saa N *lus'pe*, I *lusme*, Sk *lu'smm*, S *luspie*, L *luspē* < PS **lusmē*. Finn. second-syllable *-u-* is unexpected; the unusual substitution may be motivated by the fact that ***luusma* or ***luuspa* would be phonotactically ill-formed in Finnish. [SSA, 2: 116, YSS: 70, 615; Aikio 2009: 262];

maakkana, maakko, maakkina 'six-year-old reindeer' < Saa N *mākkân*, L *māhkanis* 'six-year-old male reindeer' < PS **mākeŋV* [SSA, 2: 134; Aikio 2009: 262];

maka, mākä 'supposedly' < Saa N *māikka*, L *mahki*, I *maka* < PS **mēkā* < Finn. *muka* [SSA, 2: 140; Aikio 2009: 263];

marasto, morosto, murista, marras 'low hill covered with birch forest' < Saa N *mârâs*, I *moorast*, Sk *moarast* < PS **mēreštē* [SSA, 2: 149; Aikio 2009: 263];

mastata, mastoa 'to get mixed together (of two reindeer herds)' < Saa N *mâs'tât* < PS **meste-* [SSA, 2: 153; Aikio 2009: 263];

materi-äijä 'forefather' (*äijä* 'old man') < Saa N *máttar-áddjá* < PS **mānter-äjjä* [Paulaharju 1937; Aikio 2009: 263];

melki 'chest (of animals)' < Saa N *miel'gâ*, I *mielga*, Sk *miōlgg*, S *miēlge*, L *miel'ka* < PS **mēlke* < FU **mälke* [UEW: 267; SSA, 2: 158; YSS: 76, 666];

muotka 'place where the boat must be dragged along land', *muotkia* 'to drag a boat along land' < Saa N *muot'ke* 'strait, passage' < PS **mōtkē*. The Saami word is cognate with Finn. *matka* 'trip, journey' [Aikio 2009, 265; SSA, 2: 154, *matka*];

mutsikki, musikka 'dark reindeer' < Saa N *mužġek, muDZaʔ* 'black reindeer' [SKES: 348, 353];

naakia, naakkia, naakata 'to sneak upon, to lie in wait' < Saa N *njākkât*, S *njaagedh*, U *njaahkat*, L

njähkat, *I njaahad* < PS **nāke* [SSA, 2: 199; YSS: 86, 761];

narkistaa ‘to fuck; to embrace’ < Saa N *nār'get*, U *nar'geet*, L *nar'kēt*, I *narged* < PS **nęrkē* [YSS: 80, 705; SSA, 2: 206];

nulppo ‘reindeer which has lost its antlers’ < Saa N *nul'po*, S *nulpe*, L *nul'hpō*, I *nolppo* < PS **nulppō* [YSS: 84, 741; SSA, 2: 237];

nuotio, dial. *nuorio* ‘campfire, slow-burning log fire; (dial. also) heap, pile’ < Saa N *njuoršu*, *nuoršu*, S *nåarsjoe*, southern dialect *nåatsja*, U *nuodssjuo*, *nuodšjuo*, L *snjuorttjo*, *njuorssjo*, *nuorssjo*, I *njuáržu*, Sk *njue'řčč* < PS **nuodšō*, **nuoršō*, **nuorć(ć)ō* / *nuorć(ć)ē* ‘slow-burning log fire’ [Aikio 2009: 124];

nurkajainen ‘some sea bird’ < Saa N *njurrgu*, L *snjurgoj*, I *njurgoi*, S *njoorg* < PS **ńurkōj* [Paulaharju 1939; Aikio 2009: 266];

nuska ‘corner, edge’ < Saa N *nuske*, L *nuskē*, I *nuske* ‘ledge’ [SKES: 404];

nutukas, *nutukkaat* ‘shoe made of reindeer skin’ < Saa N *nuttuk*, Sk *nuvteke*, U *nuuhtahka*, L *nuvhtak* < PS **nutte-* [YSS: 84, 742; SSA, 2: 243];

orro ‘rope, cord’ < Saa N *oarrâ* < PS **ōre* [SSA, 2: 272; Aikio 2009: 267];

outa ‘forest’ < Saa N *vuow'de*, U *vyöy'dee*, L *vuou'tē*, I *vyevdi* < PS **vōvtē* < FU **wamta* [UEW: 556; SSA, 2: 277; YSS: 156, 1479]. Another etymology comes from P. Sammallahti [Aikio 2009: 267]. He supposed, that Pre-Saami **awta* could be a loan from Proto-Germanic **aupa-* (> Old Norse *auðr*, German *öde* ‘uninhabited, desert’, cf. also Old Norse *eyði-mörk* ‘desolate forest land’, German *Ein-öde* ‘wilderness, wilds’);

paantaa, *pantaa* ‘to form sheet-ice (e.g. of a river or brook)’, *paanne*, *panne* ‘sheet-ice’ < Saa N *bad'dât* ‘to grow in bulk, to swell, to overflow’, L *paddat* ‘to be tight, to press, to burst, to get worse’, I *paddad* ‘to swell’ < PS **pāntę-* [SKES: 448; Aikio 2009: 267];

paasko, *paaska*, *paasku* ‘bone in the joint’ < Saa S *pāskā* < PS **pācke* [SSA, 2: 283; Aikio 2009: 268];

pailakka ‘castrated, still untamed reindeer bull’ < Saa N *spaiiek* < PS **svājlēkkē* [SSA, 2: 289; Aikio 2009: 268];

palas ‘hare or elk path; footpath, forest way’ < Saa N *balges*, L *pal kēs*, I *päälqip* [SKES: 472; Aikio 2009: 130];

palsa ‘frozen peat mound’ < Saa N *bâl'sâ* < PS **pēlse* [SSA, 2: 303; Aikio 2009: 268];

palsa ‘worn-out, hairless spot on a parka’ < Saa N *spal'ča* < PS **svālččā* [SSA, 2: 304; Aikio 2009: 269];

peski ‘parka (made of reindeer skin)’ < Saa N *bæs'kâ*, S *bietsk'edh*, U *bässkēdiht*, L *pāska*, I *pæska* < PS **pēcke* < PU **pečkä-* (**pāčkä-*) [UEW: 367; YSS: 100, 902; SSA, 2: 343];

piekana ‘rough-legged buzzard, Buteo lagopus’ < Saa N *biekkân* < PS **pēkčenje* < PU **päke* [SSA, 2: 347; Aikio 2009: 269];

pieska, *peska* ‘narrow side channel of a river; shallow water between an island and mainland’ < Saa N *bæs'ke* ‘pass in mountains; strait that dries during the summer’, I *peski* ‘boggy narrow or cape which is submerged during high water’ < PS **pēckē* [SSA, 2: 349; Aikio 2009: 269];

pile ‘timid, shy (of animals)’ < Saa N *bâllât* ‘to be affraid’ < PS **pēle* < PU **pel-* [Paulaharju 1939; YSS: 94, 855];

pilta ‘a storage scaffolding on pillars’ < Saa N *bil'da*, L *pilta* ‘a kind of storage platform’ < PS **pilte* ‘stock’ [YSS: 102, 924];

piltakko ‘a piece of sheet metal used as an earmark on a reindeer’ < Saa S *piiltak* ‘earring’ [SKES: 565; Aikio 2009: 273];

piltto ‘timid, wild (of reindeer)’ < Saa N *bil'to*, L *piltō*, *biltâs*, I *piltto* [SKES: 565];

pisa ‘devil, swear-word’ < Saa N *bâsse*, I *pase* ‘holy’ < PS **pēsē*. The regular correspondence of Saami word is Finn. *pyhä* ‘sunt’ [SSA, 2: 375; YSS: 96, 866];

pono, *ponojää* ‘ice with a hollow space under it’ < Saa N *spoadnâ* ‘thin and hard snow-crust’ [SSA, 2: 394];

potskaus ‘a rope which is used for fastening a collar of reindeer’ < Saa S *pōaskv̄s*, *pu'dskap* [SKES: 613];

pulju ‘ridge’ < Saa N *buol'žâ* < PS **pōlčę* [SSA, 2: 421; Aikio 2009: 270];

puntilo ‘grasp’ < Saa S *puddārqp* [SSA, 2: 429];

puoska ‘child (derogatory), brat; whore, wanton woman; girl, girlfriend’ < Saa N *buoska* ‘fart; brat’, S *boetske*, *buatska* ‘brat’ (der. *boetskenes* ‘fart’), Sk *puōckk* ‘fart’ < PS **pōcke* ‘fart; brat’ [YSS: 987; Aikio 2009: 137];

puoto ‘reservoir, weir (at a mill)’ < Saa N *buođđo*, I *puāđu*, Sk *puāđđ*, S *buore(ve)*, U *buaddoot*, L *puotōt* < PS **pōdō* < FU **paōV* [YSS: 108, 989; Aikio 2009: 137; SSA, 2: 433];

purnu ‘cache for foodstuffs; grain bin’ < Saa N *buor'dnâ*, S *buorne*, L *puor'na*, I *puorna* < PS **pōrne* [YSS: 110, 1002; Itkonen 1980: 229];

pängäs ‘place for foot on ski’ < Saa N *bæđņes*, I *peeđņis*, Sk *piä'đņes*, S *beārgaa*, U *bied'gņs*, L *pier'ņēs* < PS **pēđņēs* [YSS: 100, 904; SSA, 2: 458, *päläs*; Aikio 2009: 140];

pättäkkä ‘tail of a fish (e.g. of a salmon)’ < Saa N *bæccēk*, L *piehtsēk*, I *peeccih* < PS **pēccēkkē* ‘tail’

[SKES: 687; YSS: 98, 900];

rautsa, rautsakka, rautsi ‘lean and ill reindeer, feeble man’, *rautsoa* ‘lose weight, fall ill (of reindeer)’ < Saa N *raw'žâ*, I *ravža* < PS **rāvčę* [SKES: 751; Aikio 2009: 272];

reeska ‘whitefish’ < Saa N *ræs'ka*, I *reäskä, räska* [SKES: 923];

riutta ‘beast of prey, carnivorous fish, predatory animals, carcass (of a bird)’, rarely also ‘vicious, grabby man’ < Saa N *riew'do* ‘very tall man’, Sk *reūD^A* ‘(wild) reindeer’ [SKES: 817];

rokki ‘gorge’ < Saa N *rog'ge* ‘hole or depression; river valley’ < PS **rojke* [SKES: 828; Aikio 2009: 274];

romu ‘the third of four boards on a ship’ < Saa N *robmo* [SKES: 834];

ronkkia, dial. also *kronkkia, ronkia* ‘to root, grub up, rummage, meddle, poke, prod, pick at’; *ronkka* ‘harrow’ < Saa N *roggat*, S *ragkedh*, Sk *roggâd*, K *ronged* < PS **rojke-* ‘to dig’ [YSS 1048; Aikio 2009: 144];

ruska ‘autumn colours on trees and shrubs’ < Saa N *ruš'ke* < PS **ručkę* [SSA, 3: 110; Aikio 2009: 144];

-rusta: pakkasrusta ‘frosty mist’ < Saa N *rus'tâ*, S *rasne*, L *rusna*, I *rusta*, Sk *rustt* < PS **rusņę* [YSS: 114, 1058; Paulaharju 1928];

ruukaltaa ‘to dash (off from the herd or in a long thin line; of reindeer)’, *ruukalus* ‘thin line for reindeer’ < Saa N *ruw'gâlit*, *ruw'gâlât'tet* [SKES: 888];

räismä ‘rope on the top edge of a net’ < Saa N *ræš'me*, I *reešmi*, Sk *riedjmie*, L *riesjmē* < PS **rēcme* < FV **rešmä* < Pre-Aryan **rek'mi-* [UEW: 744; YSS: 112, 1034; SKES: 909—910; Aikio 2009: 275];

saakki ‘thin, short and sharp stick; sharp and straight reindeer antler’ < Saa N *sag'ge*, L *saggē*, I *säggi*, Sk *sä'gğ* < PS **sāņkē* ‘stick’ [SKES: 934; YSS: 120, 1107];

saaloo, saalota ‘to pant’ < Saa N *sāddât*, S *saaredh*, U *saaddat*, L *sātat*, I *saaddād*, K *saaddād* < PS **sādę* [YSS: 118, 1100; SSA, 3: 138];

saara ‘a two-branched part in a wooden plough’, rarely ‘fork, branch’ (mostly in eastern dialects), *sahra* ‘an old-fashioned wooden plough’ (mostly in western dialects) < Saa N *sárri* ‘opening, space between fingers or toes’, L *sárre* ‘fork’ < PS **sārē* ‘fork’ < FU **särä* [Aikio 2009: 148];

salmas ‘reticulum’ < Saa N *čâlmâs*, I *čoolmas*, Sk *čöölmâs*, S *tjalmes*, U, L *tjalmas* < PS **čelmes* [YSS: 20, 109; SKES: 956; Aikio 2009: 276];

sarvas ‘reindeer bull’ < Saa N *sârves*, L *sarves*, Sk *sâh'rves* < PS **servēs*. The Saami word is cognate with Finn. *hirvas* ‘male (of reindeer, elk, etc.)’ and derives from Baltic, cf. Old Prussian *sirwis* ‘roe deer’ [SKES: 977; YSS: 118, 1092; Aikio 2009: 276];

sevä ‘snow-crust’ < Saa N *cævve*, I *ceeyvi*, Sk *cie'vv*, S *tsievie*, L *tsievvē* < PS **cēvē* [YSS: 16, 79; SKES: 1007];

seytsi, sepsi, säytsi ‘hock’ < Saa N *čævže*, I *čevži*, S *čeužž*, L *tjeu'tjē* < PS **čēvčē* [YSS: 22, 134; Aikio 2009: 280; SKES: 1007];

sieka: siekapaikka ‘a place in the forest, where reindeer stay during insect plague’ (*paikka* ‘place’) < Saa I *ceähä* < PS **cēkā* [SKES: 1007; Aikio 2009: 277];

siappuri, siappura ‘bear-skin cloak’ < Saa N *čëppurâs* ‘collar made of bear skin’ < Saa N *čäbēt*, Sk *tjeäbuoh*, U *tjiäbòhta*, L *tjiejēt*, I *čeve*, S *čëäppat* < PS **čëpētē*, *čëpōtē* ‘neck’ < FU **šepä* [UEW: 473; SSA, 3: 173; YSS: 22, 130];

süсна ‘strap made of leather or birch-bark’ either < Saa N dial. *sasti*, S *sesnie* < PS **šęsnē* ‘tanned reindeer leather’, or Saa I *šišne*, S *še'šnn* < PS **šišnē* ‘tanned reindeer leather’ < FV **šišna* < Balt. **šikšna-* [UEW: 786; YSS: 1095];

sisna ‘tanned reindeer skin’ < Saa N *sistěk*, I *šišneeh* < PS **šęsnē* / **šišnē* [SKES: 1018; Aikio 2009: 278];

sokka ‘small hill or ridge, wooded hill’ < Saa N *čok'ká*, L *tjähkká*, I *čokke* < PS **čokkē*, **čokķę* [SKES: 1062; Aikio 2009: 278];

sokkua ‘to ebb’ < Saa N *cok'kut*, S *tsähkkut*, I *cohhuđ* < PS **cokō-* [SKES: 1063; Aikio 2009: 278];

sontu ‘inner side of hide’ < Saa N *cuoz'zâ*, I *cuozza*, Sk *cuōžž*, S *tsüqtse*, U *tsuad'tsa*, L *tsuodssa* < PS **cōncę* ‘hide’ [SKES: 1072; YSS: 18, 95];

sopsaa, sopsata ‘to get a grip, get a foothold’ < noun *sopsu* ‘buttress’ < Saa N *coak'ce*, I *coapci*, Sk *cuopcc*, L *suohttsē* < PS **cōpcē* [SKES: 1075—1076; YSS: 18, 91];

soro ‘rocky hill’ < Saa N *čorro*, S *tjârruo*, L *tjârrō*, I *čoro* < PS **čorō* ‘ridge’ [YSS: 26, 169; Paulaharju 1928];

sorrakka, sorrakko, sorokka ‘small herd of reindeer’ < Saa N *čorâ*, L *tjârâ*, I *čuura* < PS **čoręk* [YSS: 26, 165; SKES: 1081];

sorva ‘dead pine-tree’ < Saa N *soar've*, I *soarvi*, Sk *suä'rvv*, U *sârvē*, P *sââr'vie*, L *sâr'vē* < PS **sōrvē* < Uralic **šorwa-* [SKES: 1083; Aikio 2009: 279; YSS: 126, 1161];

suivakko, suivakka ‘reindeer with white or light grey cheek or snout’ < Saa N *čuow'jâd*, I *čuovjad*, Sk

čuõivâk, L *tjuoi'vat* < PS **čõvję* 'grey reindeer' [SKES: 1094; YSS: 30, 215];

sulkuma, *sulkuma*, *sulkoma*, *sulkama*, *sulkamo* 'side-piece of a shoe made of reindeer skin' < Saa N *čul'kum*, I *čulgoom*, S *tjulgelme*, U *tjulgòì*, L *tjuł'kum* < PS **čulkō* [SKES: 1103; YSS: 28, 184];

suokko, rarely *suokku*, diminutive *suokkonen* 'downy birch', comp. *suokko(s)koivu* id. (*koivu* 'birch') < Saa N *soahki*, S *såekie*, Sk *sue'kk* < PS **sōkē* 'birch' [Aikio 2009: 155];

suonger, *suonger* 'tree trunk with the branches cut short used for hanging items on it (e.g. nets or reindeer meat)' < Saa N *suonjer*, Sk *swö'j'ęę*, L *suonjēr* < PS **sōjēr*, **sōhēr* [SKES: 1116; Aikio 2009: 280; YSS: 128, 1182];

suotsa 'knot that joins two ropes at the top or the bottom edge of fishing net to one another' < Saa S *tsuvsie*, L *suohstsē*, I *cyecci* < PS **cōccē* [YSS: 18, 92; SKES: 1121];

säimiä, *säimätä* 'to beat, flog, lash', momentative *säimäistä*, *säimäyttää* id.; *säimiä*, *säimätä* 'to beat, slam; to crush; to handle an item (e.g., a bicycle, a book, clothes) carelessly so that it is damaged or ruined; to squander; to mix up threads; to fiddle something, to do something useless; to abuse, slander, make a row'; *säämä*: 1) in the case forms *säämällä*, *säämässä*, *säämänä*, *säämäksi*, etc. 'in a poor condition, broken, spoilt, ruined'; 2) 'abuse, slander; gossip; noise, row'; 3) 'bad weather, e.g. heavy rain, squall of sleet' < Saa N *cábmít*, *cápmít*, S *tsaepmedh*, I *cäimiđ*, Sk *caummâd* (-â- irregular) < PS **cājmē*- 'to beat' [YSS: 75; Aikio 2009: 158];

sättä 'angleworm' < Saa N *säkti*, Sk *sieptie*, I *septi* < PS **sēptē* 'bait' [YSS: 1128; Aikio 2009: 162];

taajoa 'to fool about, behave foolishly' < Saa N *daggjot* 'to fool, to be clean around the bend', I *tääijud*, Sk *tääijad*, U *daajjalit*, L *tādjōt* < PS **tājō*. The Saami word corresponds with Finn. *taju* [YSS: 130, 1218; SSA, 3: 257, *taju*];

taatsa, *taatsi* 'Norwegian' < Saa N *dāž(ž)â*, I *taaža*, Sk *taažž*, S *daadje*, U *dàdtja*, L *tadtja* < PS **tāhčę* [SKES: 1190; YSS: 132, 1226];

tainakka, *tainikka*, *tainikko*, *tainokka*, *tainukka* 'barren reindeer cow' < Saa N *stāinâk*, I *staainah*, U *stāinahka*, L *stāinak* < PS **stājnekkē* [SKES: 1197; Aikio 2009: 281];

tammukka 'brown trout' < Saa N *dābmuk* < PS **tāmmukę* [SSA, 3: 266; Aikio 2009: 281];

tamppi, *tampio*, *taapi* 'the uppermost marrow-bone in the reindeer's foreleg' < Saa N *dab'bâ*, I *tabba*, Sk *tabb* < PS **đāmpę* [SKES: 1221; YSS: 30, 219];

tarmottua 'to lose one's strength or capability to act' < Saa N *dárpmehuvvat*, *dárpmohuvvat* < PS **tārmē-tt-uove-* / *tārmō-tt-uove-* < *dárbmi* 'energy, vigor' < PS **tārmē* < Finn. *tarmo* [Aikio 2009: 281];

tempu 'seaweed' < Saa N *dāppu*, Sk *teābb* < PS **tēmpō-* [YSS: 134, 1242; Aikio 2009: 282];

tilkku 'reindeer with a white spot on its head' < Saa N *diel'ko* 'spot' < PS **tēlkkō* [SSA, 3: 295; Aikio 2009: 165];

tieva 'small hill' < Saa N *dievva* < PS **tēvâ* < FP **tāwe* [Aikio 2009: 282];

titti 'small salmon' < Saa N *diddi*, Sk *te'dd* < PS **tintē* [Paulaharju 1928; Aikio 2009: 282];

tivata 'to press (a person), to demand, come down on', *tiivata* 'to dispute, argue'; rare dialectal variants *tivastaa* 'to demand, insist upon having', *tiivastaa* id., *tivistää* 'to insist', *tiiveltää* 'to pester'; *tiuvastaa* 'to press, demand, to speak angrily' (the last form is only attested in old dictionaries) < PS **tivV-* 'to intend to, to want; to dispute, to argue', cf. Saa S *dijveldidh* 'to discuss; to bicker, to squabble; to dispute, to quarrel' < PS **tiveltē-*, Saa N der. *divaštallat* 'to dispute, to argue' < PS **tiveštęļę-* [Aikio 2009: 167];

toppura '(smooth) snow' < Saa N *doppât*, L *tâhpât* 'to attach, to stick (e.g. snow on ski)' < PS **tope* [SKES: 1414; YSS: 136, 1270; Aikio 2009: 169];

toukuke, *toukukset*, *touvuke*, *touvus* 'pad under the pack saddle of a reindeer' < Saa N *doawgos*, Sk *tōvvas* [SKES: 1365], S *doovges* < PS **tōjōs* [YSS: 136, 1278];

tunturi 'mountain' < Saa N *duoddâr*, I *tuodar*, Sk *tuōddâr*, S *duoddere*, L *tuottar* < PS **tōntęr*. The Saami word is cognate with Finn. *tanner* 'hard ground' [SSA 3: 327; YSS: 138, 1299; Aikio 2009: 281];

uivelo, *ungelo*, *uinely* 'smew, Mergus albellus' < Saa N *njunnalak*, I *njunjâloh* 'black-necked grebe' < PS **ñuNēl*, **ñuNâlek* [SSA, 3: 368; Aikio 2009: 283];

umus, *ummus* 'halter put on the head of a dog (which prevents it from barking and biting)' < Saa I *uumas*, Sk *ūmvs* < PS **umęs* [SKES: 1537; Aikio 2009: 284];

urakka 'two-year-old reindeer bull' < Saa N *vârek*, derivates from Saa N *vâr(r)es*, I *ores*, Sk *ââ'res*, S *ürries*, U *ârrès*, L *ârēs* < PS **orēs* 'male' [YSS: 90, 811; SSA, 3: 375];

urme, *urmas* 'larva of horse-fly (in reindeer skin); swelling on back of reindeer' < Saa I *urmâ*, Sk *u'rm*, L *ur'mas* < PS **urmē* [SKES: 1549; YSS: 140, 1316];

uuttu 'nest box, nest hole (in a tree or in snow)' < Saa N *vuow'dâ* < PS **vōvtę* 'burrow, nest' [SSA, 3: 378; YSS: 156, 1478];

valakka, *valake* 'girth (over the shoulder)' < Saa N *vâlâk*, L *valâk*, I *voolah* < PS **vęļęk* [SKES: 1615; SSA, 3: 441, *viileke*; YSS: 142, 1326];

vantsoa 'to wade in snow' < Saa N *vâzzit*, S *vaedtsedh*, Sk *vâ'zzed* 'to walk' < PS **vāncē-* < PU **wanča*

[UEW: 557; YSS: 1353; Aikio 2009: 286];

velte, veltta, veltikko ‘hillside’ < Saa N *viel'te*, I *vieltti* < PS **vēlttē* [SKES: 1693; YSS: 150, 1401];

vetikka, veivikka ‘small huck’ < Saa N *vājēk* ‘small fish’ [SKES: 1686];

vierki, vierkki, vierku, vierku ‘(removable) fur brim on a man’s winter cap’ < Saa N *vier'ge*, *fier'ge*, I *viergi*, L *vier'kē* < PS **vērēkē* ‘fur brim of a cap’ < Finn. *verka* ‘broadcloth’ [SKES: 1727—1728; YSS: 150, 1409];

vierkko, vierko, vierku, fierkku ‘swivel on a fishing line, tether of a drag-rope’ < Saa N *vier'go*, L *(s)vier'(h)kō* < PS **vērēkō* [SKES: 1728; Aikio 2009: 287];

viltto ‘slanting, sloping (of terrain)’ < Saa N *fiel'te*, Sk *viltie*, I *vieltti* < PS **vēlttē* [SSA, 3: 450; YSS: 150, 1401], note also *velte* (see above);

vinka, vinkka ‘hook for hanging of a cooker above bonfire’ < Saa N *fâg'ge*, L *vâggē*, I *vagge* < PS **veŋkē* [YSS: 142, 1334; Aikio 2009: 176];

viti ‘freshly fallen snow’ < Saa N *vâccâ*, L *vahtsa*, I *vocca* < PS **veçę* [YSS: 140, 1319; Aikio 2009: 178];

vosa ‘low mound between bogs’ < Saa N *vâddâ* (Aikio), I *vođđa*, S *vōđđ* < PS **veðę* ‘treeless place’ [YSS: 142, 1322; Paulaharju 1939];

vuoka ‘form, manner’ < Saa N *vuokke* < PS **vōkē*. The Saami word is cognate with Finn. *vaka* ‘stable, serious’ [Aikio 2009: 288; SSA, 3: 473];

vuolkkia ‘to set off, leave, leave off’ < Saa N *vuol'get*, I *vyelgiđ*, S *vuölg'edh*, U *viuel'geet* < PS **vōlkē* ‘to leave’ < PU **walka* [UEW: 554; SKES: 1818; YSS: 152, 1434];

vuongas ‘rested, not burdened by work (e.g. a draught reindeer, a rower); unfished (lake)’ < Saa N *vuonjes*, *vuonjes*, I *vyeyes* < PS **vōŋēs*. The Saami word has not been previously etymologized, but it appears to correspond with East Mari *üŋäšö* ‘still, calm, peaceful (person or animal)’ [Moisio, Saarinen 2008: 895; SKES: 1820; Aikio 2009: 289];

vuorso, vuorsa ‘three-year-old reindeer bull’ < Saa N *vuobers*, I *vyevers*, Sk *vuei'res*, S *vuöb'eres*, U *viuebèrsa*, L *vuopē(ri)s* < PS **vōpērēs* [SSA, 3: 475; YSS: 154, 1450];

vuolanne ‘low-situated terrain, valley, lowland’ < Saa N *vuolladâk* < PS **vōlâtek* < PU **ala* [UEW: 6; Aikio 2009: 182; Itkonen 1993: 159—163];

vuotkia ‘to bark (a pine-tree)’ < Saa I *vyetkiđ*, *vyeđkkiđ*, S *vuörk'edh*, U *viuedhkeet* < PS **vōtkē* < PU **watka* [UEW: 561; SKES: 1825; YSS: 156, 1475];

vuottaa, vuottua ‘to track, to find tracks’ < Saa N *vuot'tet*, I *vyettiđ*, Sk *vue'tted*, S *vuött'edh*, U *viuehteet*, L *vuohttēt* < PS **vōttē* < PU **watta-* [UEW: 561; SSA, 3: 477; YSS: 156, 1476].

Table 3. Substitutions of vowels in the first syllable in Saamic loanwords (which could not be cognates from phonological point of view (group III) in Finnish language

Saa N < PS	Finn. regular	Finn. irregular
Saa N <i>a</i> , <i>aa</i> < PS * <i>ā</i>	<i>ä</i> (<i>säimiä</i>) <i>a</i> (<i>aisti, ahku, auhto, autto, autsi, jarho, jarhu, jauri, kahlata, kallokas, kaskata, lantto, materi-, paantaa ~ pantaa, pailakka, palas, paltsa, rautsa, tainakka, tammukka, tamppi ~ tampio, tarmottua, vantsoa</i>)	<i>aa</i> (<i>kaarke ~ kaarkko, maakkana, naakia ~ naakkia, paantaa ~ pantaa, paasko, saakki, saaloo, saara, taajoa, taatsa</i>)
Saa N <i>æ</i> < PS * <i>ε</i>	<i>ä</i> (<i>jänkä, jänkkä, kesas ~ käsäs, kärkäs ~ kärkkyä, pängäs, pättäkkä, räismä, seytsi ~ sepsi ~ säytsi, sättä</i>) <i>e</i> (<i>kermikkä ~ kiermikka ~ siermukka, kerni, kero, kesas ~ käsäs, peski; pieska ~ peska, sevä, seytsi ~ sepsi ~ säytsi, temppu, vetikka ~ veivikka</i>)	<i>a</i> (<i>hapro, apro</i>) <i>ie</i> (<i>kermikkä ~ kiermikka ~ siermukka; pieska ~ peska, sieka, sieppuri</i>) <i>ö</i> (<i>köngäs</i>) <i>ee</i> (<i>reeska</i>)
Saa N <i>ie</i> < PS * <i>ē</i>	<i>ä</i> (<i>kirro ~ kärry</i>) <i>e</i> (<i>kelteke-suoni ~ kieltakainen, melki, velte ~ veltta</i>)	<i>ie</i> (<i>kelteke-suoni ~ kieltakainen, kiekerö, kiekki, kielain, kieppi, piekana, tieva; vierkko ~ vierko, vierki ~ vierkki</i>) <i>ii</i> (<i>küruna</i>) <i>i</i> (<i>kirro ~ kärry, riutta, tilkku, viltto</i>)
Saa N <i>â</i> < PS * <i>ę</i>	<i>e</i> (<i>kelo, keloä ~ kiloa</i>) <i>i</i> (<i>keloä ~ kiloa, kika, kinkeä, kivalo, pile, pisa, sisna, vinka ~ vinkka, viti</i>),	<i>a</i> (<i>alma, hankelas, kappä, kappira, karistaa, karroa, maka ~ mäkä, marasto ~ morosto ~ murista ~</i>

		<i>marras, mastata, narkistaa, palsa, salmas, sarvas, valakka)</i> <i>ä (järämä, maka ~ mäkä)</i> <i>u (kupinas, marasto ~ morosto ~ murista ~ marras, urakka)</i> <i>o (marasto ~ morosto ~ murista ~ marras, vosa)</i> <i>ii (siisna)</i>
Saa N <i>oa</i> < PS * <i>ōā-ē / ō</i> Saa N <i>uo</i> < PS * <i>ō-ē</i>	<i>o (jolma, jorva, kollos, korri, lonsota, lopaltansa ~ loppasiltaan, orro, pono, sopsaa, sorva)</i>	<i>uo (suokko, toukuke, luokka)</i>
Saa N <i>uo</i> < PS * <i>e</i>	<i>o (jokos, korppu ~ korpu, kortto, lompalo, lompero, lompero, outa, sontu)</i> <i>uo (joukahtaa, juomus, juovoa, kuntsa ~ koutsu, kuorrata ~ kuorata, luostakka, muotka, nuotio, puoska, puoto, suongerit, suotsa, vuoka, vuolkkia, vuongas, vuorso, vuolanne, vuotkia, vuottaa)</i>	<i>u (julku, kuntsa ~ koutsu, pulju, purnu, suiivakko, tunturi)</i> <i>uu (kuukkelit ~ kuusanka, kuupia, uuttu)</i>
Saa N <i>i</i> < PS * <i>i</i>	<i>ii (kiihtyä ~ kihtyä, kiiski, tivata ~ tiivata)</i>	<i>i (kiihtyä ~ kihtyä, kiisa, kikkula, käsura, liutsa, pilita, piltakko, piltto, titti)</i>
Saa N <i>o</i> < PS * <i>o</i>	<i>u (kultaa ~ kulle, kurkkio ~ kurkio)</i>	<i>o (kortsu, koutua, rokki, romu, ronkkia, sokka, sokkua, soro, sorrakka, toppura)</i>
Saa N <i>u</i> < PS * <i>u</i>	<i>uu</i>	<i>u (kuksa, kulju, kulmakko, kulppo, kurmu, kurppa, kurra, kuuja, lukka ~ luhka, luusua ~ luspa, mutsikki ~ musikka, nulppo, nurkajainen, nuska, nutukas, ruska, rusta, ruukaltoa, sulkuma, uivelo ~ ungelot ~ uivelo, umus ~ ummus, urme)</i>

Table 4. Substitutions of consonants in Saamic loanwords (which could not be cognates from phonological point of view (group III)) in Finnish language

FS	Saa N < PS	Finn. regular	Finn. irregular
<i>In the word-beginning</i>			
* <i>p</i>	<i>b</i> < * <i>p</i>	<i>p, v</i> ⁹	
* <i>t</i>	<i>d</i> < * <i>t</i>	<i>t / si</i>	
* <i>δ, *δ'</i>	<i>d, f</i> (before V rounded) < * <i>δ</i>	<i>t</i>	
* <i>k</i>	<i>g</i> < * <i>k</i>	<i>k</i>	
* <i>č</i>	<i>c</i> < * <i>c</i>	<i>t</i>	<i>s (sevä, sieka, sokkua, sontu, sopsaa, suotsa, säimiä)</i>
* <i>š, *š'</i>	<i>č</i> < * <i>č</i>	<i>s (kermikkä ~ kiermikka ~ siermukka, salmas, seytsi ~ sepsi ~ säytsi, sieppuri, sokka, soro, sorrakka, suiivakko, sulkuma)</i>	<i>jVback (jarho, jarhu, jokos, jolma, jorva, joukahtaa, julku, juovoa)</i> <i>kVfront (kelo, keloa ~ kiloa, kermikkä ~ kiermikka ~ siermukka, kero, kiekerö, kiekki, kieppi, kika, kinkeä, kivalo)</i>
* <i>s</i>	<i>s</i> < * <i>s</i>	<i>s</i>	
	<i>sp</i> < * <i>sv</i>		<i>p (pailakka, paltsa, pono)</i>
	<i>sk</i> < * <i>sk</i>		<i>k (korppu ~ korpu, korri)</i>
	<i>st</i> < * <i>st</i>		<i>t (tainakka)</i>
* <i>š</i>	<i>s</i> < * <i>s</i>	<i>h</i>	<i>s (pisa)</i>
* <i>w</i>	<i>v / o</i> < * <i>v / o</i>	<i>v / uC</i>	

⁹ In the table of reflexes of word-initial consonants we have written Finnish examples only for the cases with two or more types of correspondences.

*j	j < *j	j / i / 0	
*r	r < *r	r	
*l	l < *l	l	
*m	m < *m	m	
*n	n < *n	*n	
*ñ	ñ < *ñ	*n	0 (<i>uivelo ~ ungelu ~ uinelo</i>)
<i>In the middle of words</i>			
*p	b, pp < *p	p (<i>kuupia</i>) v	p(p) (<i>kappira, lopaltansa ~ loppasiltaan, sieppuri, toppura</i>) 0 (<i>vuorso</i>)
*p	pp < *pp	p (<i>kupinas</i>)	
*pp	pp < *pp	pp (<i>kieppi</i>)	
*pt	kt < *pt	ht	tt (<i>sättä</i>)
	wd < *pð		ut (<i>koutua</i>)
	kc < *pc		ps (<i>sopsaa</i>)
*t	ht:ð < *t	t	
*t	tt < *tt	t:d (<i>nutukas</i>)	
*tt	tt < *tt	tt (<i>vuottaa</i>)	
*tk	tk < *tk	tk (<i>muotka, vuotkia</i>)	
	rv < *tv		rh (<i>jarho, jarhu</i>)
*ð, *ð'	ðð:ð < *ð	t (<i>puoto</i>)	l (<i>saaloo</i>) s (<i>vosa</i>)
	ðŋ < *ðŋ		ng (<i>pängäs</i>)
*ðj	ðj / lj < *ðj		lj (<i>kulju</i>)
*k	hk:g < *k	k (<i>jokos, kiekerö, kika, maka ~ mäkä, sieka, vuoka</i>)	k(k) (<i>kermikkä, kulmakko, maakkana, naakia ~ naakkia, sokkua, suokko</i>)
*k	k:kk:gg < *kk	k (<i>piekana</i>)	
*kk	k:kk:gg < *kk	kk (<i>lukka ~ luhka, luokka, pailakka, sokka</i>)	hk (<i>ahku, lukka ~ luhka</i>)
*kt	kt:vtt < *kt	ht (<i>kiihtyä ~ kihtyä</i>)	
*ks	ks < *ks	ks (<i>kuksa</i>)	kk (<i>kuukkelin ~ kuusanka</i>) s (<i>kuukkelin ~ kuusanka</i>) sk (<i>kiiski</i>)
*kč	kč < *kč	ks	kk (<i>kiekki</i>)
*č	hc:z:cc < *c, *cc	t	tt (<i>pättäkkä</i>) ts (<i>suotsa</i>) st (<i>aisti</i>)
*či	ccâ < *cē	si	ti (<i>viiti</i>)
*čk	sk, cc < *ck	tk	sk (<i>kaskata, paasko, peski, pieska ~ peska, puoska</i>)
*š, *č	hč:ž:čč < *č, šš:š < *š	s	
*čk	šk < *čk	sk (<i>ruska</i>)	
*čm	šm < *čm	sm (<i>räismä</i>)	
	ʒ		ts / s (<i>mutsikki ~ musikka</i>)
*s	ss:s < *s	s (<i>kesas ~ käsäs, kiisa, kisura</i>)	
*st	st < *st	st (<i>karistaa, luostakka, marasto, mastata</i>)	
*sk	sk < *sk	sk (<i>nuska, reeska</i>)	
*sm	sp < *sm	sp (<i>luusua ~ luspa</i>)	us (<i>luusua ~ luspa</i>)
	st < *sn		st (<i>rusta</i>)
*š	ss:s < *s	h	
*šn	sn < *sn	hn	sn (<i>siisna, sisna</i>)
*w	vv:v < *v	v / uC (<i>juovoa, kivalo, sevä, suivakko, tieva,</i>	

		<i>tiivata ~ tiivata)</i>	
	vž < *vč		uht / utt (<i>auhto, autto</i>) uts (<i>autsi, rautsa</i>) yts / ps (<i>seytsi ~ sepsi ~ säytsi</i>) uj (<i>kuuja</i>)
*vt	wd < *vt	u / yt	utt (<i>riutta, uuttu</i>)
*vk	wg < *vk	uk (<i>ruukaltaa</i>)	
*wč	wž < *vc	uh	uts (<i>liutsa</i>)
	w'r < *vr		pr (<i>hapro, apro</i>)
*wŋ	wŋ < *vŋ	uv	ng (<i>köngäs</i>)
*j	dj:j, ggj:j < *j	j / i / o (<i>taajoa</i>)	t (<i>vetikka ~ veivikka</i>)
*r	rr:r < *r	r (<i>järämä, karistaa, kero, kūrūna, saara, soro, urakka</i>)	r(r) (<i>karroa, kīro ~ kārry, korri, kurra, kuorrata ~ kuorata, marasto ~ marras, orro, sorrakka</i>)
*rp	rb < *rp	rp	rp(p) (<i>korppu ~ korpu</i>)
*rp	rb < *rpp	rp	rpp (<i>kurppa</i>)
*rk	rgg:rg < *rk	rk (<i>narkistaa, nurkajainen</i>)	rk(k) (<i>kaarko ~ kaarkko, kārkkäs ~ kārkkyyä, vierkko ~ vierko, vierki ~ vierkki</i>)
*rč, *rś	rž < *rč	rs	rk(k) (<i>kurkkio ~ kurkio</i>) rtt (<i>kortto</i>) rts (<i>kortsi</i>)
*rw	rv < *rv	rv (<i>gorva, sarvas, sorva</i>)	
*rw	wr < *vr	ur (<i>jauri</i>)	
*rm	rbm < *rm	rm (<i>kermikkä ~ kiermikka ~ siermukka, kurmu, tarmottua, urme</i>)	
*rn	rdn < *rn	rn (<i>kerni, purnu</i>)	
*l	l < *l	l (<i>kielain, pailakka, pile, valakka, vuolanne</i>)	hl (<i>kahlata</i>) ll (<i>kallokas, kollos</i>)
	lp < *lpp		lpp (<i>kulppo, nulppo</i>)
*lt	lt < *lt	lt (<i>kelteke-suoni ~ kielta-kainen, pilta, piltakko</i>)	
*lt	lt < *ltt	lt (<i>kultaa ~ kulle</i>)	ltt (<i>piltto, velte ~ veltta, viltto</i>) ll (<i>kultaa ~ kulle</i>)
*lk	lg < *lk	lk (<i>julku, kilkula, melki, sulk(k)uma</i>)	l (<i>palas</i>) lkk (<i>vuolkkia, sulk(k)uma</i>)
*lkk	lk < *lkk	lkk (<i>ülkkū</i>)	
	l'ž < *lč		lj (<i>pulju</i>)
	lč < *lčč		lts (<i>paltsa</i>)
*ls	ls < *ls	ls (<i>palsa</i>)	
*lm	lbm < *lm	lm (<i>alma, jolma, kulmakko, salmas</i>)	
*m	mm:m < *m, ? mm < *mm	m (<i>romu</i>)	m(m) (<i>tammukka, umus ~ ummus</i>)
*mp	b'b < *mp	mp (<i>lompalo, lompolo, lompero, tamppi ~ tampio</i>)	mpp (<i>tamppi ~ tampio, temppu</i>) pp (<i>kappa</i>)
*mt	vd:vdd:bd < *mt	nt	ut (<i>outa</i>)
*mk	vg < *mk		nk (<i>kinkeä</i>)
*mč, *mś	vž < *mč		nts / ts (<i>kuntsa ~ koutsa</i>)
*n	nn:n < *n	n (<i>pono, tainakka</i>)	
*ń	tń:ń < *ń	n	
*nt	dd:d:tt < *nt	nt (<i>paantaa ~ pantaa, tunturi</i>) ntt (<i>lantto</i>)	tt (<i>tiiti</i>) t (<i>materi-</i>)
*nč	žž:cc < *nc	nt (<i>sontu</i>) ns	nts (<i>vantsoa</i>)

*ńć	žž < *ńć	ns (<i>lonsota</i>)	ts (<i>taatsa</i>)
*ŋ	kŋ:ŋ:n < *ŋ	v / 0	m (<i>juomus</i>) ng (<i>suongeri, vuongas</i>) k (<i>toukuke</i>)
	ŋŋ < *ŋŋ		nk (<i>hankelas</i>)
*ŋk	gg:kk < *ŋk	nk	kk (<i>rokki, saakki</i>) nk(k) (<i>vinka ~ vinkka, ronkkia, jänkä ~ jänkkä, vinka ~ vinkka</i>)
	mb < *ŋm		im (<i>säimiä</i>)

On the basis of the analysis of the consonants we can divide the loanwords into two stages of borrowing according to two different reflexes of consonants in Finnish.

In the table below, the reflexes of consonants and clusters are divided into two parts on the basis of the similarity of Saami and Finnish consonant. Those reflexes in Finnish which resemble the Saami consonants less are characteristic of earlier loanwords, because either these were changed in Finnish language, or were borrowed from Proto-Saami, which was different from present Saami languages.

Table 5. The consonant correspondences in the Saami loanwords in Finnic on the two stages of the borrowing.

PS > Saa N	Regular correspondences	Earlier stage	Later stage
*ć- > ċ-	s	jV / kV̄	s
*p > b, pp	p	p	p(p), 0
*đ > dđ, đ	t	t	s, l
*kk > k:kk:gg	kk	kk	hk
*ks > ks	ks	ks	kk, s, sk
*j > j	j	j	t
*r > rr:r	r	r	r(r)
*rk > rgg:rg	rk	rk	rk(k)
*l > l	l	l	hl, ll
*ltt > lt	lt	lt	lts, ll
*lk > lg	lk	lk	lkk, l
*m > mm:m	m	m	m(m)
*mp > b'b	mp	mp	pp, mpp
*nt > dd, d	nt	nt, ntt	t, tt
*nc > ʒʒ:cc	nt	nt	nts
*ńć > žž	s	ns	ts

Abbreviations

adj. — adjective
adv. — adverb
Balt. — Baltic
comp. — compound
der. — derivative
dial. — dialect
Finn. — Finnish
FP — Finno-Permic
FS — Finno-Saamic
FU — Finno-Ugric
FV — Finno-Volgic
gen. — genitive
Germ. — Germanic
Got. — Gothic
Got. — Gothic
Scand. — Scandinavian
PIE — Proto-Indo-European

pl — plural
Proto-Scand. — Proto-Scandinavian
PS — Proto-Saami
PU — Proto-Uralic
Saa — Saami
I — Inari Saami
K — Kildin Saami
L — Lule Saami
N — North Saami
P — Pite Saami
S — South Saami
Sk — Skolt Saami
Ter — Ter Saami
U — Ume Saami
Scand. — Scandinavian
Swed. — Swedish

References

- Aikio 2001 — *Aikio A.* Early Samic Lexical Influence on Northern Finnic // CIFU IX. Pars IV, 2001.
- Aikio 2007a — *Aikio A.* The Study of Saami Substrate Toponyms in Finland // The Borrowing of place-Names in the Uralic Languages. 2007, 4 (Onomastica Uralica).
- Aikio 2007b — *Aikio A.* Etymological Nativization of Loanwords: A Case Study of Saami and Finnish // Saami Linguistics, 2007. P. 17—52.
- Aikio 2009 — *Aikio A.* The Saami Loanwords in Finnish and Karelian: Academic Disseration // <http://cc.oulu.fi/~anaikio/slw.pdf>, 2009.
- Algu — Saamelaiskielten etymologinen tietokanta // <http://kaino.kotup.fi/algu>.
- Anttila 1989 — *Anttila R.* Historical and Comparative Linguistics. 2nd, revised edition. Amsterdam; Philadelphia, 1989.
- Bynon 1977 — *Bynon T.* Historical Linguistics. L.; N.Y.; Melbourne, 1977.
- Campbell 1998 — *Campbell L.* Historical Linguistics: An Introduction. Cambridge; Massachusetts, 1998.
- Fox 1995 — *Fox A.* Linguistic Reconstruction: An Introduction to Theory and Method. Oxford, 1995.
- Häkkinen 2007 — *Häkkinen K.* Suomen kirjakielen saamelaiset lainat // Sámit, sánit, sátnehámit: Riepmočála Pekka Sammallahtii miessemánu, 21. beaivve. 2007, 253 (MSFOu). P. 162—182.
- Hock 1986 — *Hock H.H.* Principles of Historical Linguistics. Trends in Linguistics: Studies and Monographs, 34. Berlin; N.Y.; Amsterdam, 1986.
- Itkonen 1934 — *Itkonen T.I.* Uuttu // Virittäjä. 1934, 38. P. 216—221.
- Itkonen 1948 — *Itkonen T.I.* Suomen lappalaiset vuoteen 1945. I—II. Porvoo; Helsinki, 1948.
- Itkonen 1957 — *Itkonen T.* Suomen kielen suksisanastoa. Helsinki, 1957 (Suomalaisen Kirjallisuuden Seura).
- Itkonen 1970 — *Itkonen E.* Pari lisää kalastus- ja maanviljelyssanaston historiaan // Virittäjä. 1970, 74. P. 214—222.
- Koivulehto 1989 — *Koivulehto J.* Etymologioinnin periaatteita: suomen *keto*, saamen *gied'de* // Sananjalka. 1989, 31. P. 47—48.
- Koivulehto 2002 — *Koivulehto J.* Contact with Non-Germanic Languages II: Relations to the East // The Nordic Languages. An International Handbook of the History of the North Germanic Languages. Vol. 1 / Ed. *Bandle O., Braunmüller K., Jahr E.H., Kraker A., Naumann H.-P., Telesman U.* Berlin; N.Y., 2002. P. 583—594.
- Koponen 1988 — *Koponen E.* Ovatko suomen *longota* ja *lonsota* lappalaisia lainoja? // Virittäjä. 1988, 92. P. 92—99.
- Koponen 1996 — *Koponen E.* Lappische Lehnwörter im Finnischen und Karelischen // Lapponica et Uralica. 100 Jahre finnischugrischer Unterricht an der Universität Uppsala. 1996, 26 (Studia Uralica Uppsaliensia). P. 83—98.
- Koponen 2002 — *Koponen E.* Zur Etymologie zweier lappischer Vogelnamen: *rievsák* 'Moorschneehuhn' und *guovsák* 'Unglückshäher' // UAJb. 2001 / 2002, 17. S. 1—8.
- Korhonen 1979 — *Korhonen O.* Lappische Lehnwörter im ältesten Einödsgebiet Finnlands // FUF. 1979, 43. P. 175—207.
- Moisio 2008 — *Moisio A., Saarinen S.* Tscheremissisches Wörterbuch. Lexica. Helsinki, 2008 (Societatis Fenno-Ugricae XXXII: Suomalais-ugrilainen seura, Kotimaisten kielten tutkimuskeskus).
- Normanskaja 2008 — *Normanskaja Ju.* Rekonstrukzia prafinnovolzhskogo udarenija. M., 2008.
- Paulaharju 1927 — *Paulaharju S.* Taka-Lappia. Helsinki, 1927.
- Paulaharju 1928 — *Paulaharju S.* Ruijan suomalaisia. Helsinki, 1928.
- Paulaharju 1934 — *Paulaharju S.* Tunturien yöpuolta. Vanhoja tarinoita. Porvoo, 1934.
- Paulaharju 1935 — *Paulaharju S.* Ruijan äärimmäisillä saarilla. Porvoo, 1935.
- Paulaharju 1937 — *Paulaharju S.* Kiveliöitten kansaa. Pohjois-Ruotsin suomalaisseuduilta. Porvoo, 1937.
- Paulaharju 1939 — *Paulaharju S.* Sompio. Luiron korprien vanhoja tarinoita. Porvoo, 1939.
- Qvigstad 1893 — *Qvigstad J.K.* Nordische Lehnwörter im Lappischen // Christiania Videskabs-Selskabs Forhandling for 1893, 1.
- Sammallahti 1998 — *Sammallahti P.* The Saami Languages. An Introduction. Kárášjohka, 1998.
- Sammallahti 1999 — *Sammallahti P.* Saamen kielen ja saamelaisten alkuperästä // Pohjan poluilla. Suomalaisen juuret nykytutkimuksen mukaan. Finska Vetenskaps-Societeten. 1999. P. 70—90.
- Sammallahti 2001 — *Sammallahti P.* The Indo-European loan words in Saami // Early Contacts between Uralic and Indo-European: Linguistic and Archaeological Considerations. 2001, 242 (MSFOu). P. 397—415.
- Sarvela 1958 — *Sarvela J.* Lappalaisperäisistä lainasanoista Peräpohjolan ja Lapin kuvauksissa. Laudaturtutkielma. Helsingin yliopisto, 1958.

SKES — *Toivonen Y.H., Itkonen E., Joki A.J., Peltola R.* Suomen kielen etymologinen sanakirja. I—VII. Helsinki, 1955—1978 (Suomalais-Ugrilainen Seura).

SSA — *Itkonen E., Kulonen U.-M.* Suomen sanojen alkuperä. Etymologinen sanakirja. 1—3. Helsinki, 1992—1995 (Kotimaisten kielten tutkimuskeskus ja Suomalaisen Kirjallisuuden Seura).

Söderholm 1991 — *Söderholm E.* Skandinaviske lånord i finsk som samisk som formilder // *Heiderskrift til Nils Hallan på 65-årsdagen 13 desember 1991* / Eds. *Alhaug G., Kruken K., Salvesen H.* Oslo, 1991. S. 472—486.

Trask 1996 — *Trask R.L.* Historical Linguistics. L., 1996.

Valonen 1948 — *Valonen N.* Lappalaismuistoista Parkanossa ja Kihniössä // *Satakunta kotiseutututkimuksia*. 1948, 14.

YSS — *Lehtiranta J.* Yhteissaamelainen sanasto. Helsinki, 2001 (Suomalais-Ugrilainen Seura).

РЕЗЮМЕ

В статье предлагается принципиально новая трактовка саамских заимствований в финском языке. Л.Гофиркова анализирует полный корпус заимствований, собранных в основных финских этимологических словарях [SSA, SKES] с точки зрения фонетических соответствий между финским и саамскими языками. Автор статьи выделяет две группы слов. В первой группе соответствия между финским и саамскими словами являются регулярными, и лексемы, которые традиционно считаются заимствованиями, в принципе, могут восходить к одному праязыковому этимону, либо быть заимствованиями на очень ранней стадии, еще до каких-либо фонетических процессов, которые произошли после распада прибалтийско-финской-саамской общности. Во второй группе наблюдаются нерегулярные фонетические соответствия (в каждом конкретном слове такое несоответствие выделено полужирным шрифтом), и слова, которые принадлежат к этой группе, являются однозначно заимствованиями. Далее автор статьи описывает соответствия гласных и согласных между саамскими и финским языками, которые встречаются в заимствованиях и не встречаются в исконной лексике. Оказывается, что такие соответствия также бывают двух типов, то есть при изучении заимствований из саамских языков в финский речь должна идти, как минимум, о двух периодах заимствования, а если все-таки лексемы, принадлежащие к первой группе, тоже считать заимствованиями, то о трех периодах.

Лексико-семантические группы названий оленя

(на материале сынского говора шурышкарского диалекта хантыйского языка)

В отечественных и зарубежных лексикологических исследованиях широко распространенным является рассмотрение лексики по тематическим группам. В основе выделения таких групп лежат экстралингвистические связи между предметами, явлениями материальной действительности, благодаря которым происходит объединение слов на основе логико-понятийной общности [Шмелёв 2007: 103, 104; Куликов 1995: 41].

Оленеводческая лексика хантыйского языка богата словами, тематически объединенными близкой семантикой (наименования оленя и понятий, связанных с оленеводством). Внутри тематических групп выделяются лексико-семантические группы, которые анализируются при системном анализе лексики. «Лексико-семантические группы слов представляют объединения двух, нескольких или многих слов по их лексическим значениям. Для ясности следует сказать, что под лексическим значением мы понимаем предметное (в широком смысле) содержание слова, соотношенность слова к объективно существующему миру вещей, процессов, явлений и т.п. В основе лексического значения лежит понятие, которое, однако, не тождественно значению» [Филин 1982: 230].

В практике лексикологических исследований, когда изучается не отдельное слово, а совокупность многих слов, словарный материал по разным соображениям обычно классифицируется по содержанию обозначаемых им понятий, иначе — по темам или сферам употребления, почти безотносительно к тому, в каких отношениях друг к другу находятся слова по их значениям. Объединяет эти слова только то, что они являются названиями определенной группы реалий.

Изучение словарного состава по тематическим группам справедливо не только с методической точки зрения при изложении разнородного лексического материала. Исследование состояния и развития слов, обозначающих различные группы предметов и явлений природы и общества, важно само по себе, что не требует особых доказательств. Поэтому оно и обычно в практике лексикологических работ [Клепикова 1974; Васильев 1984; Куликова 1984; Ефремов 1987; Рябов 1993; Ракин 1996; Мусанов 1999; Андрианова 2000; Муллонен 2000; Бродский 2006; Федотова 2007 и др.].

Общее между тематическими и лексико-семантическими группами слов заключается в том, что и те, и другие группы отражают познannую объективную действительность. В этом смысле любая лексико-семантическая группа слов имеет свою тему. Более того, любая лексико-семантическая группа слов входит в то или иное тематическое объединение слов, являясь его составной частью [Филин 1982: 232—233; Блинова 1975: 8].

Изучение оленеводческой лексики хантыйского языка основано на выделении особенностей лексико-семантических групп с учетом соотношения слов, обозначающих общее название оленя, самца, самки, телят, а также названия оленей различных возрастных групп (ср. [Куликова 1984: 16—18; Элрика 1988: 28]). Вся оленеводческая лексика распределяется на лексико-семантические группы, внутри которых выделяются еще несколько подгрупп.

В современной лексикологии существует несколько способов объединения слов в лексико-семантические группы: психолингвистический (А.Н. Клименко, Л.Н. Титова и др.), структурный (Ю.Д. Апресян, П.А. Соболева и др.), семантико-грамматический (А.И. Смирницкий, А.А. Уфимцева, И.В. Арнольд и др.), семантико-логический (Д.Н. Шмелёв, Ф.П. Филин и др.) и некоторые другие.

В представленной работе семантические группы оленеводческой лексики хантыйского языка вычленяются при помощи семантико-логического способа. В основе этого способа лежит принцип выборки единиц из словарного состава по смысловому критерию.

Объектом исследования явились полевые материалы, собранные автором от пастухов-олeneводо в 1992—1998 гг. в Шурышкарском районе Ямало-Ненецкого автономного округа Тюменской области. В качестве дополнительного материала послужила оленеводческая лексика хантыйского языка, представленная в словарных, фольклорных материалах, собранных у ханты зарубежными и отечественными исследователями в разное время (XVIII—XX вв.). В частности, привлекаются данные из словаря В. Штейница «Dialektologisches und etymologisches Wörterbuch der ostjakischen Sprache» [DEWOS 1966—1991].

Источником для выявления этимологий отдельных лексем послужил этимологический словарь К. Редеи [UEW].

В настоящей статье внимание сосредоточено на названиях оленя в сынском говоре шурышкарского диалекта, с привлечением работ, содержащих материал северной диалектной группы. В состав северной группы принято относить: 1) казымский, 2) шурышкарский, 3) средне-обской и 4) обдорский диалекты [Баландин 1955: 78; Русская 1961: 3; Steinitz 1950: 8; Honti 1988: 73]. Кроме этого, привлекаются данные и других диалектов хантыйского языка [Paasonen 1926; Karjalainen 1948; Терёшкин 1981; Honti 1982].

Для выяснения происхождения хантыйского оленеводства, важного не только с лингвистической, но и с культурно-исторической точки зрения, используются лексические факты прежде всего уральских языков. Нами привлекаются данные, в частности, самодийских [Терещенко 1965; Большдт 1987; Бармич 1988, 1998], угорских [Баландин, Вахрушева 1958; Герасимова 1980] и других финно-угорских языков [Хаузенберг 1972; Сахарова, Сельков 1976; Васильев 1984; Кузнецова 1991; Ракин 1996]. Как известно, прошлое оленеводства связано с историей малых народов Севера и составляет органическую часть их материальной и духовной культуры. Поэтому привлечение словарных параллелей из данных языков в какой-то степени позволит показать некоторые закономерности формирования оленеводства этих народов, выработавших и развивших оригинальную национальную культуру, в том числе и оленеводство [ЭРС; Романова, Мыреева 1968; ССТМЯ]. И, тем не менее, в настоящей работе не ставится вопрос о происхождении оленеводства вообще или же о происхождении какой-либо из его форм. В пределах данной работы нет возможности остановиться на аспектах этой проблемы, тем более что имеются различные точки зрения относительно очагов зарождения оленеводства, путей доместикации оленя, формирования упряжного оленеводства и т.д. Данным проблемам в литературе всегда уделялось достаточно внимания, в том числе и в последние десятилетия [Василевич, Левин 1951; Васильев 1962; Карев 1968; Крупник 1976; Прокофьева 1976; Козьмин 1981; Лукина 1984; Помишин 1990; Хлобыстин, Грачёва 1993; Хомич 1966, 2008; Головнёв 1989, 1995; Федорова 2000 и др.]

Рассматривая оленеводческую лексику хантыйского языка в семантическом аспекте, мы выделяем большую группу названий, обозначающих собственно оленей. Внутри выявляется значительное количество лексико-семантических групп: 1) общие названия домашних оленей без учета пола и возраста; 2) половозрастные названия, 3) названия оленей по внешним признакам: а) названия оленей по масти, б) названия оленей по наличию / отсутствию рогов и их отростков, 4) клички оленей, 5) названия оленей в упряжи, в обозе.

Поскольку оленеводческая лексика как самостоятельная проблема ни в хантыйском языкознании, ни в финно-угроведении еще специально не изучалась, лингвистические понятия и термины также оказались неразработанными. По этой причине для терминов нами вводятся рабочие обозначения. Если слово имеет одно значение, указывающее на один объект номинации, оно представляет собой одну лексическую и одну номинативную единицу. «Если слово имеет несколько значений, указывающих на различные части тела и органы, то может выступать в качестве двух, трех и более номинативных единиц. В таких случаях понятия «лексическая единица» и «номинативная единица» не совпадают» [Ракин 1996: 5]. Такие лингвистические термины, как «единица языка», «языковая единица», «лексическая единица», «единица наименования» в данной работе используются как синонимы, основное содержание которых имеет материальный (вещественный, т.е. не грамматический) характер.

Наряду с проблемами, связанными с лингвистическими терминами, в настоящей работе пришлось столкнуться и с проблемой переводимости лексических единиц на русский язык, а именно с так называемым лингвоэтническим барьером. В некоторых случаях, особенно при переводе кличек оленя и прочих названий, проблема непереводимости нами связывается с тем, что каждый язык, в частности хантыйский, отражает картину мира, воспринимаемую носителями данного языка и в значительной мере обусловленную его культурным наследием. И ввиду отсутствия контекстологического словаря автором использован свой лингвокультурный арсенал для создания адекватно воспринимаемых переводов, передающих национально-культурный колорит хантыйского языка. Пользовались межъязыковыми преобразованиями в целях достижения эквивалентности лексических единиц оригинала и перевода. Часто прибегали к семантическим трансформациям, а именно к добавлениям в переводах. Необходимость в добавлении возникала при восполнении эллипсиса в составных наименованиях оригинала. Среди оленеводческих единиц имеется довольно большое количество эллиптированных названий. Они представляют собой итог трансформации составных названий в результате усечения одной из их составных частей. Таким путем язык стремится к упрощению средств выражения. Название сокращается «за счет устранения из его состава избыточных компонентов, без которых имя может продолжать функционировать как имя» [Суперанская 1972: 340]. Подобное сокращение элемента (члена) высказывания «легко восстанавливается в данном контексте или ситуации (в данном речевом или бытовом контексте)» [Ахманова 1966: 525].

Итак, рассмотрим особенности перечисленных выше лексико-семантических групп, относящихся к оленеводству.

1. Общие названия домашних оленей без учета пола и возраста

В хантыйском языке в качестве названия оленя независимо от пола и возраста используется лексема *ййі* ‘олень’ (ср. хант. Kaz *wıli* ‘Renntier’ [DEWOS 1583], V *вэли* ‘олень’ [Терёшкин 1981: 132]), которая является общим родовым названием оленя < ФУ **wädz* ‘какое-то крупное животное’ [UEW: 563].

Для обозначения домашнего оленя используется лексическая единица *χот ййі* ‘домашний олень’ (букв. ‘дом олень’), а для дикого оленя — *йт ййі* ‘дикий олень’ (букв. ‘лес олень’) (ср. хант. Kaz *jəš wıli* ‘personliches Renntier’, *ut wıli* ‘wildes Renntier’ [DEWOS 1583]), т.е. основу номинации составляет место обитания животного. В этих лексических единицах основной компонент уточняется, конкретизируется определительными компонентами (*χот* ‘дом’ и *ит* ‘лес’), указывающими на одомашненное или дикое состояние животного.

Существует лексическая единица и для наименования оленя, вскормленного возле чума или прирученного, — *awəkkā* ‘ручной олень’ (ср. ненец. *навка*, *авка* ‘вскормленный возле чума олень’; энец. *ауку* ‘авка, прирученный олень’; манс. *окка*, *овка*, *овкə* ‘прирученный олененок’ [Баландин, Вахрушева 1958: 70]; коми *авко* ‘вскормленный в чуме олень’ [Сахарова, Сельков 1976: 125]). Данное название носителями хантыйского языка употребляется независимо от пола и возраста оленя.

В составе оленеводческой лексики имеются и другие названия оленей независимо от пола и возраста животного, которые можно распределить по следующим подгруппам:

1) названия оленей по их предназначению, например: *təli ййі* ‘олень, предназначенный для забоя в день кончины хозяина’ (букв. ‘тащить олень’), *χот йс ййі* ‘олень, забиваемый во время похорон на могиле покойного’ (букв. ‘дом дыра олень’);

2) названия оленей по их функции в стаде, например: *minrəw* ‘олень-вожак в стаде’, *χowəkkətī ййі* ‘олень-манщик’;

3) названия оленей по их нраву и характеру, например: *mörəw* ‘упрямый, непослушный, сходящий с дороги или ложащийся на дорогу во время езды олень’ (ср. ненец. *марюй* ‘упрямый, не поддающийся дрессировке (об олене)’ [Терещенко 1965: 239]), *χurī* ‘беспокойный олень’, *janəw* ‘тихий, медленный во время езды олень’; *ništa* ‘необученный олень’;

4) названия оленей по их привычкам, например: *maja ййі* ‘олень, любящий потреблять мочу’ (букв. ‘моча олень’), *sət tetī ййі* ‘олень, любящий есть соль’ (букв. ‘соль есть олень’), *səχ tetī ййі* ‘олень, поедаящий вещи’ (букв. ‘вещь есть олень’).

2. Половозрастные названия оленей

Собранные материалы свидетельствуют, что наименования оленей по полу и возрасту совершенно неоднородны по семантике и структуре. Они тесно связаны и порой переплетены между собой, поэтому половозрастные названия приведем отдельно для самок и самцов.

Самки:

wəjkita ‘неспарившаяся (нетелившаяся) самка’ (ср. ненец. *ваугды* ‘1) яловая важенка, 2) важенка, у которой погиб теленок’ [Терещенко 1965: 43]; эвенк. *ванггай* ‘яловая важенка’ [ЭРС: 78]);

ñetsatī ‘важенка, у которой погиб олененок’ (ненец. *нензады* ‘яловая важенка’ [Терещенко 1965: 296], *нэнтсаму* ‘неплодоносящая оленья самка’ [Баландин, Вахрушева 1958: 67]);

ñöläw ‘рано телящаяся важенка’, *ne ñöläw* ‘важенка до одного года’ (ср. коми *нялуку* ‘теленка у годовалой важенки’);

ne sijəw ‘самка до шести месяцев’, *ne ййі* ‘самка от четырех лет и старше’ (ср. хант. O *niŋ kəlay* [DEWOS: 621; Raasonen 1926: 72], манс. *нэви сали* ‘важенка’ [Баландин, Вахрушева 1958: 66]),

sijəwəŋ ййі ‘важенка домашнего оленя с олененком’;

sīra ‘важенка двух лет’ (ср. ненец. *сырэй* ‘двухгодовалая важенка’ [Терещенко 1965: 575]);

sīra nima ‘важенка трех и более лет’ (ср. ненец. *нимя* ‘старый, взрослый, большой (об олене)’ [Терещенко 1965: 575]);

χoptərka ‘яловая, бесплодная важенка’ (ср. ненец. *хабтарка* ‘бесплодная важенка’ [Терещенко 1965: 709], манс. *хонтырка* ‘самка-олень (неплодоносящая)’ [Баландин, Вахрушева 1958: 138], коми *ханторка* ‘бесплодная важенка’ [Сахарова, Сельков 1976: 232]).

Самцы:

minrəw ‘олень-вожак в стаде’ (ср. ненец. *менаруй* ‘менруй’ [Терещенко 1965: 247], коми *мэнурэй* ‘кастрированный недрессированный олень, который является вожаком в стаде’ [Сахарова, Сельков 1976: 182]);

пӧмна ‘трех-четырёхлетний домашний олень-самец’ (ср. ненец. *намна* ‘олень-самец второго года’ [Терещенко 1965: 284], коми *намнуку* ‘олень-самец второго года’ [Сахарова, Сельков 1976: 183]);

sürti ‘олень-самец одного года’ [DEWOS: 1376] < ПУ **śarta* ‘лось, олень’ [UEW: 464];

χopti ‘кастрированный олень-бык’ [DEWOS: 534] (ср. нган. *контаа*, *конта* ‘кастрированный олень-бык’ [Терещенко 1979: 64], ненец. *хабт*, *хабте* ‘кастрированный олень-бык’ [Большдт 1987: 116], селькуп. *контте*, *контты* ‘кастрированный олень-бык’, манс. *хонт* ‘бык-олень (кастрированный)’ [Баландин, Вахрушева 1958: 138]);

χor ‘олень-самец от трех до пяти лет’, *χor n̄ōləw* ‘двухлетний самец’, *χor s̄ijəw* ‘самец до шести месяцев’, *χort̄i χopti* ‘олень-кастрат, оставленный на убой’ < ПУ **kojra* ‘самец’ [UEW: 168].

Для выражения различия пола и возраста живых существ в финно-угорских языках применяются следующие способы, имеющие широкое распространение и в других языковых семьях: 1) гетеронимия (лексический супплетивизм, обозначение предметов, естественно объединяющихся в пары и ряды, словами, образованными от разных корней) [Ахманова 1966: 98]; 2) использование специальных лексем-разграничителей; 3) выражение пола при помощи суффикса (ср. [Хаузенберг 1972: 186; Васильев 1984: 148—149; Куликова 1984: 21; Кузнецова 1991: 253; Рябов 1993: 13]).

В хантыйском языке для обозначения пола и возраста оленей употребительными являются два способа: гетеронимия и использование специальных лексем-разграничителей.

Существенную роль в определении названия играет характеристика животного по его месту в сфере воспроизводства. С помощью гетеронимии образованы, например, следующие лексем-разграничители: *woŋkita* ‘неспарившаяся, нетелившаяся самка’, *n̄etsat̄i* ‘важенка, у которой погиб олененок’, *χopt̄arka* ‘яловая, бесплодная важенька’, *χopti* ‘кастрированный олень-бык’, *m̄ōlχa* ‘кастрированный олень-бык’.

Такие языковые единицы, как *s̄ira* ‘важенка двух лет’, *s̄ira n̄ima* ‘важенка трех и более лет’, *пӧмна* ‘трех-четырёхлетний олень-самец’, отражают не только родо-половую принадлежность, но и указывают на возраст домашнего оленя.

Родо-половое разграничение оленеводческих лексических единиц осуществляется с помощью лексем-разграничителей *ne* ‘женщина’ и *χor* ‘бык’. Эти лексем-разграничители всегда находятся в препозиции в двусложных словосочетаниях, второй компонент которых — слово, описывающее оленя. В составных словах определяющая часть *ne* ‘женщина’ указывает на принадлежность животного, выражаемого определяемым компонентом, к женскому полу, например: *ne n̄ōləw* ‘важенка до двух лет’, *ne s̄ijəw* ‘самка до шести месяцев’, *ne ūl̄i* ‘самка от четырех лет и старше’, а существительное *χor* ‘бык’ в аналогичных случаях обозначает принадлежность оленя к мужскому полу, например: *χor n̄ōləw* ‘двухлетний самец’, *χor s̄ijəw* ‘самец до шести месяцев’ (ср. [Герасимова 1980: 73]).

В этих же языковых единицах основу номинации составляет возрастная характеристика животного. Возраст определяется с помощью лексем-разграничителей: *s̄ijəw* ‘оленок’ для телят от рождения до шести месяцев (ср. ненец. *сую* ‘теленки (олений)’ [Терещенко 1965: 571]) и *n̄əl̄uv* ‘маленький’ — для оленей до одного года (ср. ненец. *н̄əляко* ‘маленький’ [Терещенко 1965: 307]). В аналитических формах они располагаются в постпозитивном положении, например: *ne s̄ijəw* ‘самка до шести месяцев’, *χor s̄ijəw* ‘самец до шести месяцев’, *ne n̄ōləw* ‘важенка до двух лет’, *χor n̄ōləw* ‘двухлетний самец’.

Дифференциация по возрастам взрослых особей осуществляется при помощи слов *aj* ‘молодой’, *un* ‘большой’ и *pirəs̄* ‘старый’, которые располагаются в препозиции к обозначению пола, образуя термины, например: *aj ne ūl̄i* ‘молодая важенька’, *aj χor* ‘молодой самец’, *un ne ūl̄i* ‘взрослая важенька’, *un χor* ‘взрослый самец’, *pirəs̄ ne ūl̄i* ‘старая важенька’, *pirəs̄ χor* ‘старый самец’.

В оленеводстве большое значение имеет различие самок по степени плодовитости, на что указывали и другие исследователи оленеводческой лексики. Так, И.В. Куликова пишет: «Немаловажную роль при отборе слов и их специализации в качестве названий играют физиологические особенности животных, обязательные для определенного периода времени и обычно оцениваемые с хозяйственной точки зрения» [Куликова 1984: 24]. Для хантыйского языка подобное явление тоже является характерным. Данное обстоятельство отражено в таких лексемах, как, например: *woŋkita* ‘неспарившаяся, нетелившаяся самка’, *χopt̄arka* ‘яловая, бесплодная важенька’, *χopti* ‘кастрированный, олень-бык’, *пӧмна* ‘трех-четырёхлетний олень-самец’, *n̄ōləw* ‘рано телящаяся важенька’, *χor* ‘бык-производитель’. Подобное противопоставление обозначений по полу и возрасту в хантыйском языке распространяется на тех животных, которые давали животноводческую продукцию и применялись как тягловая сила. Дифференциация животных по их хозяйственному назначению характерна и для других языков (см. об этом в [Немировский 1938: 204; Хаузенберг 1972: 187—188; Куликова 1984: 68]).

Надо отметить, что половозрастные названия оленей в настоящее время не исчезают и практически не смешиваются в употреблении.

3. Названия оленей по внешним признакам

В данную семантическую группу включены две подгруппы: 1) названия оленей по масти и 2) названия оленей по признаку наличия / отсутствия рогов и их отростков. Внутри указанных групп выявляется еще несколько подгрупп.

3.1. Названия оленей по масти

В хантыйской оленеводческой лексике термины, обозначающие оленя по окраске волосяного покрова (масти), весьма разнообразны и многочисленны. В основе названий этой группы лежит та или иная запоминающаяся внешняя примета животного. Названия по масти оленей можно разделить на три основные группы: 1) названия оленей светлой масти; 2) названия оленей пестрой масти; 3) названия оленей темной масти [Бармич 1988: 37; Куликова 1984: 26; Элрика 1989: 204—208]].

Общеизвестно, что преобладающей у домашних северных оленей является темная масть (темно-серая, бурая, черная). Реже встречаются пестрые олени. Пестрые — это значит, что у оленей темной и светлой мастей на голове, туловище и конечностях бывают отметины — белые или темные пятна различной величины и формы. Еще реже встречаются олени-альбиносы, а также животные светлой масти, которые считаются самыми красивыми оленями. Возможно, поэтому в оленеводческой лексике широко представлены языковые единицы, обозначающие оленей не темной, а светлой и пестрой мастей.

Названиями оленей по масти являются отдельные слова и сочетания слов. Наличие существительного *ýłı* ‘олень’ в сочетаниях слов в некоторых случаях обязательно.

1. Названия оленей светлой масти выявлены в следующих лексических единицах, например: *wörtju ǰǰńšǰ* ‘олень белой масти с мелкими черными пятнами’ (букв. ‘сверкающий пестрый’), *wörčǰ* ‘белоснежный олень’, *nǰwı* ‘белый олень’, *nǰwı-nǰwı* ‘очень белый олень’ (букв. ‘белый белый’), *ńarawa* ‘белоснежный, олень-альбинос, беляк’ (ср. манс. *ńarav* ‘белый (масть животного)’ [Баландин, Вахрушева 1958: 69]), *pitı ǰǰńšǰ* ‘олень темно-серой масти’ (букв. ‘черный пестрый’), *semlak* ‘белый олень с черными глазами’, *semlakaši* ‘белый олень с темной шерстью вокруг глаз’ (букв. ‘глаз круг’), *ǰǰlew* ‘олень серовато-белой масти’ (букв. ‘чайка’) (ср. ненец. *ǰǰlǰw* ‘серый (о масти оленя)’ (букв. ‘чайка’) [Терещенко 1965: 729]), *ǰǰttǰr* ‘олень светло-белой масти’ (ср. хант. *Kaz ǰǰttǰr* ‘grau Renntier’ [DEWOS 1972: 576]).

Лексема *ńarawa* ‘белоснежный, олень-альбинос, беляк’ имеет соответствие в самодийских языках (ср. ненец. *ńaravǰı* ‘олень очень белой масти’ [Бармич 1988: 32; Терещенко 1965: 356]). Как считает М.Я. Бармич, в основе этого названия масти оленя лежит ненецкое слово *ńarava* ‘медь’ или *ńaravǰı* ‘очень белый’ [Бармич 1988: 32]. Интересно, что этого оленя ханты называют уродом и говорят, что такой олень долго не живет – подыхает или при рождении, или сразу же после появления на свет. Подобную же справку дают и самодийские народы (ср. [Бармич 1988: 33]).

2. Названия оленей пестрой масти представлены следующими языковыми единицами: *kerwoj ǰǰńšǰ* ‘серебристо-пестрый олень’ (букв. ‘снегирь пестрый’), *nǰwı ǰǰńšǰ* ‘светло-пестрый олень’ (букв. ‘белый пестрый’), *samarǰtka* ‘темноватый, но светлеющий от корпуса к голове олень’ (ср. ненец. *samrotka*, энец. *samrotka* ‘пестрый олень’ [Бармич 1988: 34]), *ǰǰńšǰ (ýłı)* ‘пестрый (олень)’.

3. Названия оленей темной масти представлены преимущественно однокорневыми словами, например: *lotǰ* ‘черно-бурый, седоватый олень’ (ср. манс. *lǰttǰyx, lǰttǰyx* ‘блестеть’ [Баландин, Вахрушева 1958: 57]), *ńotej* ‘олень черно-бурой масти’, *pitı* ‘черный, темно-серый олень’, *pitı-pitı* ‘олень очень черной масти’, *pitı ýrtı* ‘темно-рыжий олень’ (букв. ‘черный красный’), *ýrtı* ‘рыжий олень’ (букв. ‘красный’), *ǰulǰ* ‘очень черный, вороной олень’ (букв. ‘ворон’), *ǰuleŋ* ‘чернявый самец’ (букв. ‘грязный’).

Большую группу составляют названия оленей, которые имеют черно-бурые, ярко-светлые, ярко-коричневые пятна, полосы и другие отметины на туловище, голове и конечностях.

4. Названия по наличию полосы и звездочки на голове оленя, например: *wenšloǰǰt* ‘олень со звездочкой на лбу, белолобый’ (от *wenš* ‘лицо’ и *loǰǰt* ‘?’), *miswenš* ‘олень с белой продольной полоской по лбу и морде’ (от *mis* ‘корова’ и *wenš* ‘лицо’), *ǰǰǰǰ ýłı* ‘олень с белой полоской между рогами’.

5. Названия по признаку отметины на челюсти оленя, например: *nǰwı aŋǰ* ‘олень с белым пятном по краю нижней челюсти’ (букв. ‘белый подбородок’).

6. Названия по окрасу морды оленя, например: *wǰšloǰ ńǰł* ‘олень с серовато-песочным носом’ (букв. ‘глина нос’), *nǰwı weš* ‘беломордый олень’ (букв. ‘белый лицо’), *pitı ǰǰ* ‘олень с наполовину черной мордой’ (букв. ‘черный голова’), *tǰp ńǰł* ‘олень с белой пестриной на носу’ (букв. ‘губа нос’).

7. Названия по признакам глаз оленя, например: *ńar sem* ‘белый олень с водянистым цветом глаз’ (букв. ‘сырой глаз’), *ńrtı sem* ‘белый олень без крапинки, с красными глазами’ (букв. ‘красный глаз’).

8. Названия по окрасу шеи оленя, например: *nõwi sapəl* ‘белошей олень’ (букв. ‘белая шея’), *oš pın* ‘олень с шерстью на шее, подобной бахроме (как у барашка)’ (от *oš* ‘баран’ и *pın* ‘шерсть’).

9. Названия по окрасу живота, боков, поясицы оленя, например: *ántəp samarətka* ‘олень с опояской’ (букв. ‘пояс пестрый’), *nõwi xənpət* ‘олень с белым брюхом’ (букв. ‘белое брюхо’), *ħānšəŋ xənpət* ‘олень с белой полоской на боку’ (букв. ‘пестрое брюхо’).

10. Названия по окрасу спины, горба, груди оленя, например: *lakwəl* ‘белогрудый олень’, *ħānšəŋ* ‘олень с пестрой спиной’, *ħus iki* ‘олень с белым пятном на горбу’ (букв. ‘звезда мужчина’).

11. Названия по окрасу ног, копыт оленя, например: *kūr pelək* ‘олень, у которого одна нога белая’ (букв. ‘нога половина’), *nõwi još* ‘олень с передними белыми ногами’ (букв. ‘белая рука’), *nõwi tura* ‘олень с белым копытом’ (букв. ‘белое копыто’), *nõwi ħānšəŋ* ‘олень с белыми крапинками’ (букв. ‘белый пестрый’), *ħānšəŋ kūr* ‘олень с пестрыми ногами’ (букв. ‘пестрая нога’), *šanškel jāt* ‘олень с белой опояской по шерсти задней ноги’ (букв. ‘завязки сустав’).

В названиях по масти отражаются также и физические особенности оленей или их сходство с другими животными.

12. Названия оленей по сходству с другими животными, например: *lepək xərpı (ńłı)* ‘похожий на пса’ (букв. ‘песец похожий (олень)’), *ńłı pörtı woj xərpı* ‘олень, похожий на волка, серый’ (букв. ‘олень, кусающее животное (= волк) похожий’), *ut ńłı xərpı* ‘похожий на дикого’ (букв. ‘лес олень (= дикий олень) похожий’), *šowər xərpı (ńłı)* ‘похожий на зайца-беляка’ (букв. ‘заяц похожий (олень)’), *šarəs woj xərpı* ‘похожий на морского зверя’ (букв. ‘море животное (= морское животное) похожий’), *šowńeħ pınpı (ńłı)* ‘с красными прожилками на шерсти’ (букв. ‘клест шерсть (олень)’).

Анализ фактического материала показывает, что названия оленей по масти и название масти лексически и семантически совпадают, но в некоторых случаях номинативное, вторичное (переносное) значение как бы «опирается» на прямое значение. Это отчетливо прослеживается в таких лексических единицах, как, например, *ħuləħ* ‘очень черный, вороной олень’ (первичное значение *ħuləħ* ‘ворон’).

В качестве названий масти оленя используется иногда редупликация (повтор целого слова), которая выступает как средство варьирования лексического значения, выражая экспрессивное усиление, например: *pıtı-pıtı* ‘олень очень черной масти’, *nõwi-nõwi* ‘очень белый олень’.

В наименованиях оленей по масти имеется достаточно большое количество аналитических форм, где одно и то же слово может сочетаться с другими словами, являющимися названиями масти, образуя составные слова в следующих вариантах:

1) одна и та же лексема может стоять в начале или конце аналитической формы, например: *ħānšəŋ xənpət* ‘олень с белой полоской на боку’ (букв. ‘пестрое брюхо’), *wörtju ħānšəŋ* ‘олень белой масти с мелкими черными пятнами’ (букв. ‘сверкающий пестрый’), *nõwi ħānšəŋ* (букв. ‘белый пестрый’). В последних двух примерах имеется одна характерная особенность, которая заключается в способности определяемого компонента (в частности, имени прилагательного) получать грамматические формы имени существительного (числа, падежа, притяжательности). Несмотря на то что имя прилагательное в хантыйском языке по своим формальным признакам — неизменяемая часть речи (не изменяется ни по числам, ни по падежам и не принимает притяжательных суффиксов), оно в составных словах оленеводческой лексики способно (в роли определения) субстантивироваться. По всей вероятности, предпосылкой субстантивации послужило опущение непосредственного определяемого в составных названиях, в частности лексемы *ńłı* ‘олень’. В таких случаях прилагательное, выступая в функции существительного, обозначает не только признак, но и его носителя, т.е. указывает на предмет непосредственно, а не только через его признак (ср. [Ахманова 1966: 359]): *Nõwi ħānšəŋəŋ mojləsajəm* ‘Был одарен светло-пестрым’ (букв. ‘Был одарен белым пестрым [оленем]’);

2) слова *nõwi* ‘белый’, *pıtı* ‘черный’, названия животных, птиц, входящие в состав метафорических наименований оленей по масти, стоят только в начале составных слов, являясь определяющими компонентами, например: *nõwi još* ‘олень с передними белыми ногами’ (букв. ‘белая рука’), *nõwi tura* ‘олень с белым копытом’ (букв. ‘белое копыто’), *kerwoj ħānšəŋ* ‘серебристо-пестрый олень’ (букв. ‘снегирь пестрый’), *ut ńłı xərpı* ‘олень, похожий на дикого’ (букв. ‘лес олень похожий’). Названия частей тела животного всегда стоят во второй позиции составного слова, являясь определяемыми компонентами, например: *nõwi sapəl* ‘белошей олень’ (букв. ‘белая шея’).

В приведенных выше названиях оленей по масти используются самые употребительные цветообозначения *nõwi* ‘белый’, *pıtı* ‘черный’, *ńrtı* ‘красный’, отражающие различные оттенки темного, светлого, рыжего цветов. Для обозначения масти оленей употребляются также и другие описательные слова и сочетания слов.

Необходимо заметить, что некоторые названия по масти нашли отражение и в кличках оленей.

3.2. Названия оленей по признаку наличия / отсутствия рогов и их отростков

Для характеристики семантических особенностей названий оленей по форме рогов перечислим наименования рогов, их отростков, например: *oŋət* ‘рог (общ.); рог, не имеющий разветвлений’, *weš nǎrt* ‘передний отросток рога оленя’ (букв. ‘лицо отросток’), *wenš oŋət* ‘основной ствол рога оленя’ (букв. ‘лицо рог’), *küsey* ‘изогнутый, кривой’ (об основных стволах рога оленя) (букв. ‘круг’ + *-eŋ* (суффикс обладания)), *mura* ‘летний не затвердевший рог оленя’ (ср. ненец. *mora* ‘весенний не затвердевший рог оленя’ [Терещенко 1965: 259], манс. *мура* ‘рог молодого оленя’ [Баландин, Вахрушева 1958: 58]), *nǎr oŋət* ‘рога оленя без кожицы’ от *nǎr* ‘лысый, голый’, *oŋət* ‘рог’ (ср. хант. *V əuəm* ‘рог’ [Терёшкин 1981: 200]), *oŋət wǒš* ‘основной ствол рога оленя’ (букв. ‘рог корень’), *pelki oŋət* ‘широкий рог’ (букв. ‘открытый рог’), *χōraməŋ oŋət* ‘ветвистый рог’ (букв. ‘красивый рог’), *χūw wenš nǎrt* ‘передние отростки рога, нависающие на морду оленя’ (букв. ‘длинный лицо отросток’), *χūw oŋət* — об основных рогах без ответвлений (букв. ‘длинный рог’).

По признаку наличия / отсутствия рогов и их отростков в хантыйском языке имеются следующие наименования животных: *waš oŋət ūlī* ‘олень, рога которого не имеют разветвлений’ (букв. ‘узкий рог олень’), *weš nǎrtəŋ ūlī* ‘олень с передними отростками рога’ (букв. ‘лицо отросток + *-əŋ* (суффикс обладания) олень’), *χūw weš nǎrt ūlī* ‘олень с передними отростками рога, нависающими на морду’ (букв. ‘длинный лицо отросток олень’).

В качестве названий оленя по форме основных рогов представлены, например, такие лексические единицы: *kuseŋ oŋət ūlī* ‘олень с изогнутыми, кривыми рогами’ (букв. ‘круглый рог олень’), *pelki oŋət ūlī* ‘олень с широкими рогами’ (букв. ‘открытый рог олень’), *nǎr oŋət ūlī* ‘олень с рогами без кожицы’ (букв. ‘лысый рог олень’), *χōraməŋ oŋət ūlī* ‘олень с ветвистыми рогами’ (букв. ‘красивый рог олень’), *χūw oŋət ūlī* ‘олень с основным стволом рога без ответвлений’ (букв. ‘длинный рог олень’).

У ездовых оленей, как правило, отпиливают рога полностью или только левый рог, таких оленей называют *mōlχa* ‘олень с отпиленными под корень рогами’ [DEWOS 1978: 927] (ср. ненец. *mǎlk* ‘безрогий, комолый об олене’ [Терещенко 1965: 222], нган. *молко, мэлка* ‘комолый, безрогий’ [Бармич 1998: 68]), *mōrəχ* ‘олень, у которого срезан один ствол рога’.

Данная семантическая группа названий оленей по форме, признаку наличия / отсутствия рогов и их отростков представлена незначительным количеством номинативных единиц.

4. Клички оленей

В хантыйском языке, в отличие от названий для диких оленей, существует довольно много слов, служащих кличками домашних оленей. По мнению А.В. Суперанской, «домашние животные разных пород имеют свои, иногда очень глубокие, традиции именования. Здесь большое значение приобретает момент специальной культивации и индивидуализации» [Суперанская 1973: 179].

Необходимо заметить, что домашние олени общественных стад чаще всего не имеют индивидуальных кличек, в отличие от домашних, находящихся в индивидуальном владении, за исключением тех оленей, которых приходится запрягать в нарты. В совхозах они имеют тамги *pǎt pos* ‘уха знак’, *pūn pos* ‘шерсти знак’ (знак собственности), которые вырезают на ушах и на шерсти туловища (ср. [Тыликов 1995: 106—117]). По нашим наблюдениям, домашним оленям, находящимся в индивидуальном владении, клички даются пастухами прежде всего по внешним отличительным признакам: по форме рогов, масти, сходству с другими животными, птицами. Многие клички образованы от слов, обозначающих разновидность животного (размер, возраст, свойства характера и т.д.).

К этой лексико-семантической группе следует отнести лексемы, образующие следующие подгруппы.

1. Клички по форме и окрасу морды и отдельных ее частей, например: *teluk* — кличка белого оленя с темной шерстью вокруг глаз, *χǎnšəŋ* — кличка оленя с белыми пятнами вокруг глаз (букв. ‘пестрый’), *semkarī* ‘Очкарик’ (кличка оленя с шерстью другого цвета вокруг глаз) (букв. ‘очки’), *piŋuχ* ‘Черная голова’ (кличка оленя с темной шерстью, с белым кругом вокруг глаз) (от *piŋ* ‘черный’ и *oχ* ‘голова’), *lutnōt* ‘Гусиный нос’ (кличка оленя с белым пятном на носу) (от *lut* ‘гусь’ и *nōt* ‘нос’), *mūkareŋ nōt* ‘Горбоносый’ (букв. ‘горбатый нос’), *nōwi nōt* ‘Белоносый’ (букв. ‘белый нос’), *tosəŋ nōt* ‘Полосатый’ (букв. ‘полосатый нос’), *wenšloχt* ‘Белолобый’ (от *wenš* ‘лицо’ и *loχt* ‘пятно’).

2. Клички по окрасу боков, бедер, живота, например: *sōlket* — кличка оленя с белой полосой на боку, *pešpelək* — кличка оленя с белым бедром (от *peš* ‘бедро’ и *pelək* ‘сторона’), *χōnpat* — кличка оленя с белым брюхом (от *χōn* ‘брюхо’ и *pat* ~ *patī* ‘дно’).

3. Клички по окрасу ног, например: *nōwi kūr* — кличка оленя с белыми пятнами на передних ногах (с белыми копытами) (букв. ‘белая нога’), *tupər* — кличка оленя с белым кольцом на ноге (букв. ‘тоборы (вид обуви)’), *tupər pelək* — кличка оленя с одной белой ногой (букв. ‘тоборы сторона’), *šanš kel* — кличка оленя с белым кольцом на ноге (от *šanš* ‘колено’ и *kel* ‘веревка’).

4. Клички по окрасу шерсти, например: *awne* — кличка самки оленя с красноватой шерстью (окрасом, отливающим медью) (от *aw* ‘?’ и *ne* ‘женщина’), *nōwi ḡxoṣoḡ* — кличка оленя темной масти с белыми волосами на шее (букв. ‘белый волос’), *ḡḡsar* ‘Лис’ (кличка самца оленя с красноватой шерстью, с окрасом, отливающим медью), *pirəs ūlī* — кличка оленя, не до конца сбросившего старую шерсть (букв. ‘старый олень’).

5. Клички по отсутствию / наличию отростков и форме рогов, например: *oḡətī* ‘Безрогий’, *ḡḡraməḡ* ‘Красивый’ (кличка оленя с ветвистыми рогами), *ḡḡw oḡət* ‘Длиннорогий’ (букв. ‘длинный рог’).

6. Клички по повадкам оленя, например: *maja* — кличка оленя, который любит потреблять мочу (букв. ‘моча’), *ḡot iki* — кличка оленя, который любит пастись возле чума (букв. ‘дом мужчина’).

7. Клички по нраву оленя, например: *romne* ‘Спокойная’ (о важенке) (от *rom* ‘спокойная’ и *ne* ‘женщина’), *ḡorej* ‘Смирный’ (о самце, возможно, название образовано от *ḡor* ‘самец’).

8. Клички по физическим недостаткам оленя, например: *jōwra līj* — кличка оленя с кривым хвостом (букв. ‘кривой хвост’), *mīkareḡ* ‘Горбатый’ (кличка оленя с сильно прогнутой спиной), *pāt raḡaki* — кличка оленя с отвислыми ушами (букв. ‘ухо клочок’).

9. Клички по сходству с другими животными и птицами, например: *oḡ oḡət* — кличка оленя, похожего на барашка (букв. ‘баран рог’), *ut ūlī* — кличка оленя, похожего на дикого (букв. ‘лес олень’), *pojtek* — кличка оленя с темной шерстью на шее (букв. ‘куропатка’), *ḡuləḡ* — кличка черного, как ворон, оленя (букв. ‘ворон’).

Представленный материал свидетельствует о том, что собственными именами (онимами) могут являться лексические единицы, представляющие одиночные слова и сочетания слов, например: *kūsi* ‘олень с закругленными рогами’ (букв. ‘круг’). В состав собственных имен (онимов) входят субстантивированные слова, например: *ḡānšəḡ* ‘олень, с белыми пятнами вокруг глаз’ (букв. ‘пестрый’), *ḡḡraməḡ* ‘олень с ветвистыми рогами’ (букв. ‘красивый’), *mīkareḡ* ‘Горбатый’ (букв. то же), *oḡətī* ‘Безрогий’ (букв. то же).

Оним может полностью или частично по форме совпадать с апеллятивом, например: *semkartī* ‘Очкарик’ (букв. ‘очки’), *oḡətī* ‘Безрогий’, *maja* — об олене — любителе есть мочу (букв. ‘моча’), *jōwra līj* — об олене с кривым хвостом (букв. ‘кривой хвост’), хотя по отношению к апеллятиву собственное имя, как известно, вторично.

Таким образом, благодаря основной функции собственных имен — называть индивидуальный объект — любая из этих форм субстантивируется. Общеизвестно, что полная субстантивация меняет словоизменительную и словообразовательную парадигму слова (ср. [Ахманова 1966: 460; Суперанская 1973: 110]). Например, став именем собственным, прилагательное *oḡətī* ‘безрогий’ теряет свою основную синтаксическую функцию (быть определением) и обретает несвойственную прилагательным предметность, например: *oḡətlem nōḡ kirsem* ‘Безрогую (моего) запряг’; *oḡətlemn pōltəm juṣ ḡḡwat jōḡ tusaḡəm* ‘Безрогий (мой) привез меня домой по заснеженной дороге’ (букв. ‘Безрогим... привезен домой’).

5. Названия оленей в упряжи, в обозе

В оленеводческой лексике выделяется небольшая группа названий оленей по их хозяйственному назначению. Все упряжные олени делятся на две группы: ездовые и грузовые. Названием для упряжки оленей является сочетание слов *uḡləḡ ūlī* (букв. ‘нартенный олень’).

В качестве ездовых оленей используют быков-кастратов и яловых важенок. Каждый олень в упряжке имеет свое определенное место и соответствующее наименование, например: *kūtər* ‘средний олень в упряжке (запряженный в середину)’ (букв. ‘середина’), *oḡəḡ* ‘передовой олень в упряжке’ (букв. ‘начало, первый’), *pelək* ‘правый олень’ (букв. ‘сторона’).

Название оленя для грузовой нарты обоза связано со словом *onas* ‘обоз’ (ср. манс. *anas* ‘обоз’ [Баландин, Вахрушева 1958: 16]), например: *onas ḡoptet* ‘общее название оленей, составляющих караван’ (букв. ‘обоз олени’).

В качестве названия оленя, запрягаемого в грузовые нарты, используется составное слово *pūšī ḡorī* ‘олень, везущий грузовую нарту’ (букв. ‘поводок олень’) (ср. хант. *Kaz pūšī* ‘повод, узда’ [Honti 1986: 137]; коми *пэл’эн’н’а* ‘узда (оленья)’ *пуйн’а* ‘ремень, которым при езде аргишом привязывают оленей к следующим впереди саням’ [Сахарова, Сельков 1976: 206, 204]). В названиях оленей может отражаться

характер груза нарты с помощью определительного компонента, например: *letot tutī pūšī ɣoptet* ‘олени, везущие продукты’ (букв. ‘продукты везти поводок олени’), *ńań tutī pūšī ɣoptet* ‘олени, везущие хлеб’ (букв. ‘хлеб везти поводок олени’), *sõx tutī pūšī ɣoptet* ‘олени, везущие одежду, спальные принадлежности’ (букв. ‘вещь везти поводок олени’), *uluɣał tutī pūšī ɣoptet* ‘олени, везущие шесты для чума’ (букв. ‘шест-нарта везти поводок олени’), *šopaw pūšī ɣoptet* ‘олени, везущие котлы, посуду’ (букв. ‘нарта [с кухонными принадлежностями] поводок олени’).

Обобщая результаты тематического исследования, необходимо отметить, что названия оленей и другие лексемы, имеющие отношение к оленеводству, в настоящее время не исчезают и практически не смешиваются в употреблении.

Для каждой семантической группы характерны конкретные обозначения. Например, в названиях оленей выражение понятия пола и возраста прежде всего связано с хозяйственным назначением животного, способностью или неспособностью животного давать потомство: *ne ūlī* ‘важенка’ (букв. ‘женщина олень’), *ne sūjəw* ‘самка до шести месяцев’ (букв. ‘женщина теленок’), *ɣor* ‘бык-производитель’, *ɣor sūjəw* ‘самец до шести месяцев’ (букв. ‘самец теленок’), *ɣoptarka* ‘яловая, бесплодная важенька’, *ɣoptī* ‘олень-кастрат’ и др. Кроме того, эти названия указывают на возраст животного. Данное противопоставление распространяется на названия тех животных, которые используются как тягловая сила и дают животноводческую продукцию.

Основой номинации могут являться повадки, нрав, физические недостатки оленя и т.д., например: *maja* ‘олень, который любит потреблять мочу’, *romne* ‘Спокойная’ (букв. ‘спокойная женщина’), *ɣorej* ‘Смирный’, *mūkarej* ‘Горбатый’.

Источником пополнения оленеводческой лексики остаются собственные ресурсы хантыйского языка, например, расширение семантики слов и перенос значений одних слов на другие.

Наблюдается регулярная многозначность ‘название оленя’ — ‘название масти оленя’, например: *lotəx* ‘черно-бурый олень’ и *lotəx* ‘черно-бурая масть’, *ńarawa* ‘белоснежный олень’ и *ńarawa* ‘белоснежная масть’, *kerwoj ɣāńšaŋ* ‘серебристо-пестрый олень’ и *kerwoj ɣāńšaŋ* ‘серебристо-пестрая масть’, *ɣättər* ‘черно-бурый олень’ и *ɣättər* ‘черно-бурая масть’ и др.

Следует также отметить факты, полученные на основе сравнительно-сопоставительного анализа материала. Они показывают, что носители хантыйского языка имели самые тесные экономические и культурные связи с другими (чаще с родственными) по языку народами.

В результате таких связей и контактов в оленеводческую лексику хантыйского языка проникло и укрепились значительное количество слов. Это прежде всего касается самодийских народов, в частности ненцев, энцев, селькупов.

К исконным хантыйским названиям оленей относятся следующие:

1) *ūlī* ‘олень’ < ФУ *wäðz ‘какое-то крупное животное’ [UEW: 563] > эст. *veis* (gen. *veise*, *veikse*), *vedis*, *vediks* ‘корова’; саам. N *vāðok*, *vāðök* ‘молодая корова, моложе двух лет’; морд. E M *vedraš* ‘молодая корова’, E *vedaka*; удм. *val* ‘лошадь’; коми S *vəl*, Po *völ* ‘лошадь’.

2) *sūrtī* ‘олень-самец одного года’ [DEWOS: 1376] < ПУ *šarta ‘лось, олень’ [UEW: 464] > морд. E M *šarda*, E *šardo* ‘лось, олень, олень северный, Большая Медведица’; мар. KB *šardə*, B *šordo* ‘лось’; ненец. *siraj* ‘годовалая корова’.

3) *ɣor* ‘олень-самец от трех до пяти лет’, *ɣor ńöläw* ‘двухлетний самец’, *ɣor sūjəw* ‘самец до шести месяцев’, *ɣörtī ɣoptī* ‘олень-кастрат, оставленный на убой’ < ПУ *kojra ‘самец’ [UEW: 168] > фин. *koira* ‘собака’; коми I *kjr* ‘пес’, S *kjr-pon*, Po *kør*; манс. TJ *kēr*, KU, So. *ɣār*, P *kēr*; венг. *here* ‘Drohne; Müßiggänger, Schmarotzer; Hode; Klee’, *herél-* ‘kastrieren’; ПС *korā ‘самец, олень-бык’: нган. *kuru*; энец. *kuřa*, ненец. *xopa*; сельк. *gorj*; кам. *kura* [Janhunen 1977: 74].

Совершенно индивидуальными являются клички оленей, названия оленей в упряжи, в обозе. Эти единицы номинации построены по таким моделям, в которых отражается структурное своеобразие хантыйского языка.

Сокращения

acc. — accusative
gen. — genitive
венг. — венгерский
кам. — камасинский

нган. — нганасанский
ненец. — ненецкий (тундровый)
ПС — прасамодийский
ПУ — прауральский

коми	саам. — саамский
I — ижемский диалект	N — норвежский диалект
S — сысольский диалект	сельк. — селькупский
Po — восточно-пермяцкий диалект	удм. — удмуртский
манс. — мансийский	G — глазовский диалект
TJ — тавдинский диалект (деревня Янычкова)	ФУ — финно-угорский
KU — ниже-кондинский диалект	хант. — хантыйский
So — сосвинский диалект	Kaz — казымский диалект
P — пелымский диалект	O — обдорский диалект
мар. — марийский	V — ваховский диалект
B — горный диалект	эвенк. — эвенкийский
KB — козьмодемьянский диалект	энец. — энецкий
морд. — мордовский	эст. — эстонский
E — эрзянский диалект	
M — мокшанский диалект	

Литература

- Андрианова 2000 — *Андрианова Е.М.* Терминология родства в финно-угорских языках волжской и пермской групп: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Йошкар-Ола, 2000.
- Ахманова 1966 — *Ахманова О.С.* Словарь лингвистических терминов. М., 1966.
- Баландин 1955 — *Баландин А.Н.* О языках и диалектах ханты // В помощь учителю школ Крайнего Севера. Вып. 5. Л., 1955. С. 75—90.
- Баландин, Вахрушева 1958 — *Баландин А.Н., Вахрушева М.П.* Мансийско-русский словарь. Л., 1958.
- Бармич 1988 — *Бармич М.Я.* Названия оленей по масти в самодийских языках // Вопросы лексики в языках народов Крайнего Севера СССР. Л., 1988. С. 23—38.
- Бармич 1998 — *Бармич М.Я.* Лексико-семантические группы наименований оленей у нганасан // Языки народов Севера, Сибири и Дальнего Востока. СПб., 1998. С. 58—70.
- Блинова 1975 — *Блинова О.И.* Введение в современную региональную лексикологию. Томск, 1975.
- Большдт 1987 — *Большдт Е.П.* Словосложение в самодийских языках (на материале нганасанского языка) // Строй самодийских и енисейских языков: Сб. науч. тр. Томск, 1987. С. 4—11.
- Бродский 2006 — *Бродский И.В.* Названия растений в финно-угорских языках (на материале прибалтийско-финских и коми языков). Дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2006.
- Василевич, Левин 1951 — *Василевич Г.М., Левин М.Г.* Типы оленеводства и их происхождение // СЭ. 1951, 1. С. 78—85.
- Васильев 1962 — *Васильев В.И.* Система оленеводства лесных энцев и ее происхождение // Краткие сообщения Института этнографии АН СССР. Вып. 37. М., 1962. С. 67—75.
- Васильев 1984 — *Васильев В.Н.* Марийская орнитонимия: Дис. ... канд. филол. наук. Тарту, 1984.
- Герасимова 1980 — *Герасимова Д.В.* О названиях промысловых животных в мансийском языке // Лексико-грамматические исследования языков народов Севера СССР. Л., 1980. С. 71—79.
- Головнёв 1989 — *Головнёв А.В.* К истории ненецкого оленеводства // Культурные и хозяйственные традиции народов Западной Сибири. Новосибирск, 1989.
- Головнёв 1995 — *Головнёв А.В.* Говорящие культуры: Традиции самодийцев и угров. Екатеринбург, 1995.
- Гребнёва 1984 — *Гребнёва А.М.* Флористическая лексика мордовских языков: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тарту, 1984.
- Ефремов 1987 — *Ефремов А.С.* Названия растений марийского языка (травянисто-ягодная флора): Дис. ... канд. филол. наук. Тарту, 1987.
- Карев 1968 — *Карев Т.И.* Очерки по истории развития северного оленеводства. Архангельск, 1968.
- Клепикова 1974 — *Клепикова Г.П.* Славянская пастушеская терминология. Ее генезис и распространение в языках карпатского ареала. М., 1974.
- Козьмин 1981 — *Козьмин В.А.* Оленеводство народов западной Сибири в конце XIX — начале XX в. Проблемы происхождения и типология: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1981.
- Крупник 1976 — *Крупник И.И.* Становление крупнотабунного оленеводства у тундровых ненцев (XVI—XIX вв.) // СЭ. 1976, 2. С. 57—69.

- Кузнецова 1991 — *Кузнецова М.* Названия диких и домашних животных в марийском языке: Магистерская работа. Тарту, 1991.
- Куликов 1995 — *Куликов В.П.* Охотничья лексика в современном немецком языке (опыт семантической и социо-функциональной стратификации): Дис. ... канд. филол. наук. Л., 1995.
- Куликова 1984 — *Куликова И.В.* Оленеводческая лексика в современном чукотском языке: Дис. ... канд. филол. наук. Л., 1984.
- Лукина 1984 — *Лукина Н.В.* Некоторые вопросы происхождения оленеводства хантов // *Этнография народов Сибири.* Новосибирск, 1984. С. 10—16.
- Муллонен 2000 — *Муллонен И.И.* Топонимия Присвирья: проблемы этноязыкового контактирования: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Йошкар-Ола, 2000.
- Мусанов 1999 — *Мусанов А.Г.* Топонимия Верхнего Прилузья: Дис. ... канд. филол. наук. Л., 1984.
- Немировский 1938 — *Немировский М.Я.* Способы обозначения пола в языках мира // *Сб. памяти академика Н.Я. Марра.* М.: Л., 1938.
- Помишин 1990 — *Помишин С.Б.* Происхождение оленеводства и domestикация северного оленя. М., 1990.
- Прокофьева 1976 — *Прокофьева Е.Д.* Оленеводство тазовских селькупов // *Материальная культура народов Сибири и Севера.* Л., 1976. С. 139—155.
- Ракин 1996 — *Ракин А.Н.* Антропотоминимическая лексика в пермских языках. Сыктывкар, 1996.
- Романова, Мыреева — *Романова А.В., Мыреева А.Н.* Диалектологический словарь эвенкийского языка / Ред. *Василевич Г.М.* Л., 1968.
- Русская, 1961 — *Русская Ю.Н.* Самоучитель хантыйского языка. Л., 1961.
- Рябов 1993 — *Рябов В.А.* Названия фауны в мордовских языках: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тарту, 1984.
- Сахарова, Сельков 1976 — *Сахарова М.А., Сельков Н.Н.* Ижемский диалект коми языка. 1976.
- Суперанская 1973 — *Суперанская А.В.* Общая теория имени собственного. М., 1973.
- Терёшкин 1981 — *Терёшкин Н.И.* Словарь восточно-хантыйских диалектов. Л., 1981.
- Терещенко 1965 — *Терещенко Н.М.* Ненецко-русский словарь. М., 1965.
- Тыликов 1995 — *Тыликов П.И.* Тамги шурышкарских оленеводов // *Народы Северо-Западной Сибири.* Вып. 2. Томск, 1995. С. 106—117.
- Федорова 2000 — *Федорова Е.Г.* Рыболовы и охотники бассейна Оби: проблемы формирования культуры хантов и манси. СПб., 2000.
- Федотова 2007 — *Федотова О.В.* Лексика науки и искусства в структуре языковой личности А.А. Вознесенского: Дис. ... канд. филол. наук. Тюмень, 2007.
- Федюнёва 1981 — *Федюнёва Г.В.* Словообразовательные суффиксы существительных в коми языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тарту, 1981.
- Филин 1982 — *Филин Ф.П.* Очерки по теории языкознания. М., 1982.
- Хаузенберг 1972 — *Хаузенберг А.Р.* Названия животных в коми языке (Сравнительно-исторический анализ). Таллин, 1972.
- Хлобыстин, Грачёва 1993 — *Хлобыстин Л.П., Грачёва Г.Н.* Вопросы появления оленеводства у народов Европейского и Западносибирского Заполярья // *Археологические изыскания.* Вып. 10. СПб., 1993.
- Хомич 1966 — *Хомич Л.В.* Ненцы. М.: Л., 1966.
- Хомич 2008 — *Хомич Л.В.* Сборник ранних научных статей. Салехард, 1966.
- Шмелёв 2007 — *Шмелёв Д.Н.* Проблемы семантического анализа лексики. М., 2007.
- Элрика 1988 — *Элрика В.С.* Лексика, связанная с оленеводством, в эвенском языке // *Вопросы лексики и синтаксиса языков народов Севера СССР.* С. 39—49.
- Элрика 1989 — *Элрика В.С.* Лексико-семантическая группа названий оленей по масти в эвенском языке // *Лингвистические исследования. Структура языка и его эволюция.* М., 1989. С. 204—208.
- ЭС — *Эвенкийско-русский словарь* / Сост. *Василевич Г.М.* М., 1958.
- DEWOS — *Steinitz W.* Dialektologisches und etymologisches Wörterbuch der ostjakischen Sprache. Berlin, 1966—1991.
- Honti 1982 — *Honti L.* Nordostjakisches Wörterverzeichnis. Szeged, 1982.
- Honti, 1988 — *Honti L.* Die ob-ugrischen Sprache. V: Die ostjakische Sprache // *The Uralic Languages.* 1988. P. 172—196.
- Janhunen 1977 — *Janhunen J.* Samojedischer Wortschatz. Gemeinsamojedische Etymologien (Castrenianum toimitteita. 17.). Helsinki, 1977.
- Karjalainen 1948 — *Karjalainen K.F.* Ostjakisches Wörterbuch. Bd. I—II. Helsinki, 1948.

Paasonen 1926 — *Paasonen H.* Ostjakisches Wörterbuch nach den Dialekten an der Konda und am Jugan. Helsingfors, 1926.

Steinitz 1950 — *Steinitz W.* Ostjakische Grammatik und Chrestomathie mit Wörterverzeichnis. Leipzig, 1950.

SUMMARY

The article deals with lexico-semantic groups of names denoting the deer which are identified on the basis of logical-conceptual generality. Lexical facts of the Uralic languages are used to clarify the origin of the Khanty reindeer herding, which is important not only linguistically but also from cultural-historical point of view. The examined material is the stratum of the Khanty reindeer vocabulary, which is in general use. Each semantic group is characterized by specific signs and lexemes which apply to reindeer herding and which do not disappear and practically do not mix in use at the present time.

Происхождение оленеводства у хантов:

комментарии к статье С.В. Опиной «Лексико-семантические группы названий оленя»¹

В статье С.В. Опиной «Лексико-семантические группы названий оленя в хантыйском языке» собран богатый материал по оленеводческой терминологии в хантыйском языке. Но происхождение многих хантыйских слов из первой и второй частей статьи («Общие названия домашних оленей без учета пола и возраста» и «Половозрастные названия оленей») остается неясным. Обращают на себя внимание пометы «ср. ненец.», после которых приводится соответствующее ненецкое слово. Однако отношения ненецких и хантыйских слов не вполне ясны: являются ли они родственными словами, восходящими к одному прауральскому слову, либо это заимствования из ненецкого в хантыйский или, наоборот, из хантыйского в ненецкий.

Собственно, вопрос соотношения ненецких и хантыйских оленеводческих терминов является темой оживленных дискуссий более ста лет. Уже в работе [Ahlquist 1890] выявлен ряд ненецких оленеводческих терминов, которые были заимствованы в хантыйский язык. С тех пор в зарубежной лингвистике стала общепринятой точка зрения, что хантыйское оленеводство заимствовано у ненцев. Позже в ряде статей дан достаточно полный список названий оленя, которые были заимствованы из ненецкого языка в хантыйский. Эти данные обобщены и дополнены в диалектном этимологическом словаре хантыйского языка [DEWOS].

Но эти материалы не убедили российских этнографов и археологов в заимствованном характере хантыйского оленеводства. Напротив, они приводят доказательства, что оленеводство у хантов является очень древним, см. подробно историю вопроса в [Кулемзин, Лукина 1992]. В частности, при раскопках в Усть-Полуйском археологическом памятнике найдены пластины сложного недоуздка, который использовался для запрягания оленей в нарты. Находки датируются серединой — концом первого тысячелетия до н.э. Археологи считают доказанным, что это были древние стоянки обских угров. На основании этих находок в новосибирской монографии [Кулемзин, Лукина 1992] сходство оленьей упряжи и нарт у обских угров и ненцев истолковывается в пользу обратного предположения — о заимствовании ненцами оленеводства у обских угров!

С.В. Опина, которая активно использует [DEWOS] в своей статье, видимо, не принимает рассматриваемые там гипотезы о заимствовании большинства хантыйских названий оленей из ненецкого языка. Поэтому, не решаясь утверждать обратное — что хантыйские и ненецкие названия оленей родственные и восходят к единому ПУ источнику, либо что ненецкие слова заимствованы из хантыйского, — она оставляет на усмотрение читателя решение о соотношении этих слов.

Представляется, что этот вопрос на самом деле очень важен. Действительно, доказательство того, что подавляющее большинство хантыйских названий оленя заимствованы из ненецкого языка, должно указывать на то, что и оленеводческий промысел у хантов сложился под влиянием ненцев. Но как же объяснить археологические находки обско-угорской оленьей упряжи, которые неопровержимо свидетельствуют об исконном характере хантыйского оленеводства? Решение этого вопроса было бы важно не только для лингвистов, для этнографов, культурологов, историков, палеобиологов, но и для носителей хантыйского языка, которые гордятся своим исконным промыслом².

В этой работе мы попытаемся дать окончательный ответ на этот вопрос. Отметим, что в настоящее время есть все предпосылки для решения проблемы происхождения хантыйского оленеводства с точки зрения лингвистики. Во-первых, принципиально увеличены корпуса лексик (самодийских языков). Даже за последние 20 лет опубликовано около 10 новых словарей самодийских языков [Alatalo 2004; Костёркина, Момде, Жданова 2001; Кузнецова, Казакевич, Иоффе, Хелимский 1993; Helimski 1997,

¹ Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ № 08-04-00133а и программы ОИФН РАН «Ранние контакты языков урало-алтайской общности».

² Существует ряд хантыйских преданий, объясняющих, откуда и как появились у хантов олени. Например, кочующие по Полярному Уралу оленеводы Сязи рассказывают, что у них олени повелись от дикого олененка, прирученного прадедушкой. У дедушки было уже сто самцов-хоров, не считая самок-важенок. Есть также предание о споре между казымскими хантами и народом *ахус-ях* по поводу оленей, принадлежащих казымской женщине-духу. В конце концов стадо было поделено так, что кому достался один олень, кому — 10. По представлениям юганских хантов, домашних оленей создал или пригнал с Казыма их местный дух *Ягун-ики* [Кулемзин, Лукина 1992].

Норманская Юлия Викторовна: Институт языкознания РАН, Москва.

2001a, 2007a, b; Katzschmann 1990; Быконя 2005]. Материал, собранный в них и в словаре прасамодийского языка [Janhunen 1977], позволяет в ряде случаев принципиально уточнить статус ненецких слов: являются ли они изолятами и могли бы быть сами заимствованы из какого-либо языка, или имеют прасамодийскую / прасеверносамодийскую этимологию. Во-вторых, после ряда публикаций принципиально уточнены наши знания о системе соответствий между хантыйским и самодийскими языками [UEW; Janhunen 1978; Sammallahti 1988].

Поэтому представляется, что сейчас можно на новом уровне знаний рассмотреть вопрос о статусе каждого конкретного похожего термина в ненецком и хантыйском языках, верифицировать, являются ли они заимствованиями, или могут быть соответствиями, и дополнить этот список слов, похожих фонетически и семантически.

1. Исконные хантыйские названия оленей

1.1. Обско-угорские названия оленей

Итак, сначала перечислим слова, которые реконструируются для обско-угорского уровня, т.е., по [Honti 1982], имеют стандартные фонетические соответствия между хантыйским и мансийским языками и заведомо не могут быть заимствованиями из ненецкого языка.

Помимо упомянутого в статье

1) ПОБУг. **sūrtj* ‘олень-самец одного года’ [Honti 1982: 607]: Пхант. **sūrtj*: хант. V, Vj, Trj *surtj*, Kaz *sūrti*; Пманс. **surtj*(~ *š*-): манс. KU, Lo, So *surti* < ПУ **śarta* ‘лось, олень’ [UEW: 464],

по [Honti 1982], есть еще три других обско-угорских названия оленей:

2) ПОБУг. **ńō̄yar* ‘жеребенок’ [Honti 1982: 448]: Пхант. **ńāwār*: хант. Dn, Ni, Kaz *ńewār*; Пманс. **ńāwār*: манс. TJ *ńāwār*, KU, KM *ńō̄wr*, P *ńō̄wār*, Lu *ńāyr*, Lm, Lo *ńāwār*;

3) ПОБУг. **pēšəy* ‘теленка оленя’ [Honti 1982: 483]: Пхант. **pāšəy*: хант. V, Vj *pešəy*, Ni *pešə*, Kaz *pešī*; Пманс. **pāšəy* (~ -s-, -ä): манс. Lo, So *pāsiy* < ФУ **poša* ‘оленинок’ [UEW: 387];

4) Пхант. **naptəy* ‘важенка’: хант. V *nowtəy*; Vj *nowtək*; Trj *nāptəy*; Dn *nāptə*; манс. *nati* ‘важенка’ [Ahlqvist 1891; Honti 1982: 202³].

1.2. Хантыйские названия оленей, для которых нет этимологических соответствий в мансийском языке, но есть финно-угорская этимология

1) Пхант. **welV*⁴ ‘олень’: хант. V *weli*, Dn *wētə*, Kaz (w)*ūl* < ФУ **wādž* ‘какое-то крупное животное’ [UEW: 563].

2) Пхант. **kār* ‘жеребец’: хант. V *kar*, O *χar*, Dn *χor* ‘жеребец’, Kaz *χor* ‘олень-самец от трех до пяти лет’, *χor* *ńō̄ləw* ‘двухлетний самец’, *χor* *sūjəw* ‘самец до шести месяцев’, *χō̄rti* *χopti* ‘олень-кастрат, оставленный на убой’ < ПУ **kojra* ‘самец’ [UEW: 168].

Это слово не упомянуто в статье С.В. Онинной, вероятно, из-за отсутствия его рефлексов в шурышкарском говоре хантыйского языка, но оно все же достаточно широко представлено в хантыйских диалектах, см. [Honti 1982; DEWOS].

2. Хантыйские названия оленей, которые имеют фонетический и семантический аналог в ненецком языке

2.1. Термины, которые в хантыйском и ненецком языке по фонетическим соответствиям не могут быть этимологическими аналогами друг друга

1) Хант. Kaz *ńin'sati*, O *ńen'sati* ‘яловая важенка’⁵ [DEWOS: 1061] < ненец. *нензады* ‘яловая важенка’ [Терещенко 1965: 296]; энец. *ed'ari* ‘нетель, не телившаяся минувшим летом важенка’ [Helimski 2007a] < ПСС **entV*- ‘неплодоносящая важенка’.

2) Хант. (*sīra*) *ńima* ‘важенка трех и более лет’ < ненец. *нимя* ‘старый, взрослый, большой (об олене)’

³ В этой этимологии Л. Хонти не реконструирует праобскоугорскую праформу [Honti 1982: 2002], вероятно, потому, что рефлекс этого слова зафиксирован в мансийском языке только в работе [Ahlqvist 1891] без указания на диалектные варианты.

⁴ Реконструкция этого (**welV*) и следующего (**kār*) прахантыйских слов предложена нами, соответствия согласных подробно описаны в работе [Honti 1982], правила реконструкции прахантыйского вокализма в [Helimski 2001b]. По правилам, предложенным Е.А. Хелимским, видно, что гласные фонемы первого слога в рефлексах **welV* регулярно соответствуют друг другу, если предположить, что в казымском диалекте Пхант. **e* подвергся влиянию **I*-умлаута.

⁵ В статье С.В. Онинной приводится форма хант. *ńetsati* ‘важенка, у которой погиб олененок’.

[Терещенко 1965: 575]; энец. *ime* ‘старый’ [Helimski 2007a]; нган. *н'имб(и)а''а* ‘пожилой, зрелый’, *н'имкэ* ‘старший’ [Хелимский, рукопись] < ПСС **imV* ‘старый, пожилой, старший’.

3) Хант. *ńoluw* ‘маленький (об оленях до одного года)’ < ненец. *нэляко* ‘маленький’ [Терещенко 1965: 307]; энец. *ńul'aigu* ‘маленький’ [Helimski 2007a]; нган. *н'еул'юкү* ‘маленький’ [Хелимский, рукопись] < ПСС **VIV*.

Эти хантыйские слова (в подп. 1, 2, 3) не могут быть этимологическими аналогами ненецких форм, поскольку в них представлено протетическое *н-* в начале слова, которое появляется только в ненецком и нганасанском языках. В этих случаях речь не может идти о заимствованиях из хантыйского языка в ненецкий, потому что в энецком и нганасанском языках есть этимологические аналоги ненецких слов и реконструируются ПСС формы, начинающиеся на гласную. Если бы в хантыйском языке были представлены этимологические аналоги самодийских форм, они бы начинались на гласную, потому что ПСС гласная в начале слова на материале корпуса этимологий [UEW] всегда соответствует хантыйской анлаутной гласной.

4) Хант. Kaz *ħopti*, О *ħapti*, V, Vj *kouti* ‘кастрированный олень-бык’ [DEWOS: 534]. Хант. Kaz *ħopti*, О *ħapti* < ненец. *ħabm* ‘кастрированный олень-бык’ [Терещенко 1965: 709], V, Vj *kouti* < селькуп. *kopte* ‘кастрированный олень-бык’; энец. *kate'o*; нган. *контмаа*, *контма* ‘кастрированный олень-бык’ < ПС **kāptā* ‘кастрированный бык оленя’ [Janhunen 1977: 60].

5) Хант. *ħoptarka* ‘яловая, бесплодная важенка’ < ненец. *ħabтарка* ‘бесплодная важенка’ [Терещенко 1965: 709], энец. *кадиіго* ‘хаборка, хронически бесплодная важенка’ [Helimski 2007a] < ПСС **kāptV* ‘бесплодная важенка’.

Самодийские и хантыйские слова в подп. 4 и 5 не могут быть этимологическими аналогами друг друга, поскольку в самодийских языках представлен инлаутный кластер *-*pt-*, в котором в хантыйском в исконной уральской лексике вставляется эпентетический гласный *ə*, ср. ФУ **apta-* (**opta-*) ‘лаять’ [UEW: 14] > хант. Ni, Kaz *əpət-*, О *apət-* ‘облаять’; ПУ **apte* ‘волосы’ [UEW: 14] > хант. V *awət*, Dn *upət*, О *opət* ‘волосы’; ПС **ep̄tā*.

6) Хант. Kaz., О *mōlħa* ‘комолый’⁶ [DEWOS: 929] < ненец. *mālk* ‘безрогий, комолый об оленях’ [Терещенко 1965: 222]; энец. *mogodi* ‘комолый (сбросивший рога)’ [Helimski 2007a]; нган. *малкэ* ‘комолый, комолый олень’ [Хелимский, рукопись] < ПСС **mālkā* ‘комолый’.

Это хантыйское слово тоже не может быть этимологическим аналогом самодийских слов, поскольку в исконной лексике в праязыковом инлаутном кластере *-*lk-* происходит метатеза и вставляется эпентетический гласный *ə*, ср. ПУ **kulke-* ‘двигаться, ходить’ [UEW: 198] > хант. V *kəyəl-*, Dn *ħoħət-*, Kaz *ħoħəl-* ‘шагать, бежать’; ФУ **jälke* ‘след, пятно’ [UEW: 91] > хант. Vj *jäyə!* ‘орнамент’, *jäyə!* ‘мазок, отметина (на лбу, коровы, лошади)’, Ni *jawəl* ‘звезда (на лбу лошади)’.

7) Хант. Kaz, О *awkka* ‘ручной олень’ [DEWOS: 232—233] < ненец. *навка*, *авка* ‘вскормленный возле чума олень’; энец. *ауку* ‘вскормленный возле чума олень’; нган. *ауки* ‘авка’; селькуп. *авка* ‘вскормленный возле чума олень’ [Аникин 1997: 73].

Это хантыйское слово тоже не может быть этимологическим аналогом самодийских слов, поскольку в исконной лексике праязыковой инлаутный кластер *-*wk-* > хант. *-w / γ-* (с распределением рефлексов *-w-* и *-γ-* по диалектам), ср. ФУ **kawka* ‘длинный’ [UEW: 132] > хант. V *koγ*, Dn, О *ħōw* ‘длинный, далекий’, Dn *ħōwá*, О *ħōwí* ‘далекий’; ФУ **towkV* ‘весна’ [UEW: 532] > хант. Vj *toγ*, *toγi*, Dn *tāwə*, Kaz *təw*, *təwí*, О *tāwí* ‘весна’.

8) Хант. Kaz, О *ńōmna* ‘трех-четырёхлетний домашний олень-самец’ [DEWOS: 1002] < ненец. *намна* ‘олень-самец второго года’ [Терещенко 1965: 284]; энец. *nona* ‘олень-трехлетка’ [Helimski 2007a]; селькуп. *ń'amn'ukj* ‘теленка (самец) оленя на втором году’ [Helimski 2007b] < ПС **nāmnV* ‘олень-самец второго года жизни’.

К сожалению, на материале этимологий [UEW] нет других примеров с реконструкцией инлаутного кластера *-*nm-*, поэтому его точное развитие в хантыйском языке неизвестно. Но поскольку все известные инлаутные кластеры были в исконной лексике в хантыйском языке преобразованы (вставление эпентетического гласного *ə*, метатеза, упрощение, т.е. выпадение одного согласного), то крайне маловероятно, что кластер *-*nm-* мог сохраниться в хантыйском без изменений.

9) хант. О *sira* ‘важенка двух лет’ [DEWOS: 1369] < ненец. *сырэй* ‘двухгодовалая важенка’ [Терещенко 1965: 575]; энец. *sire* ‘тарагайка, важенка от года’ [Helimski 2007a]; нган. *с'ипа'ку* ‘телка-важенка’ [Хелимский, рукопись] < ПСС **śirV* ‘важенка’ < ПУ **śirta* ‘олень’ [UEW: 464] > ПЮБУГ. **sūrti* ‘олень-самец одного года’ [Honti 1982: 607]: Пхант. **sūrti*: хант. V, Vj, Trj *surti*, Kaz *sūrti*; Пманс. **surti*(~*š-*): манс.

⁶ В статье С.В. Оиной у этого хантыйского слова дано значение ‘кастрированный олень-бык’ и отсутствует указание на сходство хантыйского и ненецких слов.

KU, Lo, So *surti*.

Хант. О *sira* ‘важенка трех лет’ [DEWOS: 1369] не может быть этимологическим аналогом ненецких слов, поскольку хант. *ĩ* не является стандартным рефлексом ПУ **i*. А главное, в обско-угорских языках представлен другой рефлекс этого ПУ слова: ПОБУг. **sũrtĩ* ‘олень-самец одного года’ [Honti 1982: 607]: Пхант. **sũrtĩ*: хант. V, Vj, Trj *surtj*, Kaz *sũrtĩ*; Пманс. **surtĩ*(~*š*-): манс. KU, Lo, So *surti*.

2.2. Термины, которые в хантыйском и ненецком языке по фонетическим соответствиям могут быть этимологическими аналогами друг друга, но внутренняя или внешняя этимология самодийских форм исключает эту возможность

1) Хант. О *sũjəw* ‘оленок (о телятах от рождения до шести месяцев)’ [DEWOS: 1299] < ненец. *сую* ‘теленка (олений)’ [Терещенко 1965: 571]; энец. *sujii* ‘шкура одно-двухмесячного теленка’ < ПСС **suji* ‘теленка олений’⁷ образовано от ПС **sojã-* ‘родиться’ [Janhunen 1977: 142—143], -*u-* < -*o-* перед долгим узким гласным второго слога [Аникин, Хелимский 2007: 136].

В этой этимологии в самодийских языках при присоединении к основе **sojã-* ‘родиться’ суффикса **i* происходит изменение значения ‘рожать’ > ‘теленка, недавно родившийся’. Предположение о том, что хант. О *sũjəw* ‘оленок’ является этимологическим аналогом ПС **sojã-* ‘родиться’, выглядит значительно менее правдоподобным, чем гипотеза о заимствовании этого слова из ненецкого языка.

2.3. Термин, у которого в хантыйском языке представлен нестандартный суффикс

1) Хант. *woŋkita* ‘непарившаяся (нетелившаяся) самка’ [DEWOS: 1611] < ненец. *ваңды*, энец. *bagodi*, нган. *baŋkəðəʔə* < ПСС **wāŋkəti-* ‘яловая важенка’ [Аникин, Хелимский 2007: 120]. В исходе самодийских форм можно выделить суффиксальное *-*tV(-)*. Селькуп. *waŋkita* < ненец., с народно-этимологическим уподоблением непервых слогов каритивному суффиксу -*kita*. В [Аникин, Хелимский 2007: 120] предполагается, что ПСС **wāŋkəti-* ‘яловая важенка’, возможно, образовано от ПС **wāŋkə* ‘яма, углубление, полость’ (‘яловая’ < ‘полая, порожняя’), ср. ПС **wāŋkə* в [Janhunen 1977: 171]⁸.

Проведенный анализ показывает, что 11 хантыйских терминов, рассмотренных в пунктах 2.1—2.3, являются заимствованиями из ненецкого языка.

2.4. Термины, которые фонетически могли быть в хантыйском и в ненецком рефлексам одной и той же праформы, но в хантыйском языке представлены лишь в казымском и обдорском диалектах, а в ненецком языке не имеют самодийских аналогов

1) Хант. *tal'boj*⁹ ‘пряморогий олень’ [DEWOS: 1438] < >¹⁰ ненец. Л *талвой* ‘пряморогий олень’.

Очевидно, что эти слова не могут быть этимологическими аналогами, поскольку они имеют идентичные нестандартные суффиксы. Но направление заимствования выяснить не удастся, поскольку внешняя этимология как хантыйского, так и ненецкого слов абсолютно неясна. Наиболее вероятно заимствование из какого-то третьего языка.

2.5. Термины, которые фонетически могли быть в хантыйском и в ненецком рефлексам одной и той же праформы, но в хантыйском языке представлены лишь в северо-западных диалектах

1) Хант. О *janəw* [DEWOS: 383] ‘тихий, медленный во время езды олень’¹¹ < ненец. *януу* ‘ленивый’, энец. *d'ona* ‘медлительный; мучительный; смиренный, тихий, осторожный’ [Helimski 2007a]; нган. *d'ontaagə* ‘тихий, медленный’ [Хелимский, рукопись], селькуп. *contjka* ~ -*kaŋ* ~ -*kka* ~ -*kkaŋ* ‘медленно, тихо (двигаться)’ [Helimski 2007b] < ПС **jən-(t)V* ‘медленный’.

2) Хант. *mōrəw* ‘упрямый, непослушный, сходящий с дороги или лежащий на дороге во время ез-

⁷ ПСС слово заимствовано также в эвенк. *сујүкэн* ‘бычок (олень до года)’, (?) орок. *су(в)э* ‘оленок (самец-однолетка)’ [ТМС II: 117, 121].

⁸ ПСС слово также, видимо, заимствовано в эвенк. *ваңгај* (*ваңкај* и др.), эвен. *маңгај*, нег. *ваңгај*, орок. *ваңга*, *ваңгај* ‘яловая (важенка)’ [ТМС I: 130]. Тунгусо-маньчжурские факты не принадлежат к исконному фонду (иначе [Цинциус 1949: 299]). Эвенк. *ваңга-* ‘выкинуть плод, преждевременно родить’ [ТМС I: 130], видимо, образовано вторично. Ср. также чук. *ваŋгас* (*ваŋгас-гор*), коряк. *ваŋгат-* (*ваŋгат-гой*) ‘яловая важенка’ < Пчук.-кор. **ваŋгас-* [Мудрак 2000: 214], которое, возможно, заимствовано из северных тунгусо-маньчжурских языков.

⁹ Это слово не приводится в статье С.В. Онинной, но приводится в [DEWOS] в качестве заимствования из ненецкого языка.

¹⁰ Знак < > обозначает, что направление заимствования определить не удастся.

¹¹ В статье С.В. Онинной отсутствует указание на сходство хантыйского и ненецкого слов, которое отмечено в [DEWOS: 383].

ды олень' < ненец. *map* "крупный, сильный самец дикого оленя", энец. *moro* "самец дикого оленя"; нган. *mapyā* "необученный упряжной олень (не пригодный как передовой)" [Хелимский, рукопись] < ПСС **mərə* "самец дикого оленя"¹² [Аникин, Хелимский 2007: 114 (без нганасанских параллелей)].

3) Хант. *minrəw* "олень-вожак в стаде"¹³ < ненец. *менаруй* "менруй" [Терещенко 1965: 247]; энец. *men'arui* "менруй" [Helimski 2007a] < ПСС **menarV* "менруй".

В подп. 1—3 ненецкие слова имеют ПС или ПСС этимологию, поэтому можно предполагать либо заимствование из ненецкого языка в хантыйский, либо родство хантыйского и ПС(С) слов. Конечно, последний вариант представляется менее вероятным, поскольку хантыйский термин представлен в очень ограниченном числе диалектов. Но полностью исключить эту гипотезу также не представляется возможным.

Выводы

Таким образом, анализ этимологий хантыйских названий оленей приводит нас к весьма интересному результату. Во-первых, выделяется прахантыйская половозрастная терминология названий оленей (раздел 1): Пхант. **sūriŋ* "олень-самец одного года", **ñäwər* "жеребенок", **päcəŋ* "теленоч оленя", **welV* "олень", **kār* "жеребец", **naptəŋ* "важенка". Эти слова имеют обско-угорскую, финно-угорскую и в ряде случаев уральскую этимологию и неопровержимо свидетельствуют об исконном характере прахантыйского и даже праобско-угорского (см. п. 1.1) оленеводства.

Одновременно в северо-западных диалектах хантыйского языка (особенно в казымском и обдорском) присутствуют 11 названий оленя (п. 2.1—2.3), про которые доказано, что они были заимствованы из ненецкого языка. Такой массивный приток заимствований может свидетельствовать лишь о том, что оленеводство у носителей этих диалектов сложилось под влиянием ненцев. Эта лингвистическая картина выглядит несколько неожиданно и в какой-то степени противоречиво. Но ее интерпретация становится абсолютно прозрачной при привлечении этнографических данных о характере оленеводства у хантов.

Оказывается, что у хантов существовали два типа оленеводства: тундровый и таежный. Тундровый, или лесной тип оленеводства характерен для восточного Прикамыя. Стада оленей при тундровом типе оленеводства небольшие, в несколько сотен голов, выпасаются по определенным маршрутам недалеко от сел. В прошлом был полувольный выпас оленей. При таежном типе оленеводства, характерном для западного Прикамыя, большие стада оленей по 1000—1500 голов кочуют в меридиональном направлении: весной к северу, осенью к югу. Хантыйское таежное оленеводство по способам выпаса оленей, типам запряжки оленей, упряжки, нарт, посадки на них – самодийского типа.

При соотнесении лингвистических и этнографических данных становится ясно, что у хантов было исконное оленеводство тундрового, или лесного типа, которое, вероятно, возникло еще в обскоугорский период (доказательством этого являются, во-первых, находки археологов обско-угорской оленьей упряжи, во-вторых, корпус праобско-угорских названий оленей (см. выше п. 1.1). В настоящее время этот тип оленеводства сохранился у восточных хантов, которые используют практически¹⁴ только исконно хантыйские названия оленей. У северо-западных хантов (казымских, обдорских и т.д.) под влиянием контактов с ненцами изменился тип оленеводства. Они перешли на таежный тип оленеводства с большими поголовьями скота и в связи с этим заимствовали у ненцев большинство половозрастных названий оленей.

Сокращения

коряк. — корякский

манс. — мансийский

Km — средне-кондинский диалект

Ku — ниже-кондинский диалект

Lm — средне-лозьвинский диалект

ПС — прасамодийский

ПСС — прасеверносамодийский

ПТМ — пратунгусоманьчжурский

ПУ — прауральский

Пхант. — прахантыйский

¹² Сравнение самодийских данных с эвенк. *мур* ~ *мүр*, *нур* "самец (собаки, лисицы, соболя), кобель", нан. *мур челги* "колонок (самый крупный самец)" [ТМС I: 667], предложенное в [Аникин, Хелимский 2007: 114], представляется не вполне надежным.

¹³ Нам не удалось найти это слово в [DEWOS], но обращает на себя внимание его сходство с самодийскими словами, которое не было отмечено в статье С.В. Опиной.

¹⁴ Единственное исключение – это хант. V, Vj *kouti* "кастрированный олень-бык", заимствованное из селькупского языка.

Lo – верхне-лозьвинский диалект	сельк. — селькупский
Lu – нижне-лозьвинский диалект	ФУ — финно-угорский
N – северно-мансийский диалект	хант. — хантыйский
P – пельымский диалект	Dn – верхнедемьянский диалект
So – сосьвинский диалект	Kaz – казымский диалект
Tj – тавдинский диалект (деревня Янычкова)	Kr – красноярский диалект
нан. — нанайский	Ni – низямский диалект
нган. — нганасанский	O – обдорский диалект
нег. — негидальский	Ttj – тромъеганский диалект
ненец. — ненецкий (тундровый)	V – ваховский диалект
ненец. Л — ненецкий (лесной)	Vj – васюганский диалект
орок. — орокский	чук. — чукотский
Пманс. — прамансийский	эвен. — эвенский
ПобУг. — праобско-угорский	эвенк. — эвенкийский
прачук.-кор. — прачукотско-корякский	энец. — энецкий

Литература

- Аникин 1997 — *Аникин А.Е.* Этимологический словарь русских диалектов Сибири. Заимствования из уральских, алтайских и палеоазиатских языков. Новосибирск, 1997.
- Аникин, Хелимский 2007 — *Аникин А.Е., Хелимский Е.А.* Самодийско-тунгусские лексические параллели. М., 2007.
- Быконя 2005 — Селькупско-русский диалектный словарь / Отв. ред. *Быконя В.В.* Томск, 2005.
- Костёркина, Момде, Жданова 2001 — *Костёркина Н.Т., Момде А.Ч., Жданова Т.Ю.* Словарь нганасанско-русский и русско-нганасанский. СПб., 2001.
- Кузнецова, Казакевич, Иоффе, Хелимский 1993 — *Кузнецова А.И., Казакевич О.А., Иоффе Л.Ю., Хелимский Е.А.* Очерки по селькупскому языку. Т. 2. Тазовский диалект. М., 1993.
- Кулемзин, Лукина 1992 — *Кулемзин В.М., Лукина Н.В.* Знакомьтесь, ханты. Новосибирск, 1992.
- Мудрак 2000 — *Мудрак О.А.* Этимологический словарь чукотско-камчатских языков. М., 2000.
- Терещенко 1965 — *Терещенко Н.М.* Ненецко-русский словарь. М., 1965.
- Хелимский, рукопись — *Хелимский Е.А.* Словарь нганасанского языка. Рукопись.
- Цинциус 1949 — *Цинциус В.И.* Сравнительная фонетика тунгусо-маньчжурских языков. Л., 1949.
- Alatalo 2004 — *Sölkupisches Wörterbuch aus Aufzeichnungen von Kai Donner, U.T. Sirelius und Jarmo Alatalo / Zusammengestellt und hrsg. von Alatalo J.* Helsinki. 2004.
- Ahlquist 1890 — *Ahlquist A.* Über die Kulturwörter der obischen-ugrischen Sprachen // JSFOu. 1890, 8.
- Ahlqvist 1891 — *Ahlquist A.* Wogulisches Wörterverzeichnis. MSFO. 2. Helsinki, 1891.
- DEWOS — *Steinitz W.* Dialektologisches und etymologisches Wörterbuch der ostjakischen Sprache. Berlin, 1966. (Abhandlungen der Deutschen Akademie der Wissenschaften zu Berlin).
- Helimski 1997 — *Helimski E.* Die Matorische Sprache. Wörterverzeichnis — Grundzüge der Grammatik — Sprachgeschichte. Szeged, 1997.
- Helimski 2001a — Южноселькупский словарь Н.П. Григоровского / Обр. и изд. *Хелимский Е.* (HSFUM 4). Hamburg, 2001.
- Helimski 2001b — *Helimski E.* Ablaut als Umlaut im Ostjakischen: Prinzipien und Grundzüge der lautgeschichtlichen Betrachtung // Fremd und Eigen: Untersuchungen zu Grammatik und Wortschatz des Uralischen und Indogermanischen, in memoriam Hartmut Katz. Wien, 2001. S. 55—76.
- Helimski 2007a — *Helimski E.* База данных энецкого языка // www.helimski.com, 2007.
- Helimski 2007b — *Helimski E.* База данных селькупского языка // www.helimski.com, 2007.
- Honti 1982 — *Honti L.* Geschichte des obugrischen Vokalismus der ersten Silbe. Budapest, 1982.
- Janhunen 1977 — *Janhunen J.* Samojedischer Wortschatz. Gemeinsamojedische Etymologien. (Castrenianumin toimitteita. 17.) Helsinki, 1977.
- Janhunen 1978 — *Janhunen J.* Uralilaisen kantakielen sanastosta // JSFOu. 1978. Bd. 77. S. 219—274.
- Katzschmann 1990 — *Katzschmann M.* Vorläufiges Nganasanisches Wörterverzeichnis auf der Grundlage alter und neuer Quellen / Privatausgabe. S. 1., 1990.
- Sammallahti 1988 — *Sammallahti P.* Historical Phonology of the Uralic Languages // The Uralic Languages: Description, History, and Foreign Influences. Brill, 1988.

SUMMARY

In this article the origin of reindeer-breeding of Khanty is explored on the basis of linguistic data. It is proved that eastern Khanty who used practically primordial (from the point of view of Ob-Ugrian etymology) names of reindeer, practiced Tundra type of reindeer-breeding. The last one was probably inherited from Proto-Ob-Ugrians. On the contrary there were more than 10 names of reindeer in use by western Khanty and all of these names were borrowed from Samoyed languages. Conducted research shows that western Khanty practiced Taiga type of reindeer-breeding. As is well known from ethnographic research, this type of reindeer-breeding was borrowed from Samoyed. Thus, linguistic and ethnographic data about the origin of the Khanty reindeer-breeding perfectly match each other.

Материалы Й.Э. Фишера по удмуртскому языку: лингвистическая характеристика^{1*}

В последнее время у лингвистов возобновился интерес к изучению истории языка, проблемам возникновения и развития письменности и литературного языка. Исследование этих вопросов, как известно, требует широкого вовлечения в научный оборот рукописных и опубликованных памятников, которые для многих языков, в том числе удмуртского, являются одним из важнейших источников, позволяющим воссоздать, наряду с данными современных диалектов, более или менее полную картину этапов развития языка.

Специальным исследованием, посвященным изучению самых ранних письменных памятников удмуртского языка, является работа Т.И. Тепляшиной «Памятники удмуртской письменности XVIII века» [Тепляшина 1965], в которой опубликованы списки слов и словари Ф.Й. Страленберга, Г.Ф. Миллера, П.-С. Палласа, П. Фалька и исследованы первые грамматики удмуртского языка. Удмуртский языковой материал академика истории и археологии Йоганна Эберхарда Фишера в упомянутой книге также приводится, но далеко не в полном объеме: он представлен списком из 37 удмуртских слов.

Материалы Й.Э. Фишера по удмуртскому языку впервые в полном объеме были опубликованы в статье венгерского исследователя Шандора Чуча под названием «Об одном памятнике удмуртской письменности XVIII века» [Csúcs 1983: 311—320]. Автор в алфавитном порядке, сохраняя транскрипцию оригинала и этимологические замечания Й.Э. Фишера, приводит список слов, собранный участником камчатской экспедиции предположительно в 30—40-е гг. XVIII столетия (всего 295 удмуртских слов). В другой работе Ш. Чуча «Удмуртский язык в XVIII веке» [Csúcs 1984: 63—80] даны анализ материала Й.Э. Фишера и оценка его этимологических гипотез, описано значение собранных данных для изучения вопросов истории языка.

В 1995 г. языковые материалы Й.Э. Фишера были изданы на немецком языке в Германии Яношем Гуей отдельной книгой под названием «Vocabularium Sibiricum: (1747). Der etymologisch-vergleichende Anteil» [Gulya 1995]. В исследовании дается краткое описание содержания рукописи, приводятся 316 словарных статей (по оригиналу), из которых 128 содержат удмуртские слова. На первом месте стоит латинское слово, затем немецкое. Этимологии слов даются по языковым семьям: на первом месте — уральская, на втором — индоевропейская, на третьем — тюркская и т.д. Вот, к примеру, этимологическая параллель к слову *лымы* 'снег': NIX 'снег': фин. *lumi*, мар. *lum*, удм. *lümüh*, коми пермяцкий *liim*, ненец. *jumče* [Gulya 1995: 59]. Надо заметить, что приведенные Й.Э. Фишером этимологические параллели, за редкими исключениями, вполне приемлемы и в наши дни. В конце книги в алфавитном порядке приведены список латинских и немецких слов и списки рефлексов, реконструированных этимологий, отдельно для каждого рассматриваемого современного языка.

Необходимо остановиться на том, что, согласно мнению многих ученых (см., например, [Пекарский 1870: 631; Бахрушин 1937: 32; Gulya 1983: 165; Хелимский 2000: 222]), работавших с рукописями материалов Второй камчатской (она же Первая академическая, она же Великая северная) экспедиции 1733—1743 гг., «Вокабулярий» Й.Э. Фишера в его собственно лексикографической, а не этимологической части по отношению к оригинальным записям руководителя этой кампании Г.Ф. Миллера вторичен. Германский финно-угровед Э. Винклер считает, что рукописные материалы Й.Э. Фишера не могут считаться его собственными записями. В своей работе «Zum Göttinger Vocabularium Sibiricum» [Winkler 1997] исследователь приводит немало доводов, которые подтверждают факт составления «Вокабулярия» на основе собраний Г.Ф. Миллера. Приведем некоторые из аргументов Э. Винклера. Первый из них: если инструкции по сбору языкового материала народов Сибири Фишером были получены только в Томске, то каким образом им были собраны материалы по удмуртам, чувашам, марийцам и мордве? Нет доказательств того, что Фишер собрал эти материалы на обратном пути. Откуда «автор» труда «Вокабулярия» взял языковые данные по венгерскому и грузинскому языкам, если они не встречались на пути его сле-

¹Работа выполнена в рамках проекта молодых ученых Уральского отделения РАН «Становление и развитие удмуртской графики и орфографии в XVIII — первой половине XIX века».

дования? [Winkler 1997: 285]. Ответы на эти вопросы, действительно, неясны.

Поэтому все записи, касающиеся удмуртского языка (и, возможно, не только удмуртского), выполненные Й.Э. Фишером, по мнению вышеуказанных исследователей, на самом деле являются переписью лексических данных Г.Ф. Миллера. С данной точкой зрения мы не можем полностью согласиться. Приведем таблицу, в которой в первом столбце даются лексические данные Г.Ф. Миллера (по репринтному изданию «Sammlung Russischer Geschichte», 1759 г. (см.: [Миллер 2005: 170—186])), во втором — те же слова из «Вокабулярия» Й.Э. Фишера (по: [Csúcs 1983: 311—320]).

Таблица 1

Г.Ф. Миллер	Й.Э. Фишер	Наш перевод
<i>Inmàr</i>	<i>inmàr</i>	‘Бог’
<i>Scháitan</i>	<i>schaitàn</i>	‘дьявол’
<i>Pillem</i>	<i>pillèm</i>	‘облако’
<i>Tillò</i>	<i>tillo</i>	‘ветренно; ветренный’
<i>Ssorä</i>	<i>ssoräk</i>	‘дождь (идет)’
<i>Lümü</i>	<i>lümüh</i>	‘снег’
<i>Gudriah</i>	<i>gudriäh</i>	‘гром; гремит’
<i>Júggut</i>	<i>júggut</i>	‘светло; светлый’
<i>Nunäl</i>	<i>nunäl</i>	‘день’
<i>Adjami</i>	<i>adjämi</i>	‘человек’

Мы видим, что из приведенных в таблице 10 слов всего три полностью совпадают, остальные семь единиц отличаются или диакритическими знаками, или дополнительными буквами. Представляется, что поскольку пермский материал, представленный в материалах Й.Э. Фишера, не полностью идентичен данным, собранным Г.Ф. Миллером, то его тщательный графологический и диалектологический анализ, который ранее не был сделан, весьма актуален.

В настоящей работе делается попытка более полного освещения некоторых графических, орфографических, фонетических и лексических особенностей удмуртской части «Вокабулярия». Примеры приводятся по списку, опубликованному в статье Ш. Чуча [Csúcs 1983]: сначала мы приводим удмуртское слово, затем — в квадратных скобках — слово в нашем прочтении в современной фонетической транскрипции, перевод на латинский и русский языки, номер страницы. После удмуртских слов, зафиксированных Й.Э. Фишером, даются диалектные варианты лексемы по [WW], чтобы установить: 1) передают ли разные немецкие буквы один и тот же удмуртский звук, или 2) за каждой немецкой графемой стоят различные удмуртские фонемы.

1. Особенности графики

Большинство удмуртских звуков в записях Й.Э. Фишера передаются соответствующими буквами (с диакритическими знаками или без таковых) латинского алфавита или буквосочетаниями: *a* — **a** (*á*, *à*); *b* — **b**; *v* — **w**; *z* — **g** (**gg**); *ð* — **d**; *ð'* — **d**, **dj**, **dd**; *z* — **s** (**ss**), *z'* — **s** (**ss**), *u* — **i** (*î*, *í*, *î*); *ü* — **j**, **i**; *κ* — **k** (**ch**, **ck**); *l* — **l**, **ll**; *l'* — **l**, **ll**; *m* — **m**; *n* — **n**; *n'* — **n**, **nj**; *η* — **n**; *o* — **o** (*ò*, *ó*, *ö*); *n* — **p**; *p* — **r** (**rr**); *c* — **s**, **ss**; *m* — **t**; *m'* — **t**, **tj**; *y* — **u** (*ú*, *û*). Однако некоторые специфические фонемы удмуртского языка, отсутствующие в немецком языке, автор пытается обозначить разными способами — близкими по артикуляции немецкими буквами или различными их сочетаниями. Рассмотрим эти случаи подробнее.

1.1. Удмуртский гласный *j* передается следующими буквами и сочетаниями:

а) Немецкой буквой *ü*:

(1) *ümdòr* [*jmdor*] ‘labia, губа’ [Csúcs 1983: 314] (далее примеры приводятся лишь с указанием страницы источника) // **G** *îmdur*, **S**, **M** *jmdor*, **U** *îmdor*, *îmdor* ‘Lippe, die Lippen’ [WW: 36]. Как видно из приведенного диалектного материала, в данных словах различие состоит в качестве гласного *j* (*î* или *j*) и гласных второго слога (*u* и *o*). Исходя из того, что Й.Э. Фишером данное слово зафиксировано с *o* во втором слоге, представляется возможным сделать предположение о записи исследователем формы из срединных говоров или южного диалекта удмуртского языка;

(2) *küss* [*kjz*] ‘pinus, ель’ (315) // **G**, **B**, **U** *kîz*, **M**, **J**, **MU** *kjz* ‘Fichte’ [WW: 118];

(3) *nürr* [*njr*] ‘nasus, нос’ (316) // **G**, **U** *nîr*, **M**, **J**, **MU** *njr* ‘Nase; Schnabel’ [WW: 170];

(4) *piüt* [*pjd*] ‘pedes, нога’ (317) // **G**, **B** *pîd*, **M**, **J**, **MU** *pjd*, **MU** *pjd*, **U** *pîd* ‘Fuss’ [WW: 198];

(5) *tüll* [*tjl*] ‘ignis, огонь’ (318) // **G**, **U** *tîl*, **M**, **J**, **MU** *tjl*, **J**, **MU** *tju* ‘Feuer, Flamme’ [WW: 261];

(6) *kwamün* [kwamän] ‘triginta, тридцать’ (316) // G, B *kuà-mîn*, M, J, MU *kuà-mîn*, U *kuà-mîn* ‘dreissig’ [WW: 143].

Сюда же относятся следующие примеры²: *doss-kük* [das kjk] ‘duodecim, двенадцать’ (313); *üll* [il] ‘humidus, сырой’, *üm* [jm] ‘os, рот’ (314); *küll* [kjl] ‘lingua, язык’, *küs* [kǰz] ‘viginti, двадцать’ (315); *lümüh* [lǰmj] ‘nix, снег’, *lümschir* [lǰmšjr] ‘meridies, юг’, *nüll* [njl] ‘filia, девочка’ (316); *püsch* [pjž] ‘navis, лодка’, *süllèm* [sjlem] ‘statum, стояние’ (317); *tü* [tj] ‘lacus, легкие’ (318); *utimüss* [ukmjš] ‘novem, девять’ (319).

б) Буквой **i** (i):

(1) *bóri* [borj] ‘fragum, клубника’ (313) // G, U *borî*, M, MU *borj* ‘клубника’ [WW: 26];

(2) *dédi* [dǰd’j] ‘traha, сани’ (314) // G *dǰd’î*, M *dǰd’j*, J, MU *död’j*, U *dǰd’î*, B *dǰd’* ‘Schlitten’ [WW: 32];

(3) *jüni* [junj-] ‘bibere, пить’ (315) // G, B *juîni*, S, J *juinj*, J *juinj*, M *junj*, MU *d’uinj*, U *d’uîni* ‘trinken’ [WW: 82];

(4) *kesit* [kez’jt] ‘frigidus, холодный’ (315) // G, B, U *kez’jt*, M, J, MU *kez’jt* ‘kalt; Kälte’ [WW: 101];

(5) *pürti* [purtj] ‘lebes, котел’ (317) // G, U *purtî*, M, J, MU *purtj* ‘Kessel’ [WW: 212];

(6) *schir* [šjr] ‘mus, мышь’ (318) // G, U *šîr*, M, J, MU *šjr* ‘Maus’ [WW: 246];

(7) *süni* [s’inj-] ‘edere, есть (кушать)’ (318) // G, B, U *s’îni*, M, J *s’inj*, J, MU *s’ijnj* ‘essen, fressen’ [WW: 234].

Остальные примеры — на передачу удмуртского *j* буквой **i** (i): *budschim* [bužžjm ~ bǰžžjm] ‘magnus, большой (великий)’, *tschorik* [čorik] ‘piscis, рыба’, *tschüni* [čün’j] ‘mannus, жеребенок’ (313); *gógi* [gogj] ‘umbilicus, пупок’, *góndir* [gondjr] ‘ursus, медведь’, *irgòn* [jrgon] ‘cuprum, медь’, *isch* [jž] ‘ovis, овца’, *jir* [jjr] ‘caput, конец’ (314), *jir-ssi* [jirs’i] ‘capillus, волосы’, *kotschisch* [kočjs] ‘felis, кошка’, *koni* [kon’j] ‘sciurus, белка’ (315); *lis* [ljz] ‘caeruleus, синий’, *mýnnine* [mjnjnǰ ~ mjnjnǰ] ‘vehi, идти’ (316); *nill-don* [n’jl’don] ‘quadraginta, сорок’, *püni* [pun’j] ‘cochlear, ложка’ (317); *sési* [s’ez’j] ‘avena, овес’, *sisim* [s’iz’jm] ‘septem, семь’, *schündi* [šundj] ‘sol, солнце’, *tédi* [tǰd’j] ‘albus, белый’, *tilò-burdò* [tjloburdo] ‘avis, птица’, *tipi* [tjpi] ‘quercus, дуб’ (318); *wuischi* / *wischi* [vǰžj] ‘radix, корень’ (319); *dschid* [žjt] ‘sero, вечер’ (320).

В перечисленных в этих двух последних разделах примерах в применении буквы **ü** и **i** для обозначения удмуртского *j* не приходится сомневаться. Диалектный материал показывает различие только в качестве гласного *j* (*î* или *j*).

в) Знаком **y**:

(1) *gósy* [gozj] ‘funis, веревка’ (314) // G, U *gozî*, M, J, MU *gozj* ‘Strick, Seil, Schnur’ [WW: 61];

(2) *mýnnine* [mjnjnǰ ~ mjnjnǰ] ‘vehi, идти’ (316) // G, B, U *mîniîni*, M, J *mijnj*, J, MU *mijnj*, MU *mijnj* ‘gehen, fahren’ [WW: 161].

В пяти случаях отмечается передача удмуртского *j* через **u** и **ui**. У Г.Ф. Миллера аналогичный феномен Т.И. Тепляшина объясняет тем, что, возможно, он произносился лабиализованно, как в некоторых коми-зырянских диалектах, или некоторая лабиализация наблюдалась под влиянием предшествующих и последующих губных согласных, что, конечно же, могло иметь место [Тепляшина 1965: 33].

г) Сочетанием букв **ui**:

(1) *buisch* [bjž] ‘cauda, хвост’ (313) // G *bîž*, M, J, MU *bjž*, M *bjž*, U *bîž* ‘хвост’ [WW: 25];

(2) *puis* [pjz’] ‘farina, мука’ (317) // G *pîz’*, B, J, MU, U *piz’*, M *piz’* ‘Mehl’ [WW: 202];

(3) *wuischi* / *wischi* [vjžj] ‘radix, корень’ (319) // G *vîžî*, S *vǰžj*, M *vǰžj*, M, J, MU *vǰžj*, U *vǰžî* ‘Wurzel’ [WW: 321]. Сюда же относится *muis* [mjz’] ‘ova sturionis, икра’ (316).

д) Буквой **u**:

kuspî [kjs’pj] ‘betula, береза’ (315).

1.2. Мы предполагаем, что нижеприведенные слова, зафиксированные Й.Э. Фишером, принадлежали говору, в котором праудмуртский **j* перешел в гласный среднего подъема заднего ряда *ǰ*, как это произошло в северноудмуртских (среднечепецких), бесермянском и некоторых южноудмуртских говорах [Кельмаков 1998: 54]. В записях Й.Э. Фишера этот гласный может обозначаться следующими буквами:

а) Буквой **e**:

(1) *isene* [iz’ǰnǰ] ‘dormire, спать’ (314) // G *îz’ǰni*, B *uz’ǰni*, S, J *iz’ijnj*, M *iz’nj*, J, MU *iz’ijnj*, J *iz’nj*, U *iz’ǰni* ‘schlafen’ [WW: 72];

(2) *weräne* [veranǰ] ‘locui, сказать’ (319) // G, B, U *verànî*, S, M, J, MU *verànj*, U *verànî* ‘sagen, sprechen, reden, erzählen’ [WW: 312].

Остальные примеры: *jedî* [jǰdj] ‘hordeum, ячмень’ (314); *mýnnine* [mjnjnǰ ~ mjnjnǰ] ‘vehi, идти’ (316); *pénmet* [pen’mǰt] ‘obsurus, темный’ (317).

б) Буквой **o**:

² Здесь и в ряде случаев далее, когда очевидно, что в удмуртских диалектах представлен один и тот же гласный, для экономии места полный материал по удмуртским диалектам не приводится, см. [WW 1987: 36].

(1) *monsko* [mânsko] ‘vehor, (я) иду’ (316) // G, B, U *mîñîñî*, M, J *mîññî*, J, MU *mîñîñî*, MU *mîñîñî* ‘gehen, fahren’ [WW: 161].

в) Буквой **a**:

(1) *tîbar* [tîbâr] ‘dorsum спина’ (318) // G, U *tîbîr*, M, J, MU *tîbjîr* ‘Rücken’ [WW: 260].

1.3. Удмуртский звук среднего ряда среднего подъема *e* Й.Э. Фишер обозначил следующим образом:

а) Буквой **e** (также с различными диакритиками — *ê, ê, é*):

(1) *tschêsch* [čêž] ‘anas, утка’ (313) // G, B, M *tžêž*, G, S, U *tžêž*, J, MU *tšôž*, *tšôž* ‘Ente’ [WW: 273];

(2) *dédî* [dêd’î] ‘traha, сани’ (314) // G *dêd’î*, M *dêd’î*, J, MU *död’î*, U *dêd’î*, B *dêd’î* ‘Schlitten’ [WW: 32];

(3) *jel* [jêl] ‘lac, молоко’ (314) // G, B, S, M *jêl*, J *jöl*, J *jöu*, MU *d’öu*, U *d’êl* ‘Milch’ [WW: 76];

(4) *ssed-uswès* [s’êduzves] ‘plumbum, свинец’ (318). В последнем слове нас интересует часть *сьöd*, которая в диалектах имеет следующие формы: G, B, M, U *s’ed*, J, MU *s’öd* ‘schwarz, dunkel’ [WW: 232]. Можно допустить, что в перечисленных здесь примерах буквой *e* (во всех ее графических вариантах) обозначена фонема *e*. В современном бесермянском наречии вместо *e* чаще всего выступает *e*: *vej* ‘масло’, *d’ed’o* ‘сани’, *s’ed* ‘черный’ [Кельмаков 1998: 56].

Сюда же относятся такие примеры, как: *jegu* [jêgu] ‘punteus, погреб (яма со льдом)’ (314); *nel* [n’êl] ‘sagitta, тетива’ (316).

б) Буквой **i**:

tillo [têlo] ‘ventus, ветренный’ (318) // G, M, U *têlo* ‘windig’ [WW: 259].

в) Буквой **ü**:

(1) *bürdem* [bêrdem] ‘lacrimo, плач’ (313) // G, B, U *bêrdîñî*, M *bêrdñî*, J, MU *bördîñî* ‘weinen’ [WW: 20];

(2) *küss* [kêš] ‘siccus, сухой’ (315) // G, M, U *kêš*, J, MU *kös* ‘trocken’ [WW: 102].

Сюда же относится *küss-nunâl* [kêšnunâl] ‘сухой день, Dies Saturni, суббота’ (315).

г) Буквой **u**: *wui* [vêj ~ vâj] ‘butyrum, oleum, масло’ (319) // G, B, S, M, U *vêj*, J, MU *vöj* ‘Butter; Öl’ [WW: 314].

д) Буквами **e / ö** *tédi* (*tödi-tuj*) [têd’î] ‘albus, белый’ (318).

1.4. Удмуртский гласный *e* в большинстве случаев передается аналогичной немецкой буквой:

а) Буквой **e** (с различными надбуквенными диакритическими знаками — *ê, é, è*):

(1) *aswès* [azves] ‘argentum, серебро’ (313) // G, B, M, J, MU, U *azves*, MU *ozves* ‘Silber’ [WW: 11];

(2) *gurt-ketsch* [gurkeč] ‘capra, коза’ (314) // G, B, U *ket’š*, M, J, MU *ket’š*, MU, U *kes* ‘Ziege’ [WW: 100];

(3) *musjèm* [muzjem] ‘terra, земля’ (316) // G, M, J, MU *muzjem*, G *muzjem*, G, B, MU *muz’jem*, MU *muz’jem*, MU, U *muzz’em* ‘Erde’ [WW: 167];

(4) *pénmet* [pen’mât] ‘obsurus, темный’ (317) // G *pel’mît*, J *pel’mît*, *pen’mît*, G, U *pejmît*, M, MU *pejmît*, U *pejmît* ‘dunkel, finster’ [WW: 192];

(5) *telès* [tolez] ‘mensis, месяц’ (318) // G, B, J, MU, U *tolez*, G *tolîz*, M *toled’z*, J, MU *touéz* ‘Mond; Monat’ [WW: 265].

В этом же разделе можно привести следующие примеры: *betschkè* [bečke] ‘dolium, бочка’, *bekrà* [bekra] ‘sturio, осетр’, *berlän* [berlan] ‘retrorsum, назад’, *bürdem* [bêrdem] ‘lacrimo, плач’, *bigèr* [biger] ‘Tatari Casanensium, татарин казанский’, *dschabè* [čabe] ‘triticum, пшеница’, *tschipè* [čipe] ‘lucius, щука’ (313); *inwerä* [en vera] ‘silere, не говори’, *gurêš* [gurez] ‘mons, гора’ (314); *kesit* [kezît] ‘frigidus, холодный’, *kisèm* [kiz’em] ‘satur, кизем’ (315); *hulèm* [kulem] ‘mortuus, мертвый’, *kurèk* [kureG] ‘gallina, курица’, *kudsem* [kužžem] ‘ebrius, пьяный’, *lûd-ketsch* [luDkeč] ‘lepus, заяц’, *németsch-kurék* [n’emâčkureG] ‘gallina indica, индюшка’ (316); *nulèss* [n’ules] ‘silva, лес’, *oschmés / ojchmés* [ošmes] ‘fons, ключ (источник)’, *pillèm* [pil’em] ‘nubes, облако’, *süllèm* [sîlem] ‘statis, стояние’ (317); *susèr* [suzer] ‘soror natu minor, младшая сестра’, *sirekjäm* [s’erekjam] ‘rideo, смех’, *sermèt* [s’ermet] ‘frenum, узда’, *surèss* [s’ures] ‘via, дорога’, *sutèm* [s’utem] ‘esuriens, голодный’, *tédi-uswès* [têd’iuzves] ‘stannum, олово’ (318); *telès* [tolez] ‘mensis, месяц’, *ulèb* [ulep] ‘vivus, живой’, *weräne* [veranâ] ‘loqui, сказать’ (319); *sundèss* [zundes] ‘annulus, перстень’, *dsjäsèk* [žaz’ek] ‘anser, гусь’ (320).

Однако фонема *e* передается в виде исключений следующими написаниями:

б) Сочетанием **ie** (**iè, ié**):

(1) *piéll* [pel] ‘aures, ухо’ (317) // G, M, J *pel*, MU, U *pêl* ‘Ohr’ [WW: 191];

(2) *sapièk* [sapeg] ‘oscreae, сапоги’ (317) // G, B, J *sapeg*, MU *sapek* ‘Stiefel’ [WW: 218].

в) Буквой **ä**:

(1) *tschuckasä* [čukaz’e] ‘cras, завтра’ (313) // MU *tšukaz’e*, MU, U *tšukaje*, U *tšukaje* ‘morgen’ [WW: 276];

(2) *tunnä* [tunne] ‘hodie, сегодня’ (319) // G, B, M, J, MU, U *tunne*, B *tunne* ‘heute’ [WW: 268].

Сюда же относятся *so süllä* [*so syle*] ‘stat, он (она) стоит’ (318); *ussä* [*us'se*] ‘perendie, послезавтра’ (319); *ssoräk* [*zore*] ‘pluvia, дождь идет’, *tschugä* [*žuge*] ‘verberare, (он, она) бьет’, *dschidtasä* [*žitaz'e*] ‘vesper, вечер (вечером)’ (320).

Нельзя исключить, что в этих словах Й.Э. Фишер зафиксировал неогубленный гласный нижнего подъема передне-среднего ряда *ä*, который развился в отдельных говорах периферийно-южного диалекта (буйско-танышском, татышлинском и красноуфимском говорах, в части бавлинского и кукморского говоров) под влиянием татарского языка [Кельмаков 1974: 40].

г) Буквой **i** (**î**): *dui* [*due*] ‘camelus, верблюд’ (314) // G, JI *due*, MU *due*, U *düe* ‘Kamel’ [WW: 38].

1.5. Согласные *š* и *ž* обозначены одинаково — буквосочетанием **sch**:

(1) *buisch* [*bâž*] ‘cauda, хвост’ (313) // G *bīž*, M, J, MU *bīž*, M *bīž*, U *bīž* ‘хвост’ [WW: 25];

(2) *isch* [*iž*] ‘ovis, овца’ (314) // G, B, U *iž*, S, M, J, MU *iz* ‘Schaf’ [WW: 72];

(3) *oschmés* / *ojchmés* [*ošmes*] ‘fons, источник’ (317) // G, M, J, MU, U *ošmes*, S *ošmes* ‘Quelle’ [WW: 185];

(4) *püsch* [*pīž*] ‘navis, корабль (лодка)’ (317) // G, U *pīž*, M, J *pīž* ‘Boot’ [WW: 202];

(5) *schundi* [*šundj*] ‘sol, солнце’ (318) // G, U *šundj*, M, J, MU *šundj* ‘Sonne’ [WW: 253];

(6) *tuschak* [*tušak*] ‘lectus, перина’ (319) // J *tušak*, MU *tušak*, *tušak*, *tīšak*, *tšak* ‘Matratze’ [WW: 270];

(7) *uloscho* [*ulošo*] ‘cantherius, кастрированный’ (319) // G, S, M, J, U *ulošo*, J, MU *uuošo* ‘kastrieren’ [WW: 297];

(8) *osch* [*oš*] ‘bos, бык’ (319) // G, S, M, J, MU, U *oš*, MU *oš* ‘Ochse, Stier’ [WW: 185];

(9) *wuischi* / *wischi* [*vâžž*] ‘radix, корень’ (319) // G *vīžī*, S *vīžī*, M *vīžī*, M, J, MU *vīžī*, U *vīžī* ‘Wurzel’ [WW: 321];

(10) *wusch* [*vuž*] ‘arcus, старый’ (320) // G, B, S, M, J, MU, U *vuž* ‘alt’ [WW: 328].

В одном случае Й.Э. Фишер начальный *š*, стоящий перед *t*, по правилам немецкой орфографии передает знаком **s**: *stan* [*štan*] ‘femoralia, штаны’ (318).

1.6. Удмуртские аффрикаты — глухие веллярная *č* и палатальная *č̣* — передаются одинаково — буквосочетанием **tsch**:

(1) *tschesch* [*čež*] ‘anas, утка’ (313) // G, B, M *tšež*, G, S, U *tšež*, J, MU *tšöž*, *tžöž* ‘Ente’ [WW: 273];

(2) *tschin* [*čīn'j*] ‘digitus, палец’ (313) // G, B, U *t'šin'f*, S, M, J, MU *t'šin'j* ‘Finger’ [WW: 285];

(3) *tschorik* [*čorj*] ‘piscis, рыба’ (313) // G, U *t'sor'ig*, S, M, J, MU *t's'or'ig* ‘Fisch’ [WW: 287];

(4) *tschuckasä* [*čukaz'e* ~ *čukaz'a*] ‘cras, завтра’ (313) // MU *tšukaz'e*, MU, U *tšukaje*, U *tšukaje* ‘morgen’ [WW: 276];

(5) *tschuknà* [*čukna*] ‘mane, утро’ (313) // G, B, S, M, J, MU, U *tšukna*, B *t'sukna*, MU *tšug'na*, *tšuk'na* ‘Morgen’ [WW: 276];

(6) *tschusch* [*čuž*] ‘flavus, желтый’ (313) // G, S, M, J, MU, U *tšuž*, G, J, MU *tšuž* ‘gelb’ [WW: 277];

(7) *ditschi* [*d'ičj*] ‘vulpes, лисица’ (314) // G *d'žit'sf*, *d'žit'si*, S, M, J, MU *d'žit's'j*, J, MU *d'žut's'j*, MU *d'žut's'j*, *d'žit's'j*, U *d'žit's'f* ‘Fuchs’ [WW: 48];

(8) *katschi* [*kačj*] ‘forfex, ножницы’ (315) // G, B, U *kat'sf*, B *kačšf*, JI, MU *kat'sj*, M, J *kačšj* ‘Schere’ [WW: 94];

(9) *kotschisch* [*kočj*] ‘felis, кошка’ (315) // G *kočšš*, M, MU *kočšš*, M, JI, MU *kočšš*, U *kočšš* ‘Katze’ [WW: 125];

(10) *lûd-ketsch* [*lud keč*] ‘lepus, заяц’ (316) // G, B, U *ket's*, M, J, MU *ket's*, MU, U *kes* ‘Ziege’ [WW: 100].

Как видно из перечисленных примеров, глухие аффрикаты в материалах исследователя представлены в начале и в середине слов, что соответствует парадигматике данных звуков в группе северных говоров удмуртского языка. Однако форма *pukásch* [*pukâš*] ‘sagitta, лук’ (317) с конечным *-š*, скорее всего, зафиксирована от носителей кукморского, татышлинского или бесермянского диалекта, в которых инлутная и ауслутная *č* перешла в *u* [Кельмаков 1998: 88].

1.7. Звонкие аффрикаты (*č̣* и *ẓ̌*) передаются в основном одинаково:

а) Знакосочетанием **dsch**:

(1) *budschim* [*bužžim* ~ *bâžžim*] ‘magnus, большой (великий)’ (313) // G *bīdžim*, *bītsim*, J, MU *bīdžim*, *bīddžim*, MU *bīd' džim*, J *būd'žin*, *budd'žin*, J *bud'žin*, M *bud'd'žin*, U *bīd'd'žin* ‘gross’ [WW: 23];

(2) *dschek* [*žek*] ‘mensa, стол’ (320) // G, M *džek*, G, S *džek*, B *d'žek*, J, MU *džök*, J *džök*, U *žek* ‘Tisch’ [WW: 42];

(3) *dschid* [*žit*] ‘sero, vesper, вечер’ (320) // G, B *džit*, B *džit*, S, MU *džit*, M, J, MU *džit*, U *žit* ‘Abend’ [WW: 42].

б) В некоторых случаях палатальная *č̣* передается сочетанием **dsj**:

(1) *dsjäsək* [ʒaz'ek] 'anser, гусь' (320) // G, B, M, J, MU *d'žazək*, G, S, MU *d'žad'žeg*, G *d'žad'žeG*, U *d'jad'jeg*, *d'jažeg* 'Gans' [WW: 46];

(2) *dsjuss* [žus] 'scamnum, скамейка' (320) // G *d'žus*, G, JI *d'žus*, B *d'us*, S, M, U *d'jus*, MU *d'us* 'Bank' [WW: 49].

Слово *kudsem* [*kudzem*] 'ebrius, пьяный' (316) // G *kud'd'žîñî*, B *kîd'd'ž-*, M *kud'd'žîñj*, MU *kud'd'žîñj*, U *kud'd'žîñî* 'betrunken' [WW: 129], предположительно, было зафиксировано Й.Э. Фишером у носителей говора, в котором инлаутная группа согласных не была палатальной. В настоящее время, например, в говорах ярких и юкаменских удмуртов (северное наречие) встречается форма *kudzo* 'опьянею' [Карпова 2005: 57].

1.8. Удмуртское *v* обозначено буквой **w**:

(1) *aswèss* [*azves'*] 'argentum, серебро' (313) // G, B, M, J, MU, U *azves'*, MU *ozves'* 'Silber' [WW: 11];

(2) *pógdschi-wün* [*pogčî vjn ~ po'čî vjn*] 'frater natu minor, младший брат' (317) // G, U *pokt'si*, G *pékt'si*, M, J, MU *pokt's'i* 'klein, jung' [WW: 203];

(3) *wui* [*věj ~ vêj*] 'buturum, oleum, масло' (319) // G, B, S, M, U *věj*, J, MU *vöj* 'Butter; Öl' [WW: 314];

(4) *wit-don* [*vit'don*] 'quingaginta, пятьдесят' (319) // B, M, J, MU *vit'ton*, MU *vit't'on* 'fünfzig' [WW: 317]. В данном слове второй компонент числительного записан исследователем в форме *-don*. Видимо, сам Й.Э. Фишер выделил компонент *-don* в десятичных числительных и фиксировал его единообразно (ср.: *kwat-don* 'sexaginta, шестьдесят' (316), *nill-don* 'quadraginta, сорок' (317), *utimüss-don* 'nonaginta, девяносто' (319)).

1.9. В одном слове, возможно, встречается ауслатный согласный *ŋ*, который передан буквой **n**: *ban* [*baŋ*] 'arc, лицо' (313) // M, J, MU, U *baŋ*, G *bam*, B *ban* 'Gesicht, Wange' [WW: 14]. Праудмуртский **ŋ* в северных и срединных говорах заменился другими сонорными (*m*, *n*, *n'*), а в говорах периферийно-южного диалекта удмуртского языка в различной степени сохранился: кукм. *baŋ* // сев., сред., юж. *бам* 'щека' [Кельмаков 1998: 82].

1.10. Палатальность парных согласных Й.Э. Фишером обозначается по-разному:

а) Последующей буквой **j**:

(1) *kunjàn* [*kun'an*] 'vitulus, теленок' (316) // M, JI *kun'an*, MU, U *kun'an* 'Kalb' [WW: 131].

б) Посредством знака **ä**:

(1) *árnä* [*arn'a*] 'hebdomas, неделя' (312) // G, B, M, J, MU *arn'a*, MU *arn'ja*, U *arn'a* 'Woche' [WW: 8];

(2) *dutsch-árnä* [*d'8č'arn'a*] 'Dies Solis, воскресенье' (314) // G *d'žut's*, S *d'žut's*, M, J, MU *d'žut's*, U *d'jut's*, *d'juš* 'Russe' [WW: 49—50]. В этом примере инициальная аффриката *ž* замещена палатальным смычным *d'*. Диалектный материал показывает, что данная форма функционирует в периферийно-южном диалекте, в частности в кукморском говоре [Кельмаков 1998: 90];

(3) *pinäll* [*pin'al ~ pinal*] 'infans, молодой' (317) // G, M, U *pinal*, B *pin'al*, B *pin'al'*, J, MU *pin'äü*, MU *pin'jä* и 'jung' [WW: 196];

в) Посредством знаков **jä**:

(1) *adjämi* [*ad'ami*] 'homo, человек' (312) // G, B, M, J *ad'ami*, MU *ađ'ami*, U *ađ'ami* 'Mensch' [WW: 2];

(2) *njän* [*n'an*] 'panis, хлеб' (316) // G, B, M, J, MU, U *n'an'* 'Brot; Getreide' [WW: 175].

г) Геминатами:

(1) *aswèss* [*azves'*] 'argentum, серебро' (313) // G, B, M, J, MU, U *azves'*, MU *ozves'* 'Silber' [WW: 11];

(2) *dédđi* [*dəd'j*] 'traha, сани' (314) // G *dəd'î*, M *dəd'j*, J *död'j*, MU *död'j*, U *dəd'î*, B *dəd'* 'Schlitten' [WW: 32];

(3) *jir-ssi* [*jirs'i*] 'dies, capillus, волосы' (315) // G, B *jîr*, S, M, J *jîr*, MU *d'îr*, U *d'îr* 'Kopf, Haupt' [WW: 79];

(4) *kük-ssu* [*kjks'u*] 'ducenta, двести' (315) // G, B, U *kîk*, M, J, MU *kjîk* 'zwei' [WW: 109];

(5) *nill* [*n'il*] 'quatuor, четыре' (316) // G, MU, U *n'ul'*, M, J, MU *n'îl'*, U *n'il'* 'vier' [WW: 179];

(6) *parss* [*pars'*] 'porcus, свинья' (317) // G, M *pars'*, G *pars*, MU, U *paris'* 'Schwein' [WW: 189].

2. Орфография

Отдельные специалисты по истории языков сомневаются в наличии орфографии в ранних письменных памятниках. Так, Л.Р. Зиндер и Т.В. Строева, исследуя древненемецкие памятники, отмечают: «Орфография немыслима без единообразного написания слов и морфем, принятого если не всеми, то многими авторами и писцами. Мы не найдем в древненемецких памятниках не только общей для всего языка орфографии, но даже и обязательного и единообразного написания тех или иных слов или морфем в одном памятнике, у одного писца» [Зиндер, Строева 1965: 26]. Таким образом, орфографии, в строгом по-

нимании этого термина, в древненемецком языке не было. Не было ее, возможно, и в раннеудмуртских памятниках, к которым, вне сомнения, относится словарь Й.Э. Фишера. Но, несмотря на это, определенная система написания слов в этом письменном памятнике уже присутствует, а значит, имеются несформированные элементы (правила) орфографии.

Для рукописи Й.Э. Фишера свойственно использование следующих правил немецкого письма.

2.1. В тех случаях, когда ударение падает на последний слог и слово заканчивается на гласную, иногда в конце слова после гласной буквы употребляется **h**, что в немецкой орфографии означает удлинение гласной, например:

(1) *luòh* [*luo*] ‘arena, песок’ (316) // G, M, J, MU, U *luo* ‘Sand’ [WW: 149];

(2) *pialàh* [*piala* / *pijala*] ‘fenestra, стекло’ (317) // M, U *pijala*, MU *pijâca*, *pijâca* ‘Glas’ [WW: 196];

(3) *tackàh* [*taka*] ‘aries, баран’ (318) // G, M, J, MU, U *taka*, G *taga* ‘oïnas, Hammel’ [WW: 256].

2.2. В интервокальном положении встречается буквосочетание **ck** (произносится как *к*): *tackàh* [*taka*] ‘aries, баран’ (318).

2.3. Ауслатный *j* в конце некоторых слов опускается:

(1) *dschabè* [*čabèj*] ‘triticum, пшеница’ (313) // G, B *t'šabej*, S, M, J, MU *t'šabej*, U *t'šàbej* ‘Weizen’ [WW: 277];

(2) *tshipè* [*čipej*] ‘lucius, шука’ (313) // G *t'šipej*, G, U *t'šipej*, S, M, JI, MU *t'šipej* ‘Hecht’ [WW: 285];

(3) *puschè* [*pužej*] ‘rangifer, alce, олень’ (317) // G, M, MU, U *pužej* ‘Rentier, wildes Rentier’ [WW: 215].

Это явление, отмеченное Й.Э. Фишером, встречается еще в материалах других немецких ученых-путешественников, например у Г.Ф. Миллера: *dschabe* ‘пшеница’ (см. [Тепляшина 1965: 51]). Как видим, диалектные материалы также не дают объяснения отмеченному явлению. Отсутствие фиксации конечного *-j* делает нашу предполагаемую интерпретацию несколько сомнительной, однако никаких других вариантов предложить не представляется возможным, поскольку подобные слова без ауслатного *-j* в удмуртских диалектах не встречаются. Скорее всего, в речи информантов конечный согласный этих слов мог произноситься достаточно слабо и потому не был зафиксирован.

3. Диалектные особенности

3.1. В материалах Й.Э. Фишера широко представлена дистантная прогрессивная лабиальная ассимиляция гласных:

(1) *júggut* [*jugut*] ‘dies, lucidus, свет (светлый)’ (315) // G *jugût*, S, M, J *jugit*, J, MU *l'ugit*, MU *đ'ugit*, U *đ'ugît* ‘hell, klar; Licht, Helligkeit’ [WW: 82];

(2) *punì* [*punu*] ‘canis, собака’ (317) // G *punî*, *punu*, B, U *pîñî*, M, J *punî*, J, MU *pîñî*, J, MU *punî*, MU *punui* ‘Hund’ [WW: 210];

(3) *schúnut* [*sunut*] ‘calidus, теплый’ (318) // G, U *šunît*, M, J, MU *šunît* ‘warm; Wärme’ [WW: 253];

(4) *úkur tschukna* [*ukur čukna*] ‘mane, рано (утром)’ (319) // S, M *ukîr*, U *ukîr* ‘sehr, ausserordentlich’ [WW: 293].

Как видим, в перечисленных примерах диалектный словарь Ю. Вихманна это явление не фиксирует. Однако подобная ассимиляция встречается в верхнечепецких говорах: *пуну* ‘собака’, *куз'ум* ‘подарок’, *сурум* ‘угар’; среднечепецких говорах: *турун* ~ *турум* ‘трава, сено’, *пужум* ‘сосна’, *усуань* ‘боронить’ [Карпова 2005: 48] говорах северного наречия и в бесермянском диалекте: *пузум* ‘сосна’, *butulka* ‘бу-тылка’ [Тепляшина 1970: 70].

3.2. В нескольких словах употребляется *v* после *k* перед гласными *a* и *i* (*kva-* / *kvi-*):

(1) *doss-kwin* [*das kvin'*] ‘tredecim, тринадцать’ (313) // G, B, M, J, MU, U *kvin'*, J *kun'*, U *kuⁱn'* ‘drei’ [WW: 142] // сред. *квинь*, сев., юж. *куинь* ‘три’ [Борисов 1991: 128];

(2) *kwamün* [*kvamân*] ‘triginta, тридцать’ (316) // G, B *kùà-mîñ*, M, J, MU *kùà-mîñ*, U *kùà-mîñ* ‘dreissig’ [WW: 143];

(3) *kwar* [*kvar*] ‘folium, лист’ (316) // G, B, M, J, MU, U *kuar* ‘Blatt, Laub, Stengel’ [WW: 140];

(4) *kwat-don* [*kvat'ton*] ‘sexaginta, шестьдесят’ (316) // G, MU *kuat't'on*, M, U *kuat'ton* ‘sechzig’ [WW: 142];

(5) *suckwasmèn* [*s'ukvas'mon*] ‘sitiens, жажда’ (318) // G, U *kùas'mîñî*, M, J, MU *kùas'mîñî* ‘сохнуть’ [WW: 141].

Приведенный материал из словаря Ю. Вихманна, как видим, не показывает функционирования данного явления в каких-либо диалектах удмуртского языка. В его записях, согласно данным В.К. Кельмакова [Кельмаков 1998: 84—85], отражена более архаическая ситуация, чем в современных говорах, в которых в позиции после *k-* наблюдается оппозиция *v-* с согласным *w-*. В частности, вариант *kva-* / *kvi-* был отмечен (по крайней мере в 70-х гг. XX в.) в нижнечепецких и некоторых других говорах северноудмуртского наречия удмуртского языка: *ква* ‘древний шалаш из бревен или досок’, *квась* ‘погода’, *ква-*

ка 'ворона', *квар* 'лист', *кватъ* 'шесть', *квинь* 'три' и т.д. [Тепляшина 1970а: 163]. Такой вариант, на наш взгляд, представлен и в записях Й.Э. Фишера. Отсутствие данного явления в упомянутом диалектном словаре, по всей вероятности, можно объяснить тем, что место сбора материала Ю. Вихманна и Й.Э. Фишера не совпадает, или в диалектном ареале первого не было противопоставления *kva-* / *kvi-* ~ *kuca-* / *kuji-*.

4. Лексика

Лексика, представленная в материалах Й.Э. Фишера, весьма разнообразна и имеет общеудмуртский характер.

4.1. Некоторые слова, вне сомнения, представляют собой южноудмуртские и бесермянские формы или, по крайней мере, заимствования из татарского или чувашского языков, с которыми южные удмурты всегда соприкасались:

(1) *aunài* [*anaɲ*] 'mater, мать' (313) // В, М, J, MU, U *anaɲ* 'Mutter' [WW: 6] < тат. *ани* 'мать' [Тараканов 1993: 33] // G, U *tumɨ*, G *tumi*, М, J, MU *tumɨ* 'Mutter' [WW: 165];

(2) *arakà* [*arakâ*] 'vinum adustum, вино (кумышка)' (313) // J *arakɨ* 'Kumuschkka' [WW: 8] < тат. *аракы* 'водка' [Тараканов 1993: 34] // G, В, S, М, J, U *vina* 'Branntwein' [WW: 317];

(3) *kagàs* [*kagaz*] 'charta, бумага' (315) // J, MU, U *kagaz* 'Papier' [WW: 86] < тат. *кагаз* 'бумага' [Тараканов 1993: 70] // юж., тат. *кагаз*, сев. *бумага*, сред. *гумага* 'бумага' [Борисов 1991: 123];

(4) *kart* [*kart*] 'vir, муж' (315) // G, В, М, J, MU, U *kart* 'Mann, Ehemann, Gatte' (В, М, J, MU, U), 'unehelicher Mann, Liebhaber' (G), 'Bräutigam' (M, U) [WW: 94] < тат. *карт*, башк. *карт* 'старик, старец, дед' [Тараканов 1993: 77] // G *mušik*, *mužik* 'Ehemann' [WW: 167];

(5) *pialàh* [*pijala*] 'fenestra, стекло' (317) // М, U *pijala*, MU *pijãua*, *pijãua* 'Glas' [WW: 196] < тат. *пьяла*, башк. *бяяла* 'стекло, стеклянная посуда' [Тараканов 1993: 107] // G *d'žen'elik* 'Glas' [WW: 46];

(6) *tuschàk* [*tusak*] 'lectus, перина' (319) // J *tušak*, MU *tušak*, *tišak*, *tšak* 'Matratze' [WW: 270] < тат., башк. *тушак* 'перина' [Тараканов 1993: 130] // кр. юж. *тушак*, юж. *тышак*, сред., сев. *валес* 'перина, постель' [Борисов 1991: 291];

(7) *uksö* [*uks'o*] 'pecunia, деньги' (319) // G, В, S, М, J, MU, U *uks'o* 'Geld, Geldstück, Münze' [WW: 294] < чув. *укса*, *окса* 'деньги, денежный' [Тараканов 1993: 133] // сев., сред. *коньдон* 'деньги' [Борисов 1991: 300];

(8) *ulmò* [*ulmo*] 'pomum, яблоко' (319) // J *ulmo*, J MU *uцmo* 'Apfel' [WW: 297] < чув. *улма*, *олма*, *ума*, *омла*, *умма* 'яблоко' [Тараканов 1993: 134] // юж. *улмо*, сред. *умо*, сев. *яблок* 'яблоко' [Борисов 1991: 302].

4.2. В свою очередь встречаются лексемы, не характерные для южного наречия, в котором они имеют совсем иное оформление:

(1) *budschim njünä* [*bužžim n'un'a*] 'frater natu maior, старший брат' (313) // G *n'un'a*, SI *n'un'a* 'älterer Bruder' [WW: 179] // М, J, MU, K, U *agaɲ* 'älterer Bruder' [WW: 3];

(2) *kondjòn* [*kon'don*] 'coreka, деньги' (315) // G, В, М, J, MU, U *kon'-don*, В *kon'-d'on* 'Viertelkopeke' [WW: 39]. В южных диалектах повсеместно распространено другое слово — *uks'o* 'деньги';

(3) *kótschisch* [*kočɨs*] 'felis, кошка' (315) // G *kočšɨš*, М, MU *kočšjž*, М, JI, MU *kočšjš*, U *kočšjš* 'Katze' [WW: 125] // юж. *писей*, сред. *кочыш*, *кõчыш* 'кошка' [Борисов 1991: 222];

(4) *kúmis* [*kumiz*] 'alium, чеснок' (316) // U *kumɨz* 'eine Pflanze' [WW: 131] // сев. *кумызь*, юж. *чеснок* 'чеснок' [Борисов 1991: 150];

(5) *ussä* [*us'se*] 'perendie, послезавтра' (319) // G *us'se*, В *us'se*, В, MU *us's'e* 'übermorgen' [WW: 301] // сев. *усьсэ*, юж. *чүказе улса* 'послезавтра' [Борисов 1991: 308].

Таким образом, проанализировав «Вокабулярий», мы можем сделать следующие выводы.

В «Вокабулярии» зафиксированы фонетические явления, характерные как для северного, так и южного (или, скорее всего, бесермянского) наречия удмуртского языка. По всей вероятности, лексический материал был собран у информантов, язык которых принадлежал к различным диалектам. Этот вывод полностью соотносится с исторической информацией о том, что в XVIII веке исследователи ехали по деревням и во время каждой остановки постепенно заполняли свои лингвистические анкеты. Важно отметить, что у нас нет точных данных о том, применялся ли этот же метод во время путешествия Г.Ф. Миллера и Й.Э. Фишера. Представляется, что проведенный в настоящей статье диалектологический анализ является первым доказательством того, что, действительно, метод сбора материала Г.Ф. Миллера и Й.Э. Фишера был идентичен принципам работы других исследователей XVIII века. Этот вывод важен не только для истории удмуртского языка, но и для исследования материалов, собранных Г.Ф. Миллером и Й.Э. Фишером по другим финно-угорским языкам.

Сокращения

башк. — башкирский	тат. — татарский
мар. — марийский	фин. — финский
ненец. — ненецкий	чув. — чувашский
удм. — удмуртский	
кр. юж. — крайне-южное наречие	Л — елабужский диалект в рукописном словаре В. Ислентьева
кукм. — кукморский говор	К — казанский диалект
периферийно-южного диалекта	М — малмыжский диалект
сев. — северное наречие	МУ — малмыжско-уржумский диалект
сред. — срединные говоры	S — сарапульский диалект
сч. — среднечепецкий диалект	SI — елабужский диалект в рукописном словаре В. Ислентьева
юж. — южный диалект, южное наречие	U — уфимский диалект
В — бесермянский диалект	
G — глазовский диалект	
J — елабужский диалект	

Литература

- Бахрушин 1937 — *Бахрушин С.В.* Г.Ф. Миллер как историк Сибири // Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. 1. М.; Л., 1937. С. 3—55.
- Борисов 1991 — *Борисов Т.К.* Удмурт кыллюкам. Ижевск, 1991.
- Зиндер, Строева 1965 — *Зиндер Л.Р., Строева Т.В.* Историческая фонетика немецкого языка. М., Л., 1965.
- Карпова 2005 — *Карпова Л.Л.* Среднечепецкий диалект удмуртского языка: Образцы речи. Ижевск, 2005.
- Кельмаков 1974 — *Кельмаков В.К.* Удмуртско-татарские языковые контакты и некоторые фонетические особенности периферийно-южного наречия удмуртского языка // СТ. 1974, 3. С. 40—53.
- Кельмаков 1992 — *Кельмаков В.К.* Проблемы современной удмуртской диалектологии в исследованиях и материалах. Ижевск, 1992.
- Кельмаков 1998 — *Кельмаков В.К.* Краткий курс удмуртской диалектологии: Введение. Фонетика. Морфология. Диалектные тексты. Библиография. Ижевск, 1998.
- Миллер 2005 — *Миллер Г.Ф.* Vocabularium Harmonicum // Г.Ф. Миллер и изучение уральских народов (материалы круглого стола) / Hrsg. *Helinski E.* Hamburg, 2005. (Репринт издания 1791 г.)
- Пекарский 1870 — *Пекарский П.П.* История Академии наук в Санкт-Петербурге. Т. 1. Спб, 1870.
- Тараканов 1993 — *Тараканов И.В.* Удмуртско-тюркские языковые взаимосвязи: Теория и словарь. Ижевск, 1993.
- Тепляшина 1965 — *Тепляшина Т.И.* Памятники удмуртской письменности XVIII века. М., 1965.
- Тепляшина 1970 — *Тепляшина Т.И.* Язык бесермян. Москва, 1970.
- Тепляшина 1970а — *Тепляшина Т.И.* Нижнечепецкие говоры северноудмуртского наречия // Записки Удм. НИИ ист., экон., лит. и языка при Сов. Мин. Удм. АССР. Вып. 21: Филология. Ижевск, 1970. С. 156—196.
- Хелимский 2000 — *Хелимский Е.А.* Компаративистика, уралистика: Лекции и статьи. М., 2000. С. 221—229.
- Csúcs 1983 — *Csúcs S.* Egy 18. századi votjak nyelvmemleke // NyK. 1983, 2 (85). О. 311—320.
- Csúcs 1984 — *Csúcs S.* A votjak nyelv a 18. században // NyK. 1984, 1 (86). О. 63—80.
- Gulya 1983 — *Gulya J.* XVIII. századi etimológiák: Mutatvány J. E. Fischer «Vocabularium Sibiricum»-ának készülő kiadványából // Urálsztikai tanulmányok 1: Haidú Péter 60. Születésnapja tiszteletére. Budapest, 1983. О. 163—172.
- Gulya 1995 — *Fischer J.E.* Vocabularium Sibiricum (1747). Der etymologisch-vergleichende Anteil / Bearb. und hrsg. *Gulya J.* Frankfurt-am-Main; Berlin; Bern; N.Y.; P.; Wien, 1995. (Opuscula Fenno-Ugrica Göttingensia. Bd. 7).
- Winkler 1997 — *Winkler E.* Zum Göttinger Vocabularium Sibiricum // JSFOu. 1997, 87. P. 281—308.
- WW — *Wichmann Y.* Wotjakische Wortschatz. Helsinki, 1987 (Lexica Societatis Fenno-Ugricae XXI.)

SUMMARY

In this article the graphic, spelling and dialect analysis of J. E. Fisher's Udmurt language material is presented. On the basis of research carried out by the author it is found that: 1) for written transfer of the Udmurt words the scientist used latin graphics and elements of German spelling systems; 2) F.J.Fisher recorded phonetic phenomena, characteristic for different dialects of the Udmurt language.

Место ударения и диалектные особенности в удмуртских материалах, собранных в XVIII в. Г.Ф. Миллером и Й.Э. Фишером:

Комментарии к статье Л.М. Ившина «Материалы Й.Э. Фишера по удмуртскому языку: лингвистическая характеристика»¹

Поводом к написанию настоящей статьи явилось замечание проф. Э. Винклера, которому мы приносим благодарность за его интерес к публикациям журнала и готовность предоставить необходимые статьи и данные по проблемам памятников удмуртской письменности. Когда в марте 2010 г. по результатам заседания редколлегии журнала было принято решение о составе статей второго номера и разослан анонс этих статей, мы получили письмо от проф. Э. Винклера, в котором выражалось удивление, что будет опубликована статья, посвященная материалам по удмуртской письменности, собранным Й.Э. Фишером, поскольку, как доказывается в статье [Winkler 1997], удмуртский материал, опубликованный Й.Э. Фишером, полностью списан с данных Г.Ф. Миллера. Мы передали это возражение Л.М. Ившину. На это он возразил, что не согласен с утверждением Э. Винклера, поскольку считает, что в материалах Й.Э. Фишера и Г.Ф. Миллера есть содержательные, нетривиальные различия, и привел список из десяти слов по спискам Й.Э. Фишера и Г.Ф. Миллера, в которых полностью совпадают только три слова.

Наличие противоречивых мнений по поводу подлинности и научной ценности списка удмуртских слов Й.Э. Фишера доказывает необходимость решения этого вопроса, но представляется, что список из десяти слов, приведенный Л.М. Ившиным, не может считаться окончательным аргументом в этой дискуссии. Необходимо проанализировать полные корпуса слов, опубликованные Й.Э. Фишером и Г.Ф. Миллером, и собрать список всех различий в этих материалах, постараться выяснить характер этих отличий, установить, могут ли они быть связаны только с описками Й.Э. Фишера при переписывании анкет Г.Ф. Миллера, либо имеют более содержательный характер. Разбору этой проблемы посвящены первый и второй разделы настоящей статьи.

В третьей части работы мы обращаемся к другому вопросу, которому, собственно, и посвящена статья Л.М. Ившина: разнообразной передаче ряда удмуртских гласных звуков с помощью нескольких немецких графем и выявлению причин этой неоднозначности транскрипции. Л.М. Ившин приходит к выводу, что это связано с тем, что список собирался в различных диалектных зонах удмуртского языка. Однако в его интерпретации транскрипция выглядит несколько бессистемно: по мнению Л.М. Ившина, в разных словах из списка Й.Э. Фишера случайным образом проявляются то северные, то южные диалектные черты, а ряде случаев даже не удается понять, для какого именно диалекта характерно то или иное явление, поскольку в настоящее время оно присутствует в нескольких диалектных зонах удмуртского языка. Предположение о том, что эта неоднозначная передача звуков связана не с диалектными вариантами, а с неустоявшимся способом записи одних и тех же звуков, отсутствующих в немецком языке, несостоятельно, если мы принимаем гипотезу Л.М. Ившина о подлинности списка Й.Э. Фишера. Невозможно предположить, что два исследователя (Фишер и Миллер) независимо допускали одни и те же графические колебания при передаче удмуртских звуков.

Простое предположение о том, что особенности графики в материалах Фишера и Миллера могут быть распределены по их локализации в определенных частях списка, как представляется, дает принципиально новые возможности для описания распространения диалектов в XVIII в.

1. Различия в удмуртских списках слов, собранных Й.Э. Фишером и Г.Ф. Миллером

Здесь мы собрали полный корпус различий между удмуртскими списками Й.Э. Фишера и Г.Ф. Миллера². Различия бывают двух типов: 1) в латинской передаче одного и того же удмуртского слова у Фишера и Миллера различается буквенный состав, 2) буквенный состав совпадает, но различаются над-

¹ Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ № 08-04-00201а и гранта Президиума РАН «Акцентологические характеристики селькупского языка».

² Вслед за Л.М. Ившиным список Й.Э. Фишера цитируется по [Csúcs 1983], список Г.Ф. Миллера по [Миллер 2005].

строчные знаки³. Бывают также случаи, когда есть различия и в буквенном составе, и в надстрочных знаках. Как будет доказано ниже, целесообразно изучать различия первого и второго типа отдельно.

В следующей таблице приводится список различий первого типа. Они поделены на несколько тематических групп, чтобы показать, что эти различия возникали не спонтанно, как ошибки при переписывании, а за ними стоит та или иная система передачи удмуртских фонем латиницей.

**Таблица 1. Различия в буквенном составе удмуртских слов в списках
Й.Э. Фишера и Г.Ф. Миллера**

	Й.Э. Фишер⁴	Г.Ф. Миллер
Передача мягкости	<i>adjämi</i> 'человек'	<i>Adjami</i>
	<i>árnä</i> 'неделя'	<i>Arna</i>
Передача сонорных в конце слова	<i>piëll</i> 'ухо'	<i>Piel</i>
	<i>warr</i> 'слуга'	<i>War</i>
Передача -s	<i>küs</i> 'пузырь'	<i>Küss</i>
	<i>ssed-uswès</i> 'свинец'	<i>Ssed-uswèss</i>
	<i>tédi-uswès</i> 'олово'	<i>Tedi-uswèss</i>
Появление -h в конце слова	<i>lümüh</i> 'снег'	<i>Lümü</i>
	<i>luðh</i> 'песок'	<i>Luð</i>
	<i>muntschò</i> 'баня'	<i>Muntschòh</i>
	<i>urobò</i> 'повозка'	<i>Urobòh</i>
Несистемные несоответствия	<i>doss</i> 'десять'	<i>Dass</i>
	<i>diü</i> 'верблюд'	<i>Dü</i>
	<i>gósy</i> 'веревка'	<i>Gósj</i>
	<i>kuspi</i> 'береза'	<i>Küspi</i>
	<i>nel</i> 'стрела'	<i>Niél</i>
	<i>tödi-tui</i> 'латунь'	<i>Tédi-Tui</i>
	<i>telês</i> 'месяц'	<i>Tolês</i>
	<i>wui</i> 'масло'	<i>Wuy</i>
	<i>parsspi</i> 'поросенок'	<i>Párspi</i>
Ошибки у Миллера, правильная передача удмуртских слов у Фишера	<i>tschuckasä</i> 'утро'	<i>Tschuikasä</i>
	<i>pochtsch-árnä</i> 'четверг'	<i>Poch-árnä</i>

Таким образом, видно, что различия в графике немногочисленны, но некоторые из них имеют системный характер. Но, в принципе, теоретически нельзя исключить, что эти различия появились в результате внесения Й.Э. Фишером некоторых изменений при переписывании списка с данных, собранных Г.Ф. Миллером.

Гораздо более интригующими представляются результаты анализа данных по месту ударения в списках Й.Э. Фишера и Г.Ф. Миллера.

II. Сравнительный анализ места ударения в удмуртских материалах Й.Э. Фишера и Г.Ф. Миллера и в коми-язьвинском диалектах

Анализируя место ударения в удмуртских словах в списках Й.Э. Фишера и Г.Ф. Миллера и в этимологических аналогах этих слов в коми-язьвинском диалекте, мы пришли к поразительному выводу:

в словах с финно-угорской этимологией (т.е. в исконной лексике) место ударения в удмуртских словах (в тех случаях, когда слово имеет ударение в списках Фишера и Миллера) и в этимологических аналогах⁵ этих слов в коми-язьвинском диалекте всегда совпадает⁶.

³ В списках Г.Ф. Миллера и Й.Э. Фишера помечено ударение в удмуртских словах. Принята следующая система записи: если ударение падает не на последний слог, то оно отмечается акутом, если на последний, то грависом. Эта система очень четко выдерживается в материалах Г.Ф. Миллера, в списках Й.Э. Фишера присутствуют некоторые сбои, в ряде случаев ударение на последнем слоге также отмечается акутом.

⁴ Здесь не рассматриваются случаи, когда в списке Й.Э. Фишера встречаются ошибки (подробнее см. [Csúcs 1983]).

⁵ Данные об этимологиях коми-язьвинских и удмуртских слов взяты из [Лыткин, Гуляев 1970].

⁶ Некоторое несоответствие между местом ударения в коми-язьвинских словах и их этимологических аналогах в списках Г.Ф. Миллера и Й.Э. Фишера наблюдаются только в тех случаях, когда место ударения в каком-то слове не совпадает в этих двух списках (см. далее группы 3, 4), либо слово не имеет финно-пермской этимологии (группа 5), либо в первом слоге слова представлен рефлекс прафиннопермского долгого гласного (группа 5).

Таблица 2. Группа 1

Фишер	Миллер	Коми-язьвинский диалект ⁷
<i>tschúni</i> 'жеребенок'	<i>Tschúni</i>	ч'ан' (ч'ан'ис)
<i>déddi</i> 'сани'	<i>Déddi</i>	д'уд'эн
<i>gógi</i> 'пупок'	<i>Gógi</i>	гэ́г (гэ́гэн)
<i>gósy</i> 'веревка'	<i>Gósiy</i>	гиз (гизэн)
<i>iskò</i> 'спать'	<i>Iskò</i>	уз'на́
<i>jedi</i> 'ячмень'	<i>Jedi</i>	идйа́
<i>hulèm</i> 'умирать'	<i>Kulèm</i>	кулнэ́
<i>kúmìs</i> 'зеленый лук'	<i>Kúmìs</i>	ку́мич'
<i>kurèk</i> 'курица'	<i>Kurèk</i>	курэ́г
<i>pénmet</i> 'темный'	<i>Pénmet</i>	пíмэт
<i>pukskò</i> 'сизу'	<i>Pukskò</i>	пукáлнэ
<i>pukòn</i> 'стул'	<i>Pukòn</i>	пукáлнэ
<i>púni</i> 'ложка'	<i>Púni</i>	пан' (пáн'эн)
<i>púrti</i> 'котел'	<i>Púrti</i>	пуртис
<i>sülskò</i> 'я стою'	<i>Sülskò</i>	сулáлнэ
<i>surèss</i> 'дорога'	<i>Surèss</i>	с'урдú 'позвоночник'
<i>sutèm</i> 'голодный'	<i>Sutèm</i>	с'имáлнэ кэнáм
<i>schúndi</i> 'солнце'	<i>Schúndi</i>	шóнди
<i>schúnut</i> 'теплый'	<i>Schúnut</i>	шóнэт

Наиболее важной для целей настоящей работы (доказательства научной ценности материалов Й.Э. Фишера) является группа 2. Она состоит из слов, в которых место ударения в списке Фишера совпадает с местом ударения в их этимологических аналогах в коми-язьвинском языке, а в списке Миллера ударение отсутствует.

Таблица 3. Группа 2

Фишер	Миллер	Коми-язьвинский диалект
<i>ditschi</i> 'лисица'	<i>Ditschi</i>	р'үч' (р'үч'ис)
<i>júggut</i> 'светлый'	<i>Juggut</i>	й'үга
<i>mi sülskám</i> 'мы стоим'	<i>Sülkom</i>	сулáлнэ
<i>mon sülskò</i> 'я стою'	<i>Mon sülsko</i>	сулáлнэ
<i>mon pukskò</i> 'я сизу'	<i>Mon puksko</i>	пукáлнэ
<i>wi sülem</i> 'вы стоите'	<i>Wi sülem</i>	сулáлнэ
<i>ton sülskò</i> 'ты стоишь'	<i>Ton sülsko</i>	сулáлнэ
<i>dschidtasä</i> 'вечер'	<i>Dschasa</i>	рэ́тс'á 'вечерний'
<i>nisèk</i> 'рожь'	<i>Ziseck</i>	р'үз'эг, р'үз'ог

Следующая группа слов (группа 3) также демонстрирует, что ударение в списках у Фишера и Миллера не всегда совпадает, но в тех случаях, когда оно различается, у Миллера запись более точная. Группа 3 состоит из слов, в которых место ударения в списке Миллера совпадает с местом ударения в их этимологических аналогах в коми-язьвинском диалекте, а в списке Фишера ударение стоит на другом слоге.

Таблица 4. Группа 3

Фишер	Миллер	Коми-язьвинский диалект
<i>tschorik</i> 'рыба'	<i>Tschórik</i>	ч'эри
<i>túron</i> 'трава, сено'	<i>Turòn</i>	турэ́н, туро́н

Группа 4 состоит из слов, в которых в списке Миллера ударение отсутствует, а списке Фишера противоречит коми-язьвинским данным.

Таблица 5. Группа 4

Фишер	Миллер	Коми-язьвинский диалект
<i>atskò</i> 'я вижу'	<i>Atsko</i>	áз'з'илно
<i>týnnine</i> 'идти'	<i>Mynnine</i>	муннэ́

⁷ Здесь и далее данные по коми-язьвинскому диалекту приводятся по [Лыткин 1961].

Видимо, в группах 3 и 4 представлены слова, в которых Й.Э. Фишер допустил ошибки⁸. Небольшое количество таких слов доказывает, что данные по ударению в удмуртском языке, собранные Й.Э. Фишером, достаточно точные.

Последняя группа (группа 5) состоит из слов, которые можно назвать «настоящие исключения». В этих словах ударение в списке Фишера и латинской части списка Миллера совпадает, но отличается от места ударения в этимологических аналогах этих слов в коми-язьвинском диалекте. Правда, важно отметить, что **в кириллической части списка Миллера ударение в этих словах отсутствует.**

Таблица 6. Группа 5⁹

Фишер	Миллер	Коми-язьвинский диалект
<i>bürdèm</i> 'плач'	<i>Bürdèm</i>	<i>бурдам</i>
<i>júni</i> 'пить'	<i>Júni</i>	<i>йунá</i>
<i>sermèt</i> 'узда'	<i>Sermèt</i>	<i>с'эрмэт</i>

Оказывается, что два из трех исключений могут быть объяснены. В слове удм. *júni* 'пить', кя. *júni* 'пить' в первом слоге представлен рефлекс этимологически долгого гласного (ср. фин. *juo-* 'пить'). Как было показано в монографии [Норманская 2008], на этимологически долгие гласные правило о рефлексии ударения, разработанное на этимологических кратких гласных, не распространяется.

Слово удм. *sermèt* 'узда', коми *с'эрмэт* 'узда', по мнению многих исследователей, является марийским заимствованием (ср. мар. *шөрмыч*, диал. *se'rməts*, *šórmüt's'* 'узда'), см. подробный анализ литературы в [Хаузенберг 1973]. Г. Берецки, наоборот, предлагает гипотезу о заимствовании марийских слов из пермских языков. В любом случае ФП этимология **s'ermVtti* 'узда' [Sammallahti 1988], которая состоит из сравнения пермских и марийских слов, представляется более чем проблематичной.

Слово удм. *bürdèm* 'плач', кя. *бурдам* также не имеет по [UEW] финно-пермской этимологии.

Таким образом, видно, что:

1) В латинской части списка Миллера есть три исключения (группа 5), в которых место ударения не совпадает с местом ударения в этимологических аналогах этих слов в коми-язьвинском диалекте. В одном из этих слов представлен этимологически долгий гласный, два других не имеют финно-пермской этимологии и могут быть заимствованиями, т.е. место ударения в них может просто совпадать с местом ударения в этих словах в языке-источнике. Так, например, в заимствованиях из татарского языка в списках Фишера и Миллера в большинстве случаев место ударения совпадает с местом ударения в татарских словах. Во всех остальных словах в латинской части списка Миллера место ударения совпадает с местом ударения в этимологических аналогах рассматриваемых слов в коми-язьвинском диалекте.

2) В списке Фишера ударение в удмуртских словах в семи случаях (группы 3, 4, 5) отличается от места ударения в коми-язьвинском диалекте. Вероятно, большее число исключений в списке Фишера по сравнению со списком Миллера связано с меньшей точностью данных первого исследователя. Это проявилось и при передаче Й.Э. Фишером удмуртских звуков с помощью немецких графем. Количество опечаток / описок в его работе несравнимо больше, чем у Г.Ф. Миллера. С другой стороны, группа 2, которая состоит из девяти слов, в которых в списке Фишера место ударения совпадает с местом ударения в их этимологических аналогах в коми-язьвинском диалекте, а у Миллера ударение отсутствует, доказывает, что Й.Э. Фишер ставил ударение не случайным образом и не переписал его с данных Миллера.

Возникает вопрос: почему место ударения в списках Фишера и Миллера совпадает с местом ударения в этимологических аналогах рассматриваемых слов именно в коми-язьвинском диалекте? Не является ли это совпадение случайным? Есть ли еще какие-то доказательства того, что место ударения, представленное в коми-язьвинском диалекте и в списках Фишера и Миллера в удмуртском языке, является рефлексом прапермского места ударения, сохранившимся в этих языках без изменения?

Для ответа на этот вопрос обратимся к работе [Норманская, в печати], в которой доказывается, что место ударения в коми-язьвинском языке совпадало с прапермским. Нам удалось показать, что ударение было решающим фактором не только для развития синкопы в пермских языках, как показал М. Гайслер [Geisler 2005], но и для развития всей системы вокализма от ПУ / ФУ / ФП языка к современным пермским языкам.

В результате анализа полного корпуса этимологий по [UEW] было выявлено, что в прапермском языке шло принципиально разное развитие вокализма в «палатализующей» позиции¹⁰ и в нейтральной

⁸ Необходима проверка этих слов по архивным материалам Й.Э. Фишера, возможно, ошибки в знаках ударения были допущены при типографском наборе.

⁹ В этой группе не рассматривается сравнение удм. *suzer* 'младшая сестра', коми *sozor*, кя *so'zør* 'переслежина (в холсте)', поскольку оно представляется семантически ненадежным.

¹⁰ Перед следующими согласным и группам согласных: ПУ / ФУ / ФП **s', *šk, *č, *čk, *ń, *ńc, *ńc', *j, *jk, *t (> ПП *0), *ŋ (> ПП *0), *ŋč, *l / δ, *lj, *lw, *lm, *k (> ПП *0), *ks', *p (> ПП *0), *pś, *šj, *rś, *rj.*

позиции. Интересно, что в «палатализирующих» позициях не представлены обычные прапермские фонемы, которые традиционно реконструируются [Лыткин 1964]. В них представлены особые соответствия гласных, подробное исследование которых в коми и удмуртских диалектах еще предстоит провести¹¹.

В нейтральной позиции развитие ПУ / ФУ / ФП гласных первого слога зависит от места прапермского ударения и ПУ / ФУ / ФП гласных второго слога. Нами был проанализирован полный материал этимологий по [UEW], в которых нет палатализирующих позиций и представлен рефлекс в коми-язьвинском диалекте. В результате мы предлагаем следующую концепцию развития ПУ / ФУ / ФП вокализма первого слога в коми и удмуртских диалектах.

Таблица 7. Развитие вокализма первого слога в прапермском языке

ПУ / ФУ / ФП	Ударение на первом слоге	Ударение на втором слоге
*a-a	*a	*u, *i
*o-a	*a, *o	*u, *i
*u-a	*o	*i
*i-a	*i, *o	*i
*ä-ä	*e	*i
*ü-ü	*e	*i
*e-ä	*o, e (?)	*u
*i-ä	_____	_____
*a-e	*ε	*u, *i
*u-e	*ε	*u, *i
*o-e	*ō	*u, *i
*e-e	*ō, e (?)	*u
*ä-e	*ε	*i
*ü-e	*ε	*i
*i-e	*e	*i

Таблица 8. Развитие прапермских фонем в современных коми и удмуртских диалектах¹²

ПП	Коми — Удм.
*a	вс. o, кя. u, остальные o — u
*o	вс. o, остальные o — u
*ō	вс. o, кя. u, остальные o — юз. ш, остальные u
*e	e — e, o
*ε	виш., воств. ó, остальные ε — общеудмуртский e, остальные ε
*i	воств. ε, кя. i, остальные e — остальные o
*u	u — u
*i	виш., воств. ш, кя. ə, остальные i — юз. ə, остальные i

Таким образом, оказывается, что предложенная нами гипотеза о возможности экстраполяции ударения, синхронно представленного в коми-язьвинском языке, на прапермский уровень, и принципиальном влиянии этого места ударения на развитие вокализма в коми и удмуртском языках получила новое подтверждение на материале древнеудмуртских списков Г.Ф. Миллера и Й.Э. Фишера. Ранее считалось, что в удмуртском языке ударение практически фиксировано на первом слоге, теперь мы видим, что в древнеудмуртском языке оно фактически, за исключением заимствований, совпадало с местом ударения в коми-язьвинском языке. Эти данные доказывают необходимость реконструировать для прапермского языка разноместное ударение, которое практически без изменений сохранялось и в современном коми-язьвинском диалекте, и в древнеудмуртском языке в записях Г.Ф. Миллера и Й.Э. Фишера.

¹¹ Отметим лишь, что в этой позиции для развития прапермского вокализма тоже является решающим прапермское ударение. Правило, которое ниже сформулировано для нейтральной позиции, что под ударением в прапермском языке появляется широкий гласный, а без ударения — узкий, действует без исключений и в «палатализирующих» позициях.

¹² Здесь мы не концентрируемся на фонетической интерпретации полученного списка прапермских фонем, которые встречаются в нейтральной позиции. Мы постарались их обозначить максимально приближенно к традиционному способу обозначения, принятому, например, в работе [Лыткин 1964]. В нескольких местах мы позволили себе отступить от транскрипции В.И. Лыткина и убрать диакритические пометы, которые представляются излишними, в частности, например, потому что второй член оппозиции по закрытости vs открытости в нейтральной позиции не встречается. Представляется, что новую фонетическую интерпретацию прапермским фонемам целесообразно давать после полного завершения составления списка фонем, которые встречаются не только в нейтральной, но и в палатализирующей позиции.

С учетом предложенной нами реконструкции системы вокализма, даже без рефлексов того или иного слова в коми-язьвинских диалектах, на основании рефлексов гласных в других коми и удмуртских диалектах можно восстановить прапермское место ударения. Если в диалектах в первом слоге представлены рефлексы ПП **i*, **u*, а в палатализирующей позиции коми, удм. *i*, то ударение было на втором слоге, если рефлексы других гласных — то на первом.

Рассмотрим слова, у которых нет рефлексов в коми-язьвинском диалекте, но в списках Фишера или Миллера проставлено ударение и есть рефлекс в других диалектах коми языка. Оказывается, что в этих случаях прапермское и древнеудмуртское место ударения также полностью совпадают.

1) ПП ударение на первом слоге: в диалектах коми представлены рефлексы не ПП **i*, **u*, в палатализирующей позиции *i*, а других ПП гласных.

Таблица 9

Фишер	Миллер	Пермские языки
<i>gósti</i> 'писать'	<i>Gósti</i>	коми <i>gižni</i> , уд. <i>gežni</i> , удм. <i>gožjani</i> 'писать'
<i>sárni</i> 'золото'	<i>Sárni</i>	коми, удм. <i>zarn'i</i> 'золото'
<i>góndir</i> 'медведь'	<i>Gondir</i>	коми <i>gundir</i> 'многоголовое чудовище, гидра, дракон, змей', удм. <i>gondir</i> 'медведь'
<i>sáris</i> 'море'	<i>Saris</i>	коми <i>sariz'</i> , удм. <i>zarez'</i>

2) ПП ударение на втором слоге: в коми и удмуртском языках представлены рефлексы ПП **i*, **u*, в палатализирующей позиции *i*.

Таблица 10

Фишер	Миллер	Пермские языки
<i>isi</i> 'шапка'	<i>Isi</i>	коми <i>uz'</i> 'шапка суслона, верхний сноп суслона', удм. <i>iz'i</i> , <i>iz'i</i> , <i>uz'i</i> 'шапка'
<i>irgòn</i> 'медь'	<i>Irgòn</i>	коми <i>irgen</i> , удм. <i>irgon</i>
<i>pillèm</i> 'облако'	<i>Pillèm</i>	коми <i>piv</i> 'туча, облако', удм. <i>pilem</i> 'туча'
<i>sustèl</i> 'свеча'	<i>Sustèl</i>	коми <i>s'is'tas'ni</i> 'примазаться, присоединиться, пристать', <i>s'us'</i> 'воск'
<i>kusò</i> 'хозяин'	<i>Kuso</i>	коми <i>kuz'</i> 'леший, хозяин леса', удм. <i>kuz'o</i> 'хозяин'
<i>nulèss</i> 'пихта'	<i>Nulèss</i>	коми <i>n'il</i> , удм. <i>n'ilpu</i>
<i>sisim</i> 'семь'	<i>Sisim</i>	коми <i>s'iz'im</i> ¹³ , удм. <i>s'iz'im</i>
<i>tilò-burdò</i> 'птица'	<i>Tilo-burdo</i>	коми <i>tiv</i> 'маховое перо птицы', удм. <i>tili</i> 'перо (птицы)'

Мы видим, что и при разборе этих слов примерно в половине случаев ударение в списке Миллера отсутствует, а в списке Фишера проставлено и точно соответствует прапермскому месту ударения. Таким образом, материал по ударению в списке Й.Э. Фишера, более богатый по сравнению со списком Г.Ф. Миллера, получил неожиданную поддержку со стороны коми-язьвинских и, в конечном счете, прапермских данных. Этот факт, вероятно, является достаточно серьезным доказательством того, что список Й.Э. Фишера не был простой копией списка Г.Ф. Миллера.

¹³ В словаре [Лыткин 1961] приводится рефлекс этого слова в кя диалекте *s'iz'im* (устаревшее). Ударение в коми-язьвинском выглядит необъяснимым, оно противоречит правилу, сформулированному самим же В.И. Лыткиным, по которому при этимологических (прапермских) узких гласных в первом слоге ударение падает на второй слог. Мы предполагаем, что, поскольку у слова дана помета «устар.», оно уже вышло из употребления, и ударение проставлено неточно.

III. Анализ удмуртских материалов Й.Э. Фишера и Г.Ф. Миллера с точки зрения их диалектных особенностей

В статье Л.М. Ившина обращает на себя внимание тот факт, что некоторые удмуртские гласные фонемы в транскрипции Й.Э. Фишера¹⁴ могли передаваться несколькими различными способами, в частности, гласный *j* передается немецкими буквами *ii, i, u, ui, u¹⁵, e, o, a*; гласный *ε* передается немецкими буквами *e, i, ü, u, e / ö¹⁶*, гласный *e* передается немецкими буквами *e, ie, ä, i*.

Такая неоднозначная передача этих удмуртских звуков привлекает внимание исследователя. Но еще больше удивляет тот факт, что Г.Ф. Миллер и Й.Э. Фишер передавали эти звуки в каждом конкретном слове абсолютно единообразно. Если записи Фишера не переписаны с материалов Миллера, то объяснить это многообразие можно, только предположив, что ученые действительно слышали разные звуки на месте, например, общеудмуртского *j*.

Л.М. Ившин выдвигает предположение, что Й.Э. Фишер собирал материал от носителей разных северо- и южноудмуртских диалектов. И носители этих диалектов по-разному произносили, в частности, тот звук, который в современном удмуртском литературном языке звучит как *j*.

Мы обратили внимание на то, что у этих трех гласных звуков *j, ε, e* есть один (два) наиболее частотных способа их передачи, а другие варианты более редкие. Так вот, оказывается, что эти более редкие способы гнездами распределяются по списку. То есть передача *j*, например, через *ui* находится в одном локальном месте списка — №№ 174—187 и под.

Ниже приводятся информация о распределении способов передачи трех гласных звуков *j, ε, e* по пронумерованному¹⁷ списку слов:

III.1. Наиболее частотные¹⁸ способы передачи удмуртского гласного *j* в записях Г.Ф. Миллера и Й.Э. Фишера — это *i* и *ii*. Такая передача встречается во всех частях списка.

Передача удм. *j* через *ui* встречается в списках Г.Ф. Миллера и Й.Э. Фишера в следующих словах: *muïs 174* ‘икра’, *puis 175* ‘мука’, *wuisci / wischi 184* ‘корень’, *buisch 187* ‘хвост’.

Передача удм. *j* через *e* встречается в списках Г.Ф. Миллера и Й.Э. Фишера в словах¹⁹: *isene 197* ‘спать’, *weräne 203* ‘сказать’, *myñnine 205* ‘идти’, *pénmet 234* ‘темный’.

III.2. Наиболее частотный²⁰ способ передачи удмуртского гласного *ε* в записях Г.Ф. Миллера и Й.Э. Фишера — это *e*. Он встречается в следующих словах: *jegù 42* ‘погреб (яма со льдом)’, *ssed-uswès 51* ‘свиноец’, *nel 123* ‘sagitta, тетива’, *déddi 125* ‘сани’, *tschêsch 163* ‘anas’, *jel 167* ‘молоко’.

Второй способ передачи, который встречается неоднократно — с помощью буквы *ii*: *küss-nunal 25* ‘сухой день, Dies Saturni, суббота’; *bürdèm 216* ‘lacrimo, плач’; *küss 238* ‘siccus, сухой’.

¹⁴ Поскольку, как было показано выше, в разделе I настоящей статьи, графические различия в буквенной транскрипции между списками Фишера и Миллера сравнительно невелики и все перечислены выше, здесь и далее в тех случаях, когда речь идет о передаче той или иной удмуртской фонемы различными немецкими буквами в списке Фишера, передача ее в списке Миллера аналогична. В тех случаях, когда это не так, специально дается пояснение.

¹⁵ У Миллера буква *u* не используется для передачи удм. *j*. При передаче удм. *kj̥s'p̥j̥*, которое, по Фишеру, *kuspi* ‘береза’, Миллер использует в первом слоге знак *ii*: *Küspi*.

¹⁶ У Миллера нет передачи *ε* через *ö*.

¹⁷ Нумерация списка приводится по [Тепляшина 1965], поскольку в изданных и архивных списках Фишера и Миллера список слов не был пронумерован. А в работе [Тепляшина 1965] порядок следования слов в списке Г.Ф.Миллера не был изменен, но была добавлена нумерация.

¹⁸ Есть четыре способа передачи удм. *j*, которые в записях Й.Э. Фишера и Г.Ф. Миллера встречаются по одному разу: удм. *j* передается через *u* в списке Г.Ф. Миллера один раз: *myñnine 205*¹⁸ ‘идти’, в списке Й.Э. Фишера два раза *gósy 127* ‘веревка’, *myñnine 205* ‘идти’; передача удм. *j* через *u* встречается только в списке Й.Э. Фишера: *kuspi 181* ‘береза’; передача удм. *j* через *o* встречается в списках Г.Ф. Миллера и Й.Э. Фишера: в списке Миллера *mónskö*, Фишера: *monsko 208* ‘иду’; передача удм. *j* через *a* тоже встречается в списках Г.Ф. Миллера и Й.Э. Фишера: в списке Миллера *tibar*, Фишера *tibar 94* ‘спина’.

¹⁹ В эту группу не включается *jedì 172* ‘ячмень’, поскольку данные удмуртских диалектов не указывают однозначно на удм. *j*, ср. удм. гл. *jedĭ* ‘ячмень’ [WW, 77].

²⁰ Способы передачи, которые в записях Й.Э. Фишера и Г.Ф. Миллера встречаются по одному разу: с помощью буквы *i*: *tillo 5* ‘ventus, ветренный’; с помощью буквы *u*: в списке Миллера *Wuu*; Фишера — *wui 168* ‘butyrum, oleum, масло’; с помощью буквы *e* в списке Миллера: *Tédi* — и в списке Фишера с помощью букв *e / ö*: *tédi 223* (*tödi-tuj 49*) ‘albus, белый’.

III.3. Удмуртский гласный *e* в большинстве случаев²¹ передается немецкой буквой *e*. Такой способ передачи встречается практически во всех частях списка.

Второй по частотности способ передачи, который встречается исключительно в последнем слоге многосложного слова, — с помощью буквы *ä*: *ssoräk* ‘pluvia, дождь идет’; *dshidtasä* ‘vesper, вечер (вечером)’; *tschugä* ‘verberare, (он, она) бьет’; *so süllä* ‘stat, он (она) стоит’; *tschuckasä* ‘cras, завтра’; *tunnä* ‘hodie, сегодня’; *ussä* ‘perendie, послезавтра’. Как отмечается в [Кельмаков 1998: 53], во всех удмуртских диалектах фонема *e* в абсолютном исходе слова выступает в открытом варианте, который в публикациях Б. Мункачи отмечался буквой *ä*, в работах же Ю. Вихманна — знаком *ε*, например: (Munkacsi) *kel'tä* ~ (Wichmann) *kel'te* ‘оставляет’. Можно обратить внимание, что в рассматриваемых примерах из материалов Фишера и Миллера передача *e* через *ä* как раз и встречается исключительно²² в последнем открытом слоге многосложного слова. Поэтому гипотеза Л.М. Ившина о том, что передача *e* через *ä* в рассматриваемых словах связана с появлением в отдельных говорах периферийно-южного диалекта гласного *ä*, который развился под влиянием татарского языка, представляется не вполне убедительной. Во-первых, в указанных говорах гласный *ä* появился на месте удм. *a*, а не *e* [Кельмаков 1998: 58]. Во-вторых, очевидно, что в материалах Фишера и Миллера отражение *e* через *ä* характерно лишь для одной, строго определенной позиции.

В двух случаях также зафиксирована передача с помощью сочетания *ie*: в списке Миллера *piél*, в списке Фишера *piéll* 77 ‘auges, ухо’; *sapièk* 102 ‘oscreae, сапоги’.

Таким образом, на основании анализа способов передачи удмуртских звуков *j*, *e* с помощью различных немецких букв выделяются несколько диалектных частей списка:

I часть — №№ 1—25: особая передача удмуртского гласного *e* с помощью *ü*.

II часть — №№ 26—196: стандартная (наиболее частотная) передача всех удмуртских гласных: *e* с помощью *e*; *j* с помощью *i* и *ii*.

III часть — №№ 197—250: особая передача *j* с помощью *e*; *e* с помощью *ii*.

Как показано в работе [Кельмаков 1998], отражение гласных, схожее с передачей, характерной для второй части списка, является наиболее типичным для удмуртских диалектов: оно присуще северным, срединным диалектам, а также большинству южных говоров.

Обратимся к анализу передачи удмуртских фонем, представленной в первой и третьей частях списка. По [Кельмаков 1998], аналогичные изменения рассматриваемых гласных произошли в периферийных южноудмуртских диалектах:

1) удм. *e* (в большинстве удмуртских диалектов — неогубленный гласный среднего подъема среднего ряда) в говорах периферийно-южного диалекта: кукморском, шошминском, бавлинском, татышлинском, красноуфимском, а также в говоре д. Варклет-Бодья (южный диалект) перешло в огубленный гласный среднего подъема передне-среднего ряда, который несколько напоминает аналогичный гласный *o* финского и венгерского языков, но, в отличие от последних, удмуртский *ö*° имеет несколько отодвинутый назад характер, ср. передачу *e* в первой и третьей частях списка как *ii*.

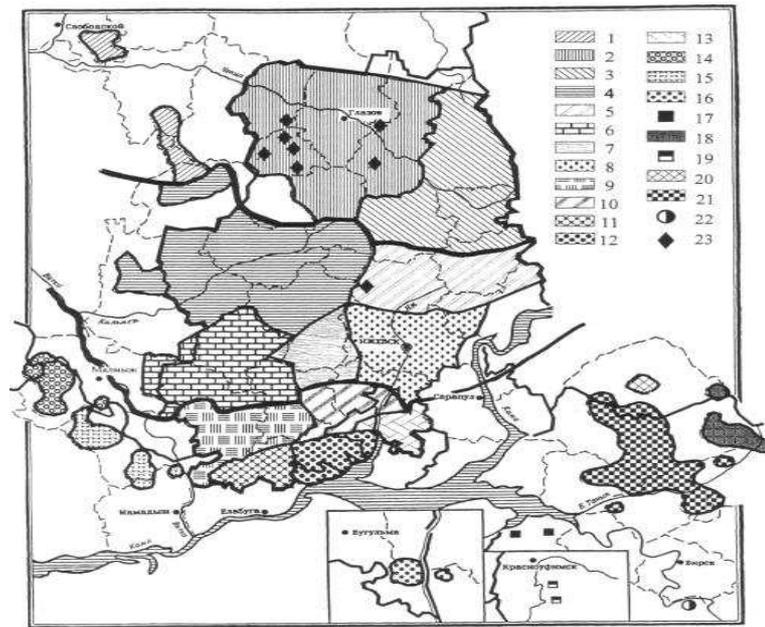
2) удм. *j* (в большинстве удмуртских диалектов — неогубленный гласный верхнего подъема среднего ряда) в красноуфимском говоре (периферийный южный диалект) значительно продвинут вперед, среднего ряда [Насибуллин 1978], ср. передачу *j* как *e* в третьей части списка.

Таким образом, можно предположить, что первая часть материала (№ 1—25) собрана у носителей южных периферийных говоров (кукморского, шошминского, бавлинского, татышлинского), вторая часть материала (№ 26—196) у носителей северных или срединных говоров, а третья часть (№ 197—250) у носителей красноуфимского говора.

Теперь посмотрим, насколько лингвистические гипотезы, сделанные на основании анализа различной передачи удмуртских фонем в трех частях списка, соответствуют маршруту Второй камчатской экспедиции и карте распространения удмуртских диалектов.

²¹ В одном случае он передается с помощью буквы *i*: в списке Миллера *diü*, в списке Фишера *dui* ‘camelus, верблюд’.

²² Единственным исключением является *ssoräk* ‘pluvia, дождь идет’ в списке Фишера, но в этом слове у Фишера, вероятно, как предполагается в [Тепляшина 1965], присутствует опечатка, поскольку у Миллера зафиксирован вариант *ssorä*, который соответствует данным современных удмуртских диалектов. Интересно, что есть лишь один случай передачи *e* через *e* в открытом последнем слоге: *betschkë* [bečke] ‘dolum, бочка’. Вероятно, это исключение объясняется тем, что ‘бочка’ является поздним заимствованием из русского языка, и здесь не идет речь о передаче общеудмуртского *e*.

КАРТА УДМУРТСКИХ ДИАЛЕКТОВ²³**I. Северное наречие:**

1 — нижнечепецкие говоры; 2 — среднечепецкие говоры; 3 — верхнечепецкие говоры (включая тыловый говор).

II. Срединные говоры:

4 — среднезападные говоры (включая прикильмезские говоры); 5 — средневосточные говоры; 6 — привалинские говоры; 7 — нылгинский говор; 8 — приижские: средне- и верхнеижский говоры.

III. Южное наречие:

a) центральноюжный (собственно южный) диалект:

9 — кизнерские и можгинские говоры; 10 — среднеюжные говоры; 11 — граховские говоры; 12 — алнашские (нижнеижские) говоры; 13 — кырымасские говоры;

b) периферийно-южный диалект:

14 — шошминский говор; 15 — кукморский говор; 16 — бавлинский говор (юго-восток Татарстана и прилегающие территории Башкирии); 17 — ташкичинский говор; 18 — татышлинский говор; 19 — красноуфимский говор (в Свердловской области); 20 — шагиртский говор; 21 — буйско-таныпский говор; 22 — канлинский говор.

IV. Бесермянское наречие (23).

Маршрут Второй камчатской экспедиции известен. На территории распространения удмуртского языка он был следующим: Хлынов (Вятка, Киров) — Соликамск — Туринск.

Мы предполагаем, что первая часть списка была собрана у носителей шошминского говора (периферийно-южный диалект), который и сейчас представлен в Кировской области, затем экспедиция въехала в район северных, затем срединных говоров, там собрана вторая, самая большая часть списка, третья часть списка собрана у носителей красноуфимского, самого восточного удмуртского говора, который располагается наиболее близко к Туринску. Возможно, что во времена Второй камчатской экспедиции территории, занимаемые носителями южного периферийного диалекта, были обширнее. Но в любом случае видно, что анализ карты удмуртских диалектов и маршрута Второй камчатской экспедиции точно подтверждает и даже позволяет уточнить результаты, полученные нами с помощью лингвистического анализа списка удмуртских слов.

Итак, проведенное нами исследование показывает: причина передачи удмуртских гласных фонем с помощью различных немецких графем состоит не в том, что Й.Э. Фишер и Г.Ф. Миллер не знали, как записать соответствующий звук, а в том, что список слов был собран в различных диалектных зонах. Анализ распределения различных типов интерпретации гласных по частям списка позволяет выявить их связь с диалектными различиями в собранном материале.

Изучение этих данных и сопоставление их с архивными материалами о маршруте экспедиции может

²³ Публикуется по изданию [Насибуллин 2000].

помочь уточнить границы удмуртских диалектных ареалов в XVIII в. и установить, какие из фонетических изменений, характеризующих диалекты, уже произошли в то время. Представляется, что примененный нами метод может быть использован и при анализе диалектных материалов, собранных по другим языкам Г.Ф. Миллером, Й.Э. Фишером и другими исследователями. Весьма вероятно, что это позволит получить принципиально новую информацию об особенностях диалектов уральских языков прошлых столетий.

Сокращения

диал. — диалект
мар. — марийский
коми

виш. — вишерский
воств. — восточновычегодский
вс. — верхнесысольский
кя. — коми-язьвинский
уд. — удорский

ПП — прапермский
ПУ — прауральский
удм. — удмуртский
гл. — глазовский
юз. — юзовский
фин. — финский
ФП — финнопермский
ФУ — финноугорский

Литература

- Кельмаков 1998 — *Кельмаков В.К.* Краткий курс удмуртской диалектологии: Введение. Фонетика. Морфология. Диалектные тексты. Библиография. Ижевск, 1998.
- Лыткин 1961 — *Лыткин В.И.* Коми-язьвинский диалект. М., 1961.
- Лыткин 1964 — *Лыткин В.И.* Исторический вокализм пермских языков. М., 1964.
- Лыткин, Гуляев 1970 — *Лыткин В.И., Гуляев Е.С.* Этимологический словарь коми языка. М., 1970.
- Миллер 2005 — Г.Ф. Миллер. Описание живущих в Казанской губернии языческих народов, яко то черемис, чуваш и вотяков... (репринт издания 1791): К 300-летию со дня рождения Г.Ф. Миллера // Г.Ф. Миллер и изучение уральских народов (материалы круглого стола) / Hrsg. *Helinski E.* Hamburg, 2005.
- Насибуллин 1978 — *Насибуллин Р.Ш.* Наблюдения над языком красноуфимских удмуртов // О диалектах и говорах южноудмуртского наречия. Ижевск, 1978.
- Насибуллин 2000 — *Насибуллин Р.Ш.* Удмуртские диалекты — идеальный объект для лингвогеографических исследований // *Studia geographiam linguarum pertinentia. Eesti keele instituudi toimetused*, 6. Tallinn, 2000.
- Норманская 2008 — *Норманская Ю.В.* Реконструкция прафинно-волжского ударения. М., 2008.
- Норманская, в печати — *Норманская Ю.В.* Новый взгляд на историю пермского вокализма: описание развития вокализма первого слога в коми и удмуртском языках в зависимости от прапермского ударения и гласного второго слога // Уралистика. СПб, в печати.
- Тепляшина 1965 — *Тепляшина Т.И.* Памятники удмуртской письменности XVIII века. М., 1965.
- Хаузенберг 1973 — *Хаузенберг А.Р.* Названия животных в коми языке // *Keel ja Kirjanclus*. Tallinn. 1973, 8.
- Csúcs 1983 — *Csúcs S.* Egy 18. századi votjak nyelvmemlek // *NyK*. 1983, 2 (85). O. 311—320.
- Geisler 2005 — *Geisler M.* Vokal-Null-Alternation, Synkope und Akzent in den permischen Sprachen. Wiesbaden, 2005.
- Sammallahti 1988 — *Sammallahti P.* Historical Phonology of the Uralic Languages // *The Uralic Languages: Description, History, and Foreign Influences*. Brill, 1988.
- Winkler 1997 — *Winkler E.* Zum Göttinger Vocabularium Sibiricum // *JSFOu*. 1997, 87. P. 281—308.
- WW — *Wichmann Y.* Wotjakische Wortschatz / Aufgezeichnet *Wichmann Y.*, bearb. *Uotila T.E., Korhonen M.*, hrsg. *Korhonen M.* Helsinki, 1987 (Lexica Societatis Fenno-Ugricae, XXI).

SUMMARY

In the first part of the article all differences between I. Fisher's and G. Miller's wordlists are collected and analyzed. In the second part of the article we show that the study of the place of accent in these lists proves that the list of I. Fisher is not a simple copy of G. Miller's one. The place of accent in these lists coincides with the place of accent in etymological analogues of these words in Komi-Yazva language and, seemingly, this accentuation must be reconstructed on the Proto-Permian level. In the third part of the article the reasons for the transfer of Udmurt vowel phoneme are analyzed with help of various German graphemes.

Турецко-монгольское соответствие *a: // i*

Предисловие

О статье Е.Д. Поливанова

Ранее не известная алтаистическая статья Е.Д. Поливанова «Турецко-монгольское соответствие *a: // i*» была обнаружена нами в 2009 г. в пражском архиве Романа Якобсона (ранее Архив Чехословацкой академии наук, ныне Музей чешской литературы — Památník národního písemnictví). Как известно, в этом архиве содержится значительное количество рукописей Поливанова, которые он пересылал Р.О. Якобсону на хранение. В принципе, поливановские работы из этого архива были описаны В.М. Алпатовым и Л.Р. Концевичем и внесены в библиографический список в книге [Поливанов 1968], который включает названия опубликованных работ Е.Д., неопубликованных, а также таких, о которых сохранились какие-то упоминания современников, но при этом сами работы не были найдены. Но название данной статьи не упомянуто ни в одном из разделов этого библиографического списка; очевидно, о ее существовании историкам языкознания не было известно (что подтвердил в устной беседе В.М. Алпатов).

Статья «Турецко-монгольское соответствие *a: // i*» написана на листах той же пачки, что и зафиксированные в библиографическом списке «Материалы по ударению говора Тоса» (ед. хр. «Японскије акцентуованија. Тѣксты, рк., 53 II, 8»), которые два года назад В.А. Дыбо среди нескольких других работ Поливанова по японской акцентологии заказал откопировать в архиве. Поэтому, естественно, при беглом просмотре ее трудно было отделить от этой рукописи¹. Готовясь к докладу «Труды Поливанова по тюркологии» на Поливановском коллоквиуме в Париже в июне 2009 г., я просматривала эти копии и среди них увидела эту статью. Это листы формата приблизительно А3, бланки бухгалтерских ведомостей, видимо, когда-то вшитые в какую-то конторскую книгу. Большая часть бланков, на которых написаны «Материалы по ударению говора Тоса», содержат в верхней графе указание на дату — «Остаток на 1/X 193_ года», что определяет время написания не раньше 1930 г. (скорее даже не раньше 1931, поскольку Е.Д. Поливанов вряд ли мог пользоваться совсем новыми бланками). Последняя страница «Материалов по ударению говора Тоса» написана на другом бланке, без даты; на ее обороте написана последняя страница публикуемой статьи. Все остальные страницы, соответственно, лежат в составе той же пачки дальше (в обратном порядке, если считать от «Материалов по ударению говора Тоса»), их восемь страниц, писаны с обеих сторон каждого листа, почти все на таких же бланках без даты. Последняя страница, т.е. начало статьи, размещена на пустой стороне такого же бланка, сквозь которую просвечивает разграфление с лицевой стороны. Возможно, это конец конторской книги, и статья писалась в перевернутой книге с ее конца. Другой момент, существенный для датировки, — то, что статья написана по следам книги [Владимирцов 1929], которая в тексте упоминается.

При публикации текст статьи, его орфография и пунктуация, а также зачеркнутые (т.е. отвергнутые автором) места воспроизведены полностью. Курсив примеров — наш.

Мы горячо благодарим руководителя архива Музея чешской литературы Надежду Мацурову за любезное разрешение опубликовать статью Е.Д. Поливанова «Турецко-монгольское соответствие *a: // i*».

¹ Между тем сам Поливанов рассматривал эту часть своей работы как отдельную единицу. Об этом свидетельствует, кроме заглавия и содержания работы, его приписка непосредственно под заглавием — мелким почерком, внутри двойных скобок, квадратных и фигурных: «{[Это маленький пустяк — эта статья. Е. Поливанов]}»; пояснение адресовано, по-видимому, его корреспонденту — Р.О. Якобсону.

Евгений Дмитриевич Поливанов (28 февраля (12 марта) 1891, Смоленск — 25 января 1938, Московская область): русский и советский лингвист, теоретик, востоковед и литературовед. Один из основателей ОПОЯЗа, участник Гражданской войны, в конце 1917 — начале 1918 годов — заведующий Восточным отделом Наркомата иностранных дел и один из двух заместителей Л.Д. Троцкого, сотрудник Коминтерна, профессор ряда университетов, активный критик марксизма. Один из основоположников советской социолингвистики и исторической фонологии, создатель оригинальной теории языковой эволюции, автор множества работ по языкам Востока (в частности, создатель используемой ныне русской транскрипции для японского языка) и Средней Азии, разработчик методик обучения русскому языку нерусских, участник языкового строительства. Был арестован 1 августа 1937 года по обвинению в шпионаже в пользу Японии. На суде виновным себя не признал. 25 января 1938 года был расстрелян и похоронен на полигоне «Коммунарка». Реабилитирован 3 апреля 1963 года. (см. www.wikipedia.org; основную информацию по научным взглядам и биографии Е.Д. Поливанова см. в [Ларцев 1988] и [Поливанов 1968]).

Из собственных замечаний Е.Д. Поливанова, разбросанных по различным статьям, можно заключить, что у него имелись, по меньшей мере, значительные подборки этимологических предложений алтайского уровня, иллюстрировавшие различные фонетические соответствия. Дошли же до нас написанными только две его алтаистические работы. Одна опубликована — «К вопросу о родственных отношениях корейского и «алтайских» языков» [Поливанов 1927]. В этой статье он демонстрирует ряд типологических сходств между корейским и «континентальными» алтайскими языками и приводит 15 этимологических сближений, иллюстрирующих соответствия алтайских плавных. Надо сказать, что все эти сближения, в частности, попали в исследования Г. Рамстедта по корейской этимологии (с конца 40-х гг.) и сохранились в позднейшей литературе, кроме двух: тюрк. **kūr* ‘осень’ — кор. *kjeul* ‘зима’ и тюрк. **kyl* ‘зима’ — кор. *kaul* ‘осень’ — Рамстедт доказал, что в древнекорейский период в этих корейских словах было в середине слова впоследствии выпавшее **h*, что затрудняет их сопоставление с тюркскими. Отметим, что во время написания поливановской статьи Рамстедт еще не причислял корейский язык к алтайским, так что здесь, как и во многих других случаях, работа Поливанова несколько опережает свое время; в ней также приводятся и японские сближения. Японский язык Поливанов считал «амальгамированным» из алтайских и австронезийских элементов; до некоторой степени такое воззрение сохраняется и сейчас.

Собственно, соответствие (обеспечивающее еще палатализацию начального согласного в чувашском: тюрк. **tīāl*, чув. *čol*, туркм. *tāš*, монг. *čilaγun*, тунг. *žolo* ‘камень’ и под.) и интерпретация его как праалтайского дифтонга **ia* выдвигались в статье [Владимирцов, Поппе 1924] (повторено во [Владимирцов 1929: 146, § 79], на что ссылается Поливанов). Но Поливанов предполагает это соответствие только для тюркского долгого, из чего делает вывод, что долгий происходит из дифтонга путем стяжения. Идея, что дифтонгичность и есть источник долготы (или наоборот, что долгота дала в чувашском дифтонгизацию) появляется по отношению к этому соответствию впервые у Й. Буденца [Budenz 1865]. Она высказана также у Л. Лигети в работе, опубликованной в 1937 г. по-венгерски и в 1938 г. по-французски [Ligeti 1937, 1938]²; в западной тюркологической литературе она фигурирует до сих пор. Направление фонетического развития принимается в зависимости от принятия — непринятия теории алтайского родства (в случае, если родство не принимается, считают дифтонгизацию долгого гласного внутривчувашским явлением, а монгольские соответствия с *i* — интерпретацией при заимствовании из тюркского языка болгарского типа). Теперь, когда имеется возможность установить пратюркское количество для большого объема слов, легко показать, что этот дифтонг бывает и кратким, и долгим (ср. ПТ **Kiān* ‘кровь’, туркм. *Gān*, хал. *qān*, сал. *Ga(:)n*, як. *xān*, чув. *jon*; ПТ **Kiār* ‘снег’, туркм. *Gār*, як. *xār*, чув. *jor*; ПТ **diāl* ‘камень’, туркм. *dāš*, хал. *tāš*, як. *tās*, чув. *čol*; но ПТ **Kiārī* ‘брюшной жир’, як. *qaha*, чув. *jor-var* ‘скоромная пища’; ПТ **iak-* ‘течь’, туркм. *aq-*, чув. *jox-*). Кроме того, есть случаи, когда вполне надежному пратюркскому **ā* соответствует чув. *o* без всякой палатализации: ПТ **Kār* ‘гусь’, туркм. *Gāz*, як. *xās*, чув. *xor*; ПТ **dāla-* ‘кушать’, туркм. *dāla-*, чув. *tola-*, гесірг. *tola-š-*. Таким образом, количество гласной и ее дифтонгическое качество — два независимых признака в пратюркском и далее в праалтайском, но во времена Е.Д. Поливанова этот вопрос еще не мог быть разрешен по отсутствию больших этимологизированных объемов тюркской и алтайской лексики.

А.В. Дыбо

Сокращения

кор. — корейский
ПТ — пратюркский
сал. — саларский
туркм. — туркменский
тюрк. — тюркский

тунг. — тунгусский
хал. — халаджский
чув. — чувашский
як. — якутский
гесірг. — реципрок

Литература

Владимирцов 1929 — Владимирцов Б.Я. Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхасского наречия. Введение и фонетика. Л., 1929.

Владимирцов, Поппе 1924 — Владимирцов Б.Я., Поппе Н.Н. Из области вокализма монголо-турецкого праязыка // ДАН, В, апрель—июнь, 1924.

² Только открытие первичных долгот в туркменском и других восточно-огузских диалектах привело к доказательству пратюркского характера первичных долгот путем туркменско-якутского сравнения. Об отношении тюркологов к приоритету в этой области — который, похоже, в действительности принадлежит Поливанову, — см. в тексте нашего доклада на упомянутом коллоквиуме — «Les recherches turcologiques de Polivanov» (в печати).

- Ларцев 1988 — Ларцев В.Г. Евгений Дмитриевич Поливанов. Страницы жизни и деятельности. М., 1988.
 Поливанов 1968 — Поливанов Е.Д. Статьи по общему языкознанию. М., 1968.
 Поливанов 1927 — Поливанов Е.Д. К вопросу о родственных отношениях корейского и «алтайских» языков // Известия Академии наук СССР, серия VI, т. XXI, № 15—17. Л., 1927. С. 1195—1204; переиздано в [Поливанов 1968: 156—164].
 Budenz 1865 — Budenz J. Khivai táatarság // NyK, IV, 1865.
 Ligeti 1937 — Ligeti L. A török hosszú magánhangzók // Magyar Nyelv XXXIV, 1938. О. 65—76.
 Ligeti 1938 — Ligeti L. Les voyelles longues en Turc // JA, 1938. P. 177—204.
 Räsänen 1937 — Räsänen M. Über die langen Vokale der türkischen Lehnwörter im Ungarischen // FUF. 1937, XXIV. S. 246—255.
 Räsänen 1949 — Räsänen M. Materialien zur Lautgeschichte der Türkischen Sprachen. Helsinki, 1949.

{[Это маленький пустяк — эта статья. (Подпись Поливанова)]}

Наиболее компетентный из «алтаистов», т.е. работников и создателей алтайской сравн. грамматики «алтайских» языков — Н.Н. Поппе (N. Poppe) говорит, что если в области консонантизма «алтайских» (турецко-монголо-маньчжуротунгусских) языков уже ~~установлены~~ есть определенные компаративные достижения, то компаративная проблема вокализма представляет еще почти вовсе не разрешенную и трудноразрешимую проблему. Это относится между прочим и к вопросу о соотношении турецких (обще-турецких) гласных долгот с гласными других «алтайских» языков — монгольского (или монгольских) и маньчжуро-тунгусских.

Поэтому считаю нелишним обратить внимание на одно соответствие, которое <и> наблюдается в нижеследующем ряде и примеров, и — хотя вовсе не охватывает целиком вопроса о монгольской корреспонденции обще-турецкому *a:*, но может, всё-же рассматриваться, как регулярно-фонетическое соответствие («звуковой закон»): это соответствие «обще-турецк. **a:* долгое // письменно-монгольск. *i* в составе «задних» слогов, иначе говоря *i*, возводимое к **iu* [ɨ]».

Примеры могут быть указаны следующие:

Тур. **ta:š* (якутск. *ta:s*, туркменск. *da:š*, узбекск. «южно-хорезмское», напр. хивинск. *da:š* // северно-узбекск. «огузское», т.е. в говорах кышлаков Икана и Кара-булака *ta:š*; в большинстве прочих тур. языков, где обще-турецкие долгие подверглись сокращению — *taš* и т.п., напр. киргизск. *taš*, казахск. *tas*, ~~и~~ ~~т.д.~~ узб. «кыпчакское» *taš*, узб. иранизованное *toš*) // чувашск. ~~ětš~~, *čul* [соответствие «тур. *š* // чув. *l*» указывает, что данный согласный восходит к особому типу латеральному (**L* у Поппе), вероятно к глухому **l* или к *ʎ* латеральной аффрикате и т.п.] // монгольск. *čīlavun*³ — очевидно из **čūla-vun*, где основой служили первые два слога: **čūla-* // орончонск. «*джоло*» // и наконец корейское⁴ *tol* /-t/ *tor-* [с «двуликой» фонемой «*l / r*», осуществляющейся как *l* в конце слога и как *r* в начале слога — перед гласным] — «камень».

Тур. **sa:ruv* (узб. хивинск. *sa:ru*) «желтый» // монгольск. *sira* ← *sura* «желтый» // чувашск. *šurə* «белый».

Тур. **ta:rt-* (узб. хивинск. *ta:rt*) «нагружать на, тащить на чем-либо» // чувашск. *turt-* [конечное *t* в турецко-чувашском **ta:rt-* является, очевидно, суффиксом, обычным в каузативных (транзитивных) глаголах] // монгольск. *čirva* ← **tirva* ← **turva* «сани, нарты» [Б.Я. Владимирцов, Сравнительная грамматика письм. монг. языка и халхаского наречия. Лгр 1929, стр. 146, §79].

Тур. **ja:z* — вероятно «весна» [м.б. «лето»?] или же «весна и лето, т.е. теплая половина года» (туркм. *ja:ð* «лето», узб. хивинск. и <и> иканско-карабулакск. *ja:z* «лето», якутск. *sa:s* «весна» [с обычными звукоизменениями нач. **j* → *s* и кон. **z* → *s*] // чувашск. *šur* «весна» [с обычным изменением нач. **j* → *š*; соответствие конечных согласных «тур. *z* // чув. *r*» указывает на их происхождение этого ~~этого~~ ~~этого~~ из особого типа **r2* [м.б. недрожящего *r* северно-китайского типа?]) // монг. *nirai* ← **nurai* «новорожденный, свежий» [соотв. «тур.-чув. **j* // монг. *n*» можно считать установленным; иначе говоря общеалтайских носовой [**ñ*] можно признать одним из источников обще-турецкого (турецко-чувашского) начального **j*] // манджурск. *nījarxun* «молодой, свежий, зеленый» // корейск. *ñlam*, *ñlum* «лето».

Турецк. **ja:š* «возраст, год от роду», где *š* из **L* (см. выше по поводу первого примера — «камень») [узб. хив. *ja:š*, якутск. *sa:s* «возраст»] // монгольск. *niłxa* ← **nutqa* «ребенок, животное до одного года, молодой, свежий» // тунгусск. «*näl-ki, näl-kə*» «весна» [Б.Я. Владимирцов, о. с. 1. с.] // ~~корейск. *ñlam*~~ (Возможно, что корейск. *ñlam*, *ñlum* тоже следовало бы отнести именно к данному ряду слов, а не к предыдущему примеру, — так как корейская фонема «*l / r*» [*r* между гласными] может восходить и к звуку типа *l* [**L*] и к звуку типа *r* [**r2*]).

³ *ʎ* = заднее *ɣ*.

⁴ Ибо корейский я тоже считаю возможным причислить к «алтайским» языкам.

Турецк. **ja:š* [где *š* из **L*] // чувашск. *šut* // монгольск. *niḡbusun* ← **nut-bu-sun* ‘слеза’.

Кроме вышеприведенных примеров, в которых всюду имеется общетурецкое **a:*: долгое, Владимирцов (о. с.) приводит еще 2 примера, ~~которые~~ в которых я ввожу обозначение обще-турецкого количества гласного:

1) Турецк. **qa:r* ‘снег’ // ~~чувашск. *jur* ‘снег’~~ (туркменск. *ga:r*, узбекск. хивинск. и иканско-карабулакск. *qa:r*, якутск. *qa:r* [= «*k̄āp*»]) // чувашск. *jur* {сравн. *q* → *j* в чувашском *jun* ← **qa:n* ‘кровь’} // монгольск. *kirtav* ← **qur-tav* ‘иней, мелкий снег’.

2) Турецк. **baš* ‘голова’ [туркм., узб. хив. и икано-карабулакск. *baš* с кратким *a*, тогда как туркм. *ba:š* ‘рана’ имеет, наоборот, долгое *a:*] // монгольск. *bišit-* ~ *bašit-* ‘заниматься, прилежать’ [где *i* ← **u*], *bišivun* ‘смышленный, проворный’.

Но относительно первого из этих примеров можно заметить, что к монгольскому *kirtav* ближайшим в смысловом отношении ~~нужно считать~~ является турецкое *quraw* ← *qurawi* ‘иней’ и таким образом обнаруживается соответствие «тур. *u* // монгольск. **u* → *i*». Что же касается связи с тур. **qa:r* ‘снег’, то (поскольку генетическое родство этого последнего слова с *quraw* ← *qurawi* весьма вероятно) приходится говорить о чередовании *a:* / *u* уже на турецкой (обще-турецкой) почве. Следовательно, ~~корреспондент~~ факты гласных соответствий в этом слове уже иные, чем в вышеприведенных примерах, где мы имеем только «тур. **a:* // монг. **u* → *i*».

Во втором же из последней пары примеров (тур. **baš* и т.д.) мы имеем, во первых, не долгий, а краткий обще-турецкий гласный (**a*), и во вторых, ему отвечает на монгольской почве не только **u* → *i*, но (монгольское) чередование *a* / **u* → *i*. Тут, следовательно, ни турецкий, ни монгольский вокализм не совпадает с фактами вышеприведенных примеров (**ta:š* // **cuḡa-vun* и пр.).

Поэтому два последние примера (**qa:r* // *qur-tav* и **baš* // **buiš* ~ **baš*u-) я считаю нужным устраним из рассмотрения. И тогда на основе оставшихся примеров я считаю возможным уточнить формулировку, данную Владимирцовым (о. с., стр. 145), следующим образом: соответствие «тур. *a:* // монг. **u* → *i*» с монгольским **u* → *i* можно считать доказуемым лишь для обще-турецкого (турецко-чувашского) долгого гласного — т.е. **a:*. Наличные долготы в этом гласном (о.-тур. **a:*) а priori заставляет предполагать ~~более~~ его происхождение из монофтонгизации более древнего дифтонгического сочетания (т.е. двух гласных). Таким образом праформой («обще-алтайской») для тур. **ta:š* можно ~~считать~~ предполагать комплекс **CVVLV*⁵, и именно **tVaLa* (конечный гласный **a* отпал в турецком и корейском, что могло считаться законным, ибо вообще двусложным монгольским основам обычно соответствуют односложные — с утратой конечного гласного; в ороchonском [тунгузском] же это конечное **a* дало *o* [«джоло» // корейск. *tol*]). Первый элемент двугласного сочетания (первого слога) — т.е. *V* в составе **tVaLa*, вероятно, можно отождествить с *i* (или *j*). На это указывает наличие аффрикаты в чувашском, монгольском и ороchonском (*tšut* = «чул», *čila-vun*, «джоло»); кроме того, в монгольском это ~~нрзб~~ **j* обусловило и изменение всего дифтонгического звукосочетания (**ja*) в **u* → *i*. Сравн. аналогичное же (переходу **tj* → чув. *č*) звукоизменение **sj* → *š* в чувашском *šurə* ‘белый’.

Можно думать, что подобного же дифтонгического происхождения было и обще-тур. *a:* в тех словах, где чувашский в соответствии турецкому *q* имеет *j*, т.е. в примерах *qa:n* // чув. *jun* ‘кровь’ и *qa:r* // *jur* ‘снег’ (следовательно *qia:n* → чув. **ja:n* → *jon* → *jun*; то же в **qia:r*).

Правда, ~~нрзб~~ вышевыказанному объяснению чувашского *č* в *čut* противоречит наличие *t* в чувашском *turt-* ‘тащить’ (ибо предполагая происхождение турецкого **ta:r-t-* из **tjar-t-*, мы ожидали бы в чувашском **čurt-*, ~~вместо~~ но не *turt-*); однако, возможно, что в данном чувашском слове (*turt-*) мы имеем просто турецкое заимствование (из *ta:rt-*), хотя и древнее, т.е. до чувашского звукоизменения **a:* → *o* → *u*.

Сокращения к статье Е.Д.Поливанова⁶

монг. — монгольский
о.-тур., обще-тур. — общетурецкий
письм. монг. — письменно-монгольский
тур. — турецкий

туркм. — туркменский
узб. — узбекский
хив. — хивинский
чув. — чувашский

⁵ Где *C* — символ согласного, а *V* — гласного вообще.

⁶ Отметим, что во времена Е.Д. Поливанова название «турецкий» обозначало не только турецкий язык в современном смысле, но употреблялось также и в тех случаях, где мы теперь сказали бы «тюркский». В частности, в публикуемой статье «турецкий» в разных случаях следует читать как «тюркский», «пратюркский» или «обще-тюркский» («стандартный тюркский», т.е. не-чувашский). — Прим. издателя.

Рецензии

© 2010

О.Э. Добжанская

Рецензия на книгу: J. Niemi, A. Lapsui. Network of songs. Individual songs of the Ob' Gulf Nenets: Music and local history as sung by Maria Maksimovna Lapsui. Helsinki, 2004. 202 p.

(Я. Ниemi, А. Лапцуй. Сеть песен. Личные песни ненцев Обской Губы: Музыка и локальная история, спетая Марией Максимовной Лапцуй. Хельсинки, 2004. 202 с.)

Книга финского этномузыковеда Яркко Ниemi и ненецкой журналистки Анастасии Лапцуй является оригинальным исследованием жанра личных песен ненцев, базирующемся на репертуаре одного-единственного исполнителя — Марии Максимовны Лапцуй. Изданная в Хельсинки на английском языке, данная книга рассчитана, безусловно, на англоязычного читателя. Поэтому она малоизвестна в России и еще менее известна среди ненцев, в большинстве своем не владеющих английским языком. Рецензия на книгу написана не только с целью осветить значение данного труда для научной общественности, но и сделать факт публикации книги известным для ненецкой интеллигенции и для всех, интересующихся данным вопросом.

Книга представляет собой результат длительного, скрупулезного труда Я. Ниemi и А. Лапцуй. В Предисловии авторы упоминают, что написание книги заняло 10 лет (с 1993 по 2002 г.), так как потребовалось много времени для многократной проверки песенных текстов, сверки переводов и комментариев, обсуждения материала. Вклад каждого из авторов оказался уникальным. Анастасия Лапцуй в 1987 г. записала коллекцию личных песен своей матери, Марии Максимовны Лапцуй, осуществила переводы песен и комментарии к ним, создала родословные древа ненецких семей; приведенные на страницах книги многочисленные интервью с А. Лапцуй позволяют расширить представление о жанре личных песен в целом. Яркко Ниemi разработал концепцию книги в целом, ему принадлежит нотная запись и музыковедческий анализ музыкальных образцов, теоретические главы, касающиеся музыкального стиля ненецких песен.

Яркко Ниemi — известный финский этномузыколог, посвятивший свою научную деятельность исследованию музыки сибирских народов самодийской языковой группы, автор многочисленных статей и нескольких книг о традиционной музыке ненцев и селькупов. Он продолжает традиции финских ученых, таких как М.А. Кастрен, Т. Лехтисало, К. Доннер, А.О. Вайсянен, внесших большой вклад в научное сибиреведение. Опыт собственной полевой работы среди ненцев, опора на архивные первоисточники XIX—XX вв., методологическая основательность, скрупулезная достоверность в изложении материала являются безусловным достоинством его исследований.

Название книги «Network of songs» на английском языке является весьма емким благодаря слову *network*, имеющему несколько значений ('сеть, сетка, плетенка, схема, цепь'). Одно из этих значений — 'взаимосвязанная система нематериальных объектов' — наиболее подходит по смыслу, так как отражает понимание авторами многоступенчатой системы личных песен, взаимосвязанных с системой родства ненцев. Это название обусловило появление уникального приложения — генеалогического древа ненецких родов (о чем будет сказано позднее).

Исследование включает в себя две части: собственно исследовательскую (изучение жанра личных песен с точки зрения этномузыкологии). Вторая — это публикация собрания 40 личных песен в исполнении М.М. Лапцуй. Особенность публикации в том, что каждая песня представлена в виде отдельной нотной записи с подтекстовкой, песенного текста на ненецком и английском языках, подробного комментария относительно контекста исполнения песни. Репертуар М.М. Лапцуй публикуется впервые, поэтому издание приобретает большую научную ценность первоисточника.

В Предисловии (Раздел 1) авторы оговаривают методологические посылки исследования, где подчеркивается важность лексического элемента (текста песни), соответствующего вокальному напеву.

Они подчеркивают, что цель книги — изучить социальную роль песни как «песенного выражения» личности человека и его роли в обществе, раскрыть роль личных песен для передачи этнокультурного опыта подрастающему поколению.

В Разделе 2 книги содержится обширное вступление, знакомящее читателя с реалиями ненецкой культуры. Здесь приводится историческая и этнографическая информация, касающаяся ненцев, характе-

Добжанская Оксана Эдуардовна: Городской Центр народного творчества, Дудинка.

ристика родового состава ямальских ненцев и ландшафтов местности поселка Ныда, описание жизни Марии Максимовны Лапцуй (1910—1998).

Раздел 3 книги посвящен обсуждению места личных песен в жанровой системе ненецкого музыкального фольклора. Я. Ниemi рассматривает жанр индивидуальных песен *сё* как отдельный сегмент трехчастной жанровой системы ненецкого песенного фольклора (другими сегментами являются, во-первых, песенные повествования *сюдбабц*, *ярабц*, *хынабц*, во-вторых, шаманские ритуальные песни). Автор указывает, что исполнение личной песни не требует от фольклорного исполнителя особой «специализации» и специальных умений, поэтому жанр личных песен является наиболее распространенным.

При характеристике жанра личных песен Я. Ниemi делает много уточнений, касающихся сущностных черт жанра. Он опирается на исследовательский опыт и публикации К. Карьялайнена, Е. Пушкаревой, А. Гомон, Т. Лехтисало, Г. Солдатовой, О. Мазур и др., благодаря чему концепция книги учитывает не только ненецкие реалии, но и данные других локальных культур (нганасан, ханты, манси). Эта сторона исследования является ответом на данный авторами в Предисловии методологический посыл — показать связанность жанра личных песен ненцев с песенной культурой народов Арктики, в контексте которой данный жанр и рассматривается. В частности, личную песню *сё* Я. Ниemi характеризует как специфическое общение, при котором важны ситуация исполнения песни и социальный контекст. Автор настаивает на том, что только с учетом этих составляющих возможно адекватно анализировать песенные тексты. Отмечая постепенный упадок жанра личных песен в современной культуре ненцев на многих территориях, Я. Ниemi называет Ямал и Гыданский полуостров в качестве мест, где традиция личных песен сохраняется, так как сохраняется кочевой образ жизни обитателей тундры. Вместе с тем репертуар хорошего певца может включать все личные песни окружающих его людей прошлого, поэтому этот жанр можно рассматривать как своего рода память этнической культуры.

На этой посылке основывается наиболее оригинальная идея авторов: создание «родословного древа» песен (весь репертуар личных песен, построенный подобно родословному дереву, с ветвями близких и дальних родственников, а также соседей).

Одной из наиболее интересных частей исследования являются таблицы Приложения, на которых представлены схемы генеалогического родства ненецких родов Лапцуй (из которого происходит муж песенницы Тимофей) и Худя (род Марии Максимовны). Эти схемы, включающие по пять колен каждого рода, наглядно представляют место каждого родственника в родословном древе. Генеалогические схемы связаны с песенными образцами: в них обозначены номера песни по нотному приложению, благодаря чему можно соотнести нотную запись песни с местом, которое занимает родственник в семье, и наглядно «увидеть» родственные связи, соединяющие людей одного рода.

Отдельно хочется осветить Раздел 4 «Метод анализа материала» (в скобках заметим: к сожалению, так нечасто исследователь готов донести до читателя собственную методологию исследования!). В нем излагается подробная методология анализа вокальной музыки на основе слоговой сегментации текста, обобщаются методологические наработки, сделанные Я. Ниemi на протяжении многих лет исследовательской работы.

Фундаментальной чертой арктической музыки Я. Ниemi считает ее монохроничность (отсутствие совместного пения, пения в сопровождении игры на музыкальных инструментах). Акцентируя главные стилистические характеристики песенных традиций Арктики (монопольное сольное пение в исполнении певца-солиста, отсутствие аккомпанемента музыкальных инструментов), для ее характеристики Я. Ниemi вводит термин «не-координированная музыкальная традиция» (*non-coordinated musical tradition*). Данный термин нужно понимать в определенном смысловом контексте: как отсутствие сочетания вокальной мелодии с другими инструментами и голосами, с кинетическими движениями. Тем не менее автор рецензии сомневается в корректности термина «не-координированная музыкальная традиция», так как считает, что пение северных народов (в частности, самодийских) представляет собой принципиально иной тип музыкального мышления — вследствие монодии он вполне самодостаточен и не испытывает недостатка в координированности. Я. Ниemi считает, что не координированное в плане звуковысотности и ритмики пение северных народов представляет собой аддитивную¹ (основанную на принципе дополнительности) музыкальную систему.

Огромный интерес вызывает Раздел 5, где представлен песенный репертуар Марии Максимовны Лапцуй. Здесь приведены многочисленные интервью с информантами, в частности, с Анастасией Лапцуй обсуждается тема определения жанра личной песни и отличие ее от песни опьянения (по мнению исследователей, разница между ними заключается только в контексте исполнения песни).

¹ Аддитивными в российском музыковедении принято считать некоторые метрические системы, однако финский автор распространяет это понятие и на звуковысотный аспект (что с учетом содержания публикации вполне правомерно).

Приводятся новые ценные сведения о жанре личной песни как таковом: оказывается, личная песня является средством помнить и любить родственника в своих мыслях. Личную песню М.М. Лапцуй рассматривает как путь раскрытия внутренней сущности человека, поэтому нельзя допускать искажений ритма, мелодики, текста, комментариев и т.д.

В ответ на вопрос: «Есть ли запрет на исполнение личных песен ближайших родственников?» — выясняется, что запрещение касается исполнения песен ближайших (кровных) родственников, к которым относятся родители, родные сестры и братья. На исполнение личных песен более далеких родственников и соседей запрета не существует. В частности, М.М. Лапцуй отказалась исполнить личную песню отца, сославшись на то, что не может произносить его имя после его смерти (хотя, как признает далее М.М. Лапцуй, личные песни содержат не подлинные имена людей, а их прозвища — *перабс*), песню бабушки исполнила фрагментарно. Для характеристики личных песен соседей в исследовании используется понятие родства, принятое в кочевых ненецких стойбищах («родственники по очагу»).

В заключительной части книги «Личные песни как освещение социальных связей ненецкого общества и местной истории» авторы объясняют читателю логику, согласно которой были исполнены песни репертуара М.М. Лапцуй — начиная от песен отдаленных родственников и соседей к более близким родственникам.

Логика книги Яркко Ниemi и Анастасии Лапцуй так же неторопливо и тактично ведет читателя: от подготовительных сведений и знакомства с методологией исследования читатель приближается к постижению подлинных сокровищ устного народного творчества ненцев — собрания личных песен. Книга действительно является подлинным сокровищем для музыковедов, лингвистов, фольклористов, этнографов и всех, интересующихся национальной культурой ненцев, так как впервые вводит в научный оборот большой объем нового, прекрасно документированного материала. Учитывая качество подготовки и продуманность подачи музыкально-фольклорного материала, книгу можно назвать образцовой публикацией устного музыкального творчества.

Review of: Tumurtogoo, D. with the collaboration of G. Cecegdari (eds.). Mongolian monuments in Uighur-Mongolian script (XIII—XIV centuries). Introduction, transcription and bibliography. Taipei. 2006. (Language and Linguistics Monograph Series A—11) ISBN 200610110010001641

The material presented in this volume occupies a very special position in Mongolic linguistic history. While the period of the 13th—14th centuries belongs in the Middle Mongol period, the texts also form part of the Pre-classical Mongol sources. The term Pre-classical Mongol denotes the texts written in Uighur-Mongol script in the 13th—17th centuries. It is thought that, in contrast with the texts written in other scripts, those written in Uighur-Mongol do not always mirror the spoken language of that period in a trustworthy manner.

As mentioned in the «Preface» (p. i), the aim of the compilation was to present the available material, last summarized more than three decades earlier by Ligeti. The volume will be welcomed by everybody interested in this field, as a considerable amount of new material indeed has come to light since the publications of Ligeti. As sometimes this new material was published in quite inaccessible editions, the publication of the whole material in a single volume and a unified transcription creates a turning point in the history of the research field. It is reported by the author that further volumes are ready for publication, presenting the material in 'Phags-pa, Arabic and Chinese scripts.

Before the «Introduction» (p. 1—8), two lists of abbreviations are given, one of the pre-classical Mongolian texts (p. ix—xii), and one of the journals and series (p. xiii—xiv). In the case of the abbreviations of the texts, an alphabetical list would perhaps be more informative.

In the «Introduction», Tumurtogoo discusses the theory that Mongol literacy dates back to the 9th or 10th century. Although he admits that the first records appear only in the 13th century, he argues that the Mongol language mirrored by the texts written in Uighur-Mongol script is more archaic than those in other scripts. While it is true that the mentioned groups of monuments do differ from each other to a certain degree, and Ligeti also pointed out the fact that the Mongol language that appears in these texts might be 100—200 years older, it is clear that the differences are practically minor, and even explainable in terms of dialectal differences, so they do not inevitably serve as reasons for supposing a period of 2—3 centuries of evolution. In addition, it is a known fact that the texts in Uighur-Mongol script appear decades earlier than monuments in other scripts. Until further evidence comes to light, the theory about the earlier literacy of the Mongols should be handled with caution.

The texts are basically grouped according to the technique of visualization (the only exception seems to be the fourth group); thus, the following groups are listed: inscriptions (16 items), xylographs (34 items), manuscripts (70 items), paizi and seal letters (5 items).

The work features six appendices. For researchers of the material, the most valuable one is the «Word-Index of the Preclassical Mongolian Monuments» (p. 283—632). This lists the words that occur in different texts together with their inflectional forms, at the same time indicating the exact location of the occurrence. One regrets that no translation of the lexical material was given. A list of abbreviations indicating the page number where the given text begins would greatly simplify orientation in the volume. At this stage, if one checks a word in the index and wants to trace it in the text, it is first necessary to go to the list of abbreviations, to find out which text is meant by the abbreviation. This is sometimes not an easy task in a list which is not arranged effectively. One must then turn to the «Table of Contents» and search again for the given entry.

This index is followed by a «Selected Index Nominum» (p. 633—640). This part is grouped in personal and tribe names (p. 633—638), place names (p. 638—640) and year names (in Chinese) (p. 640). The first two are further divided, indicating Mongolian, Sanskrit, Arabic, Persian, Turkic, European and Tibetan names. It would be interesting to know if Chinese names occur in these texts. There appears to be some inconsistency in this name index, since names that are clearly of Turkic origin appear under the subtitle Mongolian, e.g. *Alinbuq-a*, *Bolmiš*, *Buyanquli*, *Taš-temür*, *Uiyur*, etc. The names *Alinbuq-a*, *Bolad*, *Bolmiš* by the way appear under both Mongolian and (Arabic, Persian and) Turkic. The name *Bisqarun* ~ *Muskaril* is by no means of Arabic, Persian or Turkic origin, but comes from the name Buscarello de Ghizolfi, a merchant from Genoa. The name *Sočqul* does not exist: the word should be read as *qoyayul-a*. The emendation was proposed by Kara, whose paper appears in the bibliography referring to the given text («A loan contract from Qara Qoto»). Finding *Daidu* (listed among the Chinese names as well), *Sultaniya*, *Süümüř tay*, *Šandu* among the Mongolian place-names is striking. The name *Isigköl* belongs to those rare examples, in which the sequence *si* should not be read as *ši*.

The appendix entitled «Some Examples of Phrases and Expressions» (p. 641—650) has some subtitles, such as «Alliterating words Attr. + N.», «Alliterating words N. + N.», «Synonymous alliterating words» etc. It is not clear (at least for me) what alliterating means here, since these expressions alliterate only as members of this index. This appendix is followed by the «Bibliography» (p. 651—667).

The appendix that is quite misleadingly called «The List of Fragments and Their Original Photo Copies» actually lists the bibliographical data of the first text publications in a facsimile form. The volume ends with photo-reproductions of several texts, entitled «Plates» (p. 675—722). Although the majority of them are of high quality, some of them are merely reproductions of earlier publications, in a quality not appropriate for the 21st century.

According to the author, «While preparing the present volume, almost all the relevant scientific publications for the last over hundred years were reviewed in details. This volume includes a newly revised transcription of all the pre-classical monuments available, featuring both the careful check-ups of all the previous propositions and the compiler's suggestions based on the historical changes of the Mongolian sounds. The suggestions mostly concern such phonetic interrelationships in Mongolian like a formation of the long vowels and diphthongs, as well as a process of the vowel assimilation, differing the present version of the transcription slightly from the others in the past». All these statements would appear to refer to a critical edition of the texts, but the reader will find that this is not the case.

Each text is given in a transcribed form, followed by bibliographical references. The requisites of a critical edition, e.g. references to alternative readings, and problematic readings, are unfortunately omitted, and translation of the texts would also be desirable. In the same manner, a short description of the texts would be informative, indicating for example where they were found, or where they are kept now.

Although the transcription system used here differs only slightly from the traditional one used in scientific works on Mongolistic topics, I am not sure that the texts should be quoted according to the present transcription in the future. In contrast with the earlier transcriptions that followed the principle that one should be able to reconstruct the original text on the basis of the transcription, in this edition the special orthographical features peculiar to this period are completely omitted. Examples are the marking of initial *e* as ' ', the marking of *ö* / *ü* of the initial syllable as *w*, or the special use of letters marking the dental consonants; *ši* is marked instead of the usual *si*, regardless of whether a diacritical mark was used or not. In turn, *š* occurring in foreign elements, and especially in names, is not always marked, cf. *Satilmis* vs. *Bolmiš*. Throughout the work, the different forms of the verb **ügüle*- 'to say' are transcribed as *ögüle*-. This erroneous transcription unfortunately appears in many publications. The verb originates from the noun *üge* 'word', and thus the quality of the initial vowel is not questionable. In turn, this verb probably disappeared from the spoken language, and was reinvented in modern times, in a misinterpreted form with initial *ö*-, cf. Khalkha *ögülex* 'to say, to state, to recount', etc.

Marking long vowels with a colon in the transcriptions in the majority of the occurrences is quite arbitrary, and not confirmed by any written monuments.

To give an example, I will quote here the words transcribed with a long vowel in the first item, that is the Stele of Yisüngge, referred to by Tumurtogoo as Yisüngke: *Sartayu:l*; [*d*]ayu:liju; bayu:ju; jayu:d; ontud(u)lay-a:.

Of course, at the marked places, later stages of Mongolic languages show a long vowel, but their presence from the very beginning of the Middle Mongol period is doubtful. Most of all, the appearance of the long vowel is not preceded by the disappearance of the intervocalic guttural. On the other hand, it is not clear why the vowel *i* is long in every sequence *yi* except the initial ones, cf. the different derivations from the root **koyi*, e.g. *qoyi:na*, *qoyi:či*, or the word *sayi:n* etc. On the other hand, long vowels unmarked in the original, but probably present in the spoken language, do not appear in the transcription, cf. the noun *umda* in «The letter of Ilkhan Abaga» (p. 1267).

Other corrections include transcribing *minü*, *činü* and *inü* instead of *minu*, *činu* and *inu* of the former readings. Such corrections are not confirmed by their declension paradigm and contradict the data available from modern languages.

I hope that features similar to those given above will be taken into consideration during the preparation of the second edition and the volumes presenting the remaining part of the Middle Mongol material. In conclusion, although the volume does have great merits, as a reference book it should be handled with caution.

Крупное достижение монгольской лексикографии

Рецензия на: Монгол хэлний дэлгэрэнгүй тайлбар толь. Таван боть: I (А—Г), II (Д—Л), III (М—С), IV (Т—Хө), V (Х—Я) / Ерөнхий редактор Болд Л. Улаанбаатар, 2008. 3238 х. (Академический толковый словарь монгольского языка / Глав. ред. Болд Л. Т. I—V. Улан-Батор, 2008. 3238 с.)

Рецензируемый словарь по своему объему и охвату различных пластов лексики монгольского языка является самым полным из всех ныне существующих лексикографических изданий. Превосходя их в количественном и качественном отношении, он включает в свой состав 120 тыс. словарных единиц. В нем исчерпывающим образом раскрываются все значения слов. Словарь содержит надежный и добротный иллюстративный материал, взятый из произведений художественной литературы, периодической печати (газет, журналов), различных лексикографических источников, а также из старописьменных памятников на классическом монгольском языке и образцов народной словесности монголов: эпоса, сказок, песен, пословиц и поговорок.

Словарь открывается Указом Президента Монголии Намбарына Энхбаяра об издании «Академического толкового словаря монгольского языка», имеющего исключительно важное значение для сохранения и дальнейшего развития языка монгольской нации в современных условиях, а также для удовлетворения культурно-речевых потребностей коммуникации.

В Предисловии к словарю директор Института языка и литературы АН Монголии академик Б. Тумуртоого отмечает кропотливый и самоотверженный труд большой группы ученых, работавших над созданием пятитомного толкового словаря монгольского языка на протяжении почти трех десятилетий. Авторский коллектив словаря насчитывает 15 человек. Это ученые старшего поколения с большим опытом словарной работы, такие как Б. Амаржаргал, Б. Базылхан, Л. Балдан, Е. Баярсайхан, Б. Сумьябаатар, О. Сухбаатар, Ж. Сэржээ, А. Янжиндолгор, и более молодые специалисты: С. Бат-Эрдэнэ, Ц. Баярсурэн, Д. Болормаа, С. Мөнхсайхан, Э. Пурэвжав, Т. Пурэвсурэн, О. Тунгалаг.

Необходимо отметить, что в течение всех лет работы над подготовкой словаря большую научно-организационную помощь коллективу оказывало руководство Института языка и литературы АН Монголии в лице его директоров — академиков П. Хорлоо (1963—1973, 1986—1988), А. Лувсандэндэва (1973—1986), профессора Д. Ендона (1988—1996) и академика Х. Сампилдэндэва (1997—2006).

Совершенствованию структуры словаря, приемов подачи и толкования заглавных слов в немалой степени способствовало то обстоятельство, что к обсуждению и рецензированию материалов словаря привлекались не только известные монгольские лингвисты (С. Моомоо, Ц. Цэдэндамбаа), но и зарубежные специалисты-филологи, в частности российские (К.М. Мусаев, Г.Ц. Пюрбеев) и китайские (Д. Баатар, Х. Чойжинжав).

Деятельное участие в толковании специальных понятий и терминов принимали видные монгольские специалисты в области науки, техники, экономики и сельского хозяйства. Это помогло обеспечить объективность и правильность дефиниции многочисленных отраслевых терминов. Фактологической базой словаря послужил собиравшийся долгие годы лексический материал, насчитывающий 5 млн карточек.

Во Введении к словарю, написанном его главным редактором академиком Л. Болдом, дан обзор важнейших лексикографических источников с XVIII по XX в. — двуязычных, многоязычных, переводных и толковых.

Монголы имеют очень давние лексикографические традиции. Как известно, первый толковый словарь монгольского языка под названием «Jirüken-ü tolta-yin tayilburi» («Зерцало сердечного покрова») относится к 1305 г. Его создателем был знаменитый ученый-филолог Чойджи-Одсэр. Следующий по времени толковый словарь монгольского языка «Qorin nigetü tayilburi toli» («Двадцатиднокнижник») был составлен в 1708—1717 гг. Спустя два столетия на его основе появился переработанный и расширенный «Gučin jirüyatü tayilburi toli» («Тридцатишестикнижник»).

Кратко остановившись на ранних лексикографических трудах, особое внимание Л. Болд уделяет анализу «Толкового словаря монгольского языка» Б. Шагжи ([Шагжи 1929]), «Краткого толкового словаря монгольского языка» Я. Цэвэла ([Цэвэл 1966]), «Толкового словаря монгольского языка» Ц. Норжин ([Норжин 2001]) и «Большого академического монгольско-русского словаря в четырех томах» ([БАМРС]). Опыт их составления оказал неоценимую помощь коллективу авторов и редакторам томов при подготовке «Академического толкового словаря монгольского языка».

Раздел «О пользовании словарем» посвящен описанию его структуры, особенностям построения словарных статей, принципам семантического толкования разных лексикографических единиц (корневых и производных слов, сложных слов, в том числе и парных, словосочетаний, терминов, пословично-поговорочных выражений и фразеологизмов), а также приемам подачи иллюстративного материала.

Все монгольские слова даются в действующей современной орфографии на кириллице. После заглавного слова приводится его написание на старописьменном монгольском языке. В необходимых случаях при заглавном слове и внутри словарной статьи при соответствующих словах, терминах и словосочетаниях ставятся пометы, указывающие на область знания (например: *амьтан*, *ургамал*, *түүх*), переносное значение (*шилжсэн.*), принадлежность к тому или иному стилю речи — книжному (*бичиг.*), разговорному (*яриа.*) и т.д. Продемонстрируем это на примере одной словарной статьи, взятой из 1-го тома словаря:

АМСАХ *amsaqu*¹ **1.** Идээ ундааны зүйлд ам хүрэх ‘пробовать, отвеживать пищу, напитки’²: **идээ амсах** (идээ будаанд ам хүрэх ‘отведать, попробовать кушанье’), **цай амсах** (аягатай цайнаас өчүүхэн уух ‘отпить немного чаю из чашки’); **2.** цээр. (эвф.) Шингэн зүйл уух ‘пить жидкое, т.е. водку’: **Архийг идээний дээж гэдэг тэр хүндэтгэлд нь таарулж амсах хэрэгтэй** ‘Водку называют первинкой пищи и потому пить ее нужно с почитанием’ (Б. Бааст. Алтайн хөх дөнөн, архи амсдаг) (архи бага зэрэг уудаг ‘малость выпивающий’); **3.** шилжсэн. (перен.) Эдлэх, үзэх, биеэр үзэж өнгөрүүлэх ‘переносить, претерпевать, испытывать’; **жаргал амсах** (жаргал эдлэх ‘испытать счастье’) — **Энэ дэлхийн зол жаргал гэдгийг амсах итгэлээ алдаж болохгүй** ‘Нельзя терять веру в то, что можно испытать счастье на этом свете’ (С. Эрдэнэ. Хонгор зул), **зовлон амсах** (зовлон үзэх ‘терпеть муки, переносить страдания’), **цэнгэл амсах** (цэнгэл эдлэх ‘испытывать наслаждение, блаженство’) — **Тунгалаг сайхан өдөр түмэн бодос баясна, түүний сайхан цэнгэлийг хэзээ бид амсана** ‘Ясному светлому дню радуются тысячи живых существ, когда же мы насладимся их блаженством’ (букв. ‘вкусим от их блаженства’) (Д. Нацагдорж. Зохиолууд), **амсах орон бичиг.** (устар.) (гэрийн баруун өмнө өнцөг ‘правый, юго-западный угол дома’); **4.** шилжсэн. (перен.) Мөчиг тачиг хүрэлцэх ‘едва, кое-как доставать’: **туурга дөнгөж амсаж байна яриа.** (разг.) (хоер туурганы ам хоорондоо арай гэж хүрэх ‘раструбы двух войлочных. стенок едва достают друг друга’); **5.** яриа. (разг.) Туршин үзэх ‘пробовать, отвеживать, проверять’ — **Хоолны давсыг нь амсаж үзэв** ‘Попробовал, как посолена пицца’ [А—Г: 96].

С целью лучшего обзора материала словарной статьи используются разные типы шрифтов: жирный, полужирный; крупный, средний и мелкий; прямой и косой.

Кроме обычной лексики в словарь вошли архаизмы, историзмы, слова и выражения из классического письменного языка, специальные понятия и термины, неологизмы, а также заимствования разного времени из таких языков, как санскрит, тибетский, китайский, маньчжурский, русский и др. Заимствованные слова, в том числе и новейшие термины, появившиеся в последнее десятилетие, оформляются в виде самостоятельных заглавных слов и поясняются монгольскими эквивалентами — словом или словосочетанием, например:

КОМПЬЮТЕР *komputer* цахим ‘электронное устройство’, цахим тооцоолуур ‘инструмент для электронного вычисления’, цахим бичүүр ‘устройство для электронной записи’: **компьютер тоглоом** (цахим тоглоом, компьютерийн дэлгэц дээрх дүрсийг харж, гар, хулганы тусламжтайгаар удирдаж тоглоно ‘компьютерная игра, играют, вода рукой мышку и глядя на изображение на экране компьютера’), **компьютер график** (цахим зураглал ‘компьютерная графика’) [Д—Л: 1147].

БИЗНЕС *bizines* худалдаа наймаа ‘продажа, торговля’ [А—Г: 267].

ДИСК *disk* **1.** зээрэнхий ‘плоский предмет округлой формы’, зээрэнцэг, хавтгай дугариг ‘плоский круглый предмет’; шидэх зээрэнхий ‘диск для метания’; **2.** дүгрэг ‘круг, что-л. круглое’; сарны дүгрэг ‘диск луны’; **3.** дууны бичлэг бүхий нимгэн ялтас, пянз ‘тонкая пластинка с записью звука, грампластинка’; **4.** компьютерийн санамжийг бичлэгээр хадгалж, зөөх ялтас ‘запоминающее устройство компьютера, носитель информации’: **уян диск** ‘гибкий диск’ (зөөлөн эдээр хийсэн ялтас ‘гибкий диск — пластинка, выполненная из мягкого материала’), **хатуу диск** ‘жесткий диск’ (лазер бичлэгтэй пластик хатуу ялтас ‘пластинка из твердого пластика с записью, выполненной лазером’) [Д—Л: 690].

МЕНЕЖЕР *menejir* зохион байгуулагч ‘организатор’ [М—С: 1224].

МЕССЕЖ *messej* **1.** захиа зурвас ‘письмо, записка’ **2.** Сануулга дохио, гар утаснаас дамжуулах үсгэн мэдээлэл ‘сигнал, письменное сообщение, переданное с помощью мобильного телефона’: **мессеж илгээх**

¹ По техническим причинам старописьменные монгольские формы здесь даны в латинской транслитерации.

² Монгольские слова и термины, а также их толкования и текстовые примеры переведены нами на русский язык в целях доступности их понимания. Переводы выделены косым светлым шрифтом.

(гар утаснаасаа үсгэн мэдээлэл илгээх ‘*послать письменное сообщение с мобильного телефона*’) [М—С: 1224].

ЭКОЛОГИ *ekologi* орчин зүй ‘*окружение, среда*’ [Х—Я: 3183].

В словаре учтены закономерные изменения в словообразовании монгольского языка и зафиксировано появление новых значений в семантике отдельных лексем, примером чего может послужить приведенное выше заимствованное слово **ДИСК**, у которого ранее были зарегистрированы только два значения: **1.** зээрэнхий, зээрэнцэг, хавтгай дугариг; ‘*диск для метания*’: шидэх зээрэнхий; **2.** дүгрэг; ‘*диск луны*’: сарны дүгрэг [Дамдинсүрэн 1967].

Насколько полнее дается семантическое описание слова в «Академическом толковом словаре монгольского языка», можно убедиться, сравнив, например, словарные статьи с заголовочным словом — глаголом **НҮЦЭГЛЭХ** ‘*снимать всю одежду, раздевать догола, оголять, обнажать*’ в разных словарях. Так, в «Кратком толковом словаре монгольского языка» Я. Цэвэла у данного глагола отмечено два значения, из которых второе является переносным: **1.** нүцгэн болгох ‘*раздевать, обнажать, оголять*’; **хөл нүцэглэх** ‘*разуваться*’. Усанд орохоор хувцсаа тайлж нүцэглэх ‘*снять с себя одежду, раздеться, чтобы войти в воду*’; **2.** шилжсэн. (перен.) шатраар наадахад эсэргүүцлийн ноеныг ганцаар болгох ‘*оставить партнера с одним королем при игре в шахматы*’ [Цэвэл 1966: 394].

В «Большом академическом монгольско-русском словаре» фиксируется лишь первое значение: ‘*снимать всю одежду, раздевать догола; оголять, обнажать*’; **хөл нүцгэлэх** ‘*обнажать ноги, разуваться*’ [БАМРС 2: 437].

Семантическая характеристика глагольного слова **НҮЦГЭЛЭХ** выглядит намного полнее в «Академическом толковом словаре монгольского языка», в котором указываются четыре значения: **1.** бүх хувцсаа тайчих, нүцгэн болох ‘*снять с себя всю одежду, раздеться, обнажиться*’ — *Эмч хүүхэн Цэрмааг нүцгэлэж, түүний улбагар зөөлөн биеийг барьж үзээд... хэлэв* ‘*Девушка-врач раздела Цэрму и, поцупав ее мягкое, нежное тело, сказала...*’ (Ц. Дамдинсүрэн. Түүвэр зохиол, чармай нүцгэлэх) (эхээс төрсөн биеэрээ болох ‘*совсем оголиться, остаться в чем мать родила*’) — *Хойшоо урагшаа хөөцлдөн гүйлдэж, дээл хувцсаа тайчин чармай нүцгэлээд нуурын гүехэн усанд бужигналдан оров* ‘*Носясь взад-вперед, догоняя друг друга, [дети] скинули с себя одежду и в чем мать родила бросились с шумом-гамом в неглубокую воду озера*’ (М. Твен. Том Сойерын адал явдал); **2.** Амьтны үс ноос, дэл, ургамлын хальс болон ямар нэгэн юмны бүрхүүлийг авах, хуулах ‘*стричь, снимать волосы и шерсть с животных, сдирать пленку с растений, сдирать с чего-л. кожу, покров*’: **хулс нүцгэлэх** (хулсны холтсыг хуулж авах ‘*снимать кору с тростника / бамбука*’); **3.** Шатаар тоглохдоо нөгөө айлын ноеныг ганцаар үлдээх ‘*при игре в шахматы оставить противника с одним королем*’; **4.** шилжсэн. (перен.) Бүх зүйлийг нь дээрэмдэж авах ‘*ограбить, отнять все силой, оставить ни с чем*’ [М—С: 1422].

Составителям словаря пришлось столкнуться с немалыми трудностями, связанными не только с отбором наиболее значимого и ценного материала, но и с его унификацией и объективной интерпретацией. Однако авторам и редакторам удалось достичь главного — дать четкое и правильное толкование заглавных слов, последовательно отразить явления полисемии и омонимии, показать словарное богатство монгольского литературного языка в его прошлом и нынешнем состоянии.

Составление фундаментального труда, каким является рецензируемый словарь, потребовало от авторов высокого профессионализма, огромной эрудиции и колоссальных усилий. Нужно отметить, что словарь издан в прекрасном полиграфическом оформлении и отвечает самым высоким требованиям, предъявляемым к таким трудам. Выход в свет «Академического толкового словаря монгольского языка» можно с полным правом считать выдающимся явлением в научной и культурной жизни Монголии и неординарным событием в истории мирового монголоведения.

Литература

А—Г — Монгол хэлний дэлгэрэнгүй тайлбар толь. Таван боть. I (А—Г) / Ерөнхий редактор *Болд Л.* Улаанбаатар, 2008. (Академический толковый словарь монгольского языка / Глав. ред. *Болд Л.* Т. I (А—Г). Улан-Батор, 2008).

Академический толковый словарь монгольского языка — Монгол хэлний дэлгэрэнгүй тайлбар толь. Таван боть: I (А—Г), II (Д—Л), III (М—С), IV (Т—Хө), V (Х—Я) / Ерөнхий редактор *Болд Л.* Улаанбаатар, 2008. (Академический толковый словарь монгольского языка / Глав. ред. *Болд Л.* Т. I (А—Г), II (Д—Л), III (М—С), IV (Т—Хө), V (Х—Я). Улан-Батор, 2008).

БАМРС — Монгол хэлний дэлгэрэнгүй их толь. Дөрвөн боть. М., 2002. (Большой академический монгольско-русский словарь в четырех томах. М., 2002).

Д—Л — Монгол хэлний дэлгэрэнгүй тайлбар толь. Таван боть. II (Д—Л) / Ерөнхий редактор *Болд Л.* Улаанбаатар, 2008. (Академический толковый словарь монгольского языка / Глав. ред. *Болд Л.* II (Д—Л). Улан-Батор, 2008).

Дамдинсурэн 1967 — Русско-монгольский словарь / Ред. *Дамдинсурэн Ц.* Т. 1. Улан-Батор, 1967.

М—С — Монгол хэлний дэлгэрэнгүй тайлбар толь. Таван боть. III (М—С) / Ерөнхий редактор *Болд Л.* Улаанбаатар, 2008. (Академический толковый словарь монгольского языка / Глав. ред. *Болд Л.* III (М—С). Улан-Батор, 2008).

Норжин 2001 — *Mongᠣᠯ kelen-ü tayilburi toli.* Kökeqota, 2001. (Толковый словарь монгольского языка / Сост. *Норжин Ц.* Хух-Хот, 2001).

Х—Я — Монгол хэлний дэлгэрэнгүй тайлбар толь. Таван боть. V (Х—Я) / Ерөнхий редактор *Болд Л.* Улаанбаатар, 2008. (Академический толковый словарь монгольского языка / Глав. ред. *Болд Л.* V (Х—Я). Улан-Батор, 2008).

Цэвэл 1966 — Монгол хэлний товч тайлбар толь. Улаанбаатар, 1966. (Краткий толковый словарь монгольского языка / Сост. *Цэвэл Я.* Улан-Батор, 1966).

Шагжи 1929 — *Mongᠣᠯ ügen-ü tayilburi toli.* Ulaᠭan-bayadur, 1929. (Толковый словарь монгольского языка / Сост. *Шагжи Б.* Улан-Батор, 1929).

Григорию Цереновичу Пюрбееву 70 лет

20 марта текущего года отметил 70-летний юбилей один из крупнейших монголистов нашего времени — Григорий Церенович Пюрбеев.

Г.Ц. Пюрбеев родился 20 марта 1940 г. в местечке Шатта Приютненского района Калмыцкой АССР. В трехлетнем возрасте вместе с семьей оказался депортированным в Сибирь. Детство провел в деревне Епанешниково Куйбышевского района Новосибирской области. В 1957 г. закончил школу в селе Чумаково Михайловского района той же области, получив аттестат зрелости с похвальной грамотой. Реабилитация калмыцкого народа и восстановление его автономии дали возможность вернуться в родные места.

В 1957 г. Г.Ц. Пюрбеев поступил на калмыцкое отделение историко-филологического факультета Ставропольского государственного педагогического института и закончил обучение в 1963 г. На 4—5-м курсах был студентом-заочником, работал сельским учителем, преподавал калмыцкий язык и русский язык в школе с. Советское Калмыцкой АССР. На формирование научных интересов Г.Ц. Пюрбеева в эти годы оказали влияние профессора Б.К. Пашков, Б.Б. Бадмаев, поэт С.К. Каляев.

В 1963 г. Г.Ц. Пюрбеев переехал в Москву и начал работать в НИИ национальных школ Академии педагогических наук в Секторе родных языков. В 1964 г. поступил в аспирантуру Института языкознания АН СССР. Под руководством Т.А. Бертагаева написал кандидатскую диссертацию и защитил ее в 1969 г. Тема диссертации вскоре стала и темой первой научной монографии Г.Ц. Пюрбеева [Пюрбеев 1972]. В этой работе впервые в монголистике были рассмотрены границы объектов фразеологии, классификация фразеологических единиц, их системно-организующие свойства, а также задачи лексикографической фиксации фразеологизмов с разной степенью устойчивости и образности. На материале халхалмонгольского, калмыцкого и бурятского языков изучена структура, значение, специфика образования и степень употребительности фразеологических единиц. Идеи книги повлияли на дальнейшую разработку проблем калмыцкой фразеологии во фразеологических словарях калмыцкого языка [Пюрбеев 1971; Пюрбеев 1990].

С 1970-х гг. Г.Ц. Пюрбеев по заданию Калмыцкого НИИ языка, литературы и истории начинает последовательно и глубоко исследовать синтаксис простого и сложного предложения калмыцкого языка, специально уделив внимание выражению модальности, типам предикативности, интонационному строению сообщений, формам выражения составного сказуемого, синтаксическим функциям второстепенных членов и полупредикативным (причастным и деепричастным) оборотам. В классификации сложных предложений Г.Ц. Пюрбеев выделил 43 типа конструкций. Благодаря этим работам существенно дополнен список союзных средств, связывающих части полипредикативных конструкций, и уточнены условия их функционирования.

В начале 80-х гг. интерес Г.Ц. Пюрбеева вновь переключился в область лексикологии. В монографии [Пюрбеев 1993б] он обстоятельно проанализировал лексико-семантические процессы в сфере специальных наименований, относящихся к различным областям знаний, рассмотрел специфику терминологической деривации, модели терминов-слов и терминов-словосочетаний, степень их продуктивности, а также роль терминологических элементов (собственно национальных и международных) в современном монгольском языке.

Наряду с этим Г.Ц. Пюрбеев продолжал исследование синтаксиса монгольских языков. Свои наблюдения и выводы он обобщил и развил в своей докторской диссертации «Сложное предложение в монгольских языках (синхронно-типологическое исследование)» [Пюрбеев 1983]; см. также [Пюрбеев 1984]. Типологический подход, впервые примененный в монголистике при рассмотрении структуры предложений близкородственных языков, позволил выявить признаки, характеризующие как общемонгольские черты, так и явления идиоэтнического порядка. Теоретические вопросы синтаксической типологии монгольских языков нашли дальнейшую разработку в серии статей Г.Ц. Пюрбеева, опубликованных в журнале «Вопросы языкознания» в 80—90-х гг. [Пюрбеев 1987, 1988, 1991] и др.

В 80—90-е гг. Г.Ц. Пюрбеевым было начато историко-типологическое изучение монгольских языков с широким использованием данных письменных памятников. В работе [Пюрбеев 1993в] Г.Ц. Пюрбеев установил факторы дивергентных и конвергентных изменений в синтаксисе словосочетаний монгольских языков, дал анализ структурных моделей словосочетаний и типологии их развития.

С 1990-х гг. Г.Ц. Пюрбеев работает и на таких важнейших направлениях монгольской этнолингвистики, как язык и культура, язык фольклорных и письменных памятников монгольязычных народов. Так, в аспекте взаимодействия языка и культуры он исследовал текст калмыцкого героического эпоса «Джангар» [Пюрбеев 1993а]. Эта работа представляет первый опыт комплексного рассмотрения элементов традиционной культуры ойрат-калмыков через призму языка. В ней раскрыта специфика языка эпической поэзии на уровне фонетики, морфологии, лексики, фразеологии и синтаксиса. Большое значение для изучения монгольского фольклора имеет также работа Г.Ц. Пюрбеева по редактированию двуязычного текста академического издания эпоса «Джангар» и двух книг Б.Х. Тодаевой по джангароведению [Джангар; Тодаева 1976, 1999].

В том же русле лежит «Толковый словарь традиционного быта калмыков» [Пюрбеев 1996]. В этом словаре предпринято толкование профессиональной лексики, относящейся к хозяйственному укладу, семейному и общественному быту калмыков, их обрядам, обычаям и вере. Изучение национально-культурной специфики картины мира на материале монгольских языков вылилось также в написание таких статей, как [Пюрбеев 1997, 1999] и под.

Г.Ц. Пюрбеев принял участие в подготовке таких важных для теории и практики национально-языковых отношений коллективных трудов, как «Лингвистический энциклопедический словарь» (1990), «Государственные языки в Российской Федерации. Энциклопедический словарь-справочник» (1995), том «Языки мира. Монгольские языки. Тунгусо-маньчжурские языки. Японский язык. Корейский язык» (1997) в серии «Языки мира», «Языки Российской Федерации и соседних государств», тома 1—2 (1997—2001), «Формирование терминологии на титульных языках республик Российской Федерации и СНГ» (2000).

Основными направлениями научной деятельности Г.Ц. Пюрбеева в 2000-е гг. являются сравнительно-исторические, типологические, грамматические и лексикологические исследования; создание лингвистических баз данных; язык фольклорных и письменных памятников различных периодов; лексикография, терминология, фразеология и ономастика монгольских языков; лингвокультурологическое изучение монгольских языков; исследование национально-культурной специфики языковой картины мира монгольских народов.

Г.Ц. Пюрбеев руководит с российской стороны крупными российско-монгольскими лексикографическими проектами. Во-первых, это вышедший в 2001 г. «Большой академический монгольско-русский словарь» [БАМРС] в четырех томах. В 2004—2006 гг. на его базе под руководством Г.Ц. Пюрбеева была разработана единственная в своем роде электронная база данных «Многоаспектный тезаурус по современной монгольской лексике». С 2006 г. Г.Ц. Пюрбеев и его сотрудники работают над совместным международным проектом РГНФ — МинОКН Монголии «Большой русско-монгольский словарь» в четырех томах, том 1 (2006—2009).

Г.Ц. Пюрбеев всегда уделял и уделяет огромное внимание подготовке кадров молодых монголоведов, постоянно консультирует специалистов из Калмыкии, Бурятии и Монголии. И мы видим, как в этой сфере деятельности проявляются не только его научная эрудиция, но и редкостно высокие душевные качества — его щедрость, выносливость и доброжелательность.

Сегодня калмыковедение и, шире, монголоведение немыслимо без имени Г.Ц. Пюрбеева. Его научные заслуги получили широкое признание в России и зарубежных странах, где изучаются монгольские языки. Признанием большого вклада Григория Цереновича в развитие калмыцкого языкознания является присвоение ему почетного звания заслуженного деятеля науки Республики Калмыкия. Он является членом Бюро Правления Общества монголоведов и редколлегии Бюллетеня этого Общества. В 2000 г. за большой вклад в развитие филологической науки он награжден почетной грамотой Правительства Республики Калмыкия. За заслуги в области монголоведения и развитии научного и культурного сотрудничества с Монголией он был удостоен в 2002 г. государственной награды Монголии — «Медали дружбы».

Читатели научных трудов Григория Цереновича ценят такие проявившиеся в них достоинства настоящего ученого, как любознательность, пунктуальность, точность, стремление к широкому и полному охвату материала.

Коллеги и ученики, редакция журнала «Урало-алтайские исследования» поздравляют Григория Цереновича Пюрбеева со знаменательной датой. Мы желаем ему долгих лет жизни и дальнейшего продолжения его неутомимой работы на благо монгольского языкознания в нашей стране и во всем мире. Спасибо Вам, дорогой Григорий Церенович!

Литература

- БАМРС — Большой академический монгольско-русский словарь. В 4 т.: т. 1 (А—Г), т. 2. (Д—О), т. 3. (О—Ф), т. 4 (Х—Я). М., 2001.
- Государственные языки в Российской Федерации. Энциклопедический словарь-справочник. М., 1995.
- Джангар — Джангар. Героический эпос синьцзянских ойрат-монголов. (Переложение с ойратской письменности (*тодо бичиг*) на современное калмыцкое письмо). В 3 т. Элиста, 2005—2008.
- Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.
- Пюрбеев 1971 — Пюрбеев Г.Ц. Краткий калмыцко-русский словарь глагольных фразеологизмов. Элиста, 1971.
- Пюрбеев 1972 — Пюрбеев Г.Ц. Глагольная фразеология монгольских языков. М., 1972.
- Пюрбеев 1979 — Пюрбеев Г.Ц. Типы сложных предложений в монгольских языках. М., 1979.
- Пюрбеев 1983 — Пюрбеев Г.Ц. Синтаксис сложного предложения монгольских языков (синхронно-типологическое исследование). Автореф. докт. дисс. Л., 1983.
- Пюрбеев 1984 — Пюрбеев Г.Ц. Об актуальности типологического изучения синтаксиса предложения монгольских языков // ВЯ. 1984, 4.
- Пюрбеев 1987 — Пюрбеев Г.Ц. Инфинитные конструкции как объект типологического анализа // ВЯ. 1987, 4.
- Пюрбеев 1988 — Пюрбеев Г.Ц. Синтаксические явления в памятниках монгольского феодально-го права XVII—XVIII вв. // ВЯ. 1988, 4.
- Пюрбеев 1990 — Пюрбеев Г.Ц. Фразеологический словарь калмыцкого языка. Элиста, 1990. (На калмыцком языке). (В соавт. с Э.Ч. Бардаевым и Б.Д. Муниевым).
- Пюрбеев 1991 — Пюрбеев Г.Ц. К типологии развития словосочетаний в монгольских языках // ВЯ. 1991, 3.
- Пюрбеев 1993а — Пюрбеев Г.Ц. Эпос «Джангар». Культура и язык (Этнолингвистические этюды). Элиста, 1993.
- Пюрбеев 1993б — Пюрбеев Г.Ц. Современная монгольская терминология. М., 1993.
- Пюрбеев 1993в — Пюрбеев Г.Ц. Историко-сопоставительные исследования по грамматике монгольских языков. Синтаксис словосочетания. М., 1993.
- Пюрбеев 1996 — Пюрбеев Г.Ц. Толковый словарь традиционного быта калмыков. Элиста, 1996. (На калмыцком языке).
- Пюрбеев 1997 — Пюрбеев Г.Ц. Время и пространство в языковом сознании монголов: способы и средства обозначения // Доклады российской делегации на VII Международном конгрессе монголоведов / Российское монголоведение. М., 1997.
- Пюрбеев 1999 — Пюрбеев Г.Ц. Концепт судьбы в культуре монгольских народов // Общее и восточное языкознание (К 70-летию члена корреспондента РАН В.М. Солнцева). М., 1999.
- Тодаева 1976 — Тодаева Б.Х. Опыт лингвистического исследования эпоса «Джангар». Элиста, 1976.
- Тодаева 1999 — Тодаева Б.Х. Словарь языка ойратов Синьцзяна (по материалам эпоса «Джангар» и полевым записям). Элиста, 1999.
- Формирование терминологии на титульных языках республик Российской Федерации и СНГ. М., 2000.
- Языки мира: Монгольские языки. Тунгусо-маньчжурские языки. Японский язык. Корейский язык. М., 1997.
- Языки Российской Федерации и соседних государств. Т. 1—2. М., 2001.

Григорий Иванович Ермушкин (1932—2010)

3 марта 2010 г. в Москве на 78-м году жизни скончался известный финно-угровед, доктор филологических наук, главный научный сотрудник Института языкознания РАН Григорий Иванович Ермушкин.

Г.И. Ермушкин родился 1 декабря 1932 г. в селе Кельдюшево Лукояновского района (Нижегородская область) в мордовской (эрзянской) семье. В 1947 г. окончил кельдюшевскую семилетнюю школу, в 1951 г. — Лукояновское эрзянское педагогическое училище (с присвоением квалификации учителя начальной школы). Затем по направлению Министерства просвещения РСФСР проработал три года учителем и заведующим Кихчикской начальной школы № 1 Усть-Большерецкого района Камчатской области. В 1959 г. окончил филологический факультет Арзамасского государственного педагогического института по специальности «Русский язык, литература и английский язык». В 1957—1962 гг. работал преподавателем русского языка, литературы, английского языка в школах Амурской и Крымской областей.

Еще в студенческие годы Г.И. Ермушкин неоднократно принимал участие в диалектологических экспедициях, которые проводились под эгидой Института языкознания АН СССР. Склонность к научному труду, исследовательской работе и трудолюбие привели Г.И. Ермушкина в аспирантуру Института языкознания АН СССР, где он учился в 1962—1965 гг. В 1967 г. Г.И. Ермушкин защитил кандидатскую диссертацию на тему «Северо-западные говоры эрзя-мордовского языка», где впервые были исследованы и описаны диалектные особенности большой группы говоров эрзянского языка и влияния на них русского языка. В этом же году Г.И. Ермушкин был принят на работу в сектор финно-угорских языков Института языкознания АН СССР.

В 1997 г. Г.И. Ермушкин защитил докторскую диссертацию на тему «Развитие фонетической системы диалектов эрзя-мордовского языка» на основе ранее опубликованных монографий в виде научного доклада. Г.И. Ермушкин опубликовал более 100 научных работ (из них шесть монографий), относящихся к различным направлениям языкознания и получивших признание как среди финно-угроведов России, так и среди зарубежных коллег. Это работы по ареальным исследованиям (впервые прослежены ареалы распространения фонетических и морфологических явлений в диалектах эрзянского языка); формированию и развитию фонетической системы финно-волжской языковой общности; историко-типологическим исследованиям в области морфологии (эволюция местных падежей в мордовских языках); развитию фонетической системы диалектов мордовских языков; вопросам социолингвистики, историографии и др.

Долгое время Г.И. Ермушкин являлся ученым секретарем, затем заместителем председателя специализированного совета по защите докторских диссертаций по финно-угорским, тюркским, кавказским языкам. Он принимал активное участие в организации международных конгрессов финно-угроведов. Имел звания «Почетный гражданин города Хайдусобосло» (Венгрия, 1977 г.), «Иностранный член-корреспондент Финно-угорского общества» (Финляндия, 1984 г.).

Научную работу Г.И. Ермушкин успешно сочетал с преподавательской деятельностью — читал курсы лекций по различным вопросам мордовского языкознания на национальных отделениях филологического факультета Мордовского государственного университета, Мордовского государственного педагогического института, на финно-угорском отделении Туркуского университета, преподавал современный русский язык в Московском заочном педагогическом институте, мордовские языки в Мордовской студии при Театральном училище им. М.С. Щепкина при Малом театре СССР.

Под научным руководством Г.И. Ермушкина были защищены две кандидатские диссертации (2009 и 2010 гг.) по исследованию финно-угорских (мордовских и марийского) языков.

Г.И. Ермушкин был одним из ярких представителей мордовского народа, сделавшим много для развития финно-угорского языкознания, культуры финно-угорских народов. В памяти учеников живет образ скромного и доброго человека, истинного просветителя мордовского народа.

Л и т е р а т у р а

Официальный сайт ИЯз РАН: <http://www.iling-ran.ru>.

История Мордовии в лицах: Биогр. сб. Книга 2. Саранск, 1997.

Samuel Martin (1924—2009)

On Saturday November 28, 2009, Samuel Elmo Martin, Professor Emeritus of Linguistics at Yale University, passed away at his home in Vancouver, Washington, after a long illness. He was 85 years old. He is survived by his widow, Nancy Rendell Martin, by his son, James Martin and by his daughter, Norah Martin.

Samuel Martin was born on January 29, 1924 in Pittsburg, Kansas. He first came in contact with far eastern languages in a military context. After graduation from the Navy language school as a Japanese Language Officer, he served as a translator during World War II. Returned to the United States, he earned a bachelor's degree in Oriental Languages from the University of California, Berkeley in 1947 and completed his master's degree there in 1949. Moving East, he entered Yale University in September 1949 and — in less than a year — in June 1950, he was awarded a Ph.D. in Linguistics. His doctoral dissertation «Morphophonemics of Standard Colloquial Japanese» was published as a monograph in the Linguistic Society of America's dissertation series.

Upon completion of his Ph.D. Martin joined the Yale faculty where he was named a full professor in 1962. He chaired the Department of East and South Asian Languages and the Department of Linguistics (1967 to 1974) at Yale University. In 1994 he retired from teaching and became an Emeritus Professor at Yale. In the same year, he was awarded the Presidential Medal of Honor by the Republic of Korea for distinguished cultural contributions. Upon retiring he moved to a new home in Washington state, where he devoted the last years of his life to research.

Martin is recognized as an authority on Korean as well as on Japanese. Devising the Yale Romanization system for transcribing Korean in the 1950s, he has left a permanent mark on Korean linguistics in Korea as well as in the West. «A Korean-English Dictionary», first published by Yale Press in 1968, is still a basic reference work [Martin, Lee, Chang 1968]. It is very useful for historical linguists because it includes etymologies for native Korean words. In the 1980s Martin developed a Middle Korean corpus with texts from the 15th and 16th centuries. This research led him to include historical reference into «A Reference Grammar of Korean» [Martin 1992], which was work in progress for four decades. When it was finally ready for publication in 1992, the grammatical lexicon that forms Part 2 of the work (p. 415—955) provided an access to Middle Korean grammar, that is unparalleled in linguistic literature written in languages other than Korean.

Martin's «A Reference Grammar of Japanese» is still considered to be the best source of information about Japanese grammar [Martin 1975]. «The Japanese Language Through Time» [Martin 1987] is a landmark in the study of the structure and history of the Japanese language. The last three chapters constitute an etymological dictionary, supported by a thorough reconstruction of the morphological structures found in the principal parts of speech. These works, however, are not the only monuments to Martin's scholarship. He has published some 25 books, ranging from Japanese and Korean conversational handbooks, textbooks, pocket dictionaries to comprehensive grammars and exhaustive treatments of various aspects of linguistics.

For the readership of «Ural-Altaiic Studies» Samuel Martin will probably be best remembered for his contributions in relation to the genealogical affinity of Japanese, Korean and Altaic. With a subtle wit Martin measures his own position in the Altaic debate using the following rating:

«It should be noted that Illich-Svitych's teacher Ivanov [1986: 60] holds that Turkic, Mongolian and Tungusic go back separately to «east Nostratic», leaving proto-Altaic something of a mirage. <...> I am somewhat friendlier toward Altaic, feeling that it is perhaps more than 50 % likely (and Macro-Altaic rather less than 50 %) but I place the probability that Nostratic is a provable proto-language at no more than 20 %» [Martin 1996: 112].

Though this obituary is not the adequate place for an evaluation of Martin's prolific scholarly work, a brief summary of his major contributions to the field of Ural-Altaiic Studies may be allowed. That Martin's interest reaches as far as Uralic studies, for instance, can be derived from the fact that he writes a review of «The Uralic languages» by Björn Collinder in 1958. Early in his career Martin did extensive field work in the Altaic languages. In 1954 he conducted a research project with native speakers in the Northern Ryukyus, the results of which were published in 1970 in a sketch titled «Shodon: a Dialect of the Northern Ryukyus» [Martin 1970]. The sketch deals with particular phonological problems and includes the entire inflectional morphology, since those are features of Shodon that provide particularly valuable insights into the reconstruction of the Japanese language. In 1961 Martin published the results of his field work on Dagur Mongolian [Martin 1961]. The Dagur monograph, which contains a grammatical analysis and a lexicon together with texts, is still the most comprehensive source of information about that variety of Mongolian.

A breakthrough on the historical comparison of Japanese and Korean is undoubtedly his 1966 language article «Lexical Evidence Relating Korean to Japanese». After approximately two centuries of speculation on the common origins of Japanese and Korean, he is the first to provide a solid foundation of regular sound correspondences established on the basis of 320 lexical etymologies. Comparing Middle Korean with Contemporary Japanese forms, Martin misses some valuable information that can be derived from Old and Middle Japanese phonology, such as vocalism and accentual patterns. Two decades later, in «The Japanese Language Through Time» [Martin 1987], however, he amply bridges this gap in linguistic knowledge. In the article on lexical evidence Martin hints at complementary evidence from grammatical morphology:

«Still, I believe it may be possible to find convincing proof in a few deep-seated grammatical devices shared by Korean and Japanese alone, as I will attempt to show in a later paper on grammatical evidence for the relationship of the two languages» [Martin 1966: 168].

The paper in question, «Grammatical Elements Relating Korean to Japanese», appears in 1968 in the form of a three-page report to a conference proceedings. It includes reference to «morphemes likely to be cognate» in Tungusic, Mongolic and Turkic [Martin 1968: 406]. Martin promises the reader to elaborate the details of his proposals elsewhere [Martin 1968: 405], but this enterprise is postponed to the end of his career. As a contribution to a volume on the prehistory of languages, edited by Lamb and Mitchell in 1991, he publishes a state-of-the-art article, titled «Recent Research on the Relationships of Japanese and Korean» [Martin 1991]. It contains a presentation of segmental phonology, focusing on the conclusions of the 1985 dissertation of his student John Whitman, a comparison of accent patterns with attention to the work of his student Robert Ramsey, and a comparison of grammatical elements, as an updated and expanded version of his earlier work [Martin 1968].

In 1990 he further deals with nominal morphology such as cognate case suffixes and focus particles in «Morphological Clues to the Relationships of Japanese and Korean», adding some remarks on possible cognates in Tungusic, Mongolic and Turkic in the final section [Martin 1990: 498—499]. He turns to a historical comparison of verbal morphology in 1995 («On the Prehistory of the Korean Grammar: Verb Forms») and in 2002 («Coming and Going: Deictic Verbs in Korean and Japanese»). In the conclusion of the first article Martin remarks:

«But this paper is too long, so I will save for another day... the quest for possible cognates in Tungusic, Mongolian, and Turkic languages to match some of the structures discussed here» [Martin 1995: 148].

Working on other projects, having a large backlog of commitments and delayed by vision problems and by his general health condition, Martin did not get the time to specify what he meant by these possible Altaic cognates. Nevertheless, he has directed our attention to a challenging area of Altaic linguistics, still open to future exploration and refinement, namely grammatical morphology. Let us not save it for yet another day.

As far as structural evidence for or against Altaic affinity is concerned, Martin's contribution to Korean Linguistics, «Un-Altaic Features of the Korean Verb», compares features of the Korean verb, with those found in Japanese and, Tungusic, Mongolic and Turkic languages [Martin 1997]. Martin finds that certain un-Altaic features of the Korean verb such as the compounding of verb stems may well have been absent from proto-Korean. The non-usage of the verb stem as a command would therefore be the only significant un-Altaic feature of the Korean verb.

In 1996 Martin publishes «Consonant Lenition in Korean and the Macro-Altaic Question», a monograph of small size (163 p.), with large implications. He addresses the historical weakening of obstruents in Korean and explores the implications of this internal lenition theory for the external comparison with the Altaic languages. The majority of the etymological suggestions will be found in the endnotes, which are almost as long as the basic text.

Personally I did not know Professor Martin well. As a doctoral student at the department of comparative linguistics in Leiden, I was privileged to meet him once at the occasion of the International Conference of Historical Linguistics in Vancouver in 1999. We went out to a Chinese restaurant in a small company consisting of Professor Martin, his wife and family, Ross King, Marc Miyake and some others. I remember a modest man of small stature, dressed in a colorful Hawaiian shirt and covered under a large baseball cap. His looks belied the size of his scholarship. Later, after seeing my doctoral dissertation, he wrote me a couple of encouraging e-mail-messages, calling it «impressive work» and saying that he «expected to learn much from it» and that he «admired the thorough coverage of the literature». He further advised me not to lose contact with Alexander Vovin, who had «recently turned course completely and now rejected the Altaic hypothesis». The respectful way in which he stimulated newcomers like me to the field and urged to adopt a less confrontational approach in Altaic studies characterizes him as a scholar and a person. The concluding line of his monograph on the Macro-Altaic question is a statement that articulates the humor, modesty and caution with which Martin practiced comparative Altaic linguistics:

«This year there will be no Nobel Prize in comparative Altaic» [Martin 1996: 63].

List of selected publications¹

- Martin 1958 — *Martin S.E.* Review of «The Uralic languages» by Björn Collinder // *Language*. 1958, 34. P. 327—328.
- Martin 1961 — *Martin S.E.* *Dagur Mongolian: Grammar, Texts and Lexicon*. Based on the Speech of Peter Onon // *Indiana University Publications Uralic and Altaic Series*. 1961, 4.
- Martin 1966 — *Martin S.E.* *Lexical Evidence Relating Korean to Japanese* // *Language*. 1966. 42. P. 185—251.
- Martin 1968 — *Martin S.E.* *Grammatical Elements Relating Korean to Japanese* // *Proceedings of the VIII International Congress of Anthropological and Ethnological Sciences*. 2. 1968. P. 405—407.
- Martin 1970 — *Martin S.E.* *Shodon: a Dialect of the Northern Ryukyus* // *Journal of the American Oriental Society*. 1970, 90.1. P. 97—139.
- Martin 1975 — *Martin S.E.* *Problems in Establishing the Prehistoric Relationships of Korean and Japanese* // *Proceedings of the International Symposium Commemorating the 30th Anniversary of Korean Liberation*. Seoul, 1975. P. 149—172.
- Martin 1975 — *Martin S.E.* *A Reference Grammar of Japanese*. New Haven, 1975 / revised ed. 1983 / 3rd revised ed. Tokyo, 1988.
- Martin 1978 — *Martin S.E.* *On Comparing the Accentual Patterns of Korean and Japanese* // [Nwun-my] He Wung paksa hwankap kinhyemnonmun-cip (Festschrift for Dr. He Wung). Seoul 1978. P. 563—579.
- Martin 1987 — *Martin S.E.* *The Japanese Language Through Time*. New Haven, 1987.
- Martin 1990 — *Martin S.E.* *Morphological Clues to the Relationships of Japanese and Korean* // *Linguistic Change and Reconstruction Methodology*. (Trends in Linguistics. Studies and Monographs. 45.) / Ed. *Baldi Ph.* Berlin, 1990. P. 483—509.
- Martin 1991 — *Martin S.E.* *Recent Research on the Relationships of Japanese and Korean* // *Sprung from Some Common Source: Investigations into the Prehistory of Languages* / Ed. *Lamb S.M., Mitchell D.E.* Stanford, 1991. P. 269—292.
- Martin 1992 — *Martin S.E.* *A Reference Grammar of Korean*. Tokyo, 1992.
- Martin 1995 — *Martin S.E.* *On the Prehistory of the Korean Grammar: Verb Forms* // *Korean Studies*. 19. 1995. P. 139—150.
- Martin 1996 — *Martin S.E.* *Consonant Lenition in Korean and the Macro-Altaic Question* // *Center for Korean Studies Monograph*. 19. Honolulu, 1996.
- Martin 1997 — *Martin S.E.* *Un-Altaic Features of the Korean Verb* // *Japanese / Korean Linguistics*. 6. 1997. P. 3—40.
- Martin 2002 — *Martin S.E.* *Coming and Going: Deictic Verbs in Korean and Japanese* // *Pathways into Korean Language and Culture: Essays in Honor of Young-Key Kim-Renaud* / Ed. *Lee Sang-Oak, Iverson G.K.* Seoul: Pagijong Press, 2002. P. 373—381.
- Martin, Lee, Chang 1968 — *Martin S.E., Lee Yang Ha, Chang Sung-Un.* *A Korean-English Dictionary*. New Haven, 1968.

¹ A fairly complete list of publications can be found on pp. 267—72 of a Festschrift volume «In Honor of Samuel E. Martin» (in *Japanese Language and Literature*, Vol. 38, № 2, October 2004).

Требования к оформлению статей / Style sheet

Резюме

Просьба приложить к статье два резюме: 1) написанное на языке статьи, 2) написанное на одном из языков сборника (напоминаем, что это русский, английский, немецкий), но не на языке статьи.

Оформление

Допустимые форматы файла: .rtf или .doc

Просим Вас также обязательно присылать текст в формате .pdf либо распечатку!

Должны использоваться шрифты, поддерживающие Unicode.

В начале статьи указывается фамилия автора и место его работы.

Заголовки выделяются **полужирным шрифтом**.

Языковые примеры выделяются *курсивом*; смысловые выделения отмечаются **полужирным шрифтом** или **разрядкой**.

Примеры, которые занимают отдельную строку или абзац, просьба нумеровать; номера ставятся в начале в круглых скобках.

Длинные цитаты даются как отдельный абзац и отделяются в начале и в конце одной пустой строкой.

Цитаты заключаются в «кавычки».

Переводы и значения выделяются ‘одинарными (марровскими) кавычками’.

Просьба не расставлять переносы.

Язык и орфография

В статьях на английском языке просьба последовательно придерживаться британского или американского варианта и соответствующей орфографии; в статьях на немецком языке — старых либо новых орфографических правил.

Если статья написана не на родном языке автора, мы рекомендуем дать текст на вычитку носителю языка.

Библиографические ссылки

В тексте статьи по образцу:

в квадратных [] скобках Фамилия год: страница (страницы) (напр. [Aijmer 1996: 22—25]).

В конце статьи дается список использованной литературы по приводимым ниже образцам.

Если статья написана не на русском языке, то в библиографии к ней работы на русском и других языках с кириллическим шрифтом можно дать отдельным блоком, без латинской транскрипции. В любом случае ссылка в тексте статьи должна соответствовать написанию в списке литературы.

Summaries

Please provide two summaries: 1) in the language of your paper, 2) in one of the languages of the journal (Russian, English, German), but not in the language your paper is written in.

Formatting

The file is to be submitted in one of the following formats: .rtf or .doc.

Please also add either a .pdf version or a hard copy of the text!

Please use Unicode fonts.

Please indicate the author's name and affiliation on the title page.

Headings have to be **boldfaced**.

Use *italics* for language data; **boldface** or **s p a c i n g** for emphasis.

Number language examples which are not in the body of the text; enclose each number in parentheses.

Format long quotations as separate paragraphs; add one blank line before and after them.

Use «double quotes» for quotations.

Use ‘single quotes’ for meanings.

Please do not hyphenate the document.

Language and spelling

In English articles please use consistently either British or American norm and the respective spelling; in German articles please follow either the old or the new orthography rules.

If the paper is not written in the author's native language, we highly recommend to have it checked by a native speaker.

References

In the body of the text please use the following format:

[Name year: page(s)] (e.g. [Aijmer 1996: 22—25]).

In papers not in Russian works in Cyrillic can be listed separately, without Latin transcription. In any case, their spelling must be identical with the references cited in the text.

At the end of the paper add a list of references as exemplified below.

Примеры оформления библиографии / Examples of lists of references

Монография, словарь с именами авторов на титульном листе / Monographic work or dictionary with author's name(s) on the title page

Грунина 1991 — *Грунина Э. А.* Историческая грамматика турецкого языка. М., 1991.

Janhunen 1977 — *Janhunen J.* Samojedischer Wortschatz: Gemeinsamojedische Etymologien. Helsinki, 1977.

Коллективная монография, словарь с именем ответственного редактора на титульном листе / Collection of papers or dictionary with editor's name(s) on the title page

Этническая история 1982 — Этническая история народов Севера / Отв. ред. *Гурвич И. С.* М., 1982.

Lessing 1960 — *Mongolian-English Dictionary* / Ed. *Lessing F.* Berkeley; Los Angeles, 1960.

Статья в коллективной монографии, сборнике / Paper in an (edited) book

Дёрфер 1986 — *Дёрфер Г.* О языке гуннов // Зарубежная тюркология. Вып. 1. Древние тюркские языки и литературы. М., 1986. С. 71—134.

Дмитриев 1958 — *Дмитриев Н. К.* О тюркских элементах русского словаря // Лексикографический сборник. Вып. 3. М., 1958. С. 3—47.

Kiefer, Gyuris 2006 — *Kiefer F., Gyuris B.* Szemantika // A magyar nyelv kézikönyve / Ed. *Kiefer F.* Budapest, 2006.

Nikolaeva 2005 — *Nikolaeva I.* Agreement and linguistic construal // Uralic languages today / Ed. *Fernandez-Vest J.* Paris, 2005.

Статья в журнале / Journal paper

Иллич-Свитыч 1963 — *Иллич-Свитыч В. М.* Алтайские дентальные: *t, d, δ* // ВЯ. 1963, 6. С. 23—45.

Clark 1980 — *Clark L. V.* Turkic Loanwords in Mongol. I: The Treatment of non initial *s, z* // CAJ. 1980. Vol. 24, 1—2. P. 23—45.

Doerfer 1969 — *Doerfer G.* Ein altosmanisches Lautgesetz im Kurdischen // Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes. 1969. Bd. 62. S. 250—263.

Цифровые и интернет-источники / Digital and Internet sources

Helimski 2007 — *Helimski E.* База данных энецкого языка // www.helimski.com, 2007.

Как подписаться / How to subscribe

Стоимость журнала

по СНГ:

- стоимость одного печатного номера журнала — 450 руб;
- стоимость одного электронного номера журнала — 300 руб;

не в странах СНГ:

- стоимость одного печатного номера журнала — 49 €;
- стоимость одного электронного номера журнала — 29 €.

Оплатить журнал «Урало-алтайские исследования» можно:

- В ОТДЕЛЕНИИ ЛЮБОГО БАНКА
- ЧЕРЕЗ СИСТЕМУ PAYPAL

Порядок оформления подписки или покупки одного номера для частных лиц

Оплата через отделения банка

1. Заполните квитанцию об оплате, перечислите деньги на наш расчетный счет через Сбербанк; в настоящее время принимаются только банковские переводы; квитанцию Сбербанка можно вырезать из последних страниц журнала.
2. Информацию об оплате, почтовый или электронный адрес, по которому следует высылать журнал, отправьте по электронному адресу: jurnaluralaltai@mail.ru.
3. Номера два раза в год будут высылаться заказной бандеролью.

Оплата через систему PAYPAL

1. Если у Вас есть банковская карточка и электронный адрес, зарегистрируйтесь на сайте www.PAYPAL.com.
2. Напишите через систему PAYPAL письмо на электронный адрес jurnaluralaltai@mail.ru с информацией о том, какую именно подписку Вы хотите оформить и какую конкретно сумму перевести в качестве оплаты за подписку.

Порядок оформления подписки для организаций

Отправьте запрос по электронному адресу: jurnaluralaltai@mail.ru.

Внимание!

Стоимость подписки включает в себя почтовые расходы и не включает оплату банковских операций.

Journal Price:

for CIS countries:

- price for a single printed issue is 450 RUB.;
- price for a single electronic issue is 300 RUB.;

outside CIS countries:

- price for a single printed issue is 49 €;
- price for a single electronic issue is 29 €.

You can purchase URAL-ALTAIC STUDIES:

- 1) VIA ANY BANK;
- 2) VIA PAYPAL.

How to make a subscription or to purchase a single issue for individuals

Payment via bank transfer:

1. You shall fill the payment receipt, transfer the money to our account via Sberbank. Presently we accept only banking transfer. The Sberbank receipt you can cut out from the last pages of the journal.
2. You shall send your payment details, postal or electronic mail for sending the journal to: jurnaluralaltai@mail.ru.
3. The issues will be sent to you via registered mail biannually.

PAYPAL payment

1. If you have a credit card and an e-mail you can register at www.paypal.com.
2. Send us, please, an e-mail to jurnaluralaltai@mail.ru via PAYPAL system, specifying which kind of subscription you need, and what amount of money you're going to transfer as a payment for subscription.

How to make a subscription for an organization

Send us, please, a request to jurnaluralaltai@mail.ru.

Attention!

Subscription price include postage expenses and does not include banking fees.

Извещение

Форма № ПД-4

ИП Кормушин И.В.,
Москов. фил. ОАО «АИКБ «ТАТФОНДБАНК»
(наименование получателя платежа)

ИНН 772631307908

(ИНН получателя платежа)

№ _____ р/с 40802810041000000004

(номер счета получателя платежа)

в _____ ОАО «АИКБ «ТАТФОНДБАНК», г. Москва

(наименование банка и банковские реквизиты)

к/с 30101810900000000831, БИК 044552831

Оплата журнала:

«Урало-алтайские исследования»

(наименование платежа)

Дата _____ Сумма платежа: _____ руб. ____ коп.

Плательщик (подпись) _____

Кассир

ИП Кормушин И.В.,

Москов. фил. ОАО «АИКБ «ТАТФОНДБАНК»
(наименование получателя платежа)

ИНН 772631307908

(ИНН получателя платежа)

№ _____ р/с 40802810041000000004

(номер счета получателя платежа)

в _____ ОАО «АИКБ «ТАТФОНДБАНК», г. Москва

(наименование банка и банковские реквизиты)

к/с 30101810900000000831, БИК 044552831

Оплата журнала:

«Урало-алтайские исследования»

(наименование платежа)

Дата _____ Сумма платежа: _____ руб. ____ коп.

Плательщик (подпись) _____

Квитанция

Кассир

Информация о плательщике:

(Ф.И.О., адрес плательщика)

(ИНН налогоплательщика)

№

(номер лицевого счета (код) плательщика)

Журнал «Урало-алтайские исследования»

год\№	1	2
2010		

Информация о плательщике:

(Ф.И.О., адрес плательщика)

(ИНН налогоплательщика)

№

(номер лицевого счета (код) плательщика)

Журнал «Урало-алтайские исследования»

год\№	1	2
2010		